

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей
ВЫПУСК ШЕСТОЙ

Москва
1999

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ
СБОРНИК СТАТЕЙ
ВЫПУСК ШЕСТОЙ

Подписано в печать 28.12.1998 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 18 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 473

Типография ГНЦ РФ «НИОПИК»

103031 Москва, Нижний Кисельный пер. 5

ББК 65.7 + 66.4
Б 69

Научное издание

Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск шестой)
М., 1998, 287 стр.

Ответственные редакторы **Исаев В.А., Филоник А.О.**

Сборник статей посвящен актуальным вопросам социально-экономического и общественно-политического развития современного Арабского Востока, которые рассматриваются в страновой и проблемной плоскостях и призваны дать обобщенное представление об основных тенденциях и направлениях политической и экономической динамики региона.

ISBN 5-89394-024-5

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

ПОЛИТИКА СИРИИ: ДОЛГОВРЕМЕННАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ИЛИ ЗАТЯНУВШАЯСЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ?

На проходившем недавно в Израиле международном семинаре, специально посвященном разбору политики Сирии в регионе, стала расхожей брошенная кем-то из участников реплика. По ней, президенту Асаду в шутку рекомендовано ежеутренне первым делом знакомиться со вновь поступившими откликами и суждениями на тему его курса – дабы он сам мог ориентироваться в том, как их целесообразнее аргументировать и объяснять. Шутка, как почти всегда бывает, содержала долю правды. И если серьезно – то процитированная выше фраза передала беспокойство многих исследователей по поводу «закрытости» побудительных мотивов и механизма принятия решений в Дамаске. Все это мало доступно для «углубленного мониторинга» извне, а оттого с трудом поддается стороннему анализу и тем более прогнозу.

И в самом деле: репутация загадочного «дамасского сфинкса», каковую издавна снискал в западных политологических кругах Хафез Асад (а заодно и его режим), остается в силе и по сей день. Быстротечное время – что в политике как раз по-особенному ощутимо – для этого человека будто остановилось. Независимая Сирия «добаассистского» периода прослыла мировым рекордсменом по числу путчей: в среднем раз за полтора года и притом в течение четверти века. И вот в феврале 1963 г. там случился очередной переворот, поименованный позднее «революцией партии Баас». Вследствие этого события один из «молодой поросли» революционеров в погонах вскоре поднялся до дамасских директивных сфер, возглавив ВВС и затем министерство обороны. Постепенно выделившись из когорты офицеров–партьевдвиженцев того времени, именно он в ноябре 1970 г. стоял во главе очередного переворота в Дамаске – как оказалось, последнего, закрывшего эпоху нестабильности. Заручившись «мандатом народного доверия» на президентских выборах весной 1971 г. и затем периодически его возобновляя, он продолжает править Сирией и по сей день. Примерно тем же остался с тех пор и круг его ближайших сподвижников – вице-президенты Зухейр Машарика и Абдель Халим Хаддам, министр обороны Мустафа Тлас и еще несколько поседевших генералов во главе разных спецслужб. Здесь нет никакого сходства с «опасным соседом» – Саддамом: тот взял за правило уничтожать впавших в немилость членов своего «ближнего круга», тем самым обновив его состав уже по несколько раз.

Вследствие общепризнанной ключевой роли Сирии в одном из наиболее застарелых международных конфликтов, арабо–израильском, она всегда привлекала внимание противников и союзников, эмоциональных сопернича-

телей и беспристрастных (не всегда беспристрастных) наблюдателей. Позиция ее соткана из парадоксов: в чем-то она последовательна, а в другом противоречива. Между тем мирный процесс в регионе со скрипом, но все же сдвинулся с места, и в него в разное время так или иначе вовлеклись почти все непосредственно заинтересованные арабские стороны: сначала Египет, потом Иордания и, наконец, ООП. «Почти» – потому что участие Сирии в указанном процессе лишь формально обозначено и после майского (1974 г.) соглашения о разъединении войск практически не прогрессировало. Более того: Сирия приобрела контроль над Ливаном (в экономическом, политическом и в известной мере – территориальном смысле). Оттого Израилю и не суждено «разобраться» с конфликтной южноливанской зоной, диктуют условия Бейрута, – ибо договариваться по-настоящему надо вовсе не с ним, а с Дамаском. Те силы в Ливане и Палестинском движении, что продолжают занимать «позицию отказа» относительно ближневосточного урегулирования (в его реально воплощаемой конфигурации), по-прежнему ищут и находят поддержку опять-таки у Дамаска. Материальная «подпитка» этих сил поступает в основном со стороны Ирана и осуществляется через ту же Сирию. Что касается ее собственного отношения к миротворческому процессу на Ближнем Востоке, то признаки «крайне сдержанного оптимизма» с ее стороны пусть редко, но периодически обозначаются. Далее; дело может доходить до переговоров на уровне экспертов, и сему могут даже сопутствовать «утечки информации» о неких «свидетельствах прогресса». И однако, все непременно заканчивается выражениями глубокого разочарования с сирийской стороны и пропагандистскими призывами к «подлинному урегулированию» – такому, где преамбулой и предварительным условием должно служить возвращение оккупированных Израилем Голанских высот. В отдельные моменты сирийская пропаганда может вполне в духе прежних времен звать арабов «на борьбу с сионистским врагом» – тогда как демаркационная линия через Голанские высоты была и остается самым спокойным из рубежей, пролегающих между Израилем и арабскими странами.

Подобную игру Дамаск ведет уже достаточно долго, и правила ее остаются неизменными. Это в некоторой степени выглядит феноменом, памятуя о том, что современный мир стремительно меняется, а Ближний Восток и подавно. В принципе не меньшее удивление у неискушенного наблюдателя вызывает и тот факт, что дамаский режим на протяжении многих лет демонстрирует поразительную внутреннюю устойчивость; сколько-нибудь внятных сведений о серьезных посягательствах на власть Хафеза Асада из Сирии не поступало, пожалуй, с момента его появления «на самом вершине». Однако это резко контрастирует как с предыдущим бурным историческим опытом этой страны, так и с «жарким» социально-политическим климатом, что вообще присуще ближневосточному региону. А поскольку prerogative принятия ответственных государственных решений здесь всецело принадлежит (или во всяком случае, приписывается) Асаду – то и вменить это достижение в заслугу надлежит лично ему. Отсюда логично прийти к выводу, что выбранная «президентом-вождем» мягко-авторитарная манера правления, – применительно

к конкретным местным обстоятельствам — оказалась вполне оптимальным вариантом.

Американские исследователи начиная с Киссинджера взирают на Асада с несколько академическим любопытством. Их интригует в нем многое, начиная от запоминающегося облика и кончая принадлежностью к богатой на тайны конфессии алавитов. Взгляд израильских аналитиков, естественно, дальше от мистики и ближе к утилитарности: они пытаются нащупать некий общий «алгоритм», который мог бы дать более или менее однозначное понимание мотивов, предопределяющих конкретный образ мышления и дающих ключ к предвидению последующих действий интровертного по характеру сирийского руководителя. «Мы по-прежнему мало знаем о намерениях Сирии, — жаловалась как-то «Джерузалем пост». — Она остается жестко контролируемой диктатурой, и намерения ее совершенно неясны. Процесс принятия решений всецело подконтролен Асаду — а он, по обыкновению, неразговорчив.» [JP, 8.09.1996]. Далее следуют три гипотетических (и совершенно различных) варианта ментальных приоритетов, каковыми он якобы руководствовался в текущий момент (Израиль как раз предпринял тогда на юге Ливана операцию «Гроздь гнева»).

Вариант первый: «Теория отсутствия взаимного восприятия и понимания». Введено в политологический оборот еще раньше, при рассмотрении былых международных кризисов — карибского в 1962 г. и ближневосточного в 1967. Согласно предлагаемой схеме, лидеры-конфронтанты оказались лишены прямого контакта друг с другом и вследствие этого превратно интерпретировали поведение противной стороны.

Вариант второй. Новоизбранный израильский премьер Нетаньяху оказался не склонен возобновлять переговорный процесс с той «путевой отметки», до которой будто бы довел дело его предшественник Перес — а именно, отказался реализовывать обещание предшественника предварить дальнейшее продвижение переговорного процесса с Дамаском выводом войск с Голанских высот. Асад, как предположили в Израиле, счел этот факт достаточным основанием для срыва переговоров — а быть может, и для последующего возобновления военных действий.

Вариант третий: ливанский фактор. Последний воспринимается в Дамаске чрезвычайно серьезно. В этой «подконтрольной» ему соседней стране (хотя и не связанной с Сирией дипломатическими связями) зарабатывают на жизнь до 1,5 млн. сирийцев. Через Ливан проходит и изрядная доля внешних торгово-экономических связей Сирии (коей недоброжелатели режима инкриминируют имеющие будто бы место теневые высокодоходные статьи — потоки контрабандных товаров, транзит наркотиков, оружия и фабрикуемой здесь же фальшивой валюты). Согласно этой логике, главное угрожающее последствие, какое мог предвидеть Асад в связи с вышеназванной израильской спецоперацией — это разрыв сиро-ливанской «пуповины» с последующим бегством толп сирийцев обратно на родину и вытекающей из всего этого масштабной внутренней дестабилизацией. Поэтому задачу сохранения в Ливане устоявшегося выгодного «статус-кво» (притом с невольным участием

Израиля – пусть и не во всем с его согласия) Асад – де счел приоритетной, а решение голанской проблемы задумал отодвинуть на неопределенный срок.

Кроме этих вариантов, возможны и другие – и следовательно, несмотря на долгие наблюдения израильтян за Асадом, он по-прежнему представляется им подобием сфинкса. В этом логическом контексте американская посредническая миссия порою видится им тем неблагоприятным для них фактором, что усугубляет обоюдное непонимание с сирийцами и повышает вероятность непреднамеренной военной коллизии.

К слову сказать, американские эксперты – ближневосточники не остаются перед израильскими коллегами в долгу. К примеру, Д.Пайпс указывает, что анализ сирийской политики принято выводить чаще всего из положения дел в переговорном процессе – но подобная методология кажется ему ошибочной. Даже если пытаться ей следовать, то туманные расплывчатые заявления «по поводу» и сомнительные «признаки прогресса» не могут служить достаточным материалом для серьезного анализа. А главное – если израильтяне считают дело урегулирования важнейшим для Асада, то они попросту заблуждаются. С момента прихода к власти в 1970 г., он установил жесткий полицейский режим, привнес беспрецедентную стабильность в исторически сложившуюся в Сирии анархию – и, помимо прочего, обеспечил традиционно притесняемому алавитскому меньшинству контроль над политическим и военным аппаратом. И задачи сохранения режима и обеспечения беспроблемной передачи власти «из рук в руки» по семейно-клановой линии оказались самыми первыми по шкале его приоритетов, считает Пайпс – тогда как прочее (включая региональные конфликты, межарабские отношения и тому подобные мотивы) использовалось лишь в качестве инструментария при осуществлении этих сугубо внутренних задач. Итак, по мнению Пайпса, Хафез Асад ставит во главу угла следующие приоритетные задачи: выживание «баасистского» режима, обеспечение на будущее верховенствующей роли алавитов (желательно – членов его клана) и сохранение контроля над жизненно важным для Сирии Ливаном. Остальное, включая и возврат оккупированной части Голан – для него уже как бы вторично. Согласно полемически гиперболизированному суждению американского политолога, Хафез Асад, стремясь сохранить в своей стране главенствующее положение для себя, семьи, и конфессии, готов пойти как угодно далеко: ввести демократию либо, наоборот, ее отменить, стать американским союзником, заключить мир с Израилем или, к примеру, развязать войну с Турцией.

Если подобная мотивация сирийской политики приближена к истине, то это коренным образом отличается от тех трактовок, что выводятся из официозных либо пропагандистских заявлений Дамаска (с их извечными клише: «борьба за полное и всеобъемлющее урегулирование», «сионистский враг», с его «американским пособником» и т.д. и т.п.). Что же касается реальных потребностей верховной власти, то об этом в Сирии давно уже не принято говорить открыто. И тем не менее, для этой страны неуклонно приближается «момент истины», в принципе способный внести драматические изменения как в ее внутреннюю жизнь, так и в существование всего региона.

Речь идет опять—таки о конкретной персоне — президенте Асаде, а еще точнее, о состоянии его здоровья. Достоверные сведения на этот счет — тема абсолютно закрытая для непосвященных. Однако по неофициальным данным, сирийский лидер (чей возраст приближается к 70) страдает целым рядом тяжелых заболеваний, одно перечисление которых заняло бы много места. Слухи о его критическом состоянии достаточно регулярно повторяются примерно с начала 1984 г. (когда воспользоваться моментом и перехватить бразды власти попытался его младший брат — тогдашний вице—президент Рифаат Асад). Не только что править, но и просто здравствовать до сих пор ему удается во многом благодаря технологическим достижениям современной медицины и неусыпным заботам врачей. Притом президент, по всем приметам, не утратил «фирменных» властных качеств, и ранее ему присущих — ясности ума, логичности и рассудительности, осторожности. Вряд ли его можно заподозрить в недостаточной озабоченности будущим своего государства — и следовательно, вопрос о преемственности власти должен волновать его, по идее, в самую первую очередь. Но, по наблюдению израильского политолога Итамара Рабиновича, Асад явно рассматривает любую открытую дискуссию на этот предмет или простое напоминание об этом как вызов его власти. [Stability and Change in Syria, 1993, с. 16].

Создавшаяся в Сирии ситуация отнюдь не редкость для современной истории. Вспомним самых знаменитых «геронтократов» эпохи — Сталина и Брежнева, Мао и Ким Ир Сена. Сегодня в арабском мире также немало известных лидеров, достигших преклонного возраста. Но в случае с монархами процедура престолонаследия происходит автоматически. С президентами не так: ведь практически все они выстраивали властную пирамиду «под себя», в течение нескольких предусмотренных конституцией сроков — а преемник, скорее всего, примется на манер фараона возводить новую пирамиду. Рассуждать о властопреемственности в сирийском контексте сложнее всего. Дело не просто и не только в том, что на конкретной политической фигуре замыкается слишком многое. Специфика сирийской ситуации такова, что попытка рассмотреть вопрос о будущем существовании Сирии без Асада — пусть даже в самом первом, поверхностном приближении — наталкивается на информационный вакуум.

Асад стремится избежать дестабилизации выстроенной им системы — как внутригосударственной, так и в региональном плане. Это означает, что его главные помыслы и устремления на склоне лет направлены на придание ей запаса прочности, достаточного для выживания системы и после его ухода. Прибегая к схематизации с известной долей условности и упрощения, можно представить себе все это в виде концентрических сфер. Первая — это внешнее окружение Сирии; вторая — само это государство с его внутренними раскладами и центрами силы; наконец, третья, срединная зона — ближний круг президента.

Информация о том, что происходит во внешней сфере, составляет львиную долю всех проходящих через СМИ новостей и комментариев, которые сколько—нибудь затрагивают Сирию. Поэтому здесь достаточно ограни-

читься констатацией. Судя по опыту предыдущих лет, Дамаск будет как можно дольше держаться сохраняющегося в отношении Израиля статус-кво по типу «ни мира, ни войны». Этот баланс, при всей его кажущейся уязвимости, сделался уже устойчивым; Дамаск успел привыкнуть пользоваться им к своей выгоде и наживать разного рода дивиденды от своей «принципиальности» и «непримиримости». На протяжении последней четверти века он постоянно изыскивает предлоги для того, чтобы не дать себя втянуть в предметные переговоры с «сионистским врагом», тогда как остальные арабские стороны в конфликте (не считая подконтрольного Ливана) давно это сделали. Подобное положение не просто приносило Сирии выгоды – она буквально сроднилась с образом «бескомпромиссного борца», сделавшегося неотъемлемой ее чертой. Сирию трудно уже представить вне этого образа – разрушать который, кстати, совсем не в ее интересах. Прояви она склонность к достижению мира на договорной основе – и тогда отпадает мотивация обладания непропорционально крупными вооруженными силами и рушится оправдание перманентного квазиевонного положения в стране, испаряются легальные резоны сирийского присутствия в Ливане, утрачивается возможность манипулировать «непримиримой» фракцией Палестинского движения, исчезают достаточные прежде основания для получения внешней помощи от Ирана и «арабских братьев» – и т.д. и т.п. Баасистский режим в Сирии приобретает от договорного мира неизвестно что – зато теряет очень многое. А может и лишиться всего: прежние друзья типа исламского Ирана оборотятся в опасных недругов, а нажить новых союзников Дамаск может и не успеть.

Притом из логики рассуждений вытекает, что понятие «Дамаск», «сирийский режим» предполагает некое единоначалие, консолидированную волю. Это именно так, пока под всем этим подразумевают лично Хафеза Асада – его волю, мнение и решение. Даже сохраняя пока способность к единоличному руководству государством, «президент-вождь» все равно затрудняется вносить в его жизнь серьезные изменения, даже если необходимость в них и назрела. Компромисс по стержневому вопросу стал бы для него проявлением слабости; по всей видимости, он видит в этом предвестие катастрофы режима. Определенный резон в таком рассуждении есть. Если позиция Дамаска перестанет быть монолитным понятием (с Асадом или без – будет уже неважно) то она может быть попросту смята. В этом президент наверняка стремится убедить потенциальных претендентов «на престол». Конечно, Сирия в одиночку никак не могла бы рассчитывать на какой бы то ни было «стратегический паритет» с Израилем – ни раньше, ни тем более теперь. Вместе с тем ее претензии на «стратегическое сдерживание» остаются; и что тут от нее зависит – Сирия делает. Как-то: имитирует переговорный процесс (который, строго говоря, таковым еще и не стал), выступает за «полный мир в обмен на полный уход» (тезис, превращающий переговоры в хождение по замкнутому кругу), продолжает культивировать образ «сионистского врага», пытается удержать свой боевой потенциал на надлежащем уровне (привлекая к сотрудничеству испытанных партнеров начиная с России) и даже проводит испытательные пуски новых ракет. И конечно, держит под контролем Ливан, не

торопясь «перекрывать кислород» тамошним отрядам проиранских боевиков («Хизболлах»). Пока у Дамаска не возникнут серьезные мотивы для отказа от этой своей региональной роли, все должно оставаться на предназначенных местах.

Но неотвратно близится момент, когда ситуация изменится вдруг настолько, что играть упомянутую роль Сирия окажется не в состоянии. Речь идет о положении дел в воображаемом «втором круге» выстроенной Асадом системы – то есть, о самой Сирии и обстановке в ней. Рассуждать на внутри-сирийские темы представляется наиболее сложным, ибо присутствуют лишь довольно скудные «установочные» данные и крайне мало текущей информации. Известно, например, что политическая элита в асадовской Сирии состоит преимущественно из алавитов – конфессии, которая составляет примерно 12 % населения страны. Будучи «еретиками» на периферии ислама (притом шиитского), а также издавна притесняемым слоем в традиционном сирийском обществе, алавиты в первой половине 60–х гг. делали карьеру и занимали ведущие позиции в армейской среде и левобаасистском движении – т.е. именно на тех стезях, которыми пренебрегали выходцы из имущих исламо-суннитских и христианских семей. Вот откуда произросла прослойка, что помогает Асаду править Сирией в последние десятилетия, и именно из нее сформирован номенклатурный «ближний круг» президента примерной численностью в два десятка человек. Д. Пайпс в данной связи отмечает, что алавиты стяжали военную и политическую власть, однако не стали покушаться на традиционное влияние суннитской элиты в торгово-экономической и культурной областях. Последней дана либерализация экономики, ей позволено сколько угодно богатеть – но не претендовать на политическую власть. Налицо тот случай, когда лояльность гарантирует стабильность. Кроме того, отдельные сунниты, давние соратники президента, входят и в «ближний круг»; в их числе министр обороны Мустафа Тлас, издавна курирующий внешнюю политику вице-президент Абдель Халим Хаддам, глава МИД Фарук аш-Шараа. Прочим миллионам сирийских суннитов (составляющим большинство населения страны) предназначалась квазисоциалистическая идеология, пропаганда «равных возможностей». Естественно, такое положение удовлетворяло не всех, и самым заметным проявлением недовольства в Сирии стало движение «братьев-мусульман». Поднятые ими бунты в Хаме (1964 и 1982 гг.) были подавлены властями с особой жестокостью, и это оттого, что идейно-политической сердцевиной движения была антиалавитская компонента (а отнюдь не чистый исламизм либо другое.) Памятуя об этом, власти в Дамаске никогда не нагнетали чрезмерную истерию вокруг «угрозы исламского экстремизма» у себя дома. Режиму, где правят алавиты, целесообразней всеми способами подтверждать собственную правоверность, а воинственных оппонентов клеймить как «банду преступников», не вдаваясь в религиозную подоплеку недовольства... Но в более широком плане – противоречие между властью меньшинства и суннитским большинством подобно перманентно висящему над Сирией дамоклову мечу: его нельзя изжить, и трудно «изъять» из него взрывоопасный потенциал.

Другие здешние «вызовы» – более общего характера, в основном социально-экономического. К ним следует отнести безработицу, абсолютное снижение доходов от нефти (2/3 от их общей суммы), уменьшение «бонуса», получаемого от стран Залива, стагнацию курса реформ в экономике и т.д.

Президент Асад, что по-арабски значит «Лев», и в самом деле уделял львиную долю руководящих усилий сохранению внутренней стабильности. И в этом контексте региональная политика режима – в первую очередь есть обеспечение его внутривластных нужд. В тех же целях был внедрен культ личности президента. Со временем отпала необходимость в восхвалении баасистских идеалов «единства, свободы и социализма» (вкупе с образом президента-генерального секретаря ПАСВ) – ибо идеалы не воплотились, лозунги не оправдались, и практическая целесообразность этой идеологии попросту выдохлась. Зато «обожествление» стало распространяться на членов президентской семьи. Правда, в случае с президентским младшим братом – бывшим командующим элитными «бригадами обороны» и вице-президентом Рифаатом Асадом, сие не наблюдалось, поскольку данная персона выглядела во многих отношениях чересчур одиозной. После предпринятой им «демонстрации силы» в начале 1984 г. (конфронтация с рифаатовскими преторианцами с армией) – президент «задвинул» его раз и навсегда, лишил всех полномочий и надолго усладил из страны. Народу как бы предложили о нем забыть.

Зато, когда в 1992 г. умерла мать президента Наиса, на улицах появились ее изображения с нимбом. А еще ранее, со второй половины 80-х гг., особо предупредительным вниманием пропаганды оказалась окружена фигура одного из президентских сыновей, молодого офицера Баселя Асада (1961 г.р.), которого президент совершенно явно прочил в преемники и соответственно ориентировал. Хотя тот изрядно не дотягивал до обусловленного конституцией «президентского» возраста (40 лет) – но Баселю уже были доверены высшие представительские функции и ответственные дипломатические миссии; на верноподданных демонстрациях портреты отца и сына фигурировали рядом. Хафез Асад получил «народное» прозвище Абу Басель (отец Баселя). Но в январе 1994 г. 32-летний майор Асад погиб в автокатастрофе – и Сирия погрузилась в траур. СМИ многократно транслировали слова президента о том, что страна понесла национальную потерю – и это было верно: смерть Баселя оставила вакуум в самом центре властного поля, образованного правящей конфессией, племенем и кланом.

Немного погодя президент Асад сызнова начал «промоушн» другого своего сына – Башара. Тот изучал в Западной Европе офтальмологию, однако был отозван и продолжил образование уже в Дамаске – в военной академии. Вскоре ему был присвоен гвардейский воинский чин, и отец стал передавать те же функции, что ранее Баселю: прием высоких зарубежных делегаций, дипломатические миссии, общее руководство антикоррупционной кампанией и вопросами военно-технического сотрудничества, присутствие на мероприятиях высокого ранга рядом с отцом. По имеющимся отзывам, Башару не присуши ни особое властолюбие отставленного дяди, ни быющая ключом

жизненная энергия покойного брата, ни отчетливая харизма отца. Зато вокруг него сформировалась группа современно мыслящих «молодых реформаторов» – и быть может, президент Асад рассматривает эту модернизацию элиты (вкуче с ее омоложением) как наиболее оптимальный вариант передачи власти по наследству: не «из рук в руки», а «от головы к голове». Вероятнее всего, он заранее принял меры к тому, чтобы склонить всех, кто служит опорой его власти (силовые, конфессиональные, исполнительные структуры и так далее), к одной простой мысли: передача власти по династическому образцу может стать для сегодняшней Сирии оптимальным вариантом и минимальным из возможных зол. С 1994 г. президент постепенно устранил с ключевых генеральских постов «старую алавитскую гвардию» – в том числе: командующего Специальными силами Али Хейдара, начальника армейского разведуправления Меджида Сайда, командующего ВВС Али Малахафджи. Полномочия некоторых других (начиная с начальника военной разведки и замначальника генштаба – всесильного генерала Али Дуба) были усечены. По мнению наблюдателей, это сделано с таким расчетом, чтобы никакая относительно крупная фигура не заслонила среднему сыну из президентской семьи путь к «самоутверждению». Впрочем, «про запас» имеется еще и младший отпрыск Хафеза Асада – Махер, начинающий военную карьеру в рядах гвардии.

Впрочем, расчеты на преемственность, как известно из истории, оправдываются не всегда. Как–никак, а «стабильная» Сирия с 1946 по 1970 гг. пережила 22 переворота. И хотя президент Асад за последние три десятилетия сумел зарекомендовать себя искусным творцом «сдержек и противовесов» – но без него, после него подобные механизмы вряд ли смогут бесперебойно функционировать долго. Как раньше, так и сейчас, на исходе XX века, остаются этнорелигиозные, семейно–клановые факторы и другие – им под стать по степени важности и непредсказуемости. А все это слишком зыбкая субстанция для того, чтобы загадывать далеко вперед.

Имеется и еще одна немаловажная сторона вопроса, касающаяся всего Арабского Востока в целом. (Заметьте – это меньше относится к Израилю, где смена поколений политиков происходит по иным законам, не столь болезненно), 70–летний Асад – наряду с Саддамом Хусейном, королями Фахдом, Хусейном и Хасаном II, Ясиром Арафатом – принадлежит к поколению крупных политиков, чей век на исходе. Приближается момент их ухода. Пока стратегические расчеты аналитиков во многом выводятся из опыта деятельности данной когорты – но в реальности указанную группу знаменитых ближневосточных политиков уже одолевают недуги, усталость и преклонный возраст. Каждый из них, взятый в отдельности, десятилетиями возводил собственную авторитарную пирамиду. И до сего дня эти громоздкие властные конструкции казались незыблемыми – однако жизнь способна опровергнуть самые выверенные расчеты и прогнозы. В этом, быть может, и состоит непреходящая тайна и прелесть бытия.

РЕЖИМ И РЕЛИГИОЗНАЯ ОППОЗИЦИЯ В САР: НОВЫЙ ТУР ОТНОШЕНИЙ

Для сирийского общества характерны исторически сложившаяся многоконфессиональность, наличие различных по численности и степени консолидированности и влиянию на внутривнутриполитическую жизнь религиозных общин, а также жесткая государственная политика, направленная на недопущение религиозной и межобщинной розни.

Наиболее пестрой и разобщенной по идейной и политической направленности общиной продолжает оставаться мусульманская, охватывающая, по оценкам, более 90% населения страны и разделенная на суннитскую и шиитско-сектантскую ветви, имеющие многочисленные разветвления. В первой группе представлены арабы-сунниты, большая часть курдов, турки, туркмены, северокавказские этносы; во второй – шииты-имамиты, алавиты, друзы, исмаилиты, часть курдов и др. Ведущую роль в жизни страны традиционно играют суннитская и алавитская общины.

Вопреки предпринимаемым политическим руководством мерам для сдерживания эволюции мусульманских общин в нежелательном для себя направлении, в Сирии отмечается выраженная тенденция к исламизации общества и политизации верующих, главным образом суннитов. Это создает благоприятные социальные и идеологические предпосылки для возникновения, при стечении определенных обстоятельств, серьезных противоречий в обществе и эксплуатации различными силами внутри Сирии и за рубежом потенциальной ситуации и исламских лозунгов для достижения своих конкретных целей.

Несмотря на то, что активно действовавшее в 50–60-ые годы в Сирии движение "Братьев-мусульман" и связанные с ним экстремистские исламские группировки были полностью разгромлены в период с 1963 г. по 1982 г., анализ современной идеологической и религиозной обстановки в этой стране позволяет констатировать нарастание активности исламистов, выступающих с оппозиционных нынешнему режиму позиций. Наряду с участвовавшими в последнее время случаями завуалированной критики властей, их внутри- и внешнеполитического курса в ходе регулярных проповедей в мечетях (которых насчитывается около 2500, что уже само по себе может свидетельствовать о масштабах воздействия на умы) отмечается создание новых экстремистских исламских организаций, ставящих задачу свержения вооруженным путем нынешнего режима. Так, в начале 1996 г. местными спецслужбами была вскрыта нелегально действующая в Сирии с конца 1995 г. организация т. н. исламских ваххабитов с опорными пунктами в Дамаске и Алеппо, в состав

которой входили представители сирийской технической интеллигенции, и деятельность которой финансировалась частью торговой суннитской буржуазии Дамаска.

По некоторым оценкам, разделяемым и представителями правящего режима, основными причинами активизации деятельности исламистов послужили ухудшающее экономическое положение в стране, снижение жизненного уровня населения и, как следствие, рост социальной напряженности. Сыграли свою роль и начавшиеся переговоры о мире с Израилем, что привело к формированию определенного "комплекса поражения" среди широких сирийских масс. Существенное влияние оказал и внешний фактор – события в Алжире, Египте, воздействие иранской и саудовской пропаганды.

Одной из причин, способствующих превращению Сирии вновь в поле деятельности экстремистских религиозных структур, могло бы быть, по мнению некоторых западных наблюдателей, вступление Сирии в переговоры с Израилем, что может спровоцировать распространение на эту страну всплеска исламского экстремизма из Алжира. Однако подобные ожидания не оправдываются. Нынешнее же положение в Сирии, как представляется, пока исключает возможность возрождения исламского экстремизма. По мнению официальных сирийских лиц, в Сирии в настоящее время нет "братьев" с крайней идеологией, и они едва ли вернутся к своей деятельности. Возможно, такие заявления имеют под собой определенную основу, обусловленную тем, что страна изменяет и переоценивает некоторые подходы к организации внутренней политической жизни, усиливая в ней элементы, которые можно трактовать как ограниченную демократизацию и смещение акцента в сторону видимых политических послаблений.

Среди других факторов, которые могут способствовать росту экстремизма, можно выделить, в дополнение к сказанному, такие, как, например, снижение жизненного уровня населения, рост безработицы среди молодежи и ухудшение социальной защищенности в целом, идеологическое давление со стороны режима на творческую интеллигенцию, разрастание беднейших слоев населения за счет размывания и истончения среднего класса, своего рода демонстрационный эффект от проведения рядом государств региона политики, направленной на поддержку местных религиозных организаций и их руководств с целью их использования в политической игре. Это было одним из важных факторов осложнения ситуации в ряде стран, в том числе и в Сирии, так как стиль действий региональных организаций очень близок сирийским "братьям", которые всегда шли на крайние действия для достижения цели.

По оценке одного из влиятельных деятелей сирийского бизнеса, который играет существенную роль во внутривнутриполитической жизни страны, хотя эта роль не имеет четких и рельефных внешних проявлений, в современных условиях возврат к экстремизму едва ли возможен, поскольку наличие только одного религиозного фанатизма не приводит, как правило, к экстремизму без политических и экономических причин. Если даже предположить, что экономические факторы недовольства имеются, то политическая составляющая, способная спровоцировать религиозный подъем, в Сирии не просматривается, так как население в целом поддерживает правящий режим, поскольку он способен цементи-

ровать нацию и служить гарантом социального и политического спокойствия, поддерживаемого социально ориентированной политикой, даже при всех ее недостатках и просчетах.

Тем не менее, в сирийском руководстве осознают, что рост религиозных настроений в стране в настоящее время невозможно повернуть вспять, и главной задачей в этой связи становится придание процессу исламизации контролируемого характера, не несущего в себе угрозы режиму. Одновременно местным спецслужбам поставлена задача усилить работу в местных и зарубежных исламских центрах с целью нейтрализации их усилий, контроля за их деятельностью и предотвращения провокаций.

В настоящее время режим в большей степени обеспокоен не столько внутренней радикальной исламской оппозицией, которая, несмотря на ряд досадных накладок, в целом уверенно контролируется органами безопасности, сколько ее связями с зарубежными исламскими фундаменталистскими организациями и активно развивающимся процессом массовой исламизации сирийского общества.

Освобождение из тюрем около 2400 политзаключенных, большинство из которых принадлежат к группировке "Братья – мусульмане" и обвиняются в причастности к незаконной деятельности, вызвало значительное удовлетворение в широких слоях населения страны и стало значимым явлением в отношениях между властями и оппозицией в настоящее время, способным, видимо, и в будущем сыграть свою роль. Такой шаг не может не иметь положительных последствий, поскольку Х.Асад издал президентский указ о помиловании и остальных заключенных, обвиненных в экономических, гражданских и военных преступлениях, численность которых достигает около 300 тыс. человек.

Освобождение заключенных в конце 1995 г. совпало с указом о помиловании одного из руководителей "братьев" верховного контролера Абдель Фаттаху Абу Гуды после его 13-летней ссылки и признания им ошибок.

Абдель Фаттаху Абу Гуде, который с 1969 г. по 1975 г. возглавлял организацию и имел широкие связи и авторитет среди зарубежных центров "братьев" в ходе ряда закрытых встреч с президентом Х.Асадом, последний поставил задачу убедить представителей зарубежных филиалов "братьев" прекратить подрывную деятельность против режима и вернуться в страну в качестве законопослушных граждан. Одним из важных результатов деятельности Абу Гуды явилось распространенное в начале 1997 г. заявление иорданского филиала организации ("Фронт исламского действия", лидер Исхак Фархан) с осуждением взрывов в Дамаске, в котором так же содержался призыв к членам организации начать диалог с сирийскими властями.

В июне 1997 г. лидеры иорданских "братьев" вновь сделали заявление в поддержку политики сирийского режима в связи с предпринятыми им мерами по налаживанию отношений с Ираком и высказались за возвращение "братьев" в САР на предложенных сирийским руководством условиях (отказ от политической деятельности, создание партии и собственного печатного органа, публичное покаяние за прошлую террористическую деятельность).

Удалось также наладить контакты с представителями "братьев" в Саудовской Аравии и их лидером Хасаном Хувейди, известным своей умеренной позицией в религиозных вопросах.

Однако после ухода в 1996 г. со своего поста Х.Хувейди и кончины в феврале 1997 г. Абу Гуды сирийский режим потерял важный канал воздействия на саудовских "братьев", к руководству которыми в настоящее время пришли экстремистски настроенные элементы в лице Али Садруддина Аль-Байнуни, которые согласны вернуться в Сирию при условии, что им будет разрешено заниматься политической деятельностью.

В то же время режиму, при посредничестве министра культуры САР Н.Аттар, удалось договориться с ее братом М.Аттаром, возглавляющим зарубежный филиал "братьев" в ФРГ, об отказе от враждебных режиму политических акций внутри САР и за ее пределами. Определенные подвижки наметились и в переговорах с лидером созданного в феврале 1990 г. в Париже проиракского Национального фронта спасения Сирии Аднаном Саадэddином.

Серьезное внимание сирийское руководство уделяет работе по каналам внешних связей (МИД, ПАСВ, спецслужбы) с исламскими радикальными организациями в арабских странах, прежде всего в Алжире и Судане, а также в Иране и Турции. Занятая Сирией твердая позиция на переговорах с Израилем была позитивно оценена лидерами исламских радикальных группировок. В феврале 1997 г. Дамаск посетили лидеры алжирского "Хамаса" Махфуз Нахнах и суданского "исламского патриотического фронта" Хасан Тураби. В марте 1998 г. в адрес президента Х.Асада поступили послания лидеров "Исламского Джихада" Рамадана Шалляха и ливанской "Хизбаллы" с поддержкой внешнеполитического курса САР и предложениями оказать помощь в борьбе с Израилем.

Но в то же время неудачей пока окончились предпринимаемые режимом попытки по созданию так называемой исламской партии, преимущественно из числа суннитов, во главе с известными представителями религиозного истеблишмента САР М.Шейхо и Р.Бути с тем, чтобы в дальнейшем интегрировать ее в существующую политическую структуру (ПНФ) и таким образом направить исламские настроения в официальные юридические каналы. Выражая полную лояльность режиму и лично президенту, верховный муфтий САР А.Кефтару, а также М.Шейхо и Р.Бути высказались против подобной идеи, мотивируя свою позицию тем, что, во-первых, большинство членов ПНФ – мусульмане, а, следовательно, выражают интересы большинства населения страны, а, во-вторых, создание подобной партии при наличии в стране представителей других религий неминуемо привело бы к их стремлению создать собственные партии и, как следствие, возможному обострению конфессиональной розни. На деле же, указанные деятели, видимо, опасаются утратить свой авторитет в мусульманских массах и быть обвиненными в неприкрытом коллаборационизме с властями, которые в общественном сознании оппозиционно настроенных контингентов населения не ассоциируются все же полностью с исламистскими представлениями об организации госинститутов, методов управления, идеологической ориентации и т. п.

Тем не менее, президент Х.Асад не отказался от идеи создания подобной партии. При этом он, по всей видимости, исходит из следующих соображений. Во-первых, учитывая опыт выборов в Народное Собрание САР в 1994 г., когда большинство получивших мандаты независимых кандидатов опирались на поддержку улемов и представителей суннитской торговой буржуазии Дамаска, Асад опасается, что в ходе намеченных на конец 1998 г. выборов в парламент число независимых депутатов, пользующихся поддержкой указанных кругов, может существенно возрасти.

Во-вторых, в условиях нерешенного окончательно вопроса о преемственности власти, в случае внезапного ухода Х.Асада, вероятно, может образоваться политический вакуум и начнется острая междоусобная борьба за власть, на волне которой нельзя исключить приход к руководству в Сирии исламских радикалов. Подобные опасения испытывают и западные представители в Дамаске, прежде всего американцы, которые, не питая особой симпатии к нынешнему режиму, тем не менее, исходя из своих стратегических интересов в регионе, полагают, что лучше иметь дело с "недемократическим" и "неудобным" режимом, который уверенно контролирует обстановку в стране, нежели с религиозными фанатиками.

Таким образом, решение проблем, связанных с исламским феноменом, для Сирии в значительной степени зависит в настоящее время от того, сумеет ли Х.Асад в условиях противоборствующих внутри- и внешнеполитических тенденций найти вектор, по которому он мог бы последовательно проводить линию на неконфронтационную адаптацию "исламского фактора" к правящему режиму.

В целом же можно отметить, резюмируя сказанное, несколько моментов, которые определяют ныне состояние дел в сфере взаимодействия официальной власти и оппозиционных религиозных структур.

Сирийскому руководству, несмотря на многочисленность конфессий и течений в них, пока удается обеспечивать, в том числе и силовыми методами, межконфессиональное и межобщинное согласие. Поэтому положение на религиозном фронте в стране в целом можно оценивать как стабильное и контролируемое. Вместе с тем, в случае возникновения неких внутривнутриполитических антагонизмов, нельзя исключать резкого усиления межконфессиональной и межобщинной розни, в основном в суннитско-алавитском секторе, а также в отношениях между баасистским руководством и исламистами-суннитами.

В отношениях между правящим режимом и сирийскими "братьями" в ближайшей перспективе едва ли сразу могут произойти принципиальные сдвиги, в том числе в вопросе о массовом и организованном возвращении исламистов и легализации их политической деятельности.

Руководство САР стремится поддерживать и укреплять связи с оппозиционными исламистскими силами в арабских странах. Поводом к этому служат нынешнее состояние в области ближневосточного урегулирования и необходимость решения связанных с этим внешнеполитических задач. Позиция Сирии в этом вопросе, очевидно, будет зависеть от динамики мирного процесса и его приемлемости для САР. Дамаск вынужден будет либо оказывать на исламистов сдерживающее влияние, либо использовать их более целенаправленно для оказания давления на США, Израиль и их союзников в регионе.

**АРАБСКИЙ МИР НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ:
ЛИДЕРЫ И АУТСАЙДЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

К моменту достижения государственной самостоятельности на протяжении 50–х – 60–х годов арабские страны находились на разных уровнях социально–экономического развития. Однако все они были отсталыми аграрными странами. Поэтому основные различия, имевшиеся между ними, выражались в степени отсталости.

Ни в одной из арабских стран до начала 60–х годов не было развитой обрабатывающей промышленности, продукция которой поступала бы на экспорт. Имевшиеся в некоторых из них современные предприятия горно– и нефтедобывающей промышленности в подавляющем большинстве принадлежали иностранному капиталу и представляли собой фактически инородный анклав в крайне отсталой аграрной экономике арабских стран с неразвитыми производительными силами. Лишь в некоторых из них имелись предприятия легкой и пищевой промышленности, которые можно было назвать современными. В остальных отраслях преобладали мелкие и мельчайшие предприятия, основанные на личном труде их собственников и их семей, использовавших примитивные орудия труда. Эта неравномерность развития различных отраслей экономики усугублялась неравномерным территориальным размещением их предприятий. Предприятия обрабатывающей промышленности располагались, как правило, в прибрежной зоне, т.е. поблизости от портовых городов, являвшихся пунктами снабжения импортным сырьем и рынками сбыта. Предприятия же горно– и нефтедобывающей промышленности находились обычно в местах залегания ископаемых, т.е. в глубине территорий арабских стран, нередко в пустынных и малообжитых районах.

Общая технико–экономическая отсталость арабских стран и вытекавшая из этого с неизбежностью зависимость от бывших метрополий в начале 60–х годов проявлялись и в их социально–экономической отсталости. Это объяснялось преобладанием полунатуральных хозяйств, из которых состоял так называемый традиционный сектор экономики. Товарное производство было сконцентрировано главным образом в крупных населенных пунктах и в тех сельских районах, где оно велось главным образом иностранным капиталом. Предприятия, использовавшие передовую технику и технологию, передовые методы ведения хозяйства, формировали «современный сектор».

Производившаяся в традиционном секторе товарная продукция реализовывалась обычно на местных рынках, что приводило к хозяйственной изоляции одних районов от других во многих арабских странах. На деле это означало отсутствие единого национального хозяйства и его главного признака и составной части – общенационального рынка. Производство же товаров в современном секторе предназначалось для нужд рынков прежних метрополий, с которыми арабские страны по традиции сохраняли тесные экономические связи. В пределах двух главных видов производства – натурального и товарного – сохранялись пять укладов: патриархально–общинный, феодальный, мелкотоварный, частнокапиталистический и государственно–капиталистический. Поэтому многоукладность остается по сей день типичной для экономики и социальных отношений стран арабского региона. Наряду с этим многоукладность означала в начале 60–х годов отсутствие в арабских странах ведущего или преобладающего уклада или способа производства.

После достижения государственной самостоятельности все арабские страны были поставлены перед необходимостью преодоления прежней уродливой структуры национальной экономики, ее диверсификации, создания основы для высоких темпов роста в будущем, перестройки внешних экономических связей. Им следовало создать новые отрасли промышленности, связь и коммуникации, модернизировать сферу финансов и кредита, подготовить национальные кадры, развить энергетическую базу, повысить культурный уровень населения, и решать многие другие социально–экономические проблемы. Выбор подхода к этим проблемам, путей и сроков их решения, выделения финансовых и трудовых ресурсов зависел от экономической политики правящих кругов. Такая политика диктовалась в различных арабских странах массой социальных приоритетов, классовых интересов, наличием природных и финансовых ресурсов и прочими факторами.

Добившись политической независимости, арабские страны приступили к проведению самостоятельной экономической политики. Несмотря на исключительно широкий социальный спектр ее направленности, большее или меньшее соответствие общенациональным интересам, экономическая политика независимых арабских стран стала коренным образом отличаться от той, которая проводилась колонизаторами и их ставленниками. Формирование экономической политики арабских стран происходит под воздействием широкого диапазона внутренних и внешних факторов. Среди первых ведущее место занимает стремление стать экономически самостоятельным государством, вырваться из рамок вековой отсталости, увеличить объем национального производства, диверсифицировать экономику. Разумеется, что пути и средства решения этих задач выбираются в каждой арабской стране в каждом конкретном случае весьма различные и определяются, в частности, социально–экономической ориентацией существующего режима.

Истекшие годы независимого развития арабских стран позволяют подвести и проанализировать некоторые итоги их экономической политики. Представляется, что наиболее синтетическими показателями для этого могут служить абсолютный объем ВВП и уровень ВВП на душу населения. ВВП арабского региона, взятого в целом, увеличился с 21,3 млрд. долл. в 1960 г. до 38,9 млрд. в 1970 г., до 80,6 млрд. в 1980 г. (в ценах 1970 г.) и до 48,4 млрд. в 1990 г. (в ценах 1990 г.). Таким образом, уже за первые два десятилетия общий объем ВВП арабских стран (в ценах 1970 г.), увеличился почти в четыре раза, т.е. прогресс макроэкономических показателей региона очевиден и не вызывает сомнения. При этом следует учитывать, что, если более чем двухкратное увеличение объема ВВП за 70–80 годы объяснилось во многом неоднократным повышением цен на нефть, то в 60–70 годы почти двухкратное увеличение объема ВВП было достигнуто главным образом за счет развития производительных сил и роста общественной производительности труда. А увеличение ВВП региона в 80–е годы было вызвано как двумя последними факторами, так и тенденцией повышения цен на нефть, газ и другие природные ресурсы при некоторых колебаниях их в отдельные годы данной декады.

Последние статистические данные ООН по всему арабскому миру относятся к 1994 г. Согласно этим данным, в том году арабские страны имели 240 млн. населения (без данных по Палестине), что составляло 4,2% населения мира, и производили 1,8% мирового валового внутреннего продукта. Сопоставление и сравнение статистических данных за указанный период дают, на наш взгляд, возможность отчетливо выявить тенденции экономического развития арабских стран и те результаты этого развития, с которыми они подошли к рубежу XX–XXI веков. При этом важнейшим как для оценки уровня развития той или иной страны в современных условиях, так и для сопоставления разных стран друг с другом, независимо от их общественного строя, политической ориентации и других характеристик, является, при определенной условности его, названный выше показатель ВВП, приходящийся на душу населения.

В качестве исходной точки для подведения главных итогов экономического развития арабских стран к рубежу веков, выявления лидеров и аутсайдеров этого развития взят 1970 г., когда уже все арабские страны были независимыми государствами. Если расположить данные за 1970 г. о душевом доходе по арабским странам по убывающему принципу, то итоги этого года будут выглядеть следующим образом (в долл. США): 1) Ливия – 5219, 2) Кувейт – 3858, 3) ОАЭ – 2964, 4) Катар – 2696, 5) Бахрейн – 1054, 6) Саудовская Аравия – 673, 7) Ливан – 603, 8) Оман – 418, 9) Алжир – 376, 10) Ирак – 375, 11) Сирия – 286, 12) Тунис – 281, 13) Марокко – 258, 14) Египет – 234, 15) Иордания – 213, 16) Мавритания – 167, 17) Судан – 158, 18) НДРЙ – 127, 19) ЙАР – 79.

Через два десятилетия в 1990 г. и в 1994 г. ситуация в арабском мире значительно изменилась (см. табл. № 1). Если в 1970 г. первое место в арабском мире по ВВП на душу населения занимала Ливия, то в 1990 г.

лидером были ОАЭ (21258 долл.). В 1994 г. они продолжали сохранять лидерство (19468 долл.), хотя абсолютный уровень душевого дохода несколько снизился. Ливия же с соответствующими цифрами по этим годам (8965 и 9550 долл.) более чем в два раза отставала от лидера и занимала в 1990 г. – третье, а в 1994 г. – четвертое место после ОАЭ, Кувейта и Катара.

Чем же объясняется смена лидера по душевому доходу, т.е. фактически социально–экономического лидера в арабском мире? Это произошло не случайно, а в результате обстоятельств, сопровождавших социально–политические решения правящих кругов Ливии. 1970г. – это первый год после свержения в Ливии феодально–королевского режима.

Валовой внутренний продукт арабских стран в 1990 и 1994 гг.*

Страна	ВВП в 1990 г.		ВВП в 1994 г.	
	(в млн. долл.)	на душу (в долл.)	(в млн. долл.)	на душу (в долл.)
Алжир	52567	2106	42306	1548
Бахрейн	3484	6927	4857	8847
Египет	50908	971	42923	696
Иордания	3946	984	6105	1175
Ирак	68041	3763	...	...
Йемен	6528	559	4654	335
Катар	6484	15186	7170	13278
Кувейт	13490	6295	24239	14843
Ливан	3386	1236	9240	3170
Ливия	40748	8965	44970	9550
Мавритания	1052	520	1027	463
Марокко	25222	1006	31503	1189
ОАЭ	33778	21258	36230	19468
Оман	10622	6970	11628	5599
Саудовская Аравия	100542	6761	120168	6886
Сирия	24823	2009	44232	3121
Судан	25858	1026	9214	355
Тунис	12513	1553	15770	1806
Палестина	...	...	...	...
Всего:	483992	2281	456236**	1908**

* Составлено по:

1) Handbook of International Trade and Development Statistics, UN, 1992. New–York and Geneva, 1993, с. 432;

2) Handbook of International Trade and Development Statistics, UN, 1995, New–York and Geneva, 1997, сс. 281–283, без данных по Палестине.

** Без данных по Ираку и Палестине.

После победы революции 1 сентября 1969 г. в стране произошли радикальные социально–политические и экономические изменения. Но развитие шло не по восходящей, а было исключительно противоречивым и зигзагообразным.

Проводившаяся в первое после революции десятилетие политика вытеснения владельцев частных предприятий, недвижимости, оптовых и даже розничных торговцев нарушила внутривладельческие и межотраслевые связи, подорвала производство, расколола и перемешала и без того аморфную социально–экономическую структуру страны, нивелировав социальный статус широких масс населения. Такая политика не могла не привести к абсолютному падению производства как в городе, так и в деревне и, в результате, к падению ВВП на душу населения. Для многих слоев населения это означало сокращение личного потребления, прогрессирующее обеднение.

Положение усугубилось после того, как в марте 1982 г. США ввели эмбарго на закупки нефти у Ливии. К эмбарго присоединились некоторые западноевропейские страны. Под влиянием ухудшавшегося финансово–экономического положения были прекращены дотации на некоторые продовольственные и повышены цены на такие импортируемые виды продовольствия как мясо, птица, сливочное масло. В целях экономии твердой валюты и поощрения местного производства был запрещен импорт 82 видов продуктов, товаров массового спроса и предметов роскоши.

В 1982 г. в связи с дальнейшим ухудшением положения руководство страны продолжало изыскивать новые источники экономии. В частности, была отменена бесплатная выдача лекарств амбулаторным больным, прекращена, за некоторыми исключениями, выплата стипендий студентам, обучающимся за рубежом; чиновникам госаппарата была снижена на 25% зарплата. Были урезаны ассигнования и в капитальное строительство. В результате пятилетний план страны на 1981–1985 г. по многим показателям оказался невыполненным. Отсутствие необходимых средств и уверенности в их достаточном поступлении в будущем привело к невозможности составления долгосрочных планов развития. Поэтому, начиная с 1986 г., планирование осуществляется только в рамках годовых бюджетных программ.

1986 г. ознаменовал собой начало ограниченной либерализации в области экономики – «зеленой перестройки», что следует расценивать как первый симптом краха так называемой джамахирийской модели, которой придерживалось руководство Ливии, ее утопичности и нежизненности. Кроме того, в 1986 г. США и страны ЕЭС предприняли санкции против Ливии. Они включали в себя, в частности, запрет на экспорт новейших технологий и запрет гражданам этих стран путешествовать по Ливии. Свою роль сыграли снижение добычи нефти и падение цен на нее. Сокращение доходов от нефти с 22 млрд. долл. в 1980 г. до 5,5 млрд. долл. в 1988 г. сопровождалось примерно четырехкратным, по сравнению с 1980 г., уменьшением расходов на импорт. Это не замедлило сказаться на дело-

вой активности в стране и, в частности, на ее внутреннем рынке. Сократилось строительство, исчезли многие виды машин и оборудования, продовольствия и промтоваров. На оставшиеся виды продукции цены резко возросли, быстро ухудшив положение трудящихся. Начался отток из страны иностранцев, занятых в частности, в сельском хозяйстве, что сократило предложение на рынке местной сельхозпродукции и, соответственно, вызвало рост цен на нее. В 1987 г. число иностранных специалистов снизилось до 250 тыс. против 518 тыс. в 1980 г., т.е. более чем вдвое.

Неуклонное ухудшение положения страны и вызванное им полное расхождение принципов джамахирии с реальной действительностью повлекли за собой быстрый рост недовольства в самых различных кругах ливийского общества, формирование оппозиции режиму. Под ее воздействием режим начал лавировать. После многих лет строгого контроля за всеми видами хозяйственной деятельности в 1988 г. было разрешено вновь открыть частные магазины, стало поощряться мелкое частное производство в сфере обслуживания и обрабатывающей промышленности. Некоторые государственные предприятия были переданы в собственность трудовых коллективов.

В результате новым арабским экономическим лидером стали ОАЭ. Эмираты входят в число ведущих арабских нефтепроизводителей. Поэтому в самом общем виде ответ на вопрос о том, за счет чего им удалось добиться наивысших по душевому доходу результатов в арабском мире, является очевидным.

Баб – первое нефтяное месторождение в стране – было обнаружено на территории Абу-Даби в 1958 г., а добыча на нем началась в 1960 г. В 1962 г. Абу-Даби уже появляется в статистике нефтедобычи: тогда в эмирате было произведено 0,8 млн. т нефти. В дальнейшем в число нефтепроизводителей вошли Дубай и Шарджа. В 1970 г. ОАЭ произвели 37,9; в 1980 г. – 89,6; в 1990 г. – 101,7 млн.т. нефти. Таким образом, имеет место постоянный рост добычи по десятилетиям, хотя внутри этих десятилетий в силу многих причин отмечались значительные количественные колебания и перепады.

ОАЭ могли бы производить значительно больше нефти, чем в настоящее время. Однако правящие круги страны проводят дальновидную политику ограничения ее добычи, чтобы продлить срок эксплуатации месторождений. С середины 70-х годов нефтегазовая промышленность контролируется государственными компаниями отдельных эмиратов. В дополнение к этому в январе 1981 г. в ОАЭ был национализирован весь комплекс сбыта готовых нефтепродуктов, а прежним владельцам АЗС, хранилищ и пр. была выплачена компенсация. Важно отметить при этом, что реализация многочисленных проектов в нефтяной, нефтехимической и других отраслях промышленности осуществлялась преимущественно за счет государственно-капиталистического сектора. Он превратился в своеобразный механизм перераспределения нефтяной ренты и национального дохода в интересах правящих в эмиратах группировок. К ним относятся правящие

монархические династии и породнившиеся с ними аристократические семьи. К этим группировкам примыкают высшие государственные чиновники и офицеры вооруженных сил, образовавшие «нефтератию».

Опорой для правящих монархических верхушек эмиратов служит крупная национальная и инонациональная промышленная, торговая и финансовая буржуазия, чиновники госаппарата и иностранных компаний, высшее и среднее офицерство вооруженных сил. Именно через эти слои правящие круги претворяют в жизнь политические замыслы и планы социально-экономического развития. Однако в практической плоскости они реализуются трудом высококвалифицированных иностранных специалистов и рабочих из самых разных стран мира, включая наиболее развитые в промышленном отношении государства Запада.

Коренное население эмиратов, получающее остатки от нефтяных доходов после их дележа в верхних слоях социальной пирамиды, состоит из кочевников-бедуинов, феллахов, рыбаков, мелкой буржуазии городов, рабочих и интеллигенции. Как относительно ни малы эти остатки, в абсолютном выражении они весьма значительны, сглаживают возможное социальное недовольство. Оно гасится и традиционными исламскими представлениями и ценностями. Эти низшие слои общества, как правило, не имеют реальных представлений о демократии, парламентаризме, политических партиях и общественных организациях. Монархическая система правления общества представляется им обычно как единственно возможная и справедливая.

Одна из главных причин успеха ОАЭ состоит в том, что в проведении своей экономической политики эмираты опирались и опираются на деловое сотрудничество с иностранным капиталом с целью максимальной интеграции в мировое хозяйство. В основу этой политики положен принцип, в соответствии с которым любая иносфирма, инвестировав в тот или иной проект или предприятие в ОАЭ часть своего акционерного капитала, превращается из подрядчика в совладельца предприятия, построенного с ее помощью, что гарантирует, по мнению правящих кругов ОАЭ, его рентабельность и жизнеспособность.

Эмираты импортируют продовольствие, современное оружие, автомобили, целые промышленные комплексы. Основные источники импортной продукции для эмиратов – Япония, США, Великобритания и ФРГ. Экспорт же ОАЭ почти полностью состоит из нефти и продукции нефтехимической промышленности. Лишь около 1% экспорта страны приходится на кожсырье, финики и железный лом. Кроме того, эмираты оказывают крупную финансовую помощь многим развивающимся странам Азии и Африки.

Наличие огромных финансовых средств, полученных от экспорта нефти, позволило параллельно со строительством жилых комплексов вести массовое сооружение объектов социальной инфраструктуры и обеспечить коренному населению бесплатное медицинское обслуживание в государственных больницах и клиниках и такое же образование.

Вместе с тем следует отметить, что социально-экономическое развитие ОАЭ не могло не ощутить на себе влияние и последствий ирано-иракской войны (1980–1988 гг.) и особенно иракской агрессии против Кувейта. Значительная часть средств была направлена на укрепление обороны, безопасности, прием 50 тыс. кувейтских беженцев, ликвидацию экологических бедствий из-за военных действий. Были приостановлены либо заморожены многие проекты экономического развития. Однако после разгрома Ирака деловая активность в ОАЭ и других аравийских монархиях восстановилась уже к середине декабря 1991 г.

По данным Центрального банка ОАЭ, уже в 1992 г. экономический рост в стране и в других нефтяных монархиях составил от 1 до 5%. В ближайшие годы в экономической жизни ОАЭ главное внимание будет уделено наращиванию нефтедобывающих мощностей и развитию нефтепереработки, что обойдется стране почти в 4 млрд. долл. Производительность нефтяных скважин, составлявшая в 1990 г. 2,3 млн. баррелей в сутки, в 1995 г. была доведена до 3 млн. Все эти планы дают полное основание считать, что и в обозримом будущем ОАЭ останутся лидером арабского мира по ВВП на душу населения.

Из приведенной выше таблицы отчетливо видна резкая дифференциация арабских стран по ВВП на душу населения по состоянию на середину 90-х годов. От 10 тыс. долл. и выше душевого дохода имели три страны ОАЭ, Кувейт и Катар. От 5 тыс. до 10 тыс. долл. имели Оман, Саудовская Аравия, Бахрейн и Ливия, несколько более 3 тыс. долл. – Сирия и Ливан, от 1 тыс. до 2 тыс. – Алжир, Иордания, Марокко, Тунис. Менее 1 тыс. долл. на душу населения приходилось в Египте, Йемене, Мавритании, Судане, находившихся на «экономическом дне» арабского мира. Таким образом, первые семь мест по указанному показателю в 1994 г. в арабском мире занимали нефтяные страны с малым населением. Алжир и Ирак, бывшие на протяжении многих десятилетий также нефтяными государствами, из-за известных социально-политических причин в ведущую группу не попали.

Для выявления реальных итогов экономического развития арабских стран к рубежу XX–XXI-го веков уместно их сопоставление по аналогичным показателям с некоторыми промышленно развитыми странами. По ВВП на душу населения ОАЭ в 1994 г. были на одном уровне с Финляндией (19125 долл.), Катар с Израилем (13475 долл.), Ливия с Грецией (9180 долл.), а Бахрейн с Португалией (8849 долл.). При этом, если сопоставлять среднеарабский уровень душевого дохода, правда, без данных по Ираку и Палестине, с израильским, то в 1994 г. он был ровно в семь раз ниже, но несколько выше (на 1,5%) российского (1881 долл.). Еще более разительны данные сопоставления абсолютных величин ВВП арабских и промышленно развитых стран. В 1994 г. ВВП арабского мира (без данных по Ираку и Палестине) составил 456,2 млрд. долл. или на 5,7% меньше, чем ВВП одной Испании в объеме 482,4 млрд. долл., население которой

(39,6 млн. человек) составляло лишь 16,5% населения арабского мира (239,2 млн. человек).

Внутри арабского мира крупнейшим производителем в 1994 г. была Саудовская Аравия, ВВП которой в объеме 120,2 млрд. долл. дал более четверти совокупного ВВП всех арабских стран. Однако это было меньше, чем ВВП небольшой европейской и тоже нефтедобывающей страны – Норвегии, составивший в том же году 123,3 млрд. долл. При этом население Норвегии (4,3 млн. человек) было более чем в четыре раза меньше населения Саудовской Аравии, а душевой доход норвежцев в том же году был более чем в четыре раза выше (28559 долл.), чем саудовцев. Таким образом, лишь некоторые названные нефтяные арабские страны с малым населением оказались на рубеже веков по душевому доходу сопоставимы с ненефтяными промышленно развитыми странами. Остальные же государства арабского мира от промышленно развитых отделяет настоящая экономическая пропасть. Если же, как показал пример Норвегии, у промышленно развитой европейской страны появляется нефть, то эта пропасть быстро расширяется и углубляется.

Проведенные сопоставления свидетельствуют, что, несмотря на определенные позитивные социально–экономические сдвиги, достигнутые арабскими странами за годы независимости, в большинстве своем они продолжают оставаться отсталыми слаборазвитыми государствами. Согласно критериям, установленным ООН, те страны, в которых ВВП на душу населения составляет около 350 долл. (в середине 80–х годов), в которых уровень грамотности взрослого населения – менее 20% и в которых доля обрабатывающей промышленности составляет менее 10% ВВП, относятся к категории наименее развитых стран (НРС). В арабском мире в конце XX в. критериям НРС полностью соответствовали Йемен, Мавритания, Судан и частично – Египет, ставшие аутсайдерами экономического развития региона.

Причин такого положения очень много, ряд из них носит специфический характер и присущ только одной какой–то из названных стран. Но есть и общие, характерные для всех четырех аутсайдеров. Так, главной причиной задержки подъема экономики Йемена являются исключительно сложные процессы воссоединения двух частей страны, придерживавшихся на протяжении нескольких десятилетий принципиально различных моделей политического и социально–экономического развития, в единое государство в условиях пережитков докапиталистических и даже во многом дофеодальных производственных отношений. На экономическое развитие Мавритании крайне негативное воздействие оказали стихийные бедствия, перешедшие в экологические бедствия, на протяжении 70–х и 80–х годов. В Судане главной причиной экономического упадка стала гражданская война между Севером и Югом, возобновившаяся в 1983 г. и унесшая с тех пор (в 1983–1997 гг.) более миллиона жизней.

Главным фактором, неуклонно отбрасывающим Египет в сторону категории НРС и экономических аутсайдеров арабского мира, является де-

мографический взрыв, поставивший эту страну к рубежу веков на грань взрыва социального. За последние сто лет население Египта возросло с 6,5 млн. человек до 61,6 млн. (в 1994 г.) или ровно в десять раз. В последнее время оно возрастает на миллион с лишним человек в год. Причем, как и сто лет назад, население Египта проживает всего лишь на 5% общей площади территории страны, что вызывает помимо прочих негативных последствий постоянно нарастающую массу экологических проблем.

Пример Египта как ведущей страны арабского мира наглядно подтверждает, что одной из главных причин задержки преодоления странами этого региона, взятыми в целом, своей экономической отсталости являются темпы роста населения, опережающие темпы роста производства. Согласно опубликованным данным, темпы демографического роста в арабском мире десятикратно превышают этот показатель в развитых странах. Население арабского мира удваивается каждые 23 года, в то время как число жителей Европы, например, лишь каждые 233 года. Преодолеть указанную негативную тенденцию в следующем веке арабские страны смогут, сократив рождаемость или увеличив темпы роста производства, либо используя оба метода одновременно. Если этого не произойдет, то уже в первые десятилетия следующего века число НРС в арабском мире значительно увеличится, а социально-экономические, а вслед за этим и политические проблемы региона еще более обострятся.

ТУНИССКИЙ ВАРИАНТ ПЕРЕХОДА К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПЛЮРАЛИЗМУ

В Москве на русском языке вышла из печати книга Садока Шаабана под названием «Тунис: путь к политическому плюрализму. Курс президента Зина аль-Абидина бен Али» (М., 1996, 162 стр.). Автор книги – профессор права, видный общественный и политический деятель, построил свой труд на сопоставлении удачного тунисского опыта перехода от фактически однопартийного режима времен президента Х.Бургибы к многопартийной системе при президенте З.А. бен Али с неудачным опытом прежнего СССР и соседнего Алжира. Причем в основу тунисского опыта заложена концепция З.А.бен Али о строительстве гражданского общества.

К власти президент Бен Али пришел в результате так называемой жасминной революции 7 ноября 1987 г. Эта революция сопровождалась сменой идеологических установок в Тунисе, хотя переход к плюрализму, как таковой, был заявлен властями еще в начале 80–х годов. Новый президент Бен Али использовал идею плюрализма в своей политической программе, являющейся по сути оформлением модели направляемой демократии. Автор книги, будучи советником Бен Али по общеполитическим вопросам, а затем по правам человека, дает как бы толкование этой программы, в разработке которой он принимал активное участие.

В первой, вводной главе, под названием «От авторитарной системы к плюрализму», он, в частности, пишет, что «плюрализм не может развиваться без института демократической оппозиции, организованной и действующей открыто, в рамках общественного согласия и при движении к универсальным ценностям. Иначе плюрализм не сможет долго продержаться. И если в молодой демократии не сформируется этот вид оппозиции, то режим неминуемо либо окажется под угрозой возвращения к прошлому авторитаризму, либо, что еще более опасно, под угрозой сползания к новому авторитаризму экстремистского толка с религиозной или националистической окраской» (стр. 19). И здесь же несколько ниже добавляет: «движение фанатиков–экстремистов выходит на поверхность, как только расшатывается режим: они стремятся воспользоваться перемнами и подчинить их своим интересам».

Это положение, сформулированное на основе тунисского опыта, применимо сегодня ко многим посттоталитарным государствам, в том числе и к России. При этом автор не только косвенным образом указывает на это, но и постоянно привлекает примеры событий последних лет,

имевшие место на территории нашей страны. Он, в частности, пишет: «Распад однопартийных систем повлек за собой не только возвращение либерализма, но и рыванш национализма, грозящего разрушить ценности западной цивилизации. Думается, однако, что после поражения социализма не наступила эпоха деидеологизации, и победил не один только либерализм. События развивались иначе. Появился новый вид идеологического противостояния. Это борьба между культурами или цивилизациями. И, как видно, речь идет о более тяжелой и опасной конфронтации, которая развивается на этнической и религиозной основе, заново разъединив мировое сообщество. Это в основном ощущалось в СССР и Восточной Европе, но не менее острые проблемы возникли и в афро-азиатских регионах» (с. 22).

Если со второй половиной этого положения Садока Шаабана вполне можно, на наш взгляд, согласиться, то с первой – не совсем и не до конца. В особенности в отношении деидеологизации. Отказаться от прежнего заидеологизированного мышления не смогли и не могут сегодня миллионы людей в России и в других посттоталитарных государствах. Причем очень многое в данном процессе зависит от возраста людей. Чем старше человек, тем большее количество лет он подвергался интенсивной идеологизации («оболваниванию») и тем труднее сегодня ему дается «разболванивание».

Несколько ниже автор книги, продолжая эту тему в основном применительно к странам Северной Африки, пишет: «С идеологической точки зрения, нет большого различия между фундаменталистами и крайними националистами, тяготеющими к расизму. И те, и другие не апеллируют к разуму, а играют на чувствах и эмоциях, либо опираются на религиозную догму. И те, и другие кладут в основу своих программ постулаты, принимаемые на веру и не подлежащие обсуждению; одновременно они стремятся регулировать жизнь общества и индивида в мельчайших деталях. Они не верят в демократию и не признают инакомыслия» (с.25).

В этой главе, несущей главную теоретическую и смысловую нагрузку, есть раздел «Горбачев и перестройка». Автор считает, что деятельность Горбачева нанесла ущерб СССР и привела великое советское общество к развалу. По его словам, «для начатых преобразований не были предварительно подготовлены ни необходимые общественные институты, ни политические программы» (с. 31). В этом же разделе есть прямое сравнение советского и тунисского опытов, весьма важное для понимания смысла всей книги. С.Шаабан, в частности, пишет здесь: «Горбачев не смог изменить партию и направить ее на то, чтобы она помогла ему в проведении нового политического курса. Партия не пошла на собственное обновление. Это вынудило Горбачева искать сторонников вне партийных рядов.

Тунисский президент Бен Али избежал подобной ошибки, когда после начала преобразований его призывали создать новую партию, не связанную с дустуровской демократической платформой, или распространить по всей стране «клубы 7 ноября». Действия же Горбачева лишь усиливали

националистические движения и, одновременно, вызывали недовольство старого партийного руководства» (с.33).

Весьма важен вывод автора в конце раздела об опыте Алжира, в этой же главе, поскольку этот вывод применим ко многим другим странам, находящимся сегодня на пути от тоталитаризма к демократии. По его мнению, «всегда цена, заплаченная за переход к плюралистическому обществу, была меньше там, где выбиралась постепенность, где удалось избежать, пусть кратковременного, подъема экстремизма и национализма. Эта цена была ниже там, где была подготовлена необходимая экономическая и социальная почва, где люди и властные структуры были готовы к вступлению в общество, основанное на принципах конкуренции, где появилась соответствующая этим принципам политическая культура. С нашей точки зрения, Тунису удалось добиться успеха в этой области» (с. 36).

В следующей, второй главе «Контроль за ситуацией» последовательно дается описание «жасминной революции» 7 ноября 1987 г. и событий, которые ей предшествовали. При этом главное внимание уделяется разоблачению исламского фундаментализма. Автор считает, что «уделять внимание фундаменталистам нужно, потому что именно они были истинным препятствием для молодой демократии. Политическому режиму надо сделать усилие, чтобы разрубить узел фундаментализма и подготовиться к встрече со здоровой гражданской оппозицией» (с. 51). Несколько ниже, обращаясь к либеральному общественному мнению западных стран, он подчеркивает: «На Западе должны знать, что фанатизм и насилие заложены в программе фундаменталистов и являются опорой их структур. Насилие становится неотъемлемой частью религиозных движений, как только они политизируются, стремятся управлять обществом, самой властью устанавливая его нормы» (с.52).

Глава содержит характеристики основных организаций исламистов, ценные тем, что они даются юристом–профессионалом, работавшим министром юстиции Туниса. В их числе Движение исламской направленности (ДИН), возникшая на его основе партия «Нахда», некоторые левацкие течения. Автор пишет, что «фундаменталисты надеялись превратить Тунис в полигон для своей дальнейшей деятельности во всем нашем регионе. Но они потерпели поражение, выпав из развивавшегося в стране нового политического процесса» (с.65). И делает общий вывод о том, что президент Бен Али выбрал свой путь, означающий создание нового политического климата в стране. Он смог вовлечь все общество в борьбу государства против фундаменталистско–тоталитарного порядка, способного распространиться на весь регион. Это потребовало широкого международного сотрудничества» (там же).

В следующих двух главах «Создание нового политического климата» и «Создание демократической оппозиции» автор показывает процесс формирования механизмов практической реализации указанных выше идей и замыслов концепции З.А.бен Али о строительстве гражданского

общества. Одним из таких механизмов стала реформа судебно–правовой системы, другим – новый закон о политических партиях, третьим – деполитизация системы образования. Закон о политических партиях стал краеугольным камнем политического строя современного Туниса. Он отражал один из важнейших аспектов нового курса правительства – переход от однопартийности к политическому плюрализму. В состав парламента вошли представители четырех из шести зарегистрированных политических партий.

В духе перемен, начавшихся 7 ноября 1987 г., Бен Али пошел по пути перестройки системы власти с тем, чтобы она осуществила следующие задачи: содействовать здоровой конкуренции между партиями, либерализовать экономику, создать стабильное общество, которое характеризовалось бы открытостью и терпимостью.

С.Шаабан считает, что наиболее существенные изменения после 7 ноября 1987 г. стали происходить в социально–экономической сфере. Бен Али, по его словам, высказал в то время свою мысль о том, что подлинной свободы без развития не существует, а развитие не может идти вперед без свободы. Развитие и свобода – два взаимосвязанных процесса, где каждое дополняет другое.

Правительство Туниса без колебаний провозгласило курс на экономическую либерализацию. В стране были созданы возможности для развития частной инициативы, которая способствовала хозяйственному подъему. Были проведены кардинальные реформы по освобождению экспорта от государственного контроля, по либерализации цен, снижению таможенных пошлин, укреплению роли финансового рынка. Была проведена реформа налогообложения, направленная на его упрощение и снижение учетных ставок. В результате названных мер начался рост валового внутреннего продукта (ВВП) и ВВП на душу населения (душевого дохода), который является главным социально–экономическим показателем для любой страны. По данным ООН, ВВП Туниса увеличился с 13188 млн. долл. в 1991 г. до 14634 млн. в 1993 г., а доход на душу за тот же период возрос с 1603 долл. до 1708 долл. Из двадцати арабских государств Тунис по этому показателю вышел на десятое место, а первые девять мест занимают нефтяные страны. Именно добыча и экспорт нефти при малом населении обеспечили им высокие места по душевому доходу. Тунисцы же добились этого своим напряженным трудом в новых условиях хозяйствования.

С.Шаабан определенное место уделяет в своей книге и новой роли правящей партии – Демократического конституционного объединения (ДКО) как с февраля 1988 г. стала называться прежняя Социалистическая дустуровская партия. Он отмечает, что одновременно с реформированием государства происходила и перестройка правящей партии. И здесь же подчеркивает: «Это отличало Тунис от других государств, где происходили схожие процессы. В частности, в Советском Союзе во времена Горбачева или в Алжире при Бен Джадиде, обе правящие партии не оказались

готовыми к развитию многопартийности. Как результат, и в той, и в другой стране прежняя политическая элита была разгромлена; оба государства потеряли важнейший элемент внутренней стабильности и мобилизации общества на проведение перемен. Они лишились партийного аппарата. Дело в том, что при однопартийной системе государство и правящая партия слиты воедино и вместе венчают пирамиду власти. Когда партия подорвана, то рушится и государство, не способное выдержать стремительного напора новых политических сил, и, прежде всего, сил экстремистского характера» (с. 115–116).

Здесь надо отдать должное наблюдательности и осведомленности автора, который, не будучи гражданином СССР, сумел по литературным источникам и прессе, обобщить происходившие в нашей стране процессы и сделать на основе этого справедливые, на наш взгляд, выводы.

Система политического плюрализма немыслима без демократической оппозиции и демократической конкуренции. Вместе с тем, как отмечает автор, политической открытостью демократического режима не должны пользоваться движения, «экстремизм которых позволяет созывать под их знамена недовольных» (с. 128).

Осознавая это, президент Бен Али, по его словам, «захлопнул дверь перед рвущимися вперед антидемократическими оппозиционными силами. Он постепенно приоткрывает дверь в дом, уже подготовленный партией большинства, по мере того как в стране созревает подлинно демократическая оппозиция» (с. 128).

Оценивая труд С.Шаабана в целом, следует считать его, на наш взгляд, весьма содержательным и полезным для многих стран афро-арабского мира, находящихся сегодня на переходном этапе, а также для стран СНГ и Восточной Европы, решающих задачи становления многоукладной экономики и политического плюрализма.

РОЛЬ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИИ АРАБСКОЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ

Частные энергетические компании в арабских странах через 3–4 года, по всей видимости, будут владеть электростанциями общей мощностью примерно в 6000 МВт, если все намеченные проекты будут завершены. Перспективы для этого особенно благоприятны в тех государствах, где приватизация в сфере электроэнергетики является частью более широкой программы структурных реформ. В то же время в ряде частей арабского мира ситуация не так оптимистична, например, в Саудовской Аравии, где испытывающий нехватку финансовых средств электроэнергетический сектор остро нуждается в инъекциях частного капитала.

В настоящее время в рассматриваемых странах имеется только одна частная электростанция – это «Мапал» мощностью 90 МВт в Омане. Однако завершается рассмотрение нескольких других проектов. В частности, группа международных банков разработала схему финансирования строительства электростанции «Jorf Lasfar» в Марокко. Ожидается, что Египет в ближайшее время подпишет свой первый контракт, предусматривающий сооружение электростанции на условиях «build–own–operate–transfer» (BOOT); Тунис выбрал инвестора для первого частного электроэнергетического проекта; намечены торги по аналогичным проектам в Абу-Даби и Иордании; Сирия собирается построить электростанцию на севере Дамаска.

Открытие электроэнергетики для частного сектора уже получило широкое одобрение в мире. Оно позволяет правительствам обеспечить дополнительные электроэнергетические мощности без увеличения государственных расходов, а также предоставляет возможности для привлечения иностранных инвестиций, повышает эффективность и надежность отрасли и создает конкурентную среду. В то же время наличие электростанций в частной собственности может иметь важные непредсказуемые последствия. Как отмечается в одном из последних докладов Всемирного банка, «рассматриваемый процесс создает условия для серьезных изменений в структуре и управлении принадлежащей государству сферой общественного пользования, которые трудно будет остановить, когда они пустят корни».

Как уже подчеркивалось выше, в тех арабских странах, где успешно продвигаются программы структурных реформ, существуют наиболее благоприятные предпосылки для осуществления частных энергетических

проектов. В ряде случаев имеются ясные признаки того, что перемены скоро начнут давать заметные результаты, хотя некоторые государственные структуры в сфере коммунальных услуг все еще ведут арьергадные бои, чтобы показать, что они не потеряли окончательно свое влияние. Ниже рассматриваются частные энергетические проекты в отдельных арабских странах.

«Профессиональный» – это слово наиболее часто используется международными компаниями для характеристики подхода Египта к строительству первой в стране частной электростанции «Sidi Krier» вблизи Александрии. Правительство стимулировало осуществление данного проекта путем резкого сокращения субсидий на электроэнергию. В среднем тарифы в стране приближаются к издержкам производства, хотя мелкие потребители (в основном население) все еще пользуются субсидиями.

Перспективные участники торгов на строительство электростанции «Sidi Krier» мощностью 650 МВт, состоявшихся осенью 1997 г., прошли предквалификацию на базе тщательно сформулированных условий, разработанных с помощью группы консультантов, возглавляемой компанией «Sargent & Lundy» (США). При этом компания «Intengen», частный энергетический филиал «Bechtel» (США), предложившая самую низкую цену, определил сумму, которую должен будет заплатить оптовый покупатель производимой станцией электроэнергии. Аналитики, исходя из цены, назначенной «Intengen», предполагают, что компания выделила около 300 млн. долл. на сооружение электростанции. В ближайшие несколько недель египетское правительство должно объявить результаты своей оценки предложений. Хотя «Intengen» рассматривается как лидер торгов, группа компаний, возглавляемая «Enron Corporation» (США), составляет ему серьезную конкуренцию.

В то же самое время руководство Египта продвигает вперед планы по реструктуризации и частичной приватизации систем передачи и распределения электроэнергии. В настоящее время «Egyptian Electricity Authority» (ЕЕА) контролирует производство электроэнергии и организует передачу ее потребителям через зональные подразделения. Распределение находится в руках восьми компаний, принадлежащих государственно-му холдингу. Новый план предусматривает слияние зональных подразделений передачи электроэнергии и компаний, занимающихся распределением в новые структуры, в которых ЕЕА будет владеть 80% акций, а остальные 20% будут предложены для открытой подписки. Доля ЕЕА должна постепенно сокращаться, открывая, в конечном счете, путь для конкуренции в этих сферах.

Очевидный успех проекта «Sidi Krier» стимулирует египетское правительство к продвижению новых энергетических объектов на условиях «build–own–operate–transfer» (BOOT). Следующим, вероятно, будет расширение электростанции «Kureimat» (южная часть Каира), а затем – одной их станций в самой столице.

Завершив разработку схемы финансирования строительства электростанции «Jorf Lasfar», правительство Марокко постепенно переключает внимание на второй частный энергетический проект. Одновременно оно пытается определить предел, до которого оно готово передать контроль над производством электроэнергии в руки иностранных инвесторов.

Основываясь на опыте, связанном с проектом «Jorf Lasfar», марокканское руководство пришло к выводу о необходимости сохранения значительной роли государства в сфере электроэнергетики. Это отчетливо проявилось в конце 1997 г. в связи с соглашениями, подписанными марокканской государственной энергетической компанией «Office National de L'Electricite» (ONE), «Electricite de France» (EdF) и «Endesa group» (Испания), о создании двух структур для контроля над серией новых ТЭС, работающих на газе и энергетических товариществ.

Новая марокканская «Tahaddart Energy Company» (TEC) планирует строительство ТЭС мощностью 300 МВт вблизи Танжера, финансируемое на 1/3 за счет акционерного капитала, а остальная доля – кредитные ресурсы. ONE удалось получить 51% акций TEC. Это отвечает официально провозглашенной политике, которая заключается в том, что строительство, по крайней мере, одного из намеченных газопроводов не должно осуществляться на условиях «build–operate–transfer» (BOT). Наиболее предпочтительная форма для структуры, выполняющей этот проект – это смешанное государственно–частное товарищество, в котором часть акций должна принадлежать ONE. Поскольку проекты строительства электростанций, зависящих от импорта газа из Алжира, носят стратегический характер, то государство не должно отказываться от контроля над сферой, которая может стать монополией для поставщика газа.

Решение о создании TEC привело к полемике с рядом иностранных компаний, недовольных тем, что их отстранили от участия в крупном проекте. Эти компании подготовили предложения для тендера в ожидании, что «Tahaddart» получит структурное оформление в результате конкуренции на торгах в качестве так называемого независимого энергетического проекта (independent power project – IPP). Хотя компания ONE заявляет, что собирается объявить торги на строительство и эксплуатацию электростанции «Tahaddart», учитывая участие в будущих торгах на заключение этих контрактов EdF и «Endesa group», подкрепленное обязательствами Франции и Испании мобилизовать необходимые финансовые ресурсы, полученные от двусторонних программ по конверсии долга, существует опасение, что Марокко сделало существенный шаг назад в либерализации своего энергетического сектора. Ситуация должна проясниться после назначения нового правительства в ближайшие несколько месяцев. Единственное, что не вызывает сомнений – это готовность международных банков предоставить финансирование для марокканских независимых энергетических проектов: подписка на акции на 1090 млн. долл., уже размещенные среди коммерческих банков для финансирования проекта «Jorf Lasfar», на 100% превысила эту сумму.

Что касается Туниса, то, учитывая большой интерес международных банков к этой стране, имеющий, согласно международному рейтингу, наименьшие инвестиционные риски среди государств Северной Африки, объем финансирования первого IPP здесь будет определен на конкурсной основе. Контракт на строительство частной электростанции «Rades» смешанного цикла мощностью 300 МВт подписан с консорциумом, состоящим из двух американских «Community Energy Alternatives» (CEA) и «Sitre», а также японской «Marubeni corporation». Консорциум будет продавать электроэнергию государственной коммунальной компании Туниса – «Societe Tunisienne de L Electricite & du gaz» (STEG) в соответствии с двадцатилетним соглашением о закупках. Кроме того, STEG будет снабжать электростанцию газом. Схема осуществления данного проекта отражает стремление правительства Туниса сохранить ведущие позиции государства в энергетическом секторе, несмотря на его официальную приверженность экономическим реформам рыночного типа.

В Иордании завершается подготовка торгов на строительство первого частного энергетического объекта, будущие участники которых отмечают, что на них сильное впечатление произвела фундаментальная подготовка, которую провело правительство в связи с новым проектом. Тарифы на электроэнергию более или менее согласуются с издержками производства, а институциональные реформы продвигаются вперед быстрыми темпами. Государственная коммунальная компания превращена в корпорацию – «National Electric Power Company» (Nepco), которая в течение короткого срока доказала свою эффективность. Иорданское правительство в настоящее время разрабатывает новый закон, касающийся электроэнергетического сектора, который, вероятно, будет предусматривать разделение Nepco. В то же время ожидается передача производства электроэнергии независимым компаниям, включая оператора новой станции. Сеть электропередач скорее всего останется в руках Nepco, а распределением электроэнергии будут заниматься новые структуры.

Аравийские монархии также начали осуществлять частные электроэнергетические проекты. При этом наиболее амбициозный план приватизации сферы коммунальных услуг среди стран Персидского залива разработан в Абу-Даби. Программа предусматривает коренную перестройку этой отрасли с тем, чтобы расширить инвестиции частного сектора и повысить эффективность.

Наряду с планируемым расширением электростанции «Taweelah B», другие новые проекты будут реализовываться на условиях «build-operate» (BO). Кроме того, планируется разделить активы принадлежащего государству Управления по водоснабжению и электроэнергетике (WED) между четырьмя подразделениями. В области распределения энергии предполагается создать две новые компании для обслуживания районов Абу-Даби и Аль-Айн. Структуры по производству электроэнергии и опреснению воды будут преобразованы в четыре новые независимые компании. В процессе приватизации намечается привлечь частный капитал. В то же время

в области обеспечения электроэнергией сельских поселений, а также над передачей ее на расстояние в целом правительство сохранит полный контроль.

Удерживая в своей собственности новую структуру, ведающую передачей энергии, государство оставляет себе роль посредника между компаниями в области ее производства и распределения. В этой связи важно отметить, что, находясь в положении покупателя и продавца электроэнергии и воды одновременно, власти ОАЭ смогут устанавливать цены для потребителей, а, следовательно, оставят за собой право определять уровень субсидий.

Созданный в 1997 г. постоянный комитет, которому поручена приватизация WED, уже завершил разработку базы регулирования процесса разгосударствления и приступил к решению комплексных задач, связанных с реорганизацией этой структуры. Кроме того, был объявлен тендер на осуществление первого независимого энергетического и водохозяйственного проекта в Абу-Даби – расширение электростанции «Taweelah A–2». Восемь иностранных компаний должны были до 31 марта текущего года представить предложения на торги по строительству энергетического комплекса мощностью 480–580 МВт. Выигравший участник получит 40% акций новой коммунальной компании, которая будет строить, владеть и эксплуатировать станцию.

Указанный комитет оправдал возлагавшиеся ожидания как с точки зрения оперативности и разворотливости в действиях, так и методах выполнения программы. Он, несомненно, выиграл от сформирования в самом начале своей работы группы опытных международных консультантов. Кроме того, ему помогла сильная политическая поддержка со стороны правительства.

Соседний эмират Дубай демонстрирует совершенно другой подход к сектору общественного пользования. Правительство заявило, что у него нет планов немедленной приватизации Управления по электроэнергетике и водоснабжению Дубая (DEWA). Его цель состоит в трансформации DEWA в прибыльную самостоятельную коммерческую структуру путем постепенного сокращения субсидий на коммунальные услуги. С начала декабря 1997 г. тарифы на электроэнергию в эмирате возросли, согласно оценке, на 30%. Тем не менее, поскольку считается, что издержки производства все еще выше тарифов, установленных для потребителей, дальнейшее повышение последних кажется неизбежным.

Первый частный энергетический проект в странах Персидского залива – электростанция «Maqah» начала действовать в Омане в конце 1996 г. Министерство электроэнергетики и водоснабжения султаната покупает электроэнергию у владельца станции – «United Power Company», а затем продает ее потребителям по субсидируемым ценам.

Торги на строительство второй частной электростанции «Salalah» были назначены на весну 1998 г. Выигравший участник построит электростанцию мощностью 200 МВт на юге султаната и приобретет в собствен-

ность имеющиеся мощности по производству, передаче и распределению энергии в прилегающем районе. Кроме того, он спроектирует, обеспечит финансирование и соорудит новые мощности по передаче энергии. Компания–оператор будет эксплуатировать и обслуживать электростанцию, включая сбор платежей за пользование электроэнергией, в течение тридцати лет. Как ожидается, правительство будет нести ответственность за установление тарифов и сборов за подключение.

Согласно заявлениям представителей руководства Саудовской Аравии, частный капитал должен играть центральную роль в финансировании расширения и модернизации электроэнергетической системы королевства. Однако, несмотря на это, торги на строительство электростанции «Shuaiba» мощностью 1750 МВт включали два варианта условий: «под ключ» и «build–own–operate» (BOO). Саудовское правительство, с одной стороны, оценило, что электроэнергетический сектор в ближайшие 20 лет потребует инвестиций на сумму свыше 100 млрд. долл. В то же время оно осознает, что подписание контракта на условиях BOO было бы идеально увязать с реформами в области тарифов и реструктуризацией всего сектора. Эти проблемы обсуждались, однако никаких мер до сих пор не принято. Поэтому участники торгов полагают, что выбор варианта «под ключ» более вероятен.

В целом же, учитывая современные тенденции в развитии экономики арабских государств, которые свидетельствуют о непрерывном росте хозяйственного потенциала в частнопредпринимательском секторе и стремление увеличить удельный вес приватизированной собственности за счет разгосударствления некоторых отраслей, можно сказать, что уже, видимо, в обозримой перспективе частный капитал будет играть все более заметную роль в арабской электроэнергетике, в ее финансировании, в управлении ею в рамках программ реструктурирования экономики и адаптации ее к рыночным схемам функционирования.

ПРОБЛЕМА ИНОСТРАННЫХ И ЧАСТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В СИРИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Начиная со дня обретения страной независимости, в Сирии было издано немало законов, направленных на поощрение инвестиций. Однако они оказались не в состоянии привлечь ни местные, ни иностранные капиталы. Причины этой ситуации кроются в недостаточных гарантиях, которые предоставляли эти законы, а также в том, что инвесторов пугали преобразования в свете политики социалистических перемен, проводимых Сирией, начиная с революции 8 марта 1963 г. Это происходило несмотря на то, что законы заверяли в защите частной собственности и гарантировали ее от изъятия, конфискации и национализации (кроме исключительных случаев в общественных интересах, причем со «справедливым возмещением»).

Начиная с 1952 г. были изданы многочисленные законодательные указы и законы с целью поощрения инвестирования и привлечения иностранных капиталов. Так, законодательный указ № 103/1952 г. предполагал освобождение промышленных объектов от следующих налогов:

- от таможенных налогов на машины, оборудование, инструменты и строительные материалы, необходимые для строительства, которые импортировали промышленные компании для возведения конкретного промышленного проекта (пункт 4);

- от налога на землю сроком на 6 лет для новых построек, административных зданий, жилых домов для рабочих и служащих, а также на машины, промышленные инструменты, имевшие отношение к новым строениям и входившие в стоимость земель, занятых под промышленные учреждения (пункт 5);

- от подоходного налога, резервов, предназначенных для расширения промышленного объекта, при соблюдении следующих двух условий (пункт 6): а) эти суммы не могли превышать 10% ежегодной прибыли после вычета общих расходов и перед вычетом других резервов; б) эти суммы необходимо было инвестировать в расширение промышленного объекта в течение 2-х лет с даты их реализации;

- от патентного сбора сроком на 6 лет с начала эксплуатации (пункт 7)¹.

Следует заметить, что в 50-е годы политика поощрения инвестиций распространялась только на промышленный сектор. Здесь не подразумевались ни сельскохозяйственный сектор, ни сфера услуг – туризм и проч.

Освобождение от таможенных пошлин касалось только основного капитала, предоставленного на нужды строительства, закупки машин, инструментов и оборудования. Это освобождение не коснулось транспортных средств и сырьевых материалов, которые постоянно импортировались.

Необходимо отметить, что законодательный указ № 103 уравнивал машины и земли с налогом на прибыль. Эта ошибка периодически повторялась и поэтому требование отменить налог на машины стало одним из наиболее настойчивых требований частных и иностранных инвесторов. Причина заключается в двойственности данного налога и превращении его в дополнительный расход, который увеличивает стоимость строительства промышленного объекта. Кроме того, резервы, прибавляемые к капиталу и эксплуатируемые при обновлении и расширении, в других странах освобождаются от подоходного налога, между тем в Сирии освобождение от подоходного налога ограничивалось тремя годами.

Наконец, законодательный указ № 103 распространялся на все промышленные предприятия, ставя в одинаковое положение все проекты, выполнявшиеся в слаборазвитых губерниях и в важных секторах национальной экономики.

Тем не менее, процесс индустриализации в Сирии начался на основе законодательного указа № 103, который предоставлял определенную экономическую защиту продукции национальной промышленности с помощью взимания таможенных пошлин на конкурентную импортируемую продукцию. Большинство промышленных объектов в Сирии до 1991 г. основывалось на действии законодательного указа №3.

С началом мартовской революции 1963 г. государство ограничило большинство инвестиций только государственным сектором. И только в начале 1990 г. были изданы инструкции министерства промышленности о расширении зоны влияния проектов частного сектора. После этого инвесторы стали оформлять разрешения в широком масштабе на основании указа № 103. Так, Министерство промышленности в 1991 г. выдало разрешения на выполнение 3308 проектов на сумму 7,5 млрд. сир. ф. Всего же за 1990–1993 гг. на основе указа № 103 в Сирии были осуществлены проекты на сумму почти равную сумме всех проектов частного сектора, осуществленных до 1990 г. Распределялись они следующим образом:

- пищевая промышленность – 4554 объекта;
- химическая промышленность – 4686 объекта;
- «инженерная промышленность» – 8631 объект;
- текстильная промышленность – 16018 объектов.

Географически все эти объекты, выполненные на основании указа № 103, разместились в следующем порядке:

Дамас и Дамасская область – 55%, губерния Алеппо – 25, губерния Хомс – 5, губерния Латакия – 4, губерния Хама – 1,3, губерния Тартус – 2,5, губерния Дерса – 2, губерния Сувейда – 1, губернии Идлиб, Хасеке и Дейр эз-Зор – по 0,8 и губерния Ракка – 0,5%².

Эти сведения свидетельствуют о концентрации объектов в Дамаске и Алеппо, а также в Хомсе и Латакии. Доля остальных губерний крайне мала, следовательно, миграция в города будет продолжаться, особенно в Дамаск, Алеппо, Хомс и Латакию.

Освобождение от налогов в сельскохозяйственном секторе началось еще в 1948 г. в соответствии с указом № 85, четвертый пункт которого предполагал освобождение прибылей от подоходного налога сельскохозяйственных инвесторов, занимающихся сельскохозяйственными работами. С другой стороны, существовали отдельные налоги, которые должны были оплачивать другие сектора при использовании или экспортировании сельскохозяйственной продукции. Примером таких налогов может служить налог, который оплачивали промышленные компании в сумме 95% стоимости местной сельскохозяйственной продукции, используемой в качестве сырья.

Законодательный указ № 10 от 1986 г. стал важным законом, поощрявшим инвестиции в сельское хозяйство Сирии. Заметим, что этот указ был издан спустя четверть века после начала сельскохозяйственной реформы. Важнейшей характеристикой этой реформы в Сирии стала ее направленность против феодальных производственных отношений и различных форм феодальной собственности в деревне, в результате чего заметно расширилась база крестьянской средней и малой собственности с попыткой перескакивания через кооперативную систему к прогрессивным формам инвестирования и к крупному производству. Однако эти планы не осуществились и их первичные условия не были реализованы. В результате сельское хозяйство переживало застой, а в первой половине 80-х начался спад производства и снижение доходности сельского хозяйства, что в этот же период привело к дефициту продуктов питания в стране. В результате был издан законодательный указ № 10 в 1986 г., который изменил сельскохозяйственную политику.

Этот указ предоставил права инвестирования сельскохозяйственным акционерным компаниям, в которых государство имело долю в 25% капитала в виде стоимости земли, предоставляемой государством фирме.

Указ также ограничил собственность участника в 5% капитала компании и поставил ее в зависимость от потолка собственности на землю, определенного действующим законодательством (пункт 6). Если принять во внимание, что законы сельскохозяйственной реформы ограничивали потолок собственности, но не ограничивали размеры имений или инвестиций (с помощью аренды от государства или др.), то это привело к сохранности больших земель, площадь которых превышает в десятки раз площадь, указанную как потолок собственности. Кроме того, указ № 10 давал право импортировать для нужд компании машины, оборудование, автомобили и т.д. Все эти импортируемые товары освобождались от всех налогов, финансовых и местных пошлин, а также от таможенных и прочих пошлин, но при условии запрета на продажу на местном рынке (пункт 8)³.

Здесь можно заметить, что это освобождение произошло в экономических условиях, когда преобладал запрет на импорт (кроме государственных объединений). Поэтому выигрыш компаний от освобождения от налогов, пошлин и ограничений являлся двойным поощрением.

Указ № 10 1986 г. также давал полное освобождение этим компаниям от налогов на их акции, капиталы, прибыли в течение первых семи лет, начиная с даты предоставления первого положительного баланса. То есть каждое учреждение, созданное акционерной компанией, получало преимущества освобождения от всех налогов в течение первых семи лет после объявления первой прибыли в этом новом созданном учреждении (пункт 9)⁴.

Этот указ освободил сельскохозяйственные акционерные компании от ограничений на обращение с твердой валютой, и разрешил использовать 75% стоимости экспорта их продукции для прямого покрытия их импортных нужд и обязательств за границей (пункт 10).

Высший совет по туризму во главе с премьер-министром и министрами внутренних дел, экономики, туризма, снабжения, транспорта, связи, культуры и планирования принял в 1985 г. решение № 186, имеющее силу закона, которое предполагало следующие поощрения инвестиций в туристические учреждения:

1) освобождение гостиниц от всех налогов, финансовых и локальных пошлин, какими бы они ни были при получении разрешений на их сооружение;

2) разрешение импортировать стройматериалы, инструменты, оборудование, автомобили, мебель и все необходимое для оборудования этих учреждений на соответствующем уровне, с освобождением этого импорта от всех таможенных налогов и финансовых пошлин, какими бы они ни были, но при условии – чтобы сумма импортируемых товаров не превышала 50% оценочных инвестиционных расходов;

3) разрешение ежегодного импорта на сумму не более 3% от реализованного в предыдущий год дохода с целью обновления обстановки этих учреждений без таможенного и финансового освобождения, чтобы поддерживать необходимый уровень;

4) освобождение сроком на семь лет с начала эксплуатации этих объектов от всех финансовых налогов и пошлин, какими бы они ни были.

Указанное решение предоставило хозяевам гостиниц и тем, кто эксплуатирует туристические объекты первой и второй категории, те же преимущества, за исключением понижения потолка освобождения от налогов и пошлин до 30% (вместо 50% для объектов высшей категории) от всех оценочных инвестиционных расходов, а также освобождение на 50% ежегодных прибылей от подоходного налога⁵.

В результате число гостиниц высшей и первой категории увеличилось до 36 в 1995 г. по сравнению с 12 в 1985 г.

4 мая 1991 г. Сирия приняла новый закон о поощрении инвестиций. В предисловии к этому закону говорилось, что он является продолжением

усилий государства «в направлении финансовых излишков на развитие производства в рамках экономической политики на принципах опоры на свои силы при использовании имеющихся возможностей частного и смешанного секторов и их поощрение всеми способами на участие с государственным сектором в строительстве экономической базы в стране и в осуществлении планов развития»⁶.

В предисловии к этому закону было также указано, что он идет «в ногу с политикой различных стран мира, особенно развивающихся стран, с целью принятия мер, ведущих к умножению их ресурсов и развитию их различных экономических секторов путем создания подходящего инвестиционного климата, что, в свою очередь, помогает привлечению местного и иностранного капитала для использования его в производственных каналах, что приносит стране добро и пользу»⁷.

Закон допускал применение некоторых привилегий и льгот для существующих проектов (за исключением освобождения от налогов и пошлин) в соответствии с их важностью для национальной экономики. При этом стоимость недвижимости, машин, оборудования и аппаратуры, а также транспортные и туристические средства и другие импортируемые средства производства, которые применяются исключительно для данного проекта, не должна была превышать десяти миллионов сирийских фунтов. Эту сумму может изменить решение Совета министров.

Высший совет по инвестициям во главе с председателем Совета министров и при участии некоторых других министров должен был контролировать выполнение этого закона. Закон также предусматривал создание отдела инвестиций, в задачу которого входила передача инвестиционных проектов, направленных в этот отдел, в Высший инвестиционный Совет и контроль за выполнением его решений, а также принятие жалоб инвесторов и попытки их разрешения.

Часть третья этого закона была посвящена определению преимуществ, льгот и освобождений, которые заключались в следующем:

1) исключение из закона о валютном обращении. Теперь инвестор получал возможность импортировать все для нужд проекта, несмотря на ограничения по закону об импорте, не подвергаясь действию закона о валюте. Закон освободил такого рода импорт от всех налогов – финансовых, локальных, а также от таможенных и других пошлин при условии использования импорта исключительно для данного проекта. Закон также разрешил импорт туристических легковых машин, необходимых для использования дирекцией объекта и работниками, в количестве необходимом объекту, что должно быть подтверждено соответствующими органами.

2) освобождение от налогов: в этом аспекте закон обособил те проекты, которые осуществляются при помощи смешанных компаний, где государство имеет долю капитала (не менее 25%). Они освобождались от всех налогов и пошлин с даты учреждения до конца седьмого года после начала производства или введения в эксплуатацию в соответствии с природой проекта. Это освобождение охватывало каждое учреждение, созданное

компанией, где она имеет долю не менее 50% капитала. Однако освобождение от налогов для проектов, осуществляемых отдельными лицами или частными компаниями, не входящими в смешанные компании, ограничивалось пятью годами с даты учреждения до конца пятого года с начала производства или введения в эксплуатацию⁸.

Закон также предусмотрел дополнительное освобождение еще на два года для тех проектов, сумма эксплуатируемых товаров и услуг которых за время освобождения превышает 50% их производства, с целью поощрения и направления инвесторов на те действия, которые обеспечивают поступление большего количества валюты.

Закон позволял инвестору открывать валютный счет в Коммерческом банке Сирии в интересах его разрешенного проекта, где в графе «дебит» записывается 100% всего оплаченного учредительного капитала в валюте плюс кредиты, которые инвестор получает в валюте, а также 75% всей полученной валюты в результате экспорта товаров и услуг, связанных с его деятельностью. В графе «кредит» записываются все суммы, необходимые для всех нужд проекта в валюте, в том числе те суммы, которые разрешено переводить эмигрантам и гражданам арабских и иностранных государств, участвующих в учредительном капитале и работающих на объекте (рабочие и техники–эксперты). Это позволялось гражданам других арабских стран и иностранцам, но не сирийцам.

Цель принятия закона заключалась в обеспечении атмосферы доверия и безопасности инвесторам, которые оплатили свою долю участия валютой (сирийцы–эмигранты, граждане других арабских стран и иностранцы). Это означало также, что государство не несет обязанности по обеспечению проекта иностранной валютой.

Пункт 17 Закона обязывал Коммерческий банк Сирии держать деньги инвесторов до их востребования, помимо оплаты положенного процента в текущих нормах.

Закон предоставил смешанным компаниям, в которых доля государственного сектора не менее 25%, право составлять свой особый Устав – устав работы работающих в этих компаниях. Закон разрешил также переводить иностранный капитал вместе с его прибылью за границу в той же валюте, которой был оплачен проект или в любой другой конвертируемой валюте. Закон также разрешил сирийским инвесторам–эмигрантам и гражданам других арабских государств и иностранцам (доля которых была оплачена в иностранной валюте) возвращать стоимость своих чистых долей из проекта за границу в валюте по прошествии пяти лет после начала эксплуатации объекта.

Если обстоятельства помешали использовать внешний капитал, то Закон разрешал инвестору перевести деньги за границу через шесть месяцев после их поступления. Также разрешалось ежегодно переводить за границу прибыли и проценты с этого капитала.

Приток инвестиций после выхода закона № 10 начался медленно и осторожно: так, число промышленных и сельхозпроектов, в первый год

охваченных законом, не превышало 64. Однако транспортные проекты за это время достигли 39, а их стоимость 18,8 млрд. сир. ф. Большинство этих проектов принадлежало сирийским инвесторам, проживающим в Сирии, и почти отсутствовали арабское и иностранное участие, если не считать ливанских инвесторов в первых двух проектах, капиталы которых были относительно малы. Большинство промышленных и сельскохозяйственных проектов, охваченных этим законом, были сосредоточены в пищевой и перерабатывающей промышленности (переработка овощей и фруктов, их охлаждение, расфасовка, покрытие воском, хранение и упаковка).

В 1994 г. число проектов, охваченных этим законом, возросло. Так, число промышленных и сельскохозяйственных проектов достигло 173, а транспортных – 278. Стоимость этих проектов составила 105 млрд. сир. ф. В этом же году расширились области инвестирования, охватывать которые ранее закон не позволял. Например, в области пищевой промышленности на средства частных инвесторов были построены предприятия по переработке и консервированию рыбы, производству картофельного порошка; в области текстильной и швейной промышленности созданы проекты по производству ковров, паласов и молельных ковриков. Также было дано разрешение одному инвестору из Кувейта построить комплекс для производства пряжи и текстиля. Ранее Совет по инвестициям не давал согласия на подобные комплексные проекты, опасаясь их конкуренции с продукцией государственного сектора. В области химической промышленности и строительных материалов частный капитал был вложен в проекты по производству типографических чернил, шин, лабораторных химикатов, сжиженных газов, высококачественной губки и аккумуляторов для домашнего пользования. Совет также впервые дал согласие на выполнение проектов по производству цемента, но только для сирийских и других арабских инвесторов на основе смешанных акционерных компаний или компаний с ограниченной ответственностью в соответствии с нормами, изданными решением Совета по инвестициям. Кроме того, частный капитал получил разрешение на осуществление проектов по производству оборудования для орошения, электронных аппаратов (телефонов, магнитофонов, радиоприемников), электродвигателей, кузовов для грузовиков и шасси для автобусов. Число смешанных проектов, выполняемых сирийскими, арабскими и иностранными инвесторами, достигло 46. Они принадлежали инвесторам из 21 страны, среди них 8 арабских и 13 иностранных государств⁹. Большинство инвестиций сконцентрировалось в Дамаске, Дамасской области и в Алеппо, возросло также число инвесторов и более разнообразной стала их гражданская принадлежность.

В 1996 г. частному капиталу были выданы разрешения на осуществление 99-и сельскохозяйственных и промышленных проектов с оценочным капиталом в 77 млрд. сир. ф. и 115 проектов по развитию транспорта с оценочной стоимостью в 25 млрд. сир. ф., причем большинство проектов снова концентрировалось в Дамасской области и в губернии Алеппо. Сле-

дует также заметить, что Совет продолжал «открывать» частному капиталу новые сферы для его деятельности в Сирии. Например, впервые в истории страны частные инвестиции были направлены в производство выделанной кожи и выпуск-тройных и одинарных суперфосфатных удобрений, выпуск трансформаторов и т.д.

Общее число промышленных и сельскохозяйственных проектов, разрешенных к реализации с момента выхода закона и до конца 1995 г., достигло 604 с оценочной стоимостью в 205 млрд. сир. ф. А число полностью выполненных промышленных проектов и имевших промышленную регистрацию достигло 148 стоимостью около 24 млрд. сир. фунтов.

Число занятых в выполненных и выполняемых проектах превысило 25 тыс. чел. Следует, однако, заметить, что из общего числа проектов, разрешенных в 1991 г., процент выполненных составил 85%, процент выполняемых составил 11, процент же невыполненных проектов составил 4%. В 1992 г. эти данные выглядели следующим образом: процент выполненных проектов составил 56%, процент выполняемых – 37%, а невыполненных – 7%. В 1993 г. – соответственно 18, 28 и 54%; в 1994 – 2; 35 и 63%; а в 1995г. – 0; 20 и 80%¹⁰.

Таким образом, выявляется четкая тенденция роста числа тех проектов, на которые были получены разрешения, но к реализации которых инвесторы не приступали. При этом по губерниям средний процент выполнения промышленных и сельскохозяйственных проектов составил за период 1991–1995 гг.: Дамаск – 67%, Дамасская обл. – 52%, Алеппо – 60%, Хомс – 49%, Хама – 75%, Латакия – 61%, Тартус – 20%, Дерья – 73%, Сувейда – 47%, Идлиб – 67%, Дейр эз-Зор – 30%, Ракка – 11%, Ха-секе – 0%.

Таким образом, издание в 1991 г. закона № 10 привело к увеличению стоимости проектов, выполняемых частным капиталом: за период 1991–1995 гг. инвестиционная стоимость выполненных проектов, которые создавались в соответствии с законом, составила около 36 млрд. сир. фунтов, в то время как стоимость начатых и выполняемых проектов составила около 55 млрд. сир. фунтов. Осуществление закона об инвестициях привело к тому, что частный сектор выполнил также и дополнительные промышленные проекты в соответствии с действием законодательного указа № 103 от 1952 г., стоимость которых составила около 21,2 млрд. сир. фунтов. В результате активизировался ремесленный сектор, где стоимость осуществленных инвестиций достигла около 2 млрд. сир. фунтов.

К этому можно прибавить и то, что частный сектор пришел и в новые промышленные области – цементную и создание промышленных комплексов (пряжа, текстиль, крашение, печатание), производство генераторов, аккумуляторов, шин для автомобилей и др. Увеличение инвестиций частного сектора привело к росту доли этого сектора в валовой продукции на 166% за тот же период.

Кроме того, в результате принятия закона в области производства появились новые продукты вместо импортируемых и частично накопились

товары для экспорта. Это положительно повлияло на сирийский торговый баланс. Также улучшилось качество товаров, уменьшились цены на них из-за конкуренции между производителями.

Охваченные законом проекты, создали дополнительное число рабочих мест для людей, непосредственно занятых этими проектами. Но косвенным образом появились новые возможности занятости при выполнении этих проектов и работе с их продукцией. Это помогло дать работу сирийским гражданам с техническим и нетехническим образованием. Этого, однако, недостаточно, если учесть, что в Сирии ежегодно рождается полмиллиона детей и предполагалось создать 100 тыс. рабочих мест. В 1996 г. в Сирии насчитывалось 360 тыс. безработных¹¹.

Несмотря на важность роста числа выполненных и выполняемых проектов с точки зрения привлечения инвесторов самым главным остается количество проектов, выполненных действительно или тех из них, которые выполняются.

В отношении сельхозсектора все показатели говорят о том, что инвестиции по закону №10 не были произведены на требуемом уровне. Ведь из 51 охваченного этим законом проекта было только три выполненных в области орошения и бурения скважин общей стоимостью 269 млн. сир. ф., т.е. 1,2% общей стоимости всех охваченных законом проектов. Фактически была обеспечена занятость 167 человек из полагаемых 3118, т.е. 5%.

В области промышленного сектора имелось 647 охваченных законом проектов, из них 145 были выполнены, т.е. процент выполнения достиг 22%, а число занятых рабочих мест – 12 тыс. из предполагавшихся 48 тыс., т.е. 25%. В стадии выполнения находится 161 проект общей стоимостью 39 млрд. сир. ф., которые должны по окончании увеличить число рабочих мест почти на 12 тыс.

Необходимо указать на то важное обстоятельство, что в сфере морского и речного транспорта не было осуществлено ни одного проекта. Относительно сухопутного транспорта процент выполнения составил 42%, было обеспечено 12,5 тыс. рабочих мест из намечавшихся 52 тыс., т.е. 25%.

К негативным сторонам последствия действия закон а можно отнести, как представляется, следующие замечания. Слишком мало было выполнено промышленных и сельскохозяйственных объектов по сравнению с общим числом всех проектов и по сравнению с объективными целями закона об инвестициях, во главе которых были увеличение количества и номенклатуры местной продукции и рост количества рабочих мест. Любопытно также заметить, что сумма освобождений от таможенных пошлин импортируемого оборудования в 1996 г. для нужд промышленных и сельхозпроектов составила 1,34 млрд. сир. ф.¹², т.е. доля каждой промышленной компании от таможенного освобождения равнялась 4,944 млн. сир. ф. Между тем, таможенные освобождения транспортных проектов составили 28,9 млрд. сир. ф., т.е. доля каждой транспортной компании от таможенного освобождения составила 85,616 млн. сир. фунтов. Отсюда: среднее

освобождение от таможенных пошлин на импорт промышленного и сельскохозяйственного оборудования составило 6,6%, а на импорт транспортных средств – 280%. Кроме того, большое число охваченных законом проектов не имело прибылей в первый год вследствие понижения спроса на местном рынке, затруднения экспорта и конкуренции. Наконец, следует указать на малый процент выполнения проектов, который был меньше 25% для промышленных и сельскохозяйственных проектов (10,2% общей стоимости) и около 42% для транспортных проектов¹³.

Кроме того, стоимость одного проекта в среднем не превышала 3 млн. долларов, что было крайне недостаточным по сравнению с инвестициями в государственном секторе или в современных промышленных проектах, где для одного проекта требуются сотни миллионов долларов.

Некоторые отчеты показывают, что 60% сырьевых материалов и других нужд производства импортируются из-за границы, следовательно, мы можем сделать вывод о том, что выполнение инвестиционных проектов, а также выполняемые проекты не отразились во многом на работе учреждений, производящих полуфабрикаты, не говоря о том, что стоимость импорта частного сектора достигла 34,5 млрд. сир. ф. за 1996 г., в то время как экспорт частного сектора составил лишь 12,7 млрд. сир. ф.¹⁴

Представляется, что для исправления создавшегося положения, следовало бы предпринять следующие меры. Разрешить свободный возврат капитала и прибыли, без дополнительных затрат, связанных с многочисленными бюрократическими процедурами. Кроме того, закон №10 от 1991 г., поощряющий инвестиции, гарантирует в пункте 25 разрешение на перевод денег за границу, за исключением соблюдения установленных Министерством экономики и внешней торговли норм, которые гласят, что эта гарантия не означает возможности замены сирийских фунтов их эквивалентами в иностранной валюте. Понятно, что этот пункт закона отпугивает потенциальных инвесторов.

Следует перестроить на современный лад банковскую систему, т.к. государственные банки медленно выполняют банковские операции, что не содействует оживлению частного сектора.

Первые шаги в этом направлении уже были сделаны. Так, до недавнего времени сирийские бизнесмены были вынуждены поводить свои сделки и торговые дела через свои валютные счета за границей. Начиная с 1996 г., они имеют право открывать свои валютные счета в Сирии без объяснений источника получения иностранной валюты. Необходимо также поднять процент за срочные вклады в банках, который сейчас достигает 9%, что намного ниже текущей инфляции, которая составляет более 20%¹⁵. К тому же процент по срочным вкладам колеблется от 3 до 10%, что приводит к тому, что накопления не идут в банки, а за границу или в покупку земельных участков.

Длительное время накопления вливались в некоторые незаконные финансовые учреждения, которые предоставляли номинальные проценты от 30 до 40% и поэтому притягивали сотни тысяч накопленных денег, что

привело к глубокому кризису в экономике частного сектора (так называемые финансовые пирамиды). Здесь необходимо указать на то, что в июне 1994 г. закон № 8 запретил существование таких финансовых пирамид, одновременно были предоставлены кредиты некоторым пострадавшим инвестиционным проектам.

До сих пор в Сирии нет биржи, которая могла бы стать одной из форм вложения капитала, хотя проект закона об ее открытии был подготовлен несколько лет тому назад.

Имеющиеся статистические данные показывают мизерность доли ассигнований на износ основного капитала. Отсюда можно сделать вывод о необходимости расширения инвестиций, увеличения нормы накопления капитала и необходимости перестройки инвестиционной структуры в соответствии с ролью производственных секторов и секторов услуг.

Рассматривая законы о поощрении инвестирования в Сирии, можно заметить, что все они имеют общую особенность, которая заключается в том, что основное преимущество, поощряющее инвесторов, будь они сирийцами, постоянно живущими в Сирии, эмигрантами, арабами из других стран или иностранцами, состоит в освобождении от налогов и таможенных пошлин. Опыт доказал недостаточность этого способа привлечения капиталовложений извне.

Многие инвестиционные законы не дают полного освобождения от таможенных пошлин и налогов, как средства поощрения инвестиции, как, например, в Иордании и Марокко, где были достигнуты определенные успехи.

Можно заметить, что нынешний опыт поощрения инвестиций, применяемый в настоящее время в Сирии, опирается на метод соблазна погони за прибылью, а не на поощрение развития, ведь освобождение от налогов и таможенных пошлин дается в целях возмещения расходов, мешающих инвестированию, вследствие неподходящих условий и ограничений, имеющих в некоторых законах, общей экономической политике, внешнеторговых системах и т.д. Такая форма компенсации возмещения, как соблазн получения коммерческой и финансовой прибыли, приводит к возведению тех проектов, где преобладает тенденция к достижению легких и больших прибылей при помощи льгот, освобождений при импорте, и где не требуется серьезного инвестирования. Это делает внутренний оборот в национальной экономике неполным и увеличивает вывоз капитала за границу. В Сирии увеличение инвестиций и рост экспорта товаров, производимых на новых инвестиционных объектах, меньше увеличения доходов, получаемых от эксплуатации этих новых объектов, где процент экспорта достигает только 2/3 объема доходов, что, в свою очередь, приводит к убыткам в балансе иностранной валюты в стране.

Нельзя также не отметить некоторые трудности, с которыми встречаются инвесторы в Сирии. Например, в стране действуют сразу 3 валютных курса, согласно которым сделки по некоторым товарам осуществляются из расчета 1 долл. США = 11,25 сир. ф., по другим – из расчета 1

долл. = 23 сир. ф., по третьим – 1 долл. = 43,5 сир. ф. Понятно, что это создает проблемы и многие трудности и отрицательно отражается на большинстве сторон экономической деятельности. Различие курса обмена валюты путает такие заинтересованные стороны, как таможня, министерство экономики, банки, центральное статистическое бюро и другие заинтересованные министерства. А также это различие влияет на статистические данные таким образом, что они не дают реальных показателей об экономике.

Кроме того, различие курса помогает в игре коммерсантов со счетами, где предоставляются счета с нереальными цифрами с целью получения выгоды от низкого курса доллара.

К тому же, в 1986 г. вышел закон № 24 о борьбе с «черным режимом» валюты, по которому нарушители этого закона приравнивались к преступникам и подлежали тюремному заключению сроком на 15–25 лет. Это вызвало отрицательную реакцию ряда иностранных инвесторов, что сказалось на их активности в Сирии.

Предполагалось, что большинство разрешенных проектов в соответствии с законом № 10 для поощрения инвестиций, будет создаваться в виде акционерных компаний, особенно в промышленности. Целью этого мероприятия была аккумуляция малых накоплений и средств, переведенных сирийцами, проживающими за границей. Большинство этих средств традиционно идет в область строительства и покупки земель из-за отсутствия необходимых сфер инвестирования. Кроме того, создание таких акционерных компаний должно было подорвать основы создания финансовых пирамид, от которых пострадала значительная часть населения. Однако такие компании практически не создавались из-за отсутствия в законе четких положений, определяющих их деятельность.

Часто объекты строятся хаотически, в отдаленных районах, без учета их распределения по различным губерниям, без учета расхождений в уровне развития, без учета воздействия на миграцию из деревни в город, экологических требований, близости или удаленности этих учреждений к местам проживания. Отсюда следует при выдаче разрешений на сооружение того или иного объекта принимать во внимание дифференцирование районов и секторов экономики, исходя из последствий воздействия их строительства на экономическое и социальное развитие.

Подходный налог в Сирии доходит до 92,4% прибылей, помимо налога на оборудование. Например, текстильный завод платит налог на основной капитал в добавок к налогу на прибыль. Этот налог взимается со всех предприятий действующей промышленности, созданной до Закона № 10, а также взимается с предприятий, которые создаются сейчас вне Закона №10, т.е. с тех предприятий, учредительный капитал которых составляет менее 10 млн. сир. ф. Это приводит к тому, что инвесторы и граждане пытаются избежать уплаты налога и к тому, что многие частники боятся инвестировать в Сирии. Отсюда назрела необходимость изменения налоговой системы.

Доходы от экспорта уменьшились с 47,3 млрд. сир. ф. в 1990 г. до 39,8 млрд. сир. ф. в 1994 г. Это произошло вследствие роста конкуренции на внешнем рынке и увеличения себестоимости экспортируемых товаров. В Сирии фактически нет реального поощрения экспорта по сравнению с другими странами, которые проводят политику поощрения экспорта, например, освобождение экспортеров от части налогов. Сирийский экспортер обязан платить подоходный налог как и любой другой производитель. А финансовый инвестиционный закон, несмотря на поощрение экспорта, дает экспортеру только 75% стоимости его товара в валюте для покрытия нужд производства или продажи валюты другим импортерам. Как известно, государство закупает 25% вырученной валюты по курсу 43 сир. ф. доллар, в то время как рыночный курс составляет 52 сир. ф. В последнее время министерство финансов берет к тому же подоходный налог с разницы курса доллара в соседних странах и курсом в 43 сир. ф. Так как Сирия проводит политику покрытия импорта валютой, полученной от экспортных доходов, то она нуждается в пересмотре подобной политики путем уменьшения налогов и снятия ограничений для экспортеров.

Большую роль в защите капиталовложений в Сирии призван играть ее Центральный банк, занимающий главное место в национальной финансовой системе. Дело в том, что при финансировании различных проектов развития, особенно крупных, иногда возникает «брешь в финансировании», т.е. разрыв между государственными доходами и расходами, которая покрывается путем заимствования средств у Центрального банка. Это означает, что за счет выпуска государственных облигаций создается новая покупательная способность. Такой метод кредитования отличается от внутренних займов за счет частных лиц и организаций тем, что не требует начисления процентов и возврата первоначальной суммы долга, ибо здесь нет займа как такового. Таким образом, не надо в этих целях и вводить дополнительные налоги. Но такая практика подвергает национальную экономику угрозе инфляции и может подорвать доверие к государственным финансам. Традиционная политика не поощряла выпуск государством новых партий бумажных денежных знаков в целях получения дополнительных средств, а затем изъятие лишних денег из обращения при первой возможности к этому. Ведь выпуск бумажных денег в этом случае можно считать по существу несправедливым скрытым налогом, который распространяется на все население. Современные же казначейства и министерства финансов, не отрицая тех опасных ошибок, которые могут случиться в результате нерегулируемой расширенной денежной эмиссии с целью получения поступлений для покрытия бюджетного дефицита, тем не менее не препятствуют государству прибегать к этому методу как средству вмешательства в экономические процессы для организации производства, регулирования цен и борьбы с безработицей, наравне с другими средствами.

Результаты, к которым приводит создание новой покупательной способности (путем дополнительной эмиссии), определяются тем, как она

будет использоваться. Если полученные таким образом средства будут направлены на покрытие управленческих расходов и текущих непроизводительных издержек, то это обернется инфляционными процессами для всей экономики.

Если же средства направляются на цели развития и на новые инвестиции, то это, естественно, будет содействовать росту производства и подъему уровня жизни, увеличению национального дохода. В этом случае рост производства сможет поглотить увеличение количества выпущенных в обращение денег, что не допустит инфляционного эффекта или ограничит его.

Несмотря на многие вышеупомянутые трудности для частных и иностранных инвесторов, в Сирии имеются многие благоприятные условия инвестиционного климата – безопасность, политическая стабильность и наличие ряда гарантий инвестору в сохранности его денег и инвестиций.

Сложность, однако, заключается в том, что потенциальных инвесторов отпугивают плановая основа развития сирийской экономики, продолжение курса на «социалистические преобразования» (согласно официальной риторике), непомерные расходы страны на поддержание обороноспособности, продолжающееся противостояние Сирии и Израиля в рамках ближневосточного конфликта, попытки США изолировать Сирию на международной арене, обвиняя ее руководство в «поддержке терроризма».

¹ Закон № 103 от 1952, Дамаск, 1952, с. 6 (на арабск. яз.)

² Д.Я.Хинди. Промышленные капиталовложения по закону № 103, Дамаск, 1993, (на арабск. яз.).

³ Закон об инвестициях, № 10, Дамаск, 1986, пункт 8.

⁴ Там же, п. 9.

⁵ Указ о поощрении инвестиций № 186, Дамаск, 1985.

⁶ Закон о поощрении инвестиций № 10, Дамаск, 1991.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Статистический сборник 1995, Дамаск, 1995, с. 50.

¹⁰ Подсчитано по: Статистический сборник, Дамаск, за соответствующие годы.

¹¹ Статистический сборник 1996, Дамаск, 1996, табл. 1/3.

¹² А.Далиля, Сирийская промышленность, Дамаск, 1997, с. 25.

¹³ Там же, с. 52.

¹⁴ Статистический сборник 1996, Дамаск, 1996, табл. 8/18.

¹⁵ Ас–Саура, 08.03.1997.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ИЗРАИЛЯ

В мае 1998 г. Израиль праздновал свое 50–летие. Осмысление пройденного пути и анализ стоящих перед обществом проблем – естественная потребность и людей, и государства в юбилейный год.

Какие же проблемы можно поставить в качестве приоритетных в современном израильском обществе?

Конечно же, широко обсуждаются все аспекты ситуации на Ближнем Востоке, мирный процесс, взаимоотношение Израиля с арабскими странами, вопросы национальной безопасности, военного потенциала.

Однако центр общественного внимания все больше и больше концентрируется на внутренних проблемах страны.

Основным фактором, воздействующим на жизнь общества, является, прежде всего, проблема обеспечения безопасности страны в целом и личной безопасности ее граждан. Последний аспект проблемы обострился по мере продвижения мирного процесса из–за усиления арабского терроризма.

В настоящее время по вопросам безопасности в израильском обществе сохраняется разделение между основными подходами ее обеспечения. Это в первую очередь связано с двумя основными моделями продвижения мирного процесса и определения дальнейшей судьбы оккупированных территорий, выдвигаемыми основными партиями Ликудом и Аводой. Взлет арабского терроризма, наблюдающийся с конца 1994, г. породил массовое недовольство израильтян, обвинявших тогдашнее правительство Рабина в неспособности обеспечить как национальную безопасность страны, так и «личное выживание» ее граждан. Именно из–за этого Авода потеряла накануне выборов 1996 г. много своих сторонников, склонившихся к отказу от поддержки этой партии в деле реализации мирных соглашений с палестинцами.

Становилось ясно, что арабо–израильские переговоры, мирный процесс не только не решают, а во многом обостряют внутриполитические трудности, способствуют обострению противоречий в обществе. Усиливались позиции сторонников торможения мирного процесса и усиления оборонного потенциала государства.

Параллельно с этим нарастающую обеспокоенность вызывали процессы, напрямую не связанные с арабо–израильским конфликтом. Все

большую тревогу вызывают у политиков проблемы, связанные с перспективами развития гражданского общества. Они считают, что наращивание военной мощи может оказаться бессмысленным, если в результате политических, культурных, этических и иных разногласий будет подорвано внутренне единство израильского общества.

Поэтому сегодня израильтяне яростно спорят не только о выводе израильских войск с территорий, но и современном состоянии сионизма, о роли религии, образовании, развитии этнических культур и о многом другом, что может служить как объединяющим, так и разъединяющим факторами жизни общества. «Какими бы ни были ожидающие Израиль внешние трудности, – подчеркнул в своей юбилейной статье известный израильский журналист Д.Контонер¹, – будущее страны зависит в первую очередь от того, сумеют ли ее граждане сохранить чувство общей судьбы».

Идеи национального единства и общей судьбы евреев были основополагающими в сионистском движении, поставившим целью собирание евреев мира в Палестине и создание государства Израиль. Сформулировав и ополитизировав эти идеи, сионизм стал сильнейшим объединительным фактором евреев мира, а после образования государства его основной идеологией. По существу, сионизм в течение нескольких поколений был (частично остался и сейчас) некой секулярной религией Израиля.

С помощью сионизма его основатели пытались решить и национальные, и социальные проблемы, построить на его основе справедливое демократическое общество, где новоприбывающие иммигранты как в плавильном котле слились бы в общую новую ивритскую культуру и нацию.

Необходимо подчеркнуть, что в системе сионистских партий возглавлявших деятельность по созданию «еврейского очага» в Палестине, а затем строительство государства Израиль, долгое время (до 1977г.) доминировали социалистические сионистские партии (МАПАЙ, блок Маарах)², которые определили своеобразие сионистской идеологии на этом этапе развития. По существу первое поколение израильтян верили, что в Израиле сионизм, призванный покончить с национальным угнетением – антисемитизмом и, слившись с социализмом, верой в справедливость, труд и социальное равенство, создаст демократическое еврейское государство. Для них сионизм имел революционное содержание. Недаром Бен-Гурион писал: «Сионизм – это революционное движение. Вряд ли можно найти революцию, которая бы глубже, чем сионизм, хотела изменить жизнь еврейского народа»³.

На первом этапе построения израильского государства «революционный дух» пионеров–основателей был необходим: страну нужно было создавать в тяжелейших социально–экономических и внешнеполитических условиях. «Революционная необходимость» оправдывала жесткий, в принципе, антидемократичный подход государства к основополагающей сионистской идее построения единой нации. Это привело к практически насильственному внедрению языка иврит, фактическому уничтожению идиша и насаждению ивритской монокультуры. В социально–

экономической сфере – контроль государственного и профсоюзного сектора в промышленности, построение сельского хозяйства на основе социалистических киббуцев.

Однако со временем в стране объективно началось быстрое развитие частного сектора сельского хозяйства и промышленности, начала развиваться социальная поляризация общества. Идея сионистских социалистов о построении общества равенства превращалась в миф.

Правящие социалистические партии теряли политическое влияние, отходили от своих лозунгов перерастания капиталистического общества в социалистическое.

Одновременно развивались межобщинные противоречия между евреями западного происхождения – ашкеназами и восточными евреями – сефардами, что также нанесло удар по идее национального единства.

Объективные процессы развития современного общества выдвигали все новые задачи, которые невозможно было решить только с помощью сионистских рецептов.

Поворотным пунктом послужила война 1967 г. и присоединение арабских территорий. Это изменило не только военно–стратегическое положение страны, но и ее внутренний политический, моральный облик, стало определенным рубежом в сионистском движении. После 1967 г. начался быстрый процесс поляризации сионистских партий за счет заката левосионистского крыла и усиления правого фланга сионизма⁴.

Как результат оккупации арабских территорий особую значимость приобрел религиозно–националистический компонент в сионизме. Начала муссироваться идея «исторического права еврейского народа на всю территорию Эрец Исраэль», легшая в основу поселенческого движения. Уже в августе 1967 г. возникло «Рабочее движение за неделимый Израиль», возглавившее еврейское освоение оккупированных территорий.

Одновременно поднимал голову еврейский фундаментализм. С 1974 г. действует организация «Гуш Эмуним» («Союз верующих»), которую принято считать олицетворением еврейского фундаментализма в Израиле⁵. Его развитие привело к появлению рычагов идеологического и культурного влияния на израильское общество, организации политического лоббизма, пытающегося противостоять уходу с оккупированных территорий и сворачивания там поселений. В идейном отношении фундаменталисты видят в самом акте оккупации такой же провиденциальный акт, как и создание государства Израиль. Эти идеи внесли свою лепту в политический раскол общества. Фундаменталисты выступают яркими противниками мирного процесса.

Все общество раскололось по вопросам оккупированных территорий на 2 блока «голубей» и «ястребов»⁶. В конце 60–х годов перед израильянами встала угроза раскола национального единства страны.

На выборах 1977 г. блок Маарах впервые в истории Израиля потерпел поражение и к власти пришел Ликуд. Это означало фактический конец доминирования «социалистического» этапа сионизма. Либерализация

экономики, проводимая Ликудом, привела к ослаблению государственного и профсоюзного секторов, к еще большей социально-экономической поляризации общества.

Это размежевание также подтачивало сионистскую моноидеологию и монокультуру. «Однажды начавшись, писал израильский автор Р.Нудельман, – процесс разлома монолитной структуры сионистского государства шел уже сам по себе, спускаясь с политического на более глубокие – культурные, этнические, религиозные уровни, захватывая все более широкие слои общества и становясь практически неуправляемым. Это рождалось на свет постсионистское общество»⁷.

Потерпела поражения и идея культурного «плавильного котла» нации. Провал этой идеи имеет объективный характер, т.к. противоречит переселенческому характеру государства Израиль, построенного на постоянной иммиграции людей из разных стран, несущих свою культуру, обычаи и язык страны прежнего проживания. Специфические «этнокультуры» объективно не смогли (да и зачем?) сплавиться в единую «израильскую культуру», единый «ивритский» народ.

Уже во время волны иммиграции 70–х годов процесс «обращения» в ивритскую монокультуру стал затрудняться, а затем окончательно провалился в 90–х годах. Не только «новая русская алия» двинулась в сторону сохранения своей языковой и культурной специфики. Одновременно с этим начала возрождаться богатая и сложная специфическая культура иммигрантов из арабских стран. Многие израильтяне видят здесь «крушение сионистского общества» и его сегментацию, явление более опасное, чем социально-экономический или военно-стратегический кризис⁸.

Хотя это и противоречит сионистской базовой концепции о создании единой ивритской монокультуры, здравомыслящие люди не видели в этом ничего дурного. Лидер оппозиционной партии Авода Э.Барак, например, считает, что «надо отказаться от представления об этнических культурах как о недостатке и начать видеть в них источник культурного богатства»⁹. Времена «плавильного котла» сменяются эпохой культурного плюрализма.

Те, кто говорит об опасной «сегментации» общества и о связанном с этим кризисом сионизма имеют, очевидно, в виду то, что Барак назвал образованием «внутренних духовных гетто». К этому можно отнести процесс все большего обособления ортодоксальных верующих от жизни общества, замыкание их в отдельные общины со своей историей, идеологией и образом жизни.

Разрушаются и другие ценности социалистического сионизма: идет не только социально-экономическая, но и культурно-мировоззренческая поляризация общества, островки «кибуцнического мышления» имеют мало общего с городской американизированной зажиточной буржуазией и т.д. Многие израильтяне, особенно старшего поколения, воспринимают неизбежное расслоение общества как потерю эгалитаризма, коллективной солидарности, воспетую сионистами–основателями государства, как утра-

ту «сионистских идеалов» нацеленности на общественные нужды, а не на личные интересы. Израильский автор И.Маркус считает: «реальность сегодня такова: люди устали из поколения в поколение нести на своих плечах воинствующий сионизм... Отказ от идеологии в политике подчеркивает драматические изменения, произошедшие в израильском обществе после войны Судного дня, семилетней интифады и саддамовских «скадов». Во главе угла для израильтян отныне стоят проблемы личной безопасности и потребность в «красивой» жизни на американский манер»¹⁰.

В целом, суть дискуссий о сионизме отражает объективный процесс отхода быстро развивающегося общества потребления от жестких идеологических установок. Отказ от абсолютной приверженности ивритской монокультуре и развитие при сохранении ее ведущей роли множественных этнокультур воспринимается многими в основном наиболее молодыми израильтянами как позитивное явление. Идеи, когда-то входившие в идейный запас сионистов-социалистов, как, например, эгалитаризм, «ценности равноправного труда» и пр. отошли в прошлое и воспринимаются как отжившие мифы. Превратились в утопию и многие другие составляющие части сионизма. «Современный сионизм, – отмечает политический деятель Израиля Бар-Он, – потерпел поражение по трем основным аспектам: это задача создания эгалитарного общества с социалистическим ядром в сельском хозяйстве в виде киббуцев – носителей идеалов сионизма, собирание евреев всего мира и ликвидация галута»¹¹.

Вместе с тем, на наш взгляд, более правомерно говорить не о кризисе сионизма, а об окончании того исторического этапа, в течение которого сионизм выполнил свои основные функции и задачи. Скорее здесь речь идет о некой «нормализации» Израиля, где отказ от довлеющей идеологии является характеристикой современного западного общества. Справедливо мнение Р.Нудельмана, считающего, что Израиль «из колыбели сионистского детства вышел в зрелость постсионизма... ему попросту суждено было вырасти в нормальное современное государство. Он не стал хуже или лучше – он просто стал взрослым»¹². Новые поколения не воспринимают «блокадный» менталитет отцов-основателей и не возражают против того, что Израиль превращается «в еще одно обыкновенное государство на Ближнем Востоке»¹³.

При всей своей значимости, однако, дискуссия о сионизме для рядовых израильтян представляет несколько теоретический интерес. На бытовом уровне традиционно большинство израильтян по-прежнему считают себя сионистами (например, по результатам недавних опросов общественного мнения среди молодежи, проведенном в Израиле накануне 50-летия, абсолютное большинство опрошенных назвали себя сионистами и подтвердили свою приверженность «сионистским идеалам»)¹⁴. В основном израильтяне не очень задумываются над теми идеологическими проблемами, которые напрямую не затрагивают их жизненных забот.

Гораздо сильнее израильское общество волнует проблема усиления влияния ультраортодоксии на внутреннюю жизнь страны. Начало выска-

зываются мнение об обострении противостояния светского и религиозного населения, стали даже заговаривать об угрозе «гражданской войны», причем ее предсказывают как представители атеистов, так и ортодоксальных религиозных кругов.

Действительно, с начала 80-х годов идет постепенное нарастание политической активности религиозных партий, их явный переход на все более националистические позиции и усиление их давления на повседневную жизнь израильского общества.

Говоря об усилении позиции религиозников, необходимо иметь в виду, что речь идет о таких кардинальных вопросах как соотношение, роль и место религии в государстве, сионизма и иудаизма, а также церкви – раввината и религиозных партий в политической системе страны. В принципе это два разных вопроса, но они тесно взаимосвязаны.

Религиозные институты и партии Израиля используют свое политическое влияние для распространения религиозного контроля на все общество. Причем это влияние идет по нескольким каналам – через законодательство, закрепившее место раввината в жизни гражданского общества, через рычаги давления партий на деятельность парламента и правительство, а также через систему образования и культуру. Существенную роль в этой взаимосвязи, как мы уже отмечали, играет взаимоотношение иудаизма и сионизма.

Отношения религиозных партий с государством долгое время базировалось на неписаном договоре, который известен в израильской политике как «принцип статус-кво». Этот принцип давал религиозным институтам автономию по вопросам определения личного статуса еврейского населения в области браков и разводов. Он же закрепил обеспечение деятельности раввинатских судов, организаций и служб за государственный счет.

Основной уступкой государства явилось предоставление собственной системы религиозных школ воспроизводящей и даже увеличивающей численность ортодоксов. Росту их численности способствует более высокие темпы рождаемости в религиозных семьях, а также тот факт, что ультрарелигиозная молодежь не служит в армии.

Растущее желание религиозных кругов влиять на жизнь израильского общества, объясняется теми постоянными уступками, на которые идут правящие партии Израиля за политическую поддержку при коалиционных объединениях всех кабинетов министров. Однако своеобразная роль клерикальных сил в израильском обществе заключается не только в политической роли религиозных партий, без которой невозможно образовать ни одну правящую коалицию – т.е. по чисто политическим соображениям. Она кроется в особом значении иудаизма в современном мировоззрении израильского общества, причем не только в его верующей части¹⁵.

Интересно в этом отношении рассуждение израильского публициста Д. Сливняка¹⁶, который считал, что в сложном переплете эмоций и чувств, испытываемых секулярным большинством в отношении религиозной ор-

тодоксии, лежит своеобразный «эдипов комплекс». Отвергая Завет в его традиционной формулировке и его роль в качестве инструмента политического давления, светские националисты, тем не менее, нуждаются в нем для предъявления прав на землю. Отсюда и разброс мнений в отношении религии: от тезисов о «творческой некогда религии иудаизма, омертвевшей в подвале средневековья», до «хорошей религии» для еврейской нации¹⁷.

Несмотря на то, что большинство израильтян не религиозны, в стране не существует отделения государства от религии. Тот факт, что Израиль провозглашен еврейским государством, делает религию одним из самых центральных аспектов в израильских обычаях и символах¹⁸. Все государственные праздники, кроме дня Независимости, религиозные; летоисчисление идет по еврейскому лунному календарю и т.д.

Усиление влияния ортодоксов объясняется также не простой реакцией многих израильтян на мирный процесс. Беспокойство за безопасность страны, несогласие многих израильтян возратить оккупированные территории в обмен на мир, привело, как мы уже указывали, к тому, что в израильском обществе параллельно начали быстро развиваться казалось бы противоположные процессы.

С одной стороны, в Израиле быстро развиваются общедемократические государственные нормы. С каждым годом, особенно в период правления Аводы, израильское законодательство выпускает все больше законодательных актов и прецедентных судебных постановлений, ограждающих граждан от идеологического и религиозного посягательства. На бытовом уровне все меньше (даже в Иерусалиме) соблюдаются строгие религиозные ограничения по субботним дням (работают многие кинотеатры, кафе, транспорт и т.д.). Израиль, сохраняя особое положение религиозных институтов, постепенно становится «нормальной», светской страной.

С другой стороны, с началом мирного процесса началось определенное усиление религиозных чувств среди израильтян, возростал интерес к еврейским традициям. Объективно существует значительная часть населения, которая не является по существу религиозной, и, конечно же, ультрарелигиозной, считает, между тем, для себя важным сохранение «еврейских духовных ценностей». Эта часть населения не является сама по себе носителем религиозно–националистических настроений. Однако она поддерживает религиозных лидеров, которые могли и могут в период мирного процесса, в условиях усиления терроризма успокаивать население такими обещаниями (в основном, сохранение безопасности за счет отказа от урегулирования), которые не рискнули бы давать политические деятели.

Еще одной причиной активизации националистических религиозных кругов является их тревога по поводу увеличения неверующего населения за счет притока иммигрантов из СНГ и России. «Русская алия», которая имеет весьма отдаленное представление об иудаизме, в основном не поддерживает ультраортодоксальные партии. Страх перед ослаблением

своей электоральной базы толкает религиозные партии на то, чтобы потребовать даже пересмотра «Закона о возвращении».

Создание в 1996 году «русской» партии – «Исраэль ба Алия» только усилило страхи религиозников, так как она выступила против усиления религиозного диктата в стране.

Наступление религиозно–националистических кругов во внутренней сфере выражается в конкретных требованиях усиления роли раввинатских судов в определении личного и семейного статуса. Так, глава Верховного Раввината И.Розен предложил создать в Израиле институт некой разновидности гражданского брака для неевреев¹⁸. Такая форма, по его мнению, давала бы смешанным или нееврейским парам права собственности, совместной ответственности за детей и легальный развод, однако, он не считался бы официальным браком. В соответствии с этим предложением иммигранты – неевреи не имеют права на заключение законных браков между собой. Таким путем И.Розен стремился получить гарантии сохранения монополии религиозного законодательства в вопросах семьи и брака и отдать в руки раввината полный контроль в данной области.

Раввинат стремится усилить контроль над бытом израильтян (например, для соблюдения кашрута настаивает на запрете разведения и продажи свиней в Израиле на законодательном уровне), борется за запрет строительства на местах древних захоронений и т.д.

Ультраортодоксы Иерусалима развернули широкую кампанию, переходящую в открытые столкновения за закрытие для движения транспорта ряда иерусалимских улиц (Бар Илан, Яффо, Бульвар Голды Меир и др.) по субботам. В иерусалимских религиозных кварталах постоянно действует «полиция нравов» (мишмерет цниют), которая не только контролирует быт и внешний вид жителей данного квартала, но и с подачи своих духовных лидеров, устраивает «вылазки» в светские районы города.

Летом 1996 года религиозные партии ШАС, МАФДАЛ и Яадут Ха–Тора потребовали от нового правительства Нетанияху считать недействительными гражданские браки заключенные за границей, создать специальную комиссию по изучению отношений между прессой и религиозным населением, создать теле– и радиоканалы для верующих, запретить иммиграцию в Израиль лицам нееврейской национальности. Тогда же националисты–религиозники предприняли попытку наступления на высшие государственные демократические институты страны, организовав травлю главы Верховного суда А.Барака за отказ Верховного суда принять решение о закрытии улицы Бар Илан по субботам. Целый ряд раввинов попытались вмешаться в дела армии, призвав верующих солдат не подчиняться приказам командиров, если эти приказы будут противоречить Торе.

Это наступление развернулось на фоне последовательного ослабления позиции сионистских религиозных партии, прежде всего МАФДАЛ и укрепления несионистских ортодоксальных партий. К середине 80–х годов, особенно после войны в Ливане начала ощущаться все возрастающая «усталость» израильтян от нерешенных проблем арабо–израильского

конфликта. В ситуации общеполитической нестабильности, на волне роста антипалестинских настроений, связанных с интифадой, и, кроме того, из-за страха перед развитием исламского фундаментализма, набирали силу самые крайние проявления еврейской ортодоксии.

Выборы 1988 г. показали принципиально новую расстановку в религиозном лагере. Впервые ультраортодоксальные партии получили большинство мест в парламенте от числа мест, полученных всеми религиозными партиями. До этого года представительство религиозных сионистов вдвое превышало ультраортодоксов. После выборов 1988 г. ультраортодоксы начали открытую борьбу за изменение «статус-кво» в свою пользу.

Наиболее тревожащим фактором является не просто растущие амбиции религиозных кругов Израиля, а выход на поверхность тех фундаменталистских сил, которые для осуществления своих задач готовы к прямому насилию.

Вместе с тем важно иметь в виду, что никак нельзя ставить равенство между религиозностью и экстремизмом. Высокая степень религиозности еще не означает нетерпимости и готовности к насилию. Принадлежность к ультраортодоксальным партиям тоже.

Фундаменталистов отличает не только бескомпромиссность взглядов и политики. Они верят в то, что их поведение направляется непосредственно божественной силой и они не подвластны законам государства. В 70-х начале 80-х годов члены фундаменталистского подполья пытались взрывать арабские мечети на Храмовой горе. В 1990 году член экстремистской организации А.Попер расстрелял палестинских рабочих, ехавших на работу в Израиль. В 1994 году Б.Гольдштейн, близкий к экстремистской организации Ках¹⁹ расстрелял молящихся арабов в пещере Патриархов в Хевроне. В декабре 1995 года фундаменталист И. Амир убил премьер-министра Израиля И.Рабина.

Убийство И.Рабина явилось кульминацией противостояния в израильском обществе, его смерть вызвала шок в израильском обществе. «Еврей убил еврея!» – ужаснулась страна. «О каком национальном единстве теперь можно говорить?!²⁰». Корни этого преступления лежат не только в активизации панических настроений связанных с мирным процессом и ослаблением личной безопасности граждан страны. Корни преступления – в затяжном политическом кризисе, на фоне которого усилилась крайняя ортодоксия, почувствовавшая «дух вседозволенности».

Многие ожидали, что убийство Рабина активизирует критическое отношение к негативным сторонам жизни общества, в частности, в отношении роста насилия крайне правых клерикальных кругов. Была надежда, что общее раскаяние ослабит ультраортодоксальные партии и их политический потенциал. Первые шаги в этом направлении были уже сделаны. В ноябре 1995 г. правительство Аводы приняло решение, объявляющее вне закона все экстремистские и террористические организации. Такое решение было предпринято с целью обуздания правого, в том числе религиоз-

ного экстремизма. В политическом плане оно было призвано ослабить ультраортодоксальные партии.

Однако это не произошло. На выборах в 1996 году ультраортодоксальные партии не только не ослабли, а усилили свое значение балансирующей силы в правительстве. Благодаря активной политической поддержке раввина на выборах с минимальным перевесом (0,5%) победил лидер Ликуда Нетаньяху.

Активная поддержка Нетаньяху на выборах дала возможность ультраортодоксальным партиям укрепить свои позиции. Они осуществляют постоянное давление на премьер-министра по всем наиболее щекотливым аспектам мирного процесса. Так в документ, представленный Ликуду коалицией религиозных партий, вошли такие требования как недопущение создания Палестинского государства на территории от реки Иордан и до Средиземного моря; отказ от обсуждения статуса Иерусалима; требование укрепить еврейские поселения и добиться правительственных гарантий поселенцам, в том, что они не будут перемещены. Голанские высоты, по их мнению, – неотъемлемая часть Государства Израиль²¹.

Жесткие позиции ультраортодоксов, их постоянный нажим на правительство посредством угроз выхода из коалиции значительно снижают маневренные возможности кабинета Нетаньяху по вопросам очередного этапа урегулирования.

Впрочем, в основном, секулярное общество хотя и неохотно, но мирится с усиливающимся давлением ультраортодоксии. Большинство израильтян (около 70 %) до сих пор считают религиозные традиции иудаизма существенным фактором в их собственной духовной и культурной жизни. Опросы общественного мнения стабильно показывают, что 51% респондентов выступают против каких-либо изменений роли религии в общественной жизни страны. 33% сочли, что зависимость от религиозных установлений необходимо ослабить, а 16%, наоборот, считают, что жизнь в Израиле зависит от религии недостаточно сильно²². В целом, большинство считает, что трагического разрыва между светской и религиозной частью общества в Израиле не существует, а взлет ультраортодоксии носит временный характер.

Итак, динамично развивающееся современное израильское общество вступает в новую полосу своего развития. Идет быстрый процесс его деидеологизации, «нащупывание» новых плюралистических моделей во всех сферах жизни гражданского общества. Условия успеха становятся все более жесткими. Растет конкуренция в экономике, убыстряются темпы экономического роста, требующие новых подходов к социальным и межличностным отношениям. Одновременно растет напряжение, связанное с «неотвратимостью» дальнейших уступок в ходе реализации мирного процесса. Все эти объективные процессы тревожат простых израильтян, рожают в них ностальгию по «добрым старым временам». Общество очутилось как бы между двух огней: с одной стороны, оно ощущает на себе давление тех сил, которые ведут его к «нормализации» и дальнейшей

вестернизации образа жизни. С другой стороны, усиливаются попытки наиболее консервативных сил (в том числе и ультраортодоксов) испугать израильтян новыми процессами, навязать им отжившие нормы как в области внутренней, так и внешней политики. Израиль ищет новые ориентиры, постепенно справляясь с трудностями переходного периода.

¹ «Вести», Юбилейное приложение, Май, 1998 г.

² Подробнее см. Карасова Т.А. Блок Маарах в партийно–политической системе Израйля. М., Наука. 1988.

³ Ben Gurion D. Recollections, L., 1970, сс. 23–24.

⁴ Карасова Т.А. Там же. См. Гасратян С.М. Религиозные партии Израйля.

⁵ См. Jan Lastick. For the Land and the Lord. Jewish Fundamentalism in Israel. Council on Foreign Affairs. NY, 1988., 2.

⁶ Сторонники «голубей» – в основном последователи левых сионистских партий МАПАМ и МАПАЙ, а затем Аводы – выступают за возврат оккупированных территорий в обмен на мир. «Ястребы», поддерживающие правые партии – Гахал, а затем Ликуд, Тхия, Моледет и др., – настаивают на аннексии (полной или частичной) оккупированных территорий как условия выживания Израйля. И в результате произошло много изменений в позициях как «голубей», так и «ястребов» особенно в ходе развития мирного процесса. Но в целом отличия в основных подходах к мирному урегулированию сохраняются.

⁷ См. Р. Нудельман. Земля тревоги нашей. «Окна», 05.01.1995, с. 6.

⁸ См. Э. Барак. «Вести», Юбилейное приложение, май, 1998 г.

⁹ Там же.

¹⁰ «Вести», 08.06.1995 г.

¹¹ «The New Middle East», 1983, № 10, с. 24.

¹² Р. Нудельман. «Окна», 05.01.1995.

¹³ Из выступления проф. М. Медзини на конференции WIZO «The Impact of Rabin's Assassination on the Peace Process», Jerusalem, 27, December, 1995.

14. «The Jerusalem Post International», 27.06.1998.

15. См. подробнее: Д.Е. Фурман. Иудаистский клерикализм и его функции в Израиле. «Народы Азии и Африки», 6, 1989, с. 25–39.

16. Дмитрий Сливняк. Размышления в разгар правительственного кризиса. Ж., «22», №71, 1991, сс. 152–153.

17. Там же.

18. «Ha'aretz», 06.08.1998.

19. Партия «Ках» – крайне правая, расистского толка выступает за экспансию территорий, направлена на запугивание арабского населения. Создана в 1972 г., лидер – рав. М. Кахане, был убит в Нью–Йорке в 1990 г.

20. Yossi Beilin. Israel. A Concise Political History. Weidenfeld and Nicolson. L., 1992, с. 141.

21. «Новости недели», 10.06.1996.

22. «Вести». Юбилейное приложение. Май 1998 г. с. 34.

СВЕТСКОСТЬ ИЛИ ШАРИАТ: РАСКОЛ В ТУРЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

Введение

За 75 лет своего существования Турецкая республика накопила уникальный опыт трансформации традиционного общества в современное. Господство светских принципов во всех сферах его жизнедеятельности – культуре, экономике, политике, идеологии двадцать–тридцать лет назад выглядело необратимым. Настойчиво предложенные народу авторитарной кемалистской властью преимущества светского образа жизни, казалось, давно и окончательно осознаны и восприняты подавляющим большинством населения, включая его лучшую половину. Безусловно, такому осознанию активно способствуют и широко используемые Турцией технологические успехи развитых стран. Страна интенсивно пользуется плодами вестернизации, давно включилась в процесс демократизации, при всех трудностях и неудачах движения к прогрессу сумела обрести многое. Ныне Турция с ее 65–миллионным населением, более половины которого живет в городах, с достаточно развитой экономикой, созданной за годы республики фактически на пустом месте, занимает подобающее место в мировом хозяйстве и в мировой политике.

Важная роль исламской религии в духовной жизни общества, каждого верующего мусульманина не оспаривается никем. Два религиозных праздника – Рамазан и Курбан байрам включены в перечень национальных праздников. Не оспаривается, защищается законами и реализуется светским государством личное право каждого на то, чтобы верить в своего бога или вообще не верить в бога. И тем не менее – и в среде элиты, и среди простых людей «с улицы» частая тема выступлений, дискуссий, разговоров – глубокий идейный раскол в обществе по поводу ислама. Более того, ныне гражданская власть, армейская верхушка объявили главным конфликтом в обществе свое противостояние с политизированным исламом. Например, адмирал Г.Эркайя, занимавший недавно пост командующего ВМС Турции, убежден, что левое движение, ранее считавшееся «главной опасностью для центральной власти», ныне утратило это свойство и «на его место претендует политический ислам»¹. О расколе напоминает президент страны С.Демирель в преддверии очередных парламентских выборов, намечаемых на апрель 1999 года: «Предвыборная пропаганда, эксплуатирующая религию и сеющая вражду против армии, вышла за рамки конституционных границ и заставляет государство при-

нимать меры. Не может быть позволено покончить со светской демократической республикой, вытравить принципы, на которых она существует²».

Кризис не является неожиданностью для общества, он затяжной; еще более десяти лет назад во второй половине 80–х годов, при Тургуте Озале турецкими авторами отмечалось – время проходит «в дискуссиях о платках, тюбанах, религиозном образовании, тарикатах, светскости, врагах прогресса и о исламском государстве»³. Более того, турецкая светская республиканская власть со времен своего утверждения в середине 20–х годов говорит о конфликте не с исламом как влиятельным институтом духовной жизни общества, а с теми представителями джемаата, которые объединены в общее и емкое понятие **иртиджа**.

В турецком толковом словаре, издаваемом Обществом турецкого языка, иртиджа – это реакционер, не признающий обновление общества, всецело ориентирующийся на прошлое, стремящийся вернуть старые порядки. Он выступает против **светскости** – разделения религиозной и государственной сфер деятельности, невмешательства государства при реализации свободы религии и совести. **Светский** – тот, кто не смешивает дела государства с религиозными, рассматривает их как отдельные виды деятельности⁴. В конечном счете речь идет о судьбе режима в стране: он либо должен оставаться светским, либо подлежать смене на шариатский, теократический. О сути конфликта известный политик, представитель светской интеллигенции проф. Эргун Озбудун высказывался следующим образом: «приверженцы некоторых радикальных исламских течений не хотят ограничиваться лишь тем, что свобода личности предусматривает свободу веровать и молиться. Они считают, что в исламе религиозная и государственная деятельность неразделимы, что исламская вера предусматривает шариат»⁵.

В 90–е годы успехи турецких исламистов оцениваются в буквальном смысле слова как небывалые. Ниже приводятся многочисленные свидетельства этих успехов, когда исламистская партия заняла место среди лидеров на местных выборах 1994 г., оказалась первой на парламентских выборах 1995 года. Когда глава религиозной общины, совсем недавно преследуемый властями за пропаганду шариата, становится в Турции владельцем канала на центральном телевидении, выпускает газету не только в своей стране, но и в Казани, Москве, создает учебные центры в государствах Центральной Азии, встречается с папой римским как представитель мусульманского мира. В то же время светская власть, прежде всего военная верхушка ныне – в обороне, защите, с трудом сдерживает напор политиков от религии; лишь угрожая очередным военным переворотом, она добивается запрета исламистской партии, на месте которой возникает новая, не менее влиятельная. Армейская верхушка порой напоминает знаменитого героя Сервантеса, боровшегося с ветряными мельницами. От сути, истинных социальных причин светская власть – и гражданская, и военная – отмахивается, хотя многие из причин ею же и порождены.

Исламисты, одна из главных мишеней военного переворота 1980 года, сегодня сильны как никогда. Крупной региональной стране с 65 миллионами населения, члену НАТО ими готовится судьба стать лидером нового мусульманского мира, пополнившегося за счет стран исламской культуры после развала СССР. Такой мир, считают идеологи турецкого исламизма, способен взять, наконец, исторический реванш, успешно противопоставив себя христианскому миру, его цивилизации. Словом, страна, добившаяся успехов не в последнюю очередь благодаря светскости, теперь по воле иртиджа должна покончить с этой светскостью и начать новую жизнь в лоне возродившегося заново исламского мира, стать лидером этого мира.

1. Светская власть, светское общество.

Законодательство. После развала империи, в ходе национально-освободительного движения а затем кемалистских реформ турки обрели и национальную независимость и светское – первое в мире ислама – государство. **Светское государство – важнейший итог кемалистских преобразований, кемалистской европеизации.** Этот принцип является сегодня краеугольным камнем конституции и других ныне действующих законов. Он исключает какую – либо легальную возможность применять в Турции нормы исламского права, т.е. шариата. Любые призывы к такому применению квалифицируются как призывы к насильственной отмене всей системы светских законов, на которых покоится вся конструкция турецкого государства. Во 2-й статье действующей конституции говорится, что «Турецкая республика является демократическим, **светским** и социально–правовым государством...» Эта статья упоминается в тексте конституции в перечне тех немногих статей, которые не подлежат изменению, даже «не могут вноситься и предложения об их изменении». Добавим к этому, что статья 174–я специально оговаривает неприкосновенность так называемых «революционных законов», принятых при Ататюрке. Некоторые из них и поныне регулируют религиозную жизнь в стране – такие, как законы о запрещении носить религиозную одежду вне мест отправления религиозных обрядов, о головных уборах, о запрещении орденов, о секуляризации общеобразовательной школы и др. В дискуссиях и спорах между исламистами и секуляристами последние часто ссылаются именно на эти законы, указывая, что они предусматривают обеспечение государством необходимых условий для верующих, для реализации одного из фундаментальных прав человека.

Учитывая тему данного исследования, представляется целесообразным привести полностью статью 24–ю действующей конституции – это позволит понять многое в сути возникающих конфликтов между светской властью и исламистами в религиозной сфере. Статья гласит: «Каждый обладает свободой совести, религиозных верований и убеждений. Отправление молений, религиозных обрядов и празднеств свободно при условии, если они не противоречат положениям статьи 14 (см. ниже). Ни-

кто не может принуждаться к участию в молениях, религиозных обрядах и празднествах, к оглашению своих религиозных верований и убеждений, не может осуждаться и обвиняться за свои религиозные верования и убеждения.

Обучение и преподавание религии и нравственности осуществляется под контролем и надзором государства. Преподавание религиозной дисциплины и нравственности занимает место среди обязательных предметов в начальных и средних учебных заведениях. Всякое иное религиозное обучение и преподавание зависит от собственного желания самих лиц, а для малолетних – от требований их законных представителей.

Никто не может эксплуатировать религию и злоупотреблять религиозными чувствами либо признаваемыми религией святынями с целью приспособления, пусть даже частично, религиозных правил к социальному, экономическому, политическому или правовому строю государства либо с целью обеспечения политических или личных выгод и влияния.»⁶. Турецкие комментаторы этой статьи неизменно подчеркивают, что «преподавание в начальной и средней школе таких предметов как культура религии и нравственность стало обязательным»⁷.

В статье 14-й конституции перечислены различные виды антиконституционной деятельности, направленные на использование предоставленных прав и свобод «с целью подрыва единства государства, страны и нации, создания угрозы существованию турецкого государства и республики, отмены основных прав и свобод». Среди них названы установление различий по языку, расе, религии и верованиям а также создание государственного строя, «опирающегося на эти концепции и взгляды». Не ограничиваясь такого рода конституционными положениями, турецкие законодатели до 1991 года сохраняли чрезвычайно жесткую статью 163 в Уголовном кодексе, предусматривающую длительное тюремное заключение за эксплуатацию религиозных чувств верующих, использование каким либо лицом либо организацией религии в политических либо личных целях. Об эффективности на протяжении десятилетий этой статьи в условиях Турции были написаны даже отдельные исследования турецких авторов⁸. Противники статьи указывали, что статью можно легко использовать не только против подлинных нарушителей, но и против верующих. Изъяв из кодекса эту статью под давлением Запада, власти ссылаются отныне на другую, 312-ю статью, в которой предусматривается тюремное наказание от одного до трех лет за «подстрекательство населения к ненависти и враждебности» в отношении тех, кто отличен по «классовым, расовым, религиозным или региональным различиям». Также был принят в 1991 году новый закон – «О борьбе с терроризмом», который включил положения о том, что к террористическим действиям относятся практически все те, которые направлены на нарушения основных положений конституции, включая положение о светском характере турецкого государства.

Вместе с тем в упомянутом Уголовном кодексе оставлены в силе положения статей 175–178 о защите прав верующих – они предусматривают

наказание от денежного штрафа или месяца тюрьмы до трех лет тюремного заключения за разного рода действия, предпринимаемые кем-либо с целью помешать верующему любой конфессии отправлять свои религиозные обязанности, либо оскорбляющие его религиозные чувства – словом, поступком, публикацией и т.д. Аналогичные наказания предусмотрены и для тех, кто препятствует служителям культа выполнять свои, предусмотренные законом обязанности перед верующими, кто совершает надругательства над предметами религиозного культа, надгробиями и т.п.

Почти буквально соответствуя абзацам основных положений конституции в области религии, действует нынешняя структура управления светским государством сферой легального ислама. К этому лишь необходимо добавить, что согласно ст. 91-й конституции, Турция обязывается придерживаться положений Европейской конвенции по правам человека, которая ею ратифицирована еще в 1954 году, о чем ей периодически напоминает Эмнести интернейшнл⁹. Лишь сравнительно недавно создана при ВНСТ парламентская комиссия по правам человека, причем наиболее актуальные вопросы повестки дня – не только вопросы защиты верующих, но и защита прав заключенных, пытки.

Говоря о принципе светскости, как основополагающем конституционном принципе, уместно сказать и об органе, призванном защищать все положения конституции и упомянутый принцип – о **Конституционном суде**. В турецких работах, посвященных проблемам защиты светского конституционного принципа, нет недостатка в материалах и документах, посвященных этой теме. Она ощутимо представлена в деятельности суда, регулярно выносящего решения по спорным правовым актам, принимаемым различными властными инстанциями, например по вопросу пятидневного рабочего дня, ношения головных уборов, раздельной – по полу – перевозки пассажиров в автобусе, религиозной пропаганды в духе конфликтного противодействия другим религиям, и т.п. В качестве примера можно привести выдержку из одного из многих постановлений суда по поводу отмены каких либо положений в целях защиты принципа светскости: «В условиях светского режима религия избавлена от политизации, перестает быть инструментом власти, сохраняет свою истинную, почитаемую сущность, остается делом совести людей. Таким образом фундаментом политического бытия оказывается наука и право... Применение в Турции принципа светскости отличается от такого же его применения в некоторых западных странах... В действительности светскость не следует сводить к дуальности: «религиозные функции – государственные функции». Она обеспечивает намного более масштабные условия для развития цивилизации, свободы, модернизации... Признание за государством права регулирования и контроля религиозной деятельности не противоречит свободе религии и совести, принципам демократического общества.»¹⁰

Гражданской элите, прежде всего бюрократии законодательством отведена главная регулирующая роль в отношениях государства с исламом. Совершенно очевидно, что представляя в своих отношениях с исла-

мом, его легальными и нелегальными организациями важнейшие государственные институты, светская власть за десятилетия развития республики, европеизации претерпела значительную эволюцию. Придерживаясь традиции делить власть в Турции на гражданскую и военную бюрократию, ныне мы обнаруживаем в первой группе и очевидных, легальных исламистов, что трудно было представить при кемалистах. Если вести речь лишь о явных исламистах, то подразумеваются прежде всего чиновники, представляющие партию Эрбакана на государственных постах по итогам успехов ее на местных и всеобщих выборах. Это – очевидная часть религиозного айсберга. Речь идет и о сочувствующих – тайных и явных – причем не все они сторонники шариата. В СМИ Турции нет недостатка в информации относительно «проникновения» в ряды чиновничества исламистов – например, в кадры министерства просвещения.

Как мы увидим ниже, светская печать Турции дает подчас жесткую оценку предвыборного поведения двух ведущих светских, «кемалистских» партий, в течение последних лет сделавших немало, чтобы обеспечить успех исламистской партии Эрбакана. Светские политические лидеры и прежде всего Т. Чиллер в борьбе за влияние на электорат в последние годы выступали против Эрбакана не столько как против врага светского режима, сколько против основного политического соперника, который мог оказаться и партнером в правительственной коалиции.

Таким образом светская гражданская власть в этом смысле ныне в Турции неоднородна и убедительная победа исламистов на очередных выборах значительно приблизит страну к свертыванию светских завоеваний, хотя полная победа шариата – исламского права – в Турции в условиях сохранения свободы выбора нам представляется нереальной. Или по крайней мере временной. Вопрос будет состоять в том – возможно ли вообще в дальнейшем после абсолютной победы исламистов на свободных выборах сохранение самой системы демократических выборов.

Общественные организации. Большинство представителей турецкой интеллигенции и представляющих ее организаций относят себя к светским кругам. Среди них известные литераторы, публицисты, в том числе специалисты по проблемам ислама, журналисты, юристы, адвокаты, ученые по различным отраслям науки, учителя, большинство предпринимателей, и др. Известный публицист Угур Мумджу был резким критиком иртиджа, радикального ислама и в конце концов был убит. Такие случаи – не редкость в политической жизни страны. Немало представителей светской интеллигенции вынуждены жить на Западе из-за своей активной позиции в отношении радикального ислама. Существует немало женских общественных организаций светской ориентации, недавно создано еще одно – Общество республиканских женщин, его задача – защита республиканских завоеваний. Среди учредителей – женщины–адвокаты, врачи, преподаватели, литераторы. В заявлении общества в частности говорится: «Шариат стучится в дверь. Предпринимаются усилия с целью подчинения экономических и социальных

основ республики, вытеснению философии просвещения. Жертвами такого разрушения прежде всего станут женщины»¹¹.

Для большинства представителей светской интеллигенции типичным можно считать следующее высказывание упомянутого нами Э. Озбудуна: «По своим устремлениям религиозное государство не может быть ни подлинно плюралистическим, ни либеральным. Поскольку такое государство не признает законными политические взгляды, противоречащие его собственной философии, в его системе не может быть реализован безусловный демократический принцип замены политической власти через систему свободных выборов. Короче говоря общество не обладает возможностью мирной смены этой антидемократической системы»¹².

Армия – вторая составная часть турецкой светской элиты. Речь идет прежде всего об армейской верхушке, военной бюрократии. Ее прошлая миссионерская роль в истории империи и затем республики известна – побеждать внешнего (и внутреннего) врага во имя ислама и османизма, а затем – во имя тюркизма и модернизации в условиях независимости. В период республики военная элита сохранила себя для вышеуказанной функции первоначально благодаря прямому участию во власти, в руководстве правящей НРП, в межблизе отставных генералов и маршалов (включая К.Ататюрка и И.Иненю) – недавних победителей на полях сражений с интервентами. Начало многопартийности с 50-х годов стало началом дуализма светской власти, открытых противоречий в ее среде между военной и гражданской верхушкой. Такие противоречия периодически выливались в военные перевороты, разгоны парламента и правительства, причем первый из них в 1960 году для высших гражданских лиц государства обернулся трагедией – военная хунта отправила президента страны Баяра в тюрьму на пожизненный срок, а премьер-министр Мендерес попал на виселицу. Кстати, уже в процессе развития этого конфликта именно в лагере гражданской верхушки постепенно и все громче заявляли о себе сторонники либерализации религиозной жизни. Потом были перевороты 1971 и 1980 годов, причем и в том и в другом случаях главой свергнутых военными правительств был нынешний президент С.Демирель, подвергался преследованиям и Н.Эрбакан. В самой общей форме выступления военных объяснялись стремлением армии предотвратить отход от кемализма. Как на одно из очевидных свидетельств такого отхода неизменно указывалось на уступки исламу. Наконец наступило время, когда, как пишет Ф.Булут, «религия буквально захлестнула высшие инстанции государства и армии». Первый шаг сделал С.Демирель, когда свою деятельность на посту премьера начал с молитвы в правительственной резиденции. После переворота 1980 г. военным не удалось на выборах 1983 г. преградить поход к власти Озала, его поддерживали на выборах и исламисты. Озал же совершал вместе с семьей намаз в президентском дворце, позже Чиллер принимала лидеров тарикатов впервые в истории республики в правительственной резиденции»¹³.

Как видим, историческая миссия корректировки светской власти военными, решение периодически обостряющегося внутреннего конфликта через военный режим приняло некую постоянную форму. Как известно, в традиции турецких военных не входит задача постоянно сохранять у власти военный режим. Примечательно, что, начиная с переворота 1960 года, военные, возвращая власть гражданским после основательной чистки политических и правовых институтов – оставляют как постоянный орган Совет национальной безопасности.

Не вдаваясь в подробности – тема отдельного разговора – уместно сказать, что и сейчас не только военная, но и в целом гражданская элиты стремятся поддерживать на высоком уровне авторитет армии, ее оснащенность вооружением, здесь уже активно задействованы механизмы НАТО. Кроме того после 1960 года офицерский корпус Турции получил весьма эффективный механизм социального обеспечения, некий армейский «вакуф» – Общество армейской взаимопомощи (Орду ярдымлашма куруму – ОЯК). Армия – активный участник принятия политических решений не только внутри страны, но и по внешним вопросам. Как нам представляется, она была главным действующим лицом при принятии решений о начале в наши дни военного сотрудничества с Израилем.

Генеральный штаб Турции, которому подчинены непосредственно вооруженные силы страны вместе со своими командующими родами войск, самым непосредственным образом ведает проблемой отношений государства и радикального ислама. В структуре его центрального ведомства, наряду с управлениями чисто военного предназначения имеется также управление по изучению военной истории и военной стратегии. В подготовленном в 1980 году этим управлением докладе «Светскость и светская политика Ататюрка» указывались тенденции, которые приведут к фактическому отходу Управления по делам религии (см. ниже) от государства¹⁴. Под эгидой Генштаба в настоящее время действует так называемая Западная группа, собравшая солидное досье на те религиозные группы в стране, которые подозреваются в намерении ликвидировать светский режим.

Подчиненное Генштабу командование сухопутных войск в 1981 г. издало книгу «Знания по религии для солдата». В книге представлены аяты из Корана, хадисы, тексты молитв. В приводимой там же памятке, помимо общих, есть сведения о роли религии в Турции, о сути ислама, его принципах. Например, подчеркивается, что «Ислам – крупнейший в Турции институт вероисповедания, согласно его положениям осознается любовь к родине и нации... Никогда не нужно забывать, что мусульманская религия – религия союза и единения... Она всегда будет сохранять свою значимость для человечества как источник надежды и счастья... Не следует забывать, что вздорные и ложные верования не имеют ничего общего с религией, особенно с исламом.» Подробные сведения приводятся в памятке о Коране. Напоминается солдату, что «мусульманская религия считает военную службу одной из самых святых обязанностей. Значимость ее не идет ни в какое сравнение с любой другой службой». Содержится информация об оруче,

зекате, праздниках, хадже. Сообщается об отношении Ислама к спиртным напиткам, семье, женщине. В отдельном параграфе разъясняется суть взаимоотношений государства и религии. «Светское государство, управляя обществом, не зависит от религиозных установок. Так же и гражданам предоставлена свобода в их религиозных верованиях. Ни один гражданин не может преследоваться за свои религиозные убеждения. Свобода верования гарантируется законами о свободе богослужения.»¹⁵

Важно отметить, что в крупных политических процессах, особенно в период деятельности военных режимов, бывает задействован Военный суд. Так было в 1981 году, когда после военного переворота судьбу Эрбакана и других арестованных членов происламистской партии решали военные судьи. Председателем суда был полковник Ниязи Чагын, добившийся амнистии для Эрбакана. С.Ялчин, автор книги об Эрбакане, приводит слова одного из подсудимых, ныне лидера Фазилет Реджаи Кутана: «дай бог благополучия полковнику Ниязи Чагыну» и многозначительно добавляет – «полковник некоторое время спустя попросился в отставку, а еще позже нашел себе занятие на тысячи долларов и уехал в Саудовскую Аравию»¹⁶.

Это не первый пример флирта, потакания исламистам со стороны военных. Автор книги «Армия и религия» приводит множество более ранних примеров такого флирта, объясняемого желанием противостоять растущему влиянию коммунистов. Еще в 1971 году, сразу после того, как Н.Эрбакан впервые создал свою партию – она получила тогда название Партия национального порядка – произошел военный переворот, среди задач которого было постоянное уже в таких случаях требование – уговорить политика от религии, прекратить пропаганду шариата. Н.Эрбакан бежал за границу, однако затем вернулся, получив от двух руководителей переворота, генералов М.Батура и Н.Сунальпа, соответствующие гарантии. Другим важным свидетельством уступок исламистам стало создание тогда же мечетей в структуре армии. Первая из них была сооружена на базе ВВС в Этимесуте (под Анкарой). Затем последовали другие мечети в системе вооруженных сил. Публично демонстрировал знание аятов руководитель военного переворота 1980 года, а затем президент страны Кенан Эврен. Он же затем председательствовал в руководстве фирмы Иседак, связанной с исламским капиталом. В военном руководстве обсуждалась идея «джихада против негодных курдов – членов ПКК», распространения заявлений против террористов с использованием аятов и хадисов, и т.п. Шла речь и о том, что для объединения турок и курдов может быть полезным доклад, подготовленный Советом национальной безопасности и названный «Религиозное образование – турецко–исламский синтез». В духе исламо–националистической идеологии обрабатывались и специально подготовленные для действий в курдских районах военные группы. Имели место и другие действия военных, которые свидетельствовали о сближении с исламистами и которые шли вразрез с официальными заявлениями военного руководства в отношении исламистов¹⁷.

Совет национальной безопасности (СНБ) осуществляет взаимодействие высших гражданских и военных чинов по различным аспектам безопасности, в том числе и по религиозным. Совет был учрежден в 1962 году в соответствии со статьей 111-й конституции 1961 года. Она была лаконична, определяла в целом задачи совета. Рекомендации этого нового властного органа были учтены после военного переворота 1980 года при выработке окончательного текста ныне действующей конституции, принятой в 1982 году, о чем даже записано в ее преамбуле. Статья, касающаяся самого СНБ в новой конституции была расширена и подчеркивала рекомендательный характер принимаемых решений: «В Совет национальной безопасности, председателем которого является президент, входят премьер-министр, начальник генерального штаба, министры обороны, внутренних дел, иностранных дел, командующие сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами, главнокомандующий жандармерией. В зависимости от специфики повестки дня на заседания совета могут приглашаться соответствующие министры и лица, мнение которых необходимо для заслушивания, определения и проведения в жизнь государственной политики в области национальной безопасности и обеспечения необходимой координации. Решения о мерах, которые совет считает необходимым принять в вопросах защиты государства и его независимости, охраны целостности и неделимости страны, общественного спокойствия и безопасности, принимаются во внимание советом министров в первую очередь. Повестка дня заседаний Совета национальной безопасности составляется президентом с учетом предложений премьер-министра и начальника генерального штаба. В отсутствие президента Совет национальной безопасности собирается под председательством премьер-министра.»

После создания СНБ именно он стал основным заказчиком докладов, записок и других подобных материалов, представляемых различными, в том числе силовыми инстанциями по поводу состояния религиозных дел и нарушения конституции в этой сфере жизни общества. Этот орган в последние годы стал местом урегулирования самых острых проблем между армией и властями. Встречаясь на заседаниях Совета под председательством президента страны, его члены имели возможность принимать компромиссные решения и по проблемам, возникшим после прихода к власти (в составе коалиции) партии Рефах.

Реанимирована и деятельность другого, менее влиятельного властного органа с совещательными функциями – Высшего военного совета. Когда-то он был консультативным органом при Генштабе, ныне, состоя из руководителей силовых структур, он является совещательным органом при правительстве и собирается два-три раза в году под председательством премьер-министра. В его полномочия входит и периодическая чистка офицерского корпуса от сторонников исламистов. В печати отмечается активизация сторонников шариата в армии параллельно успехам Рефах на политической арене. Например, из уволенных в августе 1996 г. по решению Высшего военного совета 29 офицеров 13 были названы как сто-

ронники шариата; в декабре того же года Совет уволил из армии 69 офицеров, из них 59 за принадлежность к сторонникам шариата. Увольнения офицеров продолжались и в 1997 г. – в мае был установлен рекорд: на заседании Совета, где, кстати, председательствовал Эрбакан, был уволен 171 человек, в том числе 150 человек за принадлежность к идеям шариата. В августе Совет подготовил список около 200 человек, однако решение было отложено до следующего заседания. Оно состоялось в декабре 1997 года уже под председательством нового премьера – М. Йылмаза и при участии министра обороны, начальника генштаба. На этот раз было решено уволить из рядов Вооруженных сил Турции (ВСТ) 62 офицеров различных рангов, причем за «излишнюю религиозность и реакционность» отчислено 55 человек¹⁸.

Вместе со всем вышесказанным о потакании исламистам армия, ее руководство остаются силой, которая менее всего готова идти на уступки в вопросах сохранения принципа светскости. Предпосылки к этому пока сохранены – здесь и традиции кемализма, национально-освободительного движения, и особенности подготовки кадров в системе НАТО, в военных учебных заведениях США и Европы, и солидная независимая социальная база для офицеров – ОЯК, и правовые тонкости – прямое и косвенное упоминание роли турецких вооруженных сил в конституции, например в ее преамбуле, как гарантов сохранения независимого и светского государства. Военная верхушка в своих спорах с властью часто ссылается на эти упоминания. К этому надо добавить прививаемое в турецком обществе с раннего детства уважение к армии, понимание того, что патриотизм и влиятельная армия – превыше всего.

2. Официальный ислам

Как уже отмечалось, упрочение в стране светского режима не означает, что страна по своим традициям, культуре перестала быть мусульманским государством, частью всего мусульманского мира. Об этом говорят и формальные свидетельства, например, членство Турции во многих международных и региональных исламских организациях. Так, в декабре 1997 г. она приняла участие, как полноправный член, в работе очередной встрече участников Организации исламская конференция в Тегеране, причем вынуждена была выслушать там немало упреков по поводу своего военного сотрудничества с Израилем. Кстати, лишь в 1928 г. из конституции было изъято положение о том, что религией Турецкого государства является ислам. Господствующим направлением ислама в стране является суннизм.

Многолетняя жесткая политика в отношении исламистов привела к формированию системы разрешенного, официального, государственного ислама, действия которого вне мечети строго лимитировались.

Управление по делам религии (Диянет ишлери башканлыгы – ДИБ) является непосредственным исполнителем религиозной политики государства, его функционирование зафиксировано в действующей конститу-

ции, а задачи и полномочия – специальным законом, а также отдельными инструкциями и постановлениями. Уместно отметить, что в предыдущей Конституции 1961 года это учреждение было лишь упомянуто как орган власти. В нынешней же (ст. 136) он назван как орган центральной власти, в общем виде установлены его обязанности: «выполнять свои, предписанные специальным законом полномочия, основываясь на принципе светскости, оставаясь вне всех политических мнений и взглядов, имея целью национальное единство и сплочение». Некоторые турецкие авторы называют его модернизированным турецким институтом шейхульислама (муфтията), который сегодня непосредственно подчинен правительству как ранее шейхульислам был подчинен султану. В прошлом это была высшая религиозная инстанция, ведающая интерпретацией и применением шариата – в виде фетвы.

Функции современного Управления по делам религии весьма обширны и касаются всех видов текущего государственного регулирования религиозной деятельности в стране, за исключением религиозного обучения в системе государственного образования. Речь идет о праве «ведать всеми вопросами, касающимися верующих–мусульман, религиозного культа, нравственности, знакомить общество с религиозной проблематикой, контролировать преподавание Корана, подготовку богословских кадров, руководить культовыми учреждениями». Оно ведает изданием всей религиозной литературы в стране и прежде всего Корана, организацией ежегодного хаджа – за счет самих паломников, что обеспечивает управлению, финансируемому из государственного бюджета, ощутимую прибыль, внешними связями культовых учреждений Турции. Общий тираж публикаций религиозных изданий и литературы по вопросам ислама в 1982 году составил 5,7 млн. экз., в 1984 – 4,6 млн. Оно управляет большинством мечетей в стране¹⁹.

Представляют интерес материалы из официальной правительственной публикации, в которой кратко оценивается деятельность правительственных учреждений в 1983 – 1986, в том числе деятельность ДИБ. Упоминается прежде всего, что действующий в структуре управления Высший совет по Исламу дал оценку 370 книгам с точки зрения религии, письменно ответил на 5671 вопрос граждан, связанных с религией. В развивающиеся регионы страны были посланы проповедники; с целью расширения религиозного обслуживания организованы конференции по религии в больницах, тюрьмах, исправительных домах, школах; проводились религиозные программы по радио и телевидению; проведена «неделя мечетей»; ежегодно направлялось в страны, где проживают значительные группы турецкого населения, религиозные служители для проведения религиозной работы, в 1986 г. там работало от ДИБ 495 человек, а на постоянной основе – 26 человек; в дни Рамазана за границу выезжало около 400 человек; в 1984–1986 годы действовало около 4 тысяч курсов Корана с числом слушателей 346 тыс. человек, в основном дети и молодежь; имея в виду пополнение персонала, управление предоставило стипендии 324 учащимся; открыты четыре региональных курса Ислама с пансионом; продолжено издание газеты «Ди-

янет» (Религия) и с тем же названием – детской газеты; в 1984–1986 годы организован хадж для 106 тыс. граждан; в год строилось 1400 мечетей, в 1986 г. их насчитывалось 57 тысяч; в 1984–1986 годы подготовлено для религиозной службы 37 тыс. человек; в 1984 г. в Кютахье, в 1986 г. в Орду, Ване, Болу начали действовать интернаты для курсов Корана²⁰.

Под контролем Управления находятся и тюрбе – места захоронения религиозных деятелей прошлого, дервишей и других лиц, принадлежавших к различным орденам. В письменном обращении к населению весной 1998 года председатель Управления по делам религии Мехмет Нури М.Иылмаз вынужден был разъяснять населению по поводу тюрбе, что «поклонение, моление о помощи, привязывание тряпья и лоскутов во время приношения жертвы у захоронений (тюрбе) великих государственных деятелей, ученых, правителей городов, знаменитых полководцев, погибших в бою героев не имеет отношения к исламу».

По его информации, ежегодно около 19 млн. человек посещают тюрбе и могилы. Согласно проведенной переписи всех имеющихся такого рода объектов посещения, в стране зарегистрировано 1263 тюрбе, большинство которых расположено в провинции. Не посещаются лишь 173 тюрбе.

Основные цели посещений этих захоронений следующие: молитвы Аллаху, просьбы о благополучии, о скором замужестве, о благополучном браке, о защите от беды, об успешной службе в армии призванного, об исцелении от болезни, избавлении от моральных и материальных невзгод, возможности иметь ребенка, о ниспослании молока кормящей матери, о возможности узнать во сне пол ожидаемого младенца, о благополучном возвращении из хаджа, о ниспослании дождя, спасении от неурожая, выздоровлении скота; туризм²¹.

Управление имеет свою сеть книжных магазинов. Тарханлы отмечает в своей работе, что издательская деятельность управления используется для пропаганды религии, хотя «это не входит обязанности управления» и «никак не вяжется со светским характером государства». Управление также через вилайетские управления муфтиев контролирует все виды разрешенной религиозной деятельности на местах, управляет многими мечетями страны. Служители религиозного культа, имамы входят в штат управления (примерно 85 тыс. чел.), имеют статус государственных служащих²². Тарханлы отмечает по этому поводу, что включение в закон о госслужащих положения о нахождении в этой категории служащих религиозных учреждений вызвало протесты в связи с тем, что подобный акт противоречит статье 2 конституции. Подчеркивалось, что «светскость в классическом понимании означает разделение государственных и религиозных дел... Считать религиозных служащих чиновниками означает нарушение принципа светского государства... Учреждение класса государственных служащих религии означает приобретение государством статуса теократического государства... В другом месте этот же автор пишет, что проблема: есть в Исламе класс священнослужителей или нет – государством не решается, поскольку

за весь период республики политическая власть всегда использовала управление как инструмент идеологии. Законодательные акты, касающиеся деятельности управления на ниве образования, подготовки кадров на курсах Корана становятся подчас предметом ожесточенных дискуссий в парламенте. Что касается исполнения государством функции священнослужителя, которую в христианстве выполняют они сами, вопрос, по мнению Тарханлы, состоит в том, что сохранять ДИБ в системе власти следует не для того, чтобы только обеспечивать религиозное обслуживание, а для защиты светской структуры государства.

В декабре 1989 г. председатель ДИБ С.Языджиоглу заявил, что в отличие от стран запада в Турции религиозное учреждение – ДИБ – находится в структуре государственной власти, в то время как светскость означает разделение религиозных и государственных дел. «Чтобы можно было говорить о светскости, не следует дела религии считать частью государственных дел. Такое учреждение, как ДИБ, не должно пребывать в госструктуре, его следует передать общине»²³.

Управление периодически использует свое право составлять хутбу и выступать с этим религиозным обращением публично перед аудиториями верующих. Характерным в этом смысле примером можно считать текст пятничной молитвы, разосланной 16 марта 1995 г. в мечети в связи с празднованием в Турции – впервые тогда широко – Невруза. В тексте содержался призыв к «единству и братству» всех мусульман, говорилось также, что в «стране среди 60 млн. населения могут быть этнические различия и различия в исламском веровании. Однако они не должны быть источником конфликтов, наоборот, они обогащают и украшают культуру». В хутбе подчеркивалось, что наступающий 21 марта праздник Невруз на протяжении долгой истории был «праздником природы и возрождения», что «не следует давать повод внутренним и внешним врагам Турции использовать «нынешние события», «забыть нашу религиозную и национальную ответственность».

Упоминаемый нами исследователь деятельности управления по делам религии Тарханлы высказывает мнение, что в этом органе – засилье суннитов. Инициативы организовать под его эгидой курсы по изучению алевитства оказываются безуспешными, руководство ссылается на то, что не следует делать разницы между течениями и школами при изучении ислама. С тем же аргументом поощряется строительство мечетей в алевитских деревнях с целью навязывания суннизма. Алевиты, как известно, пользуются не мечетями, а своими молельными домами – джемэви²⁴.

В ведении Управления – подготовка кадров для мечетей, строительство новых мечетей. Согласно подсчетам на срок до 2010 года, численность имамов к этому времени возрастет с 59 тыс. до 100 тыс. человек, будет построено еще 31 560 мечетей, ежегодно будет открываться 200–250 курсов Корана, персонал Управления увеличится с 89 тыс. до 238 тысяч, число муэдзинов и других служителей в мечети возрастет с 9727 чел. до 114 тыс.,

а число преподавателей на курсах Корана – с 5 тысяч до 10 тысяч. Из имеющих в стране 72418 мечетей более 9 тыс. не имеют имамов²⁵.

Преподавание ислама Преподавание религии в начальной и средней школе регулируется действующим законом об основах национального образования (№ 1739). Министерство национального просвещения среди многих своих задач должно выполнять и такую – готовить стране граждан, «осознающих свои обязанности и свою ответственность перед турецкой республикой – демократическим, светским и социально–правовым государством...» (статья 2–я). Ст. 12–я излагает принцип светскости в системе просвещения: «Светскость – основа турецкого национального просвещения. Преподавание культуры религии и морали входит в перечень предметов обязательного изучения в начальных, средних школах, лицеях и приравненных к ним других школах».

Среднее специальное религиозное образование (подготовка имамов, читающих хутбу и Коран, преподавателей курсов Корана и т.д.) осуществляется в государственных лицеях имамов–хатибов. В системе Управления по делам религии выпускников лицеев имамов–хатибов работает 39,9 тыс. человек. В то же время число выпускников этих лицеев – 433,3 тыс. Ст. 32–я упомянутого закона «об основах» гласит, что указанные лица действуют в системе средней школы под эгидой министерства просвещения, их программы обучения предназначены для подготовки специалистов названных профессий, а также для поступления в вузы. Принятый в 1992 году закон о министерстве национального образования также содержит положения о религиозном обучении. Так установлено, что в его структуре действует генеральное управление религиозного образования (статья 17), в обязанности которого контролировать процесс учебы, преподавания и руководства в лицеях имамов–хатибов; подготавливать программы и учебники для преподавания уроков культуры религии и нравственности в начальной и средней школе и в других, подчиненных министерству общедоступных учебных заведениях. В 1994/95 учебном году на уровне средней школы действовало 446 таких школ (302 тыс. учащихся, что составляет 11 % от общего числа учащихся средних школ) и на уровне лицея – 394 школы имамов–хатибов (171,4 тыс., т. е. 8,5 % всех учащихся лицеев страны)²⁶.

Обозреватель «Джумхуриет» Эрдал Атабек ставит вопрос перед читателями – является ли действительно религиозной культурой предмет, преподаваемый в школах, и отвечает: нет, при ближайшем знакомстве с книгами по названной тематике выясняется, что «преподается не религиозная культура, а основы вероучения суннитского направления исламской религии. Такое преподавание имеет целью не познание религиозной культуры, а подготовку религиозных деятелей, представляющих суннитское направление ислама.» По мнению автора, предмет «религиозная культура» должен включать в себя историю религиозных верований и учений со времени зарождения самой религии, т. е. с тотемов, многобожия, и т. д. «Задачей этого обучения является не подготовка религиозного человека, а подготовка знающего религию человека»²⁷.

Ислам в университетах. Напомним, что в республиканский период богословский факультет первоначально действовал лишь при Стамбульском университете – с 1924 г. по 1933 г. Только с 1949 года уже на постоянной основе действует богословский факультет при Анкарском университете. Задачами обучения названы «исследование религиозных проблем на прочной научной основе, подготовка религиозных людей с широким мышлением и глубокими профессиональными знаниями». В 80–е годы учебная программа включала изучение арабского, персидского языков, Корана и комментариев к нему, хадисов, основ ислама, морали, логики, права ислама, исламской литературы, искусства, истории философии, религиозной психологии, принципов кемализма, истории революции в Турции, истории ислама, учений ислама, религий, и др.²⁸ В настоящее время действуют богословские факультеты и в ряде других университетов страны, общее число которых (университетов) сейчас достигло уже 69.

О том, что представляет из себя нынешнее богословие в турецких вузах в условиях государственного регулирования религиозного образования дают представление высказывания некоторых профессоров–богословов. Прежде всего уместно отметить широко представленные на нынешнем книжном рынке Турции работы Яшара Нури Озтюрка, декана богословского факультета Стамбульского университета. Эти работы собраны в единое «Собрание сочинений» и насчитывают около 30 небольших по формату книг. По своему содержанию – это статьи и обзоры автора, регулярно публиковавшиеся им в ряде турецких газет, тексты выступлений по турецкому ТВ, а также доклады и лекции по исламу, прочитанные в турецких университетах, на встречах и конференциях в США, Западной Европе, странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Японии и Южной Кореи. Некоторые из работ Озтюрка переведены на английский язык, в аннотациях на работы этого автора бестселлерами, выдержавшими несколько изданий, названы «Ислам в Коране» и «Возвращение к Корану». Как можно судить по доступным нам работам упоминаемого автора, некоторые явления современной духовной жизни он призывает осмыслить через современное толкование Корана. Например, в работе «Возродиться через религию. Возвращение к Корану» автор отвергает понятие «реформирование ислама», поскольку речь идет об «обновлении», «возрождении заново в мире Корана» самого верующего. Т.е. Коран священен, вечен и неизменен, и человек либо общество способны (или не способны) обновить себя в нем. Автор критически относится к претензиям имамов в шиизме выполнять миссию пророка – эта миссия завершилась с уходом пророка. Остался Коран – именно его осмысление, а не претензии некоторых людей – путь к истинной вере. Столь же неправы те сунниты, которые, прибегая к мистицизму и сектантству, объявляя себя мюридами, претендуют на некую пророческую миссию. Любопытно мнение автора о свободе принятия религии: он считает, что это – отношения между творцом и его творением, вмешательство в эти отношения кого-либо – недопустимо²⁹.

В предисловии к книге «Понять ислам» в названной серии автор пишет: «Во всем мире и у нас в стране после разрушения Берлинской стены религия обращена в идеологию; после такой заидеологизированности она используется для эксплуатации прав человека, т.е. в конечном счете против человечества. Воспрепятствовать этому, сделать все, чтобы человечество не оказалось под господством новой инквизиции – это, возможно, важнейшая в наши дни сфера деятельности во имя человеческого достоинства».

В статье «Религия и национализм» автор высказывает и такую любопытную мысль, весьма близкую идеям исламо–тюркского синтеза и соответствующего этому девизу мессианства: «Самая важная миссия в приобщении религии к Корану падает на тюрка, который вот уже тысячу лет волею Аллаха служит исламу... Страной, которая должна возглавить в тюркском мире эту историческую миссию, является Турецкая республика. Религиозные институты, необходимые для того, чтобы ныне жалкий в глазах всего мира, раздробленный ислам вновь стал опорой счастливой жизни каждого человека, имеются в Турции – стране, обладающей необходимым потенциалом знаний и свободы.» Это следует осознать, поскольку с одной стороны опровергатели, с другой – псевдорелигиозные деятели начали широкую психологическую кампанию с целью воспрепятствовать объединению наших людей путем унификации Корана. Эту кампанию некоторые ведут под именем «модернизация – светскость», другие же под призывами «уберечь религию прадедов». Объединяет их одно – неудобства от Корана.»

По мнению Я.Н.Озтюрка, «расизм (ыркчилик) – несчастье для ислама... Однако сообщества, как и отдельные люди, должны иметь возможность соревноваться во имя всего позитивного и прекрасного. Каждый человек должен стараться во имя благополучия своей нации получать за это признание... Национализм, демонстрирующий стремление соревноваться во имя добра и сотрудничества, не противоречит исламу. В принципе будет ошибкой на одну чашу весов класть расизм и национализм. Турецкий национализм, если он остается таким, каким мы его понимаем, может быть одним из самых надежных факторов, которые в состоянии сослужить службу исламу.» Критически оценивает автор политизацию ислама, демонстрируемую приверженцами исламистской партии в Турции; «Рефах превратила ислам в некий элемент комедии...»³⁰.

Еще один пример мышления современных турецких преподавателей–богословов. Профессор сектора философии литературного факультета университета Хаджеттепе (Анкара) Фехми Байкан посвятил странную статью по проблеме светскости и шариата в современной Турции. Он начинает ее с упрека в адрес Ататюрка и его сподвижников: «новый режим в негативном свете оценивал все, что имело отношение к османскому прошлому, отвергал и не признавал его, хотел заставить всех забыть прошлое и вместо него создать новую идеологию». Автор отвергает само понятие светскость, он утверждает, что объяснение этого терми-

на, внесенного в 1937 г. в конституцию, так до сего времени нигде не приведено. В Европе он означал отделение церкви от государства, но в исламе института, подобного христианской церкви, нет. Нет института священников. Получается, что отделяется от государства не церковь, а религия. «От этого термина следует срочно отказаться, он чужд турецкой культуре... Достаточно статьи 24, ибо она, не прибегая к термину светскость, запрещает религиозное государство... Тем более что религиозное государство (теократия) невозможно и согласно исламу. Религиозного государства нет в исламе».

Другая важная тема в турецкой политической жизни, по мнению Фехми Байкана – понятие о шариате. В политической теории используется термин теократия, означает власть бога, иначе религиозное государство, т. е. «государственная система, управляемая согласно религиозным принципам». Эти течения в Турции растут после прихода к власти в Иране мулл. «Представляется, считает автор, что теократическая риторика и деятельность представляет для существующего режима серьезную альтернативу и они опасны... Однако, следует уточнить, что использование политической силой религии – это одно, теократия – другое. Подлинно теократических, опирающихся на священные книги, государств не было». Автор анализирует некоторые аяты Корана, имеющие казалось бы отношение к власти. Но, по мнению автора, даже такое указание – «правь справедливо» может относиться к любой политической силе. Ссылаясь на христианство, напоминает принцип – «кесарю – кесарево, богу – богово» – Иисус не брал на себя на земле миссию правителя, избегал этой роли. Когда его последователи хотели сделать его царем, он скрылся от них в горах. Автор пишет: «В исламе, в христианстве, у других религий нет священных наставлений об обязательности или предпочтительности конкретной формы государства... Согласно Корану, в исламе нет разделения на людей религии и людей светских... В христианстве в действительности есть церковь и священники, однако это – нововведение. Ни Иисус, ни апостолы, ни св. Павел этому не учили. В Евангелие нет основ ни для церкви, ни для священников. Халифат – не религиозный, а политический институт, шейхульислам – не религиозная инстанция. Ее упоминания нет в Коране. Шейхульислама назначал падишах, олицетворявший политическую власть... Функцией этого органа было – представлять падишаху мнение о том, соответствуют ли его решения и законы Корану, являются ли они законными в этом смысле».

Что касается права, определяемого как шариатское, оно «представляет собою положения, разработанные факихами–законоведами. Поскольку они различаются по мусульманским странам, они различаются и по своим школам (например ханифитская, маликитская, шафиитская). По правде говоря, большая часть принципов факихов – «светская», мирская, и даже не от Корана... Преувеличения, именуемые религиозным правом, исламским правом – это в значительной мере миф. Я это право не считаю религиозным. Причина того, что компетентные лица привлекают Коран как

основу или конечный авторитет, состоит в том, что они стремятся узаконить положения, ими самими выдвинутые. Каждый законодатель стремится узаконить свою законодательную деятельность». Он пишет далее, что в итоге исследований истории права «становится очевидным, что с самых ранних времен законодатели, стремясь узаконить свои положения, опирались на фундаментальный принцип – высшую силу. Исторический пример: Хаммурапи во введении к своим законам прославляет бога Мардука и сообщает, что именно главный бог Мардук утвердил его на престоле. В мусульманских обществах в качестве принципа законности использовалась религия. Но это был не единственный принцип законности, султанская власть также была принципом законности. И в случае необходимости, когда того требовали обстоятельства, на Коране и религии не настаивали».

Как считает Ф.Байкам, «у теократии нет религиозной основы; ни в мусульманских, ни в христианских странах никогда не было теократического правления. Несмотря на это правители испокон веков использовали религию, чтобы узаконить свою власть либо злоупотребить ею. И в наши дни религия используется в качестве политической идеологии и для злоупотреблений. Термин «исламское государство» с религиозной точки зрения недопустим. Не существует ниспосланной формы государства, В Коране нет даже термина «государство». Режим мулл в Иране – персидское изобретение, только глупцы верят, что это исламское государство».

По мнению автора, термин «светскость» имеет значимость только для европейской культуры и в связи с термином «церковь». «Церковь – новшество, свидетельство иностранзации христианства... Светское течение в своей сути стало протестом европейцев против иностранзации христианства, борьбой за его освобождение. Светскость – это внутренняя проблема христианского мира, для Турции этот термин совершенно неуместен и бессодержателен. В Турции этот принцип использовался в целом как альтернатива и орудие борьбы против мусульманства, в частности – против исламского государства. Это полное невежество. В Турции невозможно вести борьбу против тезиса исламского государства... с помощью принципа лаицизма. Это ошибка. Правильнее будет свидетельствовать, что тезис «исламское государство» не имеет отношения прежде всего именно к исламу, Корану... Наши приверженцы к светскости, кемализму, западничеству настолько чужды религии, что даже не открывают и не читают Коран. В результате, выступая против исламского государства, они прибегают к привычному им подражательству, прикрываются иностранными словечками, и не понимая их смысла, используют их невпопад...

Я тоже против тезиса «исламское государство»... Инициаторы его создания – добрые у них намерения или недобрые – неизбежно свои измышления должны прилаживать к исламу. А это столь же неизбежно открывает путь к тоталитаризму. Тоталитарные режимы неизбежно становятся авторитарными. ибо критические выступления против их правления они будут оценивать как направленные против мусульманского учения и

подавлять их. В итоге возникнет насилие, которое и словом и духом противоречит исламу».

Упомянув тех, кто предлагают включить в конституцию положения о Коране, автор уверен, что они не знают конституционное право и не понимают Корана: «Предположим, что они так или иначе придут к власти и провозгласят Коран в конституции. Что будет потом? У пришедшей к руководству страной политической власти возникнет необходимость обратиться к соответствующим законодательным принципам. Заглянув в Коран, они увидят, что по такого рода принципам в нем нет никакого положения. Что тогда они сделают? Сядут и составят эти принципы сами... Придавать «исламистские» свойства взглядам, высказываемым отдельными личностями, представлять их, словно они от Корана – значит, впадая в ошибку, позволять себе слишком много. Даже Мухаммед, чтобы избежать смешивания собственных высказываний с аятами Корана, будучи здоровым, продиктовал только аяты. Он не заставлял записывать собственные высказывания и замечания. Я рекомендую «исламским» этатистам, «исламским» экономистам брать пример с Мухаммеда, быть поскромнее, знать меру, не использовать авторитет ислама».

После такой отповеди активистам политического ислама Фехми Байкам высказывает серьезные упреки в адрес Запада, доказывая, что именно его действия в отношении других народов привели к возникновению «идеологии противодействия». «Народы колоний с прошлого века стали использовать мусульманство как идеологию сопротивления Западу и собственной защиты... В последние годы отмеченная ситуация приобрела новый облик. Основная причина течений, именуемых радикальным исламом, радикализмом, следующая. Как образ жизни распространившая по всему миру свои метастазы «западная цивилизация» представляет из себя по сути гедонистский, эгоистический, релятивистский, дегенеративный образ. Западная культура со своими взглядами на мир, со своей музыкой, развлечениями, одеждами полностью соответствует понятию культуры Содомы и Гоморры. Именуемая современной цивилизацией культура представляет из себя нецивилизованность и мир начал реагировать на эту культуру Содомы и Гоморры. Самым важным свидетельством этого является появление и усиление радикального ислама... Реакция на культуру Содомы и Гоморры оборачивается бессмысленной яростью и в конечном итоге также становится болезнью. Совершенно очевидно, что реакционность, распространившаяся среди турок, проживающих в Европе, а ныне добившаяся успехов и в самой Турции, – это также патологическое явление, разрушающее национальное единение.»

Далее автор пишет, что необходимо лечить первопричину, корни болезни. Первопричиной же является культура Содомы и Гоморры, ставшая эпидемией для всего мира. «Носителями ее в Турции являются левые, либералы, ататисты (кемалисты)... Эти группы годами импортировали к нам западные идеи и институты, не думая о том воздействии, которое окажут в Турции эти не понятые ими самими концепции и так называемые ценности.

Как эти вестернизаторы—брахманы, так и поверивший в них народ восприняли как нечто ценное идеологии, патентованные знаком «Сделано на Западе» благодаря только лишь психическому воздействию мифа о «западной цивилизации». Пришедшие с Запада полезные элементы культуры – это прежде всего наука и техника. Большая часть остального – вред»³¹.

Помимо вопросов образования, второй проблемой, которая в последние годы будоражит и преподавателей вузов (в Турции это университеты), и студентов, и многих политиков – проблема одежды. Как известно, после военного переворота 1980 года был введен запрет на ношение в присутственных местах женщинами особой одежды, символизирующей их принадлежность к исламу. Речь в основном шла о головных покрывалах типа платков, именуемых тюрбанами. После восстановления гражданской власти, при Т. Озале запрет на ношение тюрбана, в том числе на занятиях, был отменен, однако через некоторое время по постановлению Конституционного суда запрет носить тюрбан был восстановлен. Полемика вокруг этого запрета приобрела небывалую остроту, особенно после прихода к власти в 1996 году партии Рефах. Среди исламистов развернулось движение за отмену запрета на тюрбан, ими всячески поощрялось нарушение такого запрета, что приводило к конфликтам между руководством университетов, государственных учреждений и студентками, женщинами-служачками.

По этому доводу обозреватель Исмет Беркан в своей статье в газете Радикал призывал «признать верховенство права». Автор пишет, что носить тюрбан – демократическое право человека. Нельзя заставлять человека отказаться от тюрбана в его частной жизни. «Но с другой стороны, есть так называемые «общественные места». Как в них действовать государству, соблюдающему принцип светскости? Это определяется его высшими правовыми принципами. Автор считает, что решения, принятые турецким Конституционным судом, не содержат принципиальных отличий от решений, принятых по этому вопросу Верховным Судом США, Государственным советом Франции и Европейской Комиссией по правам человека. Он напоминает, что в исламском праве нет достаточно четкого различия в понятиях «общественная сфера» и «сфера личного». «Например, в Иране все женщины, мусульманки они или нет, даже на улицах обязаны носить покрывало на голове. Нельзя считать, что в этом случае речь идет о сфере личного. Но иранское право идет еще дальше – все, что внутри дома, не считается сферой личной жизни. Между тем в Исламе жизнь внутри дома – священна. Если женщины даже и носят на улице головной платок, как они одеты внутри дома – власть общества в это не вмешивается. В сегодняшнем же Иране обязательность ношения женщиной в своем доме соответствующей одежды обеспечивается при участии полиции».

Исламо—турецкий синтез. Идеи такого синтеза, как можно заметить по высказываниям сторонников официального ислама, получили наибольшее хождение в их среде. С другой стороны, эти идеи уже как тюркско—исламистские, получили признание и среди идеологов тюркизма.

Лидер турецких националистов Тюркеш фактически признавал необходимость синтеза турецкого национализма с исламом. Еще в 70-е годы в своей книге «Основные взгляды» в разделе «Национальная культура» он писал : «В моральном плане человек следует божьей воле, в материальном – беспокоится за семью, за национальную экономику и увеличение национального дохода... Наша цель – не западная, а исламская цивилизация в соединении с мировой технологией. Мы должны приобщаться к научным достижениям, даже если они на луне. Однако от турецко-исламской цивилизации мы не откажемся никогда»³². Намного позже, уже после развала СССР он продолжал утверждать, что «Турция должна быть лидером 350-миллионного турецкого мира», призывал всех турок к единению прежде всего в самой Турции, затем – в союзе всех стран и общин, представляющих всех тюрков, и наконец, к единению всех во имя мира³³.

Тюркешу вторил и его близкий в прошлом, в 70 годы, соратник Агях Октай Гюнер, ныне – заместитель Месута Йылмаза в руководстве Партии отечества. В 1977 г. Гюнер опубликовал книгу «Производительная экономика», в которой предлагал свой вариант достижения Турцией высокого уровня развитости путем смены действующей модели, названной им «затратной экономикой». Он утверждал, что «турецкая нация, отвергая импортные марксистскую и капиталистическую модели развития, на основе исламо-тюркского синтеза стремится создать собственную модель производительной экономики, которая окажет воздействие на весь 21 век». Несколько веков османской цивилизации, писал автор, были «золотой эпохой» турецкой истории. Теперь же речь идет о том, чтобы, «избрав путь единой цивилизации, объединить динамичную среднеазиатскую кровь и традиции с логикой и уникальностью ислама под единой властью того, кто сумел создать государство. Мы уверены, что турецкая нация выступает от имени мирового тюркизма, мирового исламизма и всего человечества. Мы уверены, что такое представительство станет спасительной надеждой для людей, ощущающих свое одиночество как в капиталистической атмосфере потребительства и вещизма, так и в коммунистическом мире, обрекающем человека на добывание хлеба насущного»³⁴.

Как считает турецкий автор А. Дилипак, идея синтеза возникла еще в 50-е годы, когда учрежденный кемалистами однопартийный режим прекратил существование и у власти оказалась оппозиционная прежнему режиму Демократическая партия Баяра – Мендереса, поддержанная исламистами. Со своей стороны, новая власть стремилась привлечь на свою сторону исламистские течения, «чтобы использовать их против левого движения, стараясь в то же время проигнорировать подлинные требования верующих, пробуждая у них несбыточные мечты. В то время и позже ислам был превращен в антикоммунистическую религию. Молодые мусульмане оказались не только резервуаром голосов для правой власти, но и стали ее ударной силой. Постепенно это течение повернулось к национализму... » Дилипак утверждает, что этот синтез был реализован на

практике в правительстве ДП в 50–е годы, однако после военного переворота 1960 г. идеи синтезирования исчерпали себя, и национализм и исламизм некоторое время развивались независимо друг от друга³⁵.

Вновь уже как концепция идея турецко–исламского синтеза была оглашена в виде идеологической платформы так называемого Клуба интеллектуалов (Айдынлар оджагы) в 1973 году. Любопытно, что их тезис о синтезе был положительно воспринят Высшим советом Ататюрка. Что представляет из себя этот высший совет? Его полное имя Высшее общество культуры, языка и истории имени Ататюрка. Этот влиятельный идеологический конституционный орган при правительстве был создан в 1983 г. военным режимом незадолго до парламентских выборов и ожидавшейся затем передачи власти гражданскому правительству. Статья 134 конституции определяет общие задачи этого органа власти – исследования и публикации по проблемам кемализма, реформ Ататюрка, турецкой культуры, турецкой истории, языка. Такая деятельность призвана способствовать «развитию национальной культуры на уровне современной цивилизации,» «укреплять национальное самосознание и единство», «пресекать с помощью науки всевозможные чуждые и сепаратистские течения» и т.д.³⁶ Обществу подчинены четыре научных общества – Турецкое историческое общество, Турецкое лингвистическое общество, Исследовательский Центр по Ататюрку, Центр культуры имени Ататюрка.

Высший совет Ататюрка, собравшись 20 июня 1986 г. под председательством президента Турции Эврена и с участием премьер–министра Т. Озала, начальника Генштаба и многих других высших должностных лиц «одобрил доклад на предмет восприятия всей нацией того понятия культуры, которое составляет основу Турецко–исламского синтеза» Доклад охватывал многие проблемы цивилизационного развития страны, ориентиры такого развития. Авторы синтеза утверждают, что этот многостраничный документ был положительно воспринят участниками столь высокого собрания, подчеркивают, что доклад был «сориентирован именно на синтез». Сам синтез был упомянут на тех первых страницах доклада, где речь шла об особенностях понятия «культура». Подчеркнуто, что **«источниками национальной культуры Турции являются тюркская/турецкая и исламская культуры»**. Позднее в Анатолии при сельджуках и особенно при османах эти культуры пришли к синтезу. Однако синтез не привел к растворению и исчезновению одного в другом, каждый из элементов был продолжен в другом, укрепляя его, в результате возник зрелый синтез. Этот синтез придал Османской империи – одной из самых крупных и жизнеспособных империй в мировой цивилизации – идеологию, форму и мощь... Кемализм оказался той силой, которая направила этот синтез культуры, утративший к тому времени способность обновления, поверженный, к новому синтезу с его современным содержанием.» «Сегодняшнее поколение имеет дело с культурным наследием, основанным на трех тенденциях – **тюркизме, исламизме и вестернизации**»³⁷.

Невооруженным глазом видно, что в начале 90-х годов синтез обрел новое дыхание, можно сказать, заново родился. Во-первых оказался жизнеспособным в самой Турции, что проявилось в создании светско-исламской коалиции, которая даже в дурном сне не могла бы присниться кемалистам. Во-вторых, после распада СССР, затем Югославии он получил новые возможности самореализации. Ныне мало вспоминают сельджукский и даже османский периоды, через которые прошел синтез, двигаясь к своему третьему элементу – вестернизации. Сейчас синтез – это все тюрки и все мусульмане Евразии. И «двигатель» этого синтеза – Турция.

Даже беглое знакомство с содержанием некоторых исследований, публикуемых в изданиях упомянутого Высшего общества культуры, языка и истории дает возможность понять, что они отвечают концепции синтеза. Так, Решиде Гюрес в издаваемом обществом журнале «Бильге» опубликовала рецензию на книгу проф. А. Б. Эрджиласуна «Исследования по тюркскому миру», изданную в Турции в 1993 г. Она пишет, что кириллица к 40-м годам распространилась на все тюркские племена, «чтобы обеспечить разрыв культурных связей между тюрками региона и сделать их отличными друг от друга; дело не ограничилось кириллицей, для каждого племени были созданы алфавиты в соответствии с учетом особенностей наречия каждого племени и таким образом письменные языки были умножены. В итоге связи внутри тюркского мира были разорваны через алфавиты... Сегодня работы по общему алфавиту для тюркского мира возобновлены с 1989 года, они продолжаются. Одновременно с этого же времени активизируется различная культурная деятельность, например, обмен студентами. Однако невозможно предполагать, что в короткие сроки можно обеспечить культурные итоги деятельности в этой сфере. Такого рода меры осуществляются со временем, обеспечивая все новые и новые изменения. Эти работы принесут впоследствии очень большую пользу и требуют особого внимания.» В рецензии тюркские языки именуются наречиями, существует лишь один язык – тюркский/турецкий³⁸. Подобно названной рецензии, публикуются статьи и рецензии по алевитам, по азербайджанской филологии, шаманизму в Евразии, о художниках Османской империи, по анатолийским коврам, о стилях Мехмеда Каплана, об исламской архитектуре в Боснии и Герцеговине, о Юнусе Эмре, о турецко-исламской культуре, и др.

По мнению Р. Зелюта, автора книги «Религия и политика», в результате «широкомасштабных мер, начатых под девизом тюрко-исламского синтеза во имя того, чтобы заново сверху донизу перекроить общество, в Турции 90-х годов фундамент современной социалистической оппозиции растаял, религиозная же оппозиция чрезвычайно усилилась». Националистическая оппозиция, считает автор, ничем не отличается от религиозной партии Рефах. «Объединение религиозной оппозиции с националистической на одной основе и с одинаковыми взглядами, направление государством своего главного внимания на это объединение, поддержка, помощь ему, в конце концов изменила равновесие в политической структуре»³⁹.

В цитируемой нами выше статье профессора–богослова Я. Н. Озтюрка «Религия и национализм» мы отмечали близость его взглядов идеям исламо–тюркского синтеза и соответствующего этому девизу мессианства на Балканах, Кавказе, России и Центральной Азии. В этих словах сквозит объединительный дух, идейный сплав двух недавно популярных концепций – и панисламизма, и пантюркизма, как известно, отвергнутых кемалистами с их идеями светскости и Национального обета. Речь идет о том, что возглавив тюркский мир, да еще под зелеными знаменами, идеологи синтеза непрочь начать реализовывать свою стратегию и в Западной Европе, и на Балканах, и в России, и в Закавказье, и в Центральной Азии. В работе другого турецкого автора, опубликованной накануне распада СССР, мы читаем: «В 1990 – 2000 годы произойдет важный политический процесс, в котором будет задействована Турция – появятся новые турецкие республики. Турецкое присутствие будет обозначено от Мюнхена и до центрального Китая... Язык, которым мы будем пользоваться от Мюнхена до Китая, будет не английский и не какой–то другой, это будет турецкий язык. Сегодня 140 миллионов человек говорят на различных наречиях тюркского языка... В течение ближайших 10 лет возникнут независимые либо автономные тюркские республики Азербайджана, Узбекистана, Туркменистана, Казахстана, Киргизстана, Татарии и Гагаузии. Произойдут важные изменения в Югославии и Болгарии. Взоры этих государств устремлены на Турцию, они смотрят на нее, как на Каабу. Турция в состоянии стать культурным и экономическим центром. Первый шаг к этому союзу уже сделан – решено перевести алфавиты советских турецких государств с кириллицы на латиницу. В течение 2 – 3 лет, с запуском турецкого спутника, начнутся прямые передачи радио и ТВ. Возникший таким образом большой экономический потенциал лишит Запад спокойствия... Как бы то ни было, мы должны быть готовы к союзу турецких государств... Турция вынуждена стать для миллионов своих соплеменников старшим братом и лидером.» Как бы свидетельствуя о своей приверженности турецко–исламскому синтезу, автор в другом разделе своей книги пишет: «В глазах Запада главой Ислама, его отмщением является Турция»⁴⁰.

Идея о том, что Турция должна возглавить исламский мир высказана несколько лет назад проф. Н. Ялчынташем, (ныне – один из руководителей партии Фазилет) который утверждал, что «потенции прогресса Турции – в ее особой роли в регионе, «она в состоянии создать вокруг себя новые объединения из исламских стран... Наше истинное место – исламский мир и необходимо организовать этот мир... Высокомерие ЕС просматривается в том, что Турцию заставляют ждать у дверей этой организации.»⁴¹

3. Иртиджа

В этом разделе мы делаем попытку оценить в целом ту сферу жизни современного турецкого общества, которую представляет политический ислам, или иначе – псевдоислам – в целом все то, что в современной турецкой светской традиции именуется как «иртиджа». О содержании этого

понятия идут споры, некоторые авторы готовы включать в него всю религиозную деятельность в стране. Любопытно мнение нового лидера Партии националистического движения Девлета Бахчели, ставшего генеральным председателем партии после смерти Тюркеша. «По нашему мнению, религиозная реакция, действующая с целью подрыва фундаментальных принципов республики, и есть иртиджа. Нельзя же в Турции каждого искренне верующего мусульманина, каждого обращающегося к Аллаху относить к иртиджа». Он выразил убеждение, что если бы Рефах придерживалась республиканских принципов, она не была бы в 1997 г. закрыта. «Добропорядочный мусульманин не должен поддерживать устремления режимов, подобных иранскому»⁴².

Говоря о сфере политики, мы не ограничиваемся лишь деятельностью в ней той легальной политической организацией, которая именовалась Рефах, а затем трансформировалась в Фазилет. Нет сомнения, что любая организация, любое общество, физическое лицо, выступая открыто либо завуалировано против одной из фундаментальных основ турецкого государства, – светскости – становится участником политической борьбы с этим государством. Собственно, так воспринимают такого рода деятельность и государственные органы страны, и светская общественность. Ныне сложился весьма многосторонний и влиятельный механизм иртиджа. Его вес и влияние примерно отражены в тех 18% – 22% голосов избирателей, которые получала на местных и парламентских выборах в 1994 и 1995 годах партия Рефах. Совершенно очевидно, что часть этих голосов носит протестный характер и не принадлежит исламистам, небольшая часть голосов верующих традиционно получают светские партии, например левоцентристские – алевитов, но в любом случае это тот мандат, который определяет пределы возможности партии действовать согласно их предвыборной программе. Можно сразу сказать, что этот мандат от 22% общества дает немало, но для смены общественного строя парламентским демократическим путем этого явно недостаточно, что собственно и подтвердилось всем поведением властей и общественности, когда партия была отстранена от власти. Ниже мы попытаемся выделить в механизме иртиджа не только партийную деятельность, но и социально-духовную – ордена, а также определить финансовые, экономические возможности этой политико-социальной системы, приобретшей ныне большую значимость в жизни турецкого общества, претендующую в нем на альтернативную роль. Истинные, глубинные причины утверждения такой альтернативы признают и светские круги. Известный политический обозреватель, дипломат Ш. Элекдаг перечисляет эти причины: «моральное разложение, грязная политика, углубляющаяся пропасть между социальными группами, неверие в будущее, недоверие к политическим лидерам, безработица, обнищание, прогнившая правовая система...»⁴³. Обозреватель Р. Тамер считает что поскольку правые партии правят страной уже 50 лет, они должны отвечать не только за успехи в стране, но и за неудачи, а следовательно и за усиление реакционных сил –иртиджа⁴⁴.

Исламистская партия в политической жизни страны. Первая в истории республики происламская партия – Партия национального порядка легально была создана в январе 1970 г. Она и стала предтечей запрещенной намного позже, летом 1997 г. Рефах (Партии благополучия) и заменившей ее ныне Фазилет (Партия добродетели). Основатель и фактически бессменный руководитель этой партии – Н. Эрбакан (р. 1926 г.), выпускник Стамбульского технического университета, приверженец ордена Накшбенди, бывший член Партии справедливости. Он «должным образом использовал экономическое угнетение народа стремление его к равенству. Украсив все это традиционными лозунгами исламской оппозиции, он инициировал начало нового политического движения, ставшего одной из самых серьезных попыток предупредить полевение народных масс»⁴⁵. Тогдашним лозунгом Эрбакана стал призыв властей к «справедливому строю». В преамбуле партийной программы в качестве главной цели партии называлось «создание высокоразвитой цивилизации, которая станет примером для всего мира – так, как это имело место в великом прошлом турецкой нации». Осуществляя эту задачу, партия была намерена исповедывать «высокую мораль», «стремиться к добродетели», справедливости, в том числе социальной, и т. п. Основой общества провозглашалась семья, а основными материальными правами семьи – право собственности, наследования, частной инициативы. В программе ПНП не было прямого упоминания о том, что партия отвергает светскость. Однако шестой раздел программы содержал почти открытую критику этого принципа в Турции: «Принцип свободы совести должен отвечать потребностям гражданина в религиозной вере, молитве, обучении, наставничестве, воспитании. Мы против использования светскости – гаранта свободы религии и совести – в качестве инструмента давления на религию и неуважения к верующим. Границы светскости в нашем понимании сводятся к тому, чтобы они никоим образом не сводились на практике к враждебности в отношении религии»⁴⁶.

Отсутствие в программе положений, объясняющих позицию партии в отношении связей Турции с Западной Европой, перспектив вступления ее в Общий рынок, компенсировалось частыми высказываниями на этот счет самого Эрбакана. В своих заявлениях в качестве депутата он подвергал Общий рынок жесточайшей критике, называя его детищем некоторых сионистских кругов, владельцев крупного капитала. Вступление Турции в эту организацию, утверждал Эрбакан, «приведет к колонизации Турции Западом». Напоминая своим слушателям, какими природными богатствами обладает мусульманский мир, он призывал их к созданию исламского Общего рынка, «восстановлению исторических и культурных связей» с мусульманскими странами⁴⁷.

Уже в следующем, 1971 году, партия была запрещена по решению Конституционного суда – за выступления против светского режима, за отмену ст. 163-й УК, за призывы восстановить халифат и т. п.⁴⁸ Так началась одиссея партии и ее лидера, сопровождавшаяся в периоды военных режимов преследованием ее деятельности, привлечением к суду Эрбакана.

Вместе с тем она участвовала неоднократно в правительственных коалициях, Эрбакан занимал в 70-е годы даже пост заместителя премьер-министра, а его соратники – важные министерские посты. Большая часть депутатов партии приходила тогда в парламент с должностей мелких служащих, учителей и преподавателей (главным образом, в школах имамов – хативов). Заметной среди них была доля представителей свободных профессий (27%), торговцев и подрядчиков (10,4%), религиозных деятелей (12,6%)⁴⁹.

В 70-е годы Н. Эрбакан – частый автор на страницах газет и журналов правового направления, автор ряда книг («Турция и Общий рынок», «Ислам и наука – женщина в исламе» – «Проблема нашей промышленности», «Национальный взгляд» и др.). Когда партия выступала на выборах неудачно, часть голосов ее электората переходила к крайне правой Партии националистического действия, возглавлявшейся тогда А. Тюркешем. В результате военного переворота 1980 г. и роспуска партий против руководства некоторых из них были начаты судебные расследования, введены запреты на тюбан. Среди арестованных был и Н. Эрбакан, поскольку его партия «не делала секрета из своей враждебности к Ататюрку и его реформам»⁵⁰. Те 8 месяцев, которые провел Эрбакан в тюрьме, очевидно, лишь усилили его антикемалистские настроения, равно как и ненависть к армейской верхушке. В 1987 г. Н. Эрбакану были возвращены политические права и на очередном съезде ПБ в сентябре того же года он был избран генеральным председателем партии и с тех пор является безусловным лидером легального политического движения в исламских кругах Турции. Р. Зельют приводит следующий образчик пропаганды Эрбакана в 1990 г.: «Те, кто сознательно работает для Рефах, попадают в рай. Почему? Потому что Рефах означает утверждение Корана»⁵¹.

Первым крупным успехом руководимой Н. Эрбаканом легальной исламистской партии, в 90-е годы именуемой уже Рефах (Партия благоденствия), оказались итоги муниципальных выборов в марте 1994 г. На них ПБ стала главным соперником двух ведущих правоцентристских партий – Партии отечества (лидер Месут Йылмаз, преемник Т. Озала) и Партии верного пути (новый лидер Т. Чиллер после избрания прежнего С. Демиреля президентом); по ряду позиций она заполучила первые либо вторые места. Итоги этих выборов стали сенсационными в Турции. Более всего голосов Рефах получила в центральных, восточных и юго-восточных регионах, была одержана также победа в столице – Анкаре и в «космополитическом Стамбуле». Многие наблюдатели называют главными причинами успеха ПБ «ухудшающуюся экономическую ситуацию, разрастающиеся скандалы, связанные с коррупцией, социальные смуты и недовольство политической обстановкой»⁵².

Свой успех партия развила на парламентских выборах в декабре 1995 г., получив 22% голосов а затем после полугодовой ожесточенной борьбы, в том числе с военным руководством, возглавив с лета 1996 г. правительственный кабинет в коалиции с партией Чиллер. Представляю

интерес лозунги, с которыми шла на выборы Рефах. Первый тезис предвыборного заявления партии гласил: «Истинной причиной проблем Турции является ошибочная политика, определяемая менталитетом подражательства. С таким мышлением проблемы Турции решить невозможно, они будут лишь возрастать». Другие лозунги требовали отказа от «угнетения верующих», прекращения «уничужения нации», перехода «к подлинной демократии», во внешней политике – «спасения страны от роли саттелита», проведения «независимой, собственной внешней политики». Место Турции – «не ЕС, созданный как христианский союз, ее место – в союзе мусульманских стран». Все партии объявлялись подражательскими, саттелитами Запада. Спасти государство от краха сможет лишь предлагаемая Рефах «национальная» модель: «богатый гражданин – богатое государство». Партия заявляла о необходимости срочного принятия закона о свободе верования, который обеспечит свободу ношения головного покрывала (тюрбана), пятничного намаза, деятельности школ имам–хатибов, вакуфов, использования в молитве арабского языка, и т. д.⁵³ Как очевидно, свою предвыборную кампанию, обеспечившую ей значительный успех на выборах, ПБ строила на откровенно популистских лозунгах, утверждающих, не без основания, что правящая верхушка светской элиты Турции отчуждена от нужд широких народных масс, средних слоев.

Ордена и исламские общества. Второй фронт против светскости – мусульманские ордена, общества, группы, не имевшие до недавнего времени прав на легальную деятельность, действовавшие подпольно. Ныне в их распоряжении – тысячи мечетей, сотни религиозных вакуфов, земельные участки, интернаты, школы. На активную политическую арену ордена были выведены Чиллер перед выборами 1995 г.

Как нам представляется в результате ознакомления с турецкими источниками, более других на виду в 90–е году были орден Накшбенди, религиозные общества нурджистов, сулейманистов, приверженцы «национального взгляда». Лишь для последователей ордена Накшбенди духовным вождем является личность из средневекового прошлого – Бахаэддин Мухаммед бин Мухаммед Эль–Бухари (1318–1389). Различные сообщества нурджистов исповедуют взгляды исламского проповедника курда Саид–и Нурси (1873–1960), преследовавшегося кемалистами за распространение своих рисале (Рисале–и Нур). О деятельности самой влиятельной сегодня общины нурджистов, возглавляемой ходжой Фетхуллахом Гюленом, более подробно будет рассказано ниже. Религиозная община сулейманистов основана другим проповедником, выходцем к Болгарии Сулейманом Хильми Тунаханом (1888–1959). Детальное изложение сути религиозных взглядов последователей названных орденов – так, как их интерпретируют современные турецкие исследователи и публицисты – тема отдельного исследования, здесь же уместно отметить главное, что составляет причину преследования их турецкими властями – проповедывание ими идей шариатского режима в стране, т. е. выступления против существующего светского режима. Это относится и к тем религиозным кру-

гам, которые относят себя к сторонникам «национального взгляда» и другим политическим, под религиозной оболочкой, экстремистским группировкам, действующим не только в Турции. Речь идет о таких «записанных» в досье турецких сил безопасности групп, как Хезболла, «мусульманские братья», и о многих других небольших и средних группировках⁵⁴.

Хезболла. Иранский «след», как сообщают светские СМИ, не менее заметен в Турции, чем саудовский. Приводится информация о деятельности в некоторых провинциях страны сторонников «Хезбуллах», организовавших подпольные начальные школы, а также летние лагеря с военной подготовкой и организацией стрельбищ. В учебный курс входило изучение произведений иранских религиозных деятелей, включая имама Хомейни⁵⁵. Одна из таких групп в составе 15 человек была арестована в городке Дюздже, 5 человек оказались членами Партии благополучия, некоторые члены группы имели связи с Ираном. В ходе судебных разбирательств установлено, что некоторые приверженцы Хезбуллах в Турции стремились к ликвидации существующего режима, созданию в курдских районах на шиитской основе и по иранской модели исламского курдского государства⁵⁶. Организация вновь заявила о себе в 1998 году в связи с событиями в Батмане и Солхане. Привлечение сторонников обеспечивается через мечети. Там же осуществляется религиозное обучение. Местами встреч являются также издательские общества. Учреждены даже, для привлечения учащихся, учебные курсы на уровне высшего образования и среднего образования⁵⁷.

Религиозное объединение Фетхуллаха Гюлена. В отличие от лидеров исламистской партии и прежде всего Эрбакана, руководители, ходжи орденов даже в 80–е годы уклонялись от публичной деятельности, справедливо опасаясь преследования со стороны властей. Если же и появлялись их имена в СМИ, чаще других встречалось имя Фетхуллаха Гюлена (Фетхуллаха–ходжи), руководителя религиозной общины, носящей его имя. Фаик Булут в одной из своих книг («Армия и ислам») приводит протоколы допросов лиц, замешанных в 70–е – 80–е годы в антиконституционной деятельности как нурджистов – последователей ордена Саид–и Нурси⁵⁸. Причем имя Фетхуллаха–ходжи часто приводится в текстах допросов в качестве активного проповедника учения нурджизма а также шариа в целом⁵⁹. В другой своей работе («Возвышение капитала тарикатов») Ф.Булут пишет о негласной финансовой поддержке сторонниками Фетхуллаха партий власти – и Партии Отечества, и Партии верного пути, об участии в этой сложной системе связей саудовского капитала. По его мнению, предприниматели–исламисты ринулись на Балканы, Кавказ и Центральную Азию с целью обогащения, поскольку, по словам одного из них, «именно туда устремился поток валюты из США, Европы и Саудовской Аравии»⁶⁰. В турецких газетах также отмечается, что «звезда Гюлена начала сиять при Тургуте Озале. При его покровительстве и поддержке были осуществлены важные капиталовложения и созданы просветитель-

ные учреждения. Гюлен все более выходил на первый план как звезда и делового мира, и мира просвещения»⁶¹.

Полиция давно не оставляла его без внимания. В 1971 г. будучи проповедником в одной из мечетей Измира, Фетхулла Гюлен был осужден на 3 года за деятельность, направленную на создание в Турции государства, основывающегося на религии – через деятельность ордена нурджу. В приговоре отмечалось, что «одной из целей нурджизма было показать Ататюрка молодежи как врага религии», создать режим, опирающийся на религию. 13 сентября 1980 г. была предпринята попытка вновь его арестовать, но ему удалось скрыться из Измира в Эрзурум. Он также был упомянут в списке разыскиваемых, опубликованном позже, уже в феврале 1985 г. Наконец, Фетхулла Гюлен был задержан силами безопасности в 1986 г, однако по инициативе высших должностных лиц (возможно самого Озала) был освобожден⁶².

В генеральном управлении безопасности был подготовлен 10 марта 1992 г. доклад «о нелегальной деятельности некоторых сотрудников службы безопасности», в котором использованы сведения из досье на 120 незаконных организаций. В документах упоминалось в связи с этим имя религиозного лидера Фетхуллах Гюлена и возглавляемой им нелегальной исламской организации «Последователи Фетхуллах», которая «намерена заменить на шариатский режим государство, ориентированное, согласно Конституции ТР на демократическое светское и социально правовое развитие. Она распространена по всей Турции, действует и в нашей службе, особенно в полицейских колледжах, в полицейской академии и в полицейских школах... » В докладе отмечалось, что упомянутая организация установила контакты с 50% учащихся колледжей, что ее цель – «обосноваться на основных постах в государственных учреждениях». Там происходит успешное насаждение идейно близких ей людей, причем вместо телефонной связи используются курьеры, «наиболее подготовленные кадры отправлены в Азербайджан»⁶³.

Еще в конце 1994 г. левоцентристские круги, представители демократической светской интеллигенции выступили против контактов Т. Чиллер с этим шейхом. Со стороны светской политической элиты это была тогда первая попытка навести мосты с легализовавшимися религиозными орденами, найти для себя в лагере исламистов союзников, чтобы успешно противостоять устремившейся к власти ПБ. Газета «Миллиет» в заметке «Исламский фронт против «Партии благоденствия» подробно рассказала о первом приеме в официальной резиденции в то время премьер-министром Т. Чиллер шейха Фетхуллах Гюлена, сообщала, что беседа началась с вопроса к Гюлену – что он думает об Ататюрке. Ответ: «мы не против Ататюрка» – удовлетворил Чиллер, «Миллиет» писала в связи с этим приемом, что премьер-министр не уклоняется от такого рода встреч «лицом к лицу», рискуя потерять свой имидж светского политика. Для нее достаточно, если собеседник не отвергает Ататюрка.

По мнению газеты, приглашение Ф.Гюлена «узаконило его самого и его религиозных сторонников». Не удивительно, что позже Фетхуллах-ходжа обещал некоторым школам, созданным в турецких республиках, присвоить имя Тансу Чиллер. Таким образом, пишет «Миллиет», он прикрыл государственным зонтиком собственную религиозную деятельность и обеспечил премьер-министру блестящий престиж в исламском мире. Активность Фетхуллаха-ходжи в турецких республиках означает внедрение в эти республики не того, что официально именуется в самой Турции секуляризмом, светскостью, а «мягкого ислама по-турецки», инициатором внедрения которого был Тургут Озал. Все, что сделала Чиллер, – переняла это знамя у Озала⁶⁴.

На новизну ситуации в межпартийной борьбе и опасность заигрывания с шейхами и ходжами в пик Эрбакану указывали и представители правых органов, встречаясь с властями. На одной из таких встреч председатель союза адвокатов Турции Ондер Сав заявил в присутствии Демиреля и Чиллер, явно имея в виду Фетхуллаха Гюлена, славящегося своим талантом держаться скромно и благочестиво: «Некоторые политические лидеры выстроились в очередь, чтобы встретиться с шейхом одного тариката. Этот лидер обладает мастерством, которому может позавидовать актер, особенно его умению в нужный момент расплакаться или улыбнуться»⁶⁵.

Пока все взоры в стране после выборов были сосредоточены главным образом на Рефах, Фетхулла Гюлен и другие тарикаты пользовались обстановкой и расширяли свое влияние и в стране, и в других государствах.

В своей работе «Религиозный террор в Турции» писательница Сара Гюль Туран высказывает мнение, что самую влиятельную организацию в среде последователей Саида Нурси возглавляет Фетхуллах Гюлен. «Эта структура далека от радикализма, исповедует лозунг «родина, нация, победа» и постоянно получает поддержку от правящего режима (прежде всего правых). Режим в целом рассматривает сообщество нурджистов как инструмент безопасности власти. Будучи антикоммунистами, они оказались в рядах сторонников США и НАТО, что с излишней очевидностью проявилось во время войны в Заливе. . . , налицо ныне союз Нур – НАТО»⁶⁶. В работе Эрбиля Тушальпа «В ожидании шариата» высказывается мнение, что ныне в стране приверженцы ордена нурджистов насчитывают два миллиона человек, что этот орден поддерживает президент С. Демирель. Вспоминают, что именно он стал первым премьером республики, совершившим намаз в момент занятия этого поста в 1965 году, именно он поддержал Н. Эрбакана в первые годы его политической карьеры. Тот же автор, приводя обширную информацию об активности Ф. Гюлена, утверждает, ссылаясь на приводимые в СМИ Турции сведения, что в начале 90 – х годов «в США было решено экспортировать в Турцию теорию «мягкого ислама». В страну начали прибывать агенты ЦРУ – фуллеры, хенце. Единственное, о чем они говорили – период кемализма в Турции кончился, на Ближнем Востоке должен главенствовать мягкий ислам». Автор пишет, что «умеренные сторонники

шариата» в Турции поддерживали позицию Т. Озала, который как известно, одобрил акцию американцев против Ирака в 1991 г. Среди этих 50 сторонников была группа Фетхуллага Гюлена. Автор приводит следующую поддержку из журнала «Тараф», опубликованную в мартовском номере за 1991 г.: «Как только началась война в Заливе, Фетхуллаг Гюлен, находившийся на лечении в США, был отправлен ЦРУ в Турцию». В книге отмечается, что и в это время сохранялась среди сторонников умеренного ислама идея тюркско–исламского синтеза⁶⁷.

Турецкие исламисты в странах ЕС и СНГ. Политизация ислама давно стала реальностью в среде турецкого населения в Западной Европе, прежде всего в Германии, где проживает большая часть турецких эмигрантов – примерно 1,5–2 млн. человек. Об этом пишет в своей книге «Шариат и Рефах» немецкий турок–журналист Метин Гюр, член Союза журналистов и писателей Германии, лауреат премии, учрежденной Обществом турецких журналистов Европы. Когда турецкие власти стали открывать в крупнейших городах ФРГ свои первые бюро по труду, там имелось всего три мечети. Лица, ведавшие в этих бюро делами религии, били тревогу по поводу того, что турецкая сторона не имеет в ФРГ организацию, которая могла бы противопоставить ислам как веру перед пропагандой католицизма, протестантизма, «Свидетелей Иеговы», направленной в отношении турецких эмигрантов. Эту миссию они выполняли первоначально сами. Сегодня же в «каждом уголке Германии есть общества – владельцы мечетей, есть мекджиты, целые обители, принадлежащие различным исламским течениям, действующим в самой Турции. Приобретаются земельные участки, на которых сооружаются роскошные мечети; складские помещения, фабричные корпуса обанкротившихся фирм реставрируются и становятся мечетями.» Расходы на эти цели достигают сотен миллионов марок. По состоянию на 1996 год в Германии насчитывалось более двух тысяч общин со своими мечетями, они принадлежат различным турецким исламским организациям. Как считает Метин Гюр, организации турецких исламистов, имея традиционную поддержку властей Турции, намерены внедряться в среду рабочих и стать еще более влиятельными. «Их цель – во имя Аллаха укрепить исламизм и установить его господство над всем миром. » Еще в 1991 году турецкий посол в Бонне выступил с новогодним обращением, в котором было сказано, что «турецким гражданам в Германии явно недостает помещений и других условий, необходимых для их культурных и религиозных потребностей. Мы будем сотрудничать с германскими властями и нашими соотечественниками, чтобы строить в различных регионах Германии новые культурные центры и мечети». По мнению Гюра, «в основе такого численного увеличения – идея о господстве шариата над миром. Это – политика, способ воевать без оружия.» Он приводит слова одного из германских исламистов, директора исламского архива Германии Салима Абдуллаха, опубликованные в «Милли газете» 29.09.1990 года: «Спросим сами себя – почему достигшие окраин Вены исламские войска вынуждены были затем уйти, не достигнув цели? Почему в 60–е годы нашего времени житель Анатолии ока-

зался в Германии? По-моему, что на этот раз Аллах избрал рабочих–эмигрантов чтобы утвердить свою религию. То, что не сумели сделать в 17 веке турецкие войска под Веной и Нюрнбергом, успешно проделали простые люди, отправившись из Анатолии зарабатывать свой хлеб. Повсюду, где появляется мусульманин с Кораном, он одерживает победу. Поэтому возвратиться в Анатолию – значит вновь исламу отступить от западного мира.»⁶⁸

Исследователи проблемы турецкой эмиграции в Западную Европу Фарук Шен и Седеф Корай отмечали в 1993 году, что «турецкая, в известном смысле исламская культура сегодня заявляет о себе в Европе во всех сферах. Там имеются турецкие газеты, каналы ТВ на турецком языке, центры по образованию, исламские школы, спортивные общества, турецкие магазины и предприятия, политические организации...» Отмечая политическую пестроту турецких организаций Европе, авторы признают, что наибольшего влияния добились исламские организации. Первоначально, в 70–е годы начали открываться турецко–исламские центры, в 1975 году объединившиеся в единый союз. Предположительно до 100 тыс. турецких детей посещали в конце 70–х годов курсы Корана. Среди действующих ныне в Европе турецких происламских организаций самой влиятельной является «Национальный взгляд. Европейское отделение» (АМГТ). Первоначально она была основана в Берлине а затем зарегистрирована в Кельне в 1976 году как зарубежное отделение первой исламской партии Турции – Милли селямет партиси т. е. закрытой ныне Рефах. В отличие от других исламских организаций она ведет обширную работу среди домохозяек, девушек, включая студентов, и детей. Об итогах такой работы свидетельствует рост в местах проживания мусульман числа женщин в религиозном одеянии⁶⁹.

«Национальный взгляд. Европейское отделение» от имени своего германского центра а также представительств и бюро в других странах Европы заявила, что она будет забивать жертвенных животных в любой стране и заверила, что переданные ей на это деньги «помогут накормить многие семьи, «поддержат проявляющих активность мусульман». Тарифы за услуги АМГТ установила разные по районам и странам – также и в самой Турции в курдских районах, в Ираке, Индии, арабских странах. Деньги от проданного мяса и шкур составили в сумме примерно 5 млн. фунтов. Источники МИД получают информацию, что не все животные приносятся в жертву, деньги используются и на иные цели, «эти и подобные организации используются для эксплуатации религиозных чувств граждан»⁷⁰.

Поскольку основная масса переселившихся в Европу турок проживает в Германии, именно там активнее всего действуют представляющие различные политические группы соответствующие организации, включая упомянутые выше европейские филиалы Рефах. Можно предположить, что когда германский посол в Турции, попросившись на прием к Эрбакану 4 декабря 1997 г. выразил тревогу по поводу деятельности «отдельных исламских организаций», он имел в виду и упомянутые. Кстати говоря, находясь у власти, Рефах инициировала обращение Турции к Германии с

просьбой открыть школы с религиозным обучением для турок, однако получила отказ, поскольку такой шаг по мнению германских властей «станет препятствием для интеграции турок в германское общество», «приобщения к нему»⁷¹. Такого рода факты позволяют понять некоторые причины задержки принятия «христианским миром» Турции в ЕС. Для немцев, прежде всего националистов, исламизм – это троянский конь. Им непонятно, почему люди из нужды и добровольно приехавшие в чужую страну ради спасения от нищеты на родине, не могут избавиться от идеологии панисламизма. И в то же время никак не хотят вернуться туда, где эта идеология продолжает жить – к себе домой, в Турцию.

Если активная деятельность турецких исламистов в Западной Европе среди своих сограждан началась по крайней мере два–три десятилетия назад, вслед за массовой эмиграцией турок в Европу, и лидерство в ней принадлежало соратникам Эрбакана, то в России и в других странах СНГ эта деятельность стала возможной после распада СССР и оживления гуманитарных и экономических связей Турции с каждой из стран СНГ. Лидерство же в ней оказалось в руках сторонников Фетхуллы Гюлена и примкнувших к ним светских политических лидеров, прежде всего Чиллер. Именно в этом направлении подчас не всегда видимый на практике синтез проявился вполне отчетливо и эффективно. В российских условиях синтез проявил себя как фактор односторонней турецкой благотворительности и уже не для своих сограждан, а для иностранцев.

Гюлен выступает в качестве миротворца не только внутри мусульманского мира – он встречается с константинопольским православным патриархом, папой римским. На встрече в Ватикане с папой в начале февраля 1998 года Фетхуллы Гюлен заявил, что мусульмане добьются того, чтобы ошибочное представление об исламе было исправлено⁷². Имеет свои издания группа Гюлена и в Болгарии, где, как известно проживает весьма значительное турецкое мусульманское меньшинство. Например, в Софии начал выходить на турецком языке ежемесячник Умит («надежда»), в котором также целые страницы посвящаются религиозной и благотворительной деятельности Ф.Гюлена и в Турции, и вне нее – в том числе в Узбекистане, Кыргызстане, Азербайджане, Украине, Албании и Болгарии. В некоторых комментариях на страницах журнала просматривается простой, но ходовой для некоторых адептов любой религии принцип: «свои – чужие». Например сложная ситуация на Кавказе сегодня комментируется следующим образом: «Если посмотреть сегодня на карту Кавказа, то становится очевидным, что подвергается урезанию граница между христианскими Грузией и Арменией и мусульмано–турецким, вместе с Турцией, миром. Нет никакого сомнения, что цель здесь в том, чтобы воспрепятствовать созданию в будущем мусульмано–турецкого союза... Христианский мир продолжает поддерживать эти два государства и что бы там ни говорили, сегодня продолжаются сражения между крестоносцами и мусульманами.»⁷³

Нечто похожее можно было прочесть еще в 1996 г. в казанском варианте принадлежащей Гюлену газеты Заман. Там повествуется о деревне Вестница близ Бихача (бывш. Югославия), которая была при османах форпостом борьбы против христианства. «До сих пор деревня выполняет эту роль, пишет газета. Ее не сломил даже Тито. После ухода османов деревня так и не подчинилась другим властям.»⁷⁴ Можно ли считать такого рода призывы «служением людям всего мира, независимо от их вероисповедания»?

Деятельность Ф.Гюлена может представлять интерес не только для российской общественности в Татарстане, но и в Москве, в Башкортостане. Издаваемая им в Турции массовым тиражом происламская газета «Заман» еженедельно выходит и в московском варианте, и, как уже сказано, в казанском, и уфимском, имея мало общего с основным, турецким ежедневным изданием. В московском варианте «Заман» очевидно намерение воспринимать московского читателя дуально, как представленного двумя мирами – русскоязычным и туркоязычным – мусульманским. Нет недостатка в московском издании и материалов, предназначенных для популяризации в Москве личности Гюлена. Например, в одном из июньских номеров за 1998 г. опубликовано интервью с Ф.Гюленом на четырех «турецких» страницах и с пятью фотографиями автора с заголовком: «Я не претендую на то, чтобы быть лидером и вождем». Там же уже российский читатель информируется о том, что «недавно на канале ОРТ Тамара Бочарова передачу «Доброе утро» почти полностью посвятила Турции. Она познакомила россиян с человеком, посвятившим свою жизнь служению людям всего мира, независимо от их вероисповедания, расы, языка – Фетхуллахом Гюленом, мудрецом и философом.»⁷⁵

По поводу международной благотворительной деятельности Гюлена в газете Радикал высказался бывший генеральный секретарь СНБ отставной генерал Кемаль Явуз: «**Радикал:** Б. Эджевит считает, что если бы не было Фетхуллаха Гюлена, возобладало бы в Центральной Азии влияние Ирана, а в Турции арена борьбы осталась бы за Рефах. **Явуз:** Грубо говоря, можно сказать – «утопающий хватается и за змею». Турция не утопающий, чтобы хвататься за змею! В то время, как мои дети не имеют возможности получить образование, мне не нравится, что в школах Центральной Азии оно идет на современном уровне. Русскому ребенку в С. Петербурге предлагается петь Марш Независимости (Турецкий гимн). Национальный гимн поется от души, от души! Но ведь у русского ребенка нет этого ощущения, потому что его дед не был героем национально-освободительного движения... В чем логика того, что марш независимости, который не может выучить мой ребенок, поскольку в Карсе, Палу, Бингеле нет ни школ, ни учителей, и в то же время этому маршу обучают русского ребенка?»⁷⁶ Конечно, генерал либо не знает, либо умалчивает о том, что в Москве живут не только русские семьи. О том, что в столице России проживает 2 миллиона азербайджанцев было сообщено не столь давно руководителями их диаспоры в Москве. Издавна живут в Москве тысячи татарских семей. Растет число прибывших из Турции – строителей, служащих мелких и средних турецких фирм. Вероят-

нее, что именно на эти семьи, как на тюркские и мусульманские, ориентируют свою деятельность появившиеся в Москве турецкие благотворительные общества во главе с Фетхуллахом Гюленом.

Исламский капитал. Один из исследователей исламистского движения в Турции Фаик Булут в книге «Возвышение капитала тарикатов» пишет, что это явление – капитализация «орденов» – началось после прихода к власти первого после военного переворота гражданского правительства во главе с Тургутом Озалом. Автор считает его «первым президентом Турции – приверженцем тарикатов», именно при нем, когда он находился на разных постах во власти в 1980–1990 годы, стало господствующим убеждение, что «государству надлежит открыть пути развития исламистам–капиталистам, перестать их преследовать, поощрить их усилия в ориентации на Иран, Ирак, Саудовскую Аравию и другие исламские государства. Мусульмане–предприниматели, благодаря поощрительным премиям в сфере импорта и экспорта, а также банковским кредитам, выгодно использовали новые законодательные акты относительно льгот для специальных финансовых обществ (речь идет о финансовых компаниях некоторых арабских стран, оперирующих на беспроцентной основе – Н.К.)...» Эти предприниматели активно заявили о себе в банковском деле, внешней торговле, в том числе торговле нефтью, в организации паломничества, в посреднической торговле конвертируемой валютой, золотом. Предприниматели–мусульмане «обеспечили себе важное место в рыночной экономике и что еще важнее, осуществилось взаимодействие капитала тарикатов с исламскими банками». В такой обстановке появились различные варианты модели исламской экономики, иными словами «у системы либерального капитализма появилась альтернатива – исламская система».

Автор книги убежден, что исламская банковская система пошла более всего на пользу «последователям орденов накшбенди и нурджу». Почти каждый джемаат оказался владельцем фирм, на которых имел влияние, в том числе таких известных, как Ихлас холдинг, Феца матбааджылык, Аль Барака – тюрк, Анадолу финанс куруму, Тахтакале тиджарет меркези, Хак тиджарет ве ятырым АШ, Файсал финанс, Фениш холдинг и др. Для некоторых джемаатов экономическая деятельность перестала быть средством и стала целью. Так, руководящий орган исламских капиталистов МЮСИАД (Мюстакиль иш адамлары дернеги) был подвергнут критике в мусульманской прессе за то, что «по своей деятельности и философии превратился в клуб богатей, действующий во имя коммерческих интересов». По мнению автора, деятельность этого мусульманского капитала ничем не отличается по своим этическим нормам от либерального капитала, когда дело касается банкротства, фальшивых чеков, игры на проценте, неплатежей, незаконного обогащения. Сравнившись по своему официальному статусу с самым влиятельным в турецком бизнесе, давно учрежденным либеральными предпринимателями Обществом деловых людей Турции (ТЮСИАД), его исламский аналог МЮСИАД утверждает своим существованием официальное представительство исламского ка-

питала и орденов «в политической системе государства», свидетельствует о «возвышении мусульманского капитала». По мнению автора, исламский капитал заметно представлен в экспорте текстиля, особенно в мусульманские страны; в строительных подрядах, главным образом выполняемых на Ближнем Востоке, на Балканах, Кавказе, в Центральной Азии. Под руководством МЮСИАД в эти регионы, на Дальний Восток, в Африку иницируются деловые поездки, проводятся выставки, ярмарки. В самой этой организации представлены десятки фирм, владельцы которых являются приверженцами политического ислама. В 1994 г. на предприятиях этих фирм было занято 150 тыс. рабочих, объем их экспорта достигал 750 млн. долларов, т. е. 6% тогдашнего экспорта страны. По утверждению руководства МЮСИАД, эта организация «становится источником надежды для турецких деловых людей в Европе.»

Весьма активен симбиоз мусульманского капитала и джемаата в области полиграфии, издательского дела. По данным на 1994 г. его ежедневный газетный тираж достигал миллиона экземпляров, мусульманский издательский сектор насчитывал 200 издательств, на витринах было продемонстрировано более 6 тыс. книг различной тематики, выходило более 600 журналов. Из многотиражных газет Тюркие контролируется обществом Ышыкчилар, Зама» – объединением Фетхуллага Гюлена от нурджистов; печатный орган партии Рефах, представляющую из себя «коалицию религиозных обществ» – газета Милли газете. Другие течения исламистов представляют газеты Селям, Ени шафак, Ени Асья, некоторые журналы.

Определяя основные внешние источники финансовой поддержки исламского движения в Турции, Фаик Булут выделяет прежде всего организацию под названием Рабыта, которую он называет «детисем саудовско–американской компании Арамко». Эту организацию – Рабытат–уль Алем–уль Ислами (единство мира ислама) – автор называет одной из опор на Ближнем Востоке «ислама по–американски и капитализма под паранджой». Она создана в Мекке в 1962 г., в принятом в 1963 году уставе задача Рабыта сформулирована следующим образом: «предпринимать в мусульманских странах действия по формированию власти, отвечающей исламским принципам; готовить из прибывающих иностранных паломников исламских миссионеров с последующей отправкой их на родину; оказывать исламским органам печати материальную поддержку для выполнения ими своей деятельности». Согласно уставу, каждая мусульманская страна выбирает своего представителя в административный совет Рабыта. В учредительном совете, насчитывающем 41 человек, представлено периодически по два турка, автор характеризует всех их как активных исламистов. В книге приводятся факты многочисленных контактов Рабыта с турецкими исламистами, предоставления им денежного содержания, направления денежных средств на поддержку учащихся, молодежных лагерей, организацию хаджа для губернаторов и руководства органов безопасности, строительство центров исламской культуры, мечетей, в част-

ности парламентской мечети и крупнейшей ныне в Анкаре мечети Коджа-тепе.

Помимо Рабыта, в стране со времен Т. Озала активно действуют саудовские компании Файсал финанс, Аль Барака, Исламский банк развития. Все они превратились в многонациональные корпорации и имеют в Турции свои дочерние отделения, установившие разнообразные связи с местными исламистами. По мнению автора, наиболее очевидны их связи с орденами накшбенди и нурджу. В первом случае эти связи находились в распоряжении семьи Озалов, он подробно их прослеживает. Аналогичным образом исследуются многоступенчатые контакты главы измирской ветви нурджистов Ф.Гюлена с саудовскими распорядителями нефтедолларов. Такие контакты реализуются влиятельными посредниками в Турции. Среди них – Бурхан Озфатура, Сюлейман Караполле, Фети Ун. Последний из упомянутых в декабре 1994 года, будучи адвокатом Фетхуллах Гюлена, сообщил в одной из телепередач: «еще в 1985 году Фетхуллах ходжа утверждал, что Советский Союз будет разрушен. Под воздействием этих бесед некоторые предприниматели стали готовить себя для Центральной Азии. Произошло то, о чем он говорил. Советы распались, эти предприниматели ринулись в мусульманские республики Средней Азии, начали вкладывать капиталы, открывать школы».⁷⁷

И в работе Ф. Булута, и в других материалах, в прессе отмечается гибкость исламистских холдингов, концентрирующихся обычно вокруг обителей определенных орденов, их готовность ориентироваться каждый раз на те правые партии, которые находятся у власти, хотя предпочтение отдается Рефах, особенно когда она была у власти. По сообщению газеты Радикал, в период наибольшего успеха исламистов, когда они пришли в правительство, наиболее сильной «тарикатской» группой была та, которую объединял Ихляс–холдинг. В опубликованном газетой в январе 1997 г. списке 54–х фирм этого холдинга значатся 17 компаний, действующих в сфере СМИ – телеканал, газета Тюркийе, информационное и рекламное агентства, детский, спортивный, исторический, текстильный, медицинский, туристический, строительный журналы. Также 4 компании действовали в строительстве жилищ, 3 компании представляли две поликлиники и один госпиталь, 4 участвовали в автосборке, в списке прочих – финансовые, страховые, торговые, мебельные, транспортные и другие компании.

Как считает газета, по размаху деятельности среди исламистских холдингов на втором месте стоит Фетхуллах ходжа–холдинг. В приводимом списке 42 компании, действующие в Турции и за рубежом в статусе вакуфов, акционерных и лимитедных обществ, в том числе финансовая Асья, телеканал Саманийолу, газета Заман, два журнала, 6 учебных зданий, несколько колледжей, лицеев, университет Фатих, Вакуф преподавателей Турции, Вакуф журналистов и писателей. Приводятся в списке названия компаний, владеющих учебными центрами в России – в Якутии, Туве, Хакасии, Башкортостане, Чувашии, Татарстане, а также в Кыргызстане, Румынии, Молдове, Албании, Украине (в том числе в Крыму), Паки-

стане, Марокко, Ираке, Иране, Азербайджане, Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане, Казахстане, Монголии.

За названными двумя ведущими исламистскими холдингами следуют, по мнению газеты, Сервер–холдинг со своими несколькими телеканалами, вакуфами, страховыми, торговыми, подрядными издательскими и другими компаниями – всего в списке 29 названий. Последний в перечне, приводимом газетой – холдинг Баш, связанный ранее с орденом кадири. В списке – 16 промышленных, торговых компаний, журналы, телеканалы⁷⁸.

В системе турецкого исламистского предпринимательства, концентрирующегося вокруг Общества независимых промышленников и деловых людей (упоминаемое выше МЮСИАД) отмечается быстрый рост группы Комбассан, особенно после прихода во власть Рефах. На конец 1996 г. капитал группы достиг 30 триллионов лир, число основных акционеров – 40 человек, а незарегистрированных – 25 тыс. Немалое их число – турецкие предприниматели в Европе, обеспечившие поступления в размере 7,7 триллионов лир. Это удалось установить полиции, задержавшей прибывшего из Германии рабочего с 1,7 млн. марок на руках для передачи в Комбассан. Сообщалось, что в руки группы перешла за полцены государственная компания Петлас. Печать Германии окрестила подопечных МЮСИАД «анатолийскими тиграми», их джиро достигает 3,5 млрд. долларов, что свидетельствует о том, что исламский капитал получил большое развитие в Турции. Руководимый 37–летним Эролом Яяром, специализировавшимся в США по компьютерам, МЮСИАД за 8 лет привлекла в свою организацию 3 тыс. членов, обеспечила капиталовложения на сумму 3,5 млрд. долларов, обеспечила работой 300 тыс. рабочих. Германская печать выделяет как наиболее влиятельную исламскую группу Ихляс холдинг с 3036 занятыми. Также отмечаются успехи компаний Улькер и Комбассан. По германским данным, в 60–ти фирмах Комбассан занято 26 тыс. человек. В год исламский капитал направляет в распоряжение Рефах в качестве финансовой помощи 250 млн. долларов. Начато судебное преследование против МЮСИАД и ее президента по статье 312 УК за призывы к ненависти и враждебным действиям. Также турецкие газеты сообщают, что принятая при Рефах инструкция предоставила право турецким гражданам за границей осуществлять торговлю золотом. «Инструкция предоставляет возможность Ихляс–холдингу и Асья–холдингу, принадлежащему Фетхуллаху Гюлену, заработать прежде всего в Туркменистане и Казахстане, где действуют многие принадлежащие им фирмы»⁷⁹.

4. Обострение конфликта вокруг проблемы светскости в конце 90–х годов.

Исламисты у власти. Выше было названо несколько основных причин, тенденций, которые предопределяют изменение религиозной ситуации в стране в пользу исламистов. Основная, внутренняя причина – углубление социального конфликта при одновременном расширении, под давлением Запада, демократических свобод, отмены жестких положений

законодательства, касающихся политизации ислама. И то и другое используется исламистами. Все более очевидной становится готовность идти на политические уступки исламистам со стороны двух ведущих светских партий правоцентристского толка – Партии верного пути во главе с Т. Чиллер (ранее – с Демирелем) и Партии отечества во главе с М.Йылмазом (ранее – с Т.Озалом). Эти уступки делали и С.Демирель, и Т.Озал еще в начале 80–х годов в своем стремлении противостоять как друг другу, так и левому движению, и армии. Удалив из политической жизни на период военного режима (1980–1983) Демиреля, военные надеялись справиться и с Озалом, с созданной им Партией отечества, поддерживав на парламентских выборах в конце 1983 г. его проармейских оппонентов. Однако Озал сумел обеспечить себе широкую поддержку избирателей, в том числе верующих – мусульман различных течений и орденов, тогда действовавших еще нелегально. От такого рода поддержки Партия отечества не отказывается до сего времени, конкурируя в этом с переменным успехом и с Партией верного пути, и с партией Эрбакана, ныне с Фазилет. В любом случае интересы армии и этих двух ведущих партий в отношении исламистов не всегда совпадают, что и выливается иногда в публичные взаимные упреки: в адрес военных – в превышении полномочий; лидеров названных партий – в сговоре с исламистами или потакании им.

К внешними благоприятным для исламистам факторам можно отнести расширение связей с саудовским капиталом и с турецким – в Европе, распад СССР, повлекший за собою возникновение в широких масштабах спроса в Турции и в США на турецких культуртрегеров от исламизма или от турецко–исламского синтеза в странах СНГ.

Как уже сказано выше, победа Рефах в конце 1995 г. на выборах (22% мест) не обеспечивала ей возможность немедленного формирования своего правительства. Военное руководство, светские круги искали способы конструирования каких-либо коалиций светских партий, однако каждый раз выяснялось, что двум ведущим светским партиям–соперницам невозможно договориться о коалиции между собой и вполне возможно – с Рефах. Последний вариант армию устраивал менее всего, и ее руководство сопротивлялось как могло, навлекая на себя гнев исламистов. В марте 1996 г., когда еще не было создано новое правительство и у власти временно оставалось старое во главе с Чиллер, некоторые активисты Рефах попытались обвинить армейское руководство в стремлении лишить состав вооруженных сил возможности молиться – в казармах якобы отсутствовали условия для этого. Опровержение военного руководства появилось в печати немедленно, оно тут же было названо меморандумом военных. В нем от имени генералитета, правда без подписи, было заявлено, что никому не удастся посощить армию с верующими. Газета Хюрриет следующим образом объясняла выпад Рефах: «Цель сторонников шариата – не защита религии, а распространение в казармах шариата. После мечетей и школ пришла очередь армии, хотя и здесь начало было положено раньше»⁸⁰. Опытный обозреватель Али Сирмен писал в Миллиет: «Нет ни малейшего сомнения, что Партия

благополучия продолжит борьбу с армией... Ее депутат от Коньи уже представил проект резолюции о том, что вооруженные силы страны не обеспечивают охрану границ и поэтому необходимо создать комиссию по расследованию парламентом причин таких фактов. Тактика ПБ изощрена – она стремится столкнуть армию с парламентом а затем использовать последний в своей борьбе против армии. Откуда такая враждебность? Ответ прост: придя к власти, партия намерена поправить демократию, светские принципы, модернизацию и свободы. Она видит два главнейших препятствия по захвату власти – прессу и армию. Печать – это институт, объясняющий народу Турции опасность ПБ. Армия же при всех оговорках остается гарантом светскости»⁸¹.

28 июня 1996 г. было, наконец, создано коалиционное правительство Рефахв во главе с Эрбаканом и его заместителем – Т. Чиллер. Напомним – партия и ранее участвовала в коалициях, но даже не на вторых ролях, а на третьих. Сейчас же исламистская партия оказалось в положении ведущей партии, инициатора правительственной коалиции, ее лидер стал впервые за всю историю республики главой правительства. Влиятельный ежегодник Актюэль лаконично оценил эпохальность события: «произошла интеграция в систему тех социальных групп, которые ранее были удалены за пределы системы»⁸². Вынужденное согласие военных на приход летом 1996 года к власти Эрбакана (в коалиции с Партией верного пути) – свидетельство, наряду с другими, также и того факта, что в Турции время военных переворотов проходит, они не встречают поддержку ни США, ни стран ЕС, ни сочувствия гражданской элиты в самой стране. Ныне интеграция Турции в ЕС, по мнению ее западных партнеров, должна предусматривать поиски разумных компромиссов между светскими кругами и исламистами, тем более что последние заверяли об отсутствии у них далеко идущих намерений – менять светский режим в стране на режим шариата.

Возможно, некоторые лидеры ПБ, в том числе многоопытный Н. Эрбакан первоначально сами верили в то, что им удастся создать некий новый баланс сил во власти с преобладанием исламистов без смены режима, или по крайней мере осуществить эту смену постепенно, опираясь на растущую поддержку общества. Однако, как стало очевидно, основная часть кадров партии «сбросила маску», не желала ждать. Придя в исполнительную власть в качестве лидеров, обладая относительным большинством в парламенте, контролируя муниципалитеты ряда крупнейших городов страны, прежде всего Стамбула и Анкары, исламисты вскоре напомнили о своих религиозных лозунгах и планах изменения конституции. Напомним, что еще первое заседание вновь избранной парламентской группы ПБ проходило с воспроизведением религиозной атрибутики и символики – чтение молитвы на турецком и арабском языках; прошла и короткая дискуссия – надо ли в тексте присяги депутата сохранять (и произносить соответственно) термин «светское государство» и т. д. Как известно, термин «светский» («ляик») в турецкий язык перекочевал из французского, и теперь высказано было предложение найти турецкий аналог слова и именно его применять в кон-

ституции. В своем выступлении Эрбакан, зачитав молитву, напомнил, что первое заседание ВНСТ в Анкаре более 70 лет назад началось также с молитвы. Он заявил даже, что принципы «национального взгляда», исповедуемые его партией, совпадают с принципами кемализма⁸³.

Прибегая к такого рода неожиданным заявлениям, центральное и не в меньшей мере провинциальное руководство Рефах осуществляло меры, которые впоследствии будут оценены Конституционным судом как происламистские, несовместимые с режимом светской власти. Так, внимание общественности и лидеров некоторых светских партий было привлечено к организованной премьер-министром в официальной правительственной резиденции религиозной церемонии – трапезе в связи с рамазаном, на которую были приглашены лидеры религиозных общин и орденов Турции. В знак протеста руководство Народно-республиканской партии возложило у стены резиденции черный венок. Некоторые газеты писали в эти дни, что в Турции государство переходит под контроль религии⁸⁴. Одна из газет вопрошала: «О каких кемализме, светскости, республиканских законах, современном праве может идти речь, когда ходжа на высшую государственную ступень ставит превосходство и господство тарикатов? Пока внизу продолжаются споры о тарикатах, чалме, ермолке, текке, обителях, псевдопророках, о слезах на глазах обманываемых, об эксплуатации религии, премьер-министр принимает в правительственной резиденции шейхов орденов... Все структуры современной республики, все ее элементы и законы получили по пинку.»⁸⁵ Обозреватель «Миллиет» Х. Биля писал, что когда Рефах шла к власти и когда она ею стала, самой популярной темой были споры – изменит ли Рефах существующую систему или будет ей придерживаться. Были даже разговоры о том, что партия стала крупной партией центра. Однако, что в итоге, «кроме ненависти, ярости и невежества демонстрируют ее некоторые лидеры, неужели Н. Эрбакан с этими людьми будет создавать «справедливый строй?»⁸⁶ Более осторожную оценку давала крупная финансовая газета, отмечая, что существующие в политической сфере трудности так и не преодолены, «нет результатов, которые могли бы успокоить народ, возникли новые проблемы». В такой обстановке, считала газета, «невозможно говорить о здоровой экономике. Очевидно, что власти не стремятся что либо сделать в этой сфере, лишь в заметных масштабах осуществлена приватизация... Режимы импорта и экспорта не опубликованы, таможенный союз (с ЕС) ныне забыт, экономические контакты, начатые с мусульманскими странами и тюркскими государствами, пока не порождают надежды. Но вместе с тем экономика достаточно оживлена, люди делают капиталовложения, и покупают и продают, расширяют новые проекты, наблюдаются примеры мер на будущее. Процент снижается, в валюте движения нет, можно сказать, каждодневные дела идут неплохо.»⁸⁷

Решения Совета национальной безопасности 28 февраля 1997 г. Деятельность Партии благополучия в качестве правительственной партии заставила политиков и публицистов ряда западных стран, самой Турции заговорить об угрозе установления в этой крупной региональной державе

исламского режима. К этому времени накопилось немало свидетельств того, что после прихода к власти Рефах вся система иртиджа в Турции стала приобретать инерцию качественно нового ускоренного саморазвития, все менее учитывающего нормы поведения, выработанные за многие годы существования светского режима. Турецкие военные первоначально не шли дальше угрожающих публичных заявлений в адрес Рефах за ее «прошариатскую» деятельность. Однако уже в феврале 1997 г. армейское руководство решило «дать бой» Рефах по проблемам светскости и свободы религии в Совете национальной безопасности. Перед заседанием СНБ 28 февраля 1997 г. распространились слухи об угрозе военного переворота, к которому может прибегнуть только что вернувшийся из Израиля начальник Генштаба Карадаи в случае, если Рефах не прекратит деятельность во власти, противоречащую конституции. В связи с этим якобы С.Демирель обратился с письмом к Эрбакану умерить пыл.

За два дня до заседания СНБ С.Демирель три часа беседовал с журналистами по поводу сложившейся ситуации с угрозой иртиджа. Он высказал мнение, что «если проводится в вопросах религии политика, противоречащая законам, это означает, что законы Турецкой республики не выполняются – нарушается конституция, ее статьи 24 и 14–я, нарушается закон о политических партиях. Сегодняшний светский режим защищен также законом о борьбе с террором, (статьи 1,7, и 8–я). Уголовным кодексом (статья 312)... Государство обладает законными правами для своей защиты, и если исполнительная инстанция их исполняет, поводов для беспокойства нет. В противном случае речь идет о недостатках государственного механизма». Сообщалось также, что немало представителей светских партий и организаций требовали от Чиллер выйти из правительственной коалиции. В ответах она заявляла, что не следует политизировать не только ислам, но и светскость, существующий режим – под надежной защитой светских законов и т.п.⁸⁸

Решения СНБ были преданы гласности не сразу. Как потом выяснилось, эти решения осуждали нарушения светского законодательства в учебных заведениях, при проведении политических и общественных мероприятий, и т.д. Высказана была необходимость введения, наконец, обязательного 8–летнего обучения. На заседании, в качестве свидетельства реакционной деятельности исламистов был показан видеофильм об одном из занятий на частных курсах по изучению Корана. Учащиеся курсов якобы по очереди подходили к бюсту Ататюрка и плевали на него. Видный публицист Ильхан Сельчук писал, что принятые СНБ решения «свидетельствуют о повороте для Турции моменте: впервые контрреформизму сказано – «нет». Впервые реакция, иртиджа «была названа угрозой номер один» в Турции и принято решение вести с ней борьбу. Решение СНБ по этому вопросу насчитывало 18 пунктов⁸⁹.

Но после февральских предупреждений на СНБ публичные заявления исламистов против светского режима, против армейской верхушки еще более усилились. Создается впечатление, что позже в качестве отве-

та на решения СНБ было подготовлено массовое выступление сторонников шариата. 11 мая в Стамбуле на площади Султанхмет по инициативе 142-х исламских организаций, прежде всего Рефах и при активном участии некоторых ее лидеров, депутатов, учащихся и преподавателей 23 школ имамов-хатибов состоялся 30-тысячный митинг сторонников исламистского пути Турции. Журналисты отмечали раздельное присутствие на митинге множества женщин в черных одеяниях, бородатых мужчин, мальчиков 5–6 лет с чалмой или тюрбеткой на голове. Приводилось содержание некоторых лозунгов на плакатах: «Прочь руки от школ имамов-хатибов», «Шариат или смерть», «Долой диктатуру», «Кемалистская диктатура – израильская марионетка». На некоторых зеленых знаменах по-арабски было написано; «Здесь Турция, а не Израиль», «Руки прочь от имама». Как сообщалось в «Джумхуриет», при упоминании выступающими Ататюрка слышен был гул недовольных голосов. Один из депутатов от Рефах, Хатипоглу, выступив на митинге, потребовал защитить школы имамов-хатибов, требовал к ответу генерала Чевика Бира, главного участника переговоров с Израилем о военном сотрудничестве, кричал: «Турция не будет Израилем, да здравствует шариат, если потребуется, ударим и кулаком». На трибуне появлялся также президент МЮСИАД Э. Ярар, лидеры некоторых мелких партий⁹⁰.

Можно считать, что исламисты, придя к власти и заполучив таким образом в свои руки государственные механизмы управления религиозной деятельностью в стране, такие, прежде всего как Управление по делам религии, министерство просвещения, богословские факультеты и кафедры, уже спустя несколько месяцев перестали осознавать реальную степень влияния в турецком обществе, восприняли свой успех на выборах как поддержку не их социальных лозунгов, а идеологии, сочли этот успех историческим шансом для реванша шариата в Турции.

Эти действия властей еще более встревожили общественность страны, вызвали ответную антиисламистскую кампанию. Светская периодическая печать, десятки наименований книжной продукции, начиная от брошюр и кончая монографическими исследованиями обвиняли сторонников Рефах в правительстве и в органах местной власти в стремлении повернуть Турцию к шариатскому режиму, открыто и исподволь подорвать основы светской власти в стране. С резкой критикой властей, «намеренных ввергнуть в опасность существующий строй», выступило руководство самой влиятельной организации частного сектора страны – Союза торговых, промышленных палат и бирж Турции. В печати участились требования об изгнании Рефах из власти⁹¹. Через несколько дней с осуждением Рефах выступили крупнейшие профсоюзные объединения Турции. От их имени председатель конфедерации Тюрк-иш Мерал заявил, что «у народа не осталось никакого доверия к нынешнему правительству, испытывая неуверенность, деловой мир приостановил инвестиции, правительство намерено отказаться от принципа социального государства». Светская общественность использовала все свои возможности, чтобы добиваться устранения из власти Рефах.

Так, в день турецких матерей некоторые светские политики, участвовавшие в торжествах, обвиняли лидеров Рефах в том, что они хотят запереть женщину в доме, как в тюрьме, «их мышление – такое же, как у талибанов Афганистана и у фанатиков Алжира»⁹².

Судебное преследование Рефах. Смена правительства. 21 мая 1997 г. главный прокурор Кассационного суда Турции Вурал Саваш обратился с иском в Конституционный суд с требованием закрыть главного участника правительственной коалиции – Партию благополучия. На пресс-конференции он заявил, что «при наличии действий, нарушающих принцип светскости, необходимо возбуждение иска о закрытии»⁹³. Вскоре этот пространственный документ в виде брошюры появился на прилавках книжных магазинов Турции. Более чем на ста страницах излагались многочисленные нарушения Эрбаканом и другими лидерами партии законодательства страны по вопросам светскости во время их пребывания в правительстве, работы в парламенте. В заключении подчеркивалось, что «ни разу за всю историю Турецкой республики она не сталкивалась с такой опасностью реакции, как теперь»⁹⁴.

В эти дни, по горячим следам митинга исламистов в Стамбуле в СМИ с протестами, обвинениями в адрес Рефах выступали политики, публицисты, литераторы, журналисты. Старейший писатель Турции Октай Акбаль писал в «Миллиет» об одном из депутатов от Рефах: «Все есть – грубость, ругательства, проклятия, но больше всего – бреда... Может ли находиться в меджлисе человек, который сыплет ругательствами налево и направо? Когда такая личность входит в зал заседаний, всем депутатам следовало бы немедленно покинуть зал... Но разве он исключение среди членов Рефах и разве цель и задача Рефах – не ликвидация Турецкой республики и создание шариатского государства?.. Как жаль, что до самого последнего дня закрывали глаза на разрушительную деятельность шариатской команды.»⁹⁵

Эта акция органов правосудия вынудила коалиционное правительство в июне 1997 года уйти в отставку. Справедливости ради следует отметить, что даже находясь у власти, партии Рефах так и не удалось остановить начавшийся ранее процесс военного сотрудничества Турции с Израилем. В этом вопросе военные, активно поддерживаемые президентом и Т. Чиллер, проявили твердость и, ссылаясь на интересы национальной безопасности, сумели добиться заключения с Израилем нескольких соглашений даже при премьер-министре Эрбакане. Не сработал при этом и тезис о солидарности всех мусульманских стран против Израиля – противостояние Турции с ее мусульманскими соседями – Ираном, Ираком и Сирией оказалось даже для Рефах столь серьезным, что ее лидер вынужден был поддержать армейское руководство в этом вопросе.

По признанию прессы, пребывание у власти исламистов отрицательно сказалось на отношениях Турции с Европейским союзом, способствовало «возникновению отрицательного образа Турции в мировом общественном мнении». Г.Коль, например, на одной из встреч с немецкими политиками 4 марта 1997 г «ссылаясь на культурологические реалии и

прежде всего на религиозные мотивы», заявил о «невозможности полного членства Турции в ЕС»⁹⁶.

В начале июля 1997 г. в Турции действовало уже новое, на этот раз полностью светское коалиционное правительство, возглавляемое лидером Партии отечества Месутом Йылмазом. Вскоре светским партиям удалось провести закон о введении в стране обязательного государственного восьмилетнего образования вместо начального, что означало обязательность применения во всех учебных заведениях этого уровня единых государственных программ, регулирующих, кстати, и преподавание религии. Газета «Джумхуриет» сообщала по этому поводу, что «шариатская печать сообщила об этом под траурными заголовками»⁹⁷. Судебное расследование о деятельности Рефах по иску генерального прокурора В. Саваша продолжалось более полугода, оно сопровождалось полемикой в СМИ по поводу возможных решений суда, деятельности правительства Эрбакана, будущего его партии. Например, Сервет Шахин в газете «Финансал форум», оценивая итоги года, писал: «Многие люди, испытывая тяготы от инфляции, разговоров о беззакониях, трудностях жизни, оказали поддержку правительству Рефахйол, видя в его радикализме единственную альтернативу предшественникам. Однако проект «сбалансированного» бюджета Н. Эрбакана уже к концу 1996 года показал дефицит 11 триллион лир. Цифры бюджета встретили критику общественного мнения, а МВФ оценены как авантюрные, подрывающие доверие мирового рынка, после чего правительство отступило и объявило в апреле 1997 г. о том, что будет принят «дополнительный бюджет». Правительство Рефахйол нарисовало розовую картину экономики Турции, провозгласило инфляцию в размере 65% и т. п... Не получилось ничего из того, что было предусмотрено. Дефицит был очень велик.»⁹⁸

Судьба Рефах решалась Конституционным судом несколько месяцев, было привлечено много документов, свидетельствующих о нарушении конституции. Газеты, в частности упоминали доклад т. н. «западной рабочей группы», созданной по инициативе военного руководства. В докладе приведены примеры получения партией Рефах крупных денежных средств от мусульманских организаций и лидеров радикальных режимов с целью свержения светского режима в стране. Представлены были в докладе и документы о принадлежности к Рефах действующих в Европе двух радикальных мусульманских обществ – «Национальный взгляд, Европейское отделение» и «Национальный молодежный вакуф», в то время как законодательство запрещает партиям в Турции иметь свои филиалы за границей. Среди документов доклада были также свидетельства о переводе в распоряжение Рефах денежных средств из Боснии⁹⁹.

Приговор Конституционным судом был вынесен 22 февраля 1998 года, принятое им постановление о закрытии ПБ вступило в силу. Н.Эрбакан и еще пять руководителей партии были лишены депутатской неприкосновенности, самому лидеру к тому же было запрещено заниматься политической деятельностью и создавать политическую партию. На 329 страни-

цах решения можно было найти немало положений, аргументирующих закрытие Рефах. Утверждалось, что Н.Эрбакан «безусловно в течение 28 лет остается последователем шариата», что он «призывал к строю, основанному на религии». Не оспаривая неприкосновенность депутатов ПБ, документ подчеркивал, что «партия в качестве юридического лица не может пользоваться такого рода защитой... Партии не могут стремиться к учреждению государственного строя, порождающего религиозный раскол, не могут опираться на религии, секты и учения, использовать соответствующие названия. Социальные, политические, правовые основы государственного режима даже частично не следует приспосабливать к религиозным верованиям и принципам». В решении отмечалась значимость для Турции светскости. Принятие этого принципа «разрушило средневековый догматизм, обеспечило преимущество разума, значимость науки, утвердило в качестве жизненного принципа цивилизацию, гарантирующую развитие свободы и демократии, национальное развитие, независимость, власть нации, гуманистических идеалов». Подчеркивалось, что «светскость – это философия существования Турции, средство перехода к демократии». Некоторые положения касались одежды верующих. «Н.Эрбакан, игнорируя решения Конституционного суда, выступал с речами, поощряющими ношение в университетах тюрбана, что противоречит светскому режиму. В результате в различных районах страны перед университетами и мечетями проводилось множество акций, закончивавшихся нарушением общественного «порядка». Отмечалось, что событием стали следующие слова Эрбакана: «Эта партия – исламистская армия джихада. Всеми силами вы должны стараться ради этой армии». В документе были приведены и другие высказывания представителей руководства партии, направленные против нынешнего конституционного режима, в поддержку шариата, например, следующая угроза депутата от ПБ Халиля Челика: «Если вы при власти ПБ закроете школы имамов–хатибов, прольется кровь, будет хуже Алжира». Министр юстиции от ПБ заявлял: «Мы принудительно сделаем интеллигенции инъекцию шариата»¹⁰⁰.

В прессе сообщали, что два члена КС Хашим Кылыч и Саджит Адалы проголосовали против приговора. Кылыч в письменном объяснении мотивов голосования утверждал, что свобода мышления должна существовать не только для тех, кто представляет позитивные взгляды или несущественные мнения, но и для тех, кто высказывает шокирующие, либо чрезвычайные мнения, вызывающие беспокойство. По мнению же Адалы, утверждение светскости не может происходить без существования партий, подобных ПБ. Он сослался на решение Европейского совета по защите прав человека, которое называет свободу декларирования идей одним из основных принципов демократического общества и утверждал, что решение КС соответствует принципам этой организации; утверждения же КС о том, что заявления и действия ПБ имеют отношение к террору, бездоказательны – на политической арене могут выступать как власти, так и оппозиция. Кылыч напомнил, что было нарушено право на защиту, ее попросту

не было, свидетелей не заслушали, предусмотренные в конституции условия и право на защиту не были выполнены. Как считает Кылыч, обвинение Эрбакана в правовой безответственности во время некоторых его выступлений в парламенте по поводу изменений Конституции противоречит самой конституции – по закону депутат не несет ответственности за то, как он голосовал или с чем он выступал в меджлисе, в противном случае он принужден будет отмалчиваться за все 5 лет пребывания в парламенте. Кылыч не согласился также с тем, что в качестве причины запрета можно считать ношение тюрбанов и платков. Он привел множество ссылок на соответствующее законодательство, которое позволяет в учреждениях высшего образования, в соответствии с их автономным статусом, действовать самостоятельно в вопросах одежды, мировоззрения, традиций, верований.

Кылыч против того, чтобы разъяснение какой либо партией или ее членом сути своей идеологии следует оценивать как попытку эксплуатировать религиозную веру. «Нельзя говорить о демократии там, где поощряется единомыслие, односторонность взглядов, где считается, что каждый должен думать как все остальные... Бесспорно, государство – Турецкая республика – обладает правом оберегать правовой порядок общества. Брать под свою защиту через конституцию и законодательство целостность государства, принцип светскости – это еще не все для структурной целостности государства. Обязанность государства – не огосударствление идей и верований, а обеспечение индивидуумам и политическим организациям возможности раскрыть, объяснить себя в атмосфере доверия и свободы, не прибегая к террору и крайностям.»

Что касается обеда, устроенного Эрбаканом в здании премьер-министра для лидеров тарикатов, Кылыч рассматривает это мероприятие как «пример социальной активности, рассчитанной на обеспечение мира и сотрудничества. Он обратил внимание на то, что участники обеда не имеют каких-либо органических связей с ПБ, возлагать же ответственность на политических лидеров за одежду гостей, а тем более закрывать из-за этого партию, изгонять из состава депутатов, налагать на них политические запреты не отвечает ни национальным, ни международным правовым нормам; такое увидеть в других странах невозможно.»

По мнению же С. Адалы, демократия «не является искусством разделения и дробления, принуждения к молчанию, искусством давления, запугивания и похищения». Он процитировал книгу профессора-правоведа, в которой отмечалась возможность существования под покровом представительной демократии разновидности фашизма. Партия благополучия, считает Адалы, «была частью сложившегося режима, она стала массовой партией благодаря полученным голосам, не подрывая светскость, а закаляя ее... «Светскость упрочена, государству пора занять позицию арбитра... При нынешней системе несколько человек составляют государство, им обеспечены преимущества. Возникает опасность использования имеющейся у них в руках власти так, как им захочется. Истинные истоки конфликтов коренятся

в этом. Политическая борьба должна быть на равных условиях.» Надо думать, приводя это «особое мнение»Ф, газета, относящая себя к органу демократической печати, воспользовалась случаем, чтобы не только в целом поддержать высокий судебный орган, но и напомнить ему о необходимости полного соблюдения демократической процедуры, исключения авторитарных методов при вынесении приговора¹⁰¹.

Фазилет – новая исламистская партия. После закрытия Рефах в СМИ развернулась дискуссия о том, кто и как будет представлять в политической жизни страны тот крупный социальный слой общества, который шел за Рефах. В газете Радикал обозреватель Умит Кыванч писал, что с закрытием партии не исчезли причины, приведшие ее к власти. Что представляет собою тот потенциал, который обеспечил ей успех? Он привел возникшую после закрытия Рефах раскладку сил в парламенте и показал, что этот потенциал исламисты сохранили и после закрытия Рефах. Из 550 мест на начало 1998 года 160 мест принадлежало независимым, в составе которых 147 депутатов ранее представляли Рефах. На втором месте оказалась Партия отечества (139 мест), на третьем – Партия верного пути (92 места). Далее следовали Демократическая левая партия (63 места), Народно-республиканская (55), Партия демократической Турции (22). Остальные места принадлежали мелким партиям, два депутатских места не были заняты. Лидерство Рефах, утверждал автор статьи, «не смогло ориентировать этот потенциал в направлении демократического развития, такого намерения у него и не было».

В том же номере независимый депутат, в недавнем прошлом – от Рефах – Джемиль Чичек утверждал, что Рефах стала не столько крупной партией, сколько раздутой. Закрытие партии – свидетельство ее неуспеха. Идея «Справедливого строя» – свидетельство тяготения к идеологической модели, между тем как Турция нуждается в прагматических подходах. Партия закрыта, но значительная часть общества не обращает на это внимание, между тем как Эрбакану следовало бы обратиться к общественности, причем проблему партии следует решать правовым путем. Новые условия требуют привнесения новых методов, после чего каждый будет держаться подальше от воинственных действий. Журналист спрашивает у Чичека – нет ли опасности, что последователи ПБ вновь перенесут борьбу на платформу ритуальных требований и поэтому придут к той же линии поведения? «Мы можем понять реакцию девушек в платках, но ПБ потеряла власть и в результате конфликтов, заранее обреченных на неудачу – по поводу бороды, платка, упорядочения рабочего времени согласно намазу». В ответ Д. Чичек признает, что ритуальность ПБ происходит из того, что должным образом не осмысливается суть поведения партии во власти. «Властная инстанция – это не место для конфликтов. Когда в начале 21 века там, где государство должно заниматься наукой и качеством учебы, девушки озабочены платками, – это несчастье для них. Прежде верующих обвиняли в том, что они не пускают своих детей в школу. Теперь их спрашивают – зачем посылают.»¹⁰²

Бывшие члены Рефах – депутаты парламента после ее закрытия не долго оставались в статусе независимых. В течение непродолжительного времени ее активисты создали новую партию Фазилет (Партия добродетели – ПД) и теперь она, как законная наследница Рефах уже с новыми лидерами во главе заседает в парламенте, проводит встречи с Эрбаком, вырабатывает новую концепцию деятельности партии. Создатели Фазилет вынуждены были при этом учесть важное требование конституции (ст. 69) – руководители закрытой партии «не могут быть учредителями, руководителями и проверяющими новых политических партий, равно как не могут создаваться политические партии, большинство членов которых будет состоять из лиц, ранее входивших в закрытую политическую партию». Таким образом, по крайней мере половина членов Фазилет изначально – не из кадрового состава распущенной Рефах.

Одна из турецких газет не удержалась от горькой иронии по поводу нового названия партии – «Наконец, мы узнаем, что такое добродетель..! Партия с таким названием не будет говорить неправду, заявляя о своем согласии с принципом светскости, не станет потом выступать против таковой, прославляя Конституционный Суд, потом не будет его же объявлять врагом, и т.д. Партия не будет присваивать собранные для боснийских мусульман деньги и возить их мешками из арабских стран. Ее лидеры перестанут уклоняться от налогов, начнут честно объявлять о размерах своих накоплений и, не задумываясь, передавать зекят беднякам. Поскольку без равенства не может быть добродетели, отныне партия потребует таковое и в сфере образования, т.е. не только для девушек с покрытой платком головой, но и для левых, для атеистов. Она будет выступать за равенство мужчин и женщин, а на выборах – выдвигать и кандидатуры женщин.»¹⁰³

Генеральный председатель Фазилет уже летом 1998 г. заявил о том, что партия готова к новым парламентским выборам. Лидеры новой партии Реджаи Кутан, Айдын Мендерес очень часто высказываются в том духе, что реорганизация партии возможна лишь в том случае, если будут приняты властью шаги по всеобщей демократизации в стране, имея в виду прежде всего законодательство, государственную власть¹⁰⁴. Прозвучали и заявления о том, что «невозможно руководство партии без женщин», после этого в руководство ПД измирского иля, насчитывающего 25 человек, избрано четыре женщины, в том числе две – «с открытой головой». При этом руководством партии заявлено, что в партии не делается разделения между мужчинами и женщинами, если с мест будут поступать соответствующие предложения, они будут поддержаны. Согласно проведенной среди депутатов парламента от Фазилет анкете, стала очевидной тенденция принимать в партию и «открытоголовых» женщин, ее реализация начнется первоначально на уровне вилайетских и уездных организаций.»¹⁰⁵ Реджаи Кутан отверг предположение, что ПД – продолжение Рефах. Партия будто бы обновляется так, как предлагал президент компании Самсунг: заменить следует всех, кроме жены и детей, «Фазилет – совершенно новая партия. В мире и в Турции происходят изменения. ПБ была

создана 15 лет назад. Сегодня 55% населения страны – молодежь. Мы должны стать партией, учитывающей этот факт. И по кадрам и по структуре Фазилет – не продолжение Рефах.»¹⁰⁶

В газетах были высказаны и сомнения относительно предполагаемых перемен в новой партии. Хасан Пулур в Миллиет писал, например: «Чтобы ни говорили, как бы не менялись программы, Партия добродетели сегодня – продолжение Партии благополучия – по составу и депутатов, и руководителей муниципалитетов, и руководства провинций. Эти кадры не с неба свалились, их знают давно и за последние сорок лет они не изменились в своей основе. У этих кадров сохраняется твердокаменный фундамент... Посмотрим, в какой мере на этот фундамент станут опираться те, кто отказался от своих надежд на Партию отечества и Партию верного пути»¹⁰⁷.

Не всем активистам новой партии Фазилет, пришедшим из закрытой Рефах, удастся возобновить свою деятельность. Судебное преследование продолжалось и летом, и осенью 1998 г. Так, было объявлено о начале расследования в связи с заявлением председателя одного из муниципалитетов в провинции Ризе Э. Узуна о том, что при участии партии «готовятся будущие военные кадры, которые предназначаются для установления режима шариата». Для этого отбираются сироты и дети из бедных семей на Юго-Востоке, Востоке и в Центральной Анатолии. «Мы их готовим таким образом, что не моргнув глазом, они бросятся в огонь. Сейчас 400 таких детей размещены в интернатах и пансионатах на территории Ризе.» Припомнили Узуну и его поступок девятилетней давности, когда в день одного из республиканских праздников 23 апреля он пытался его сорвать, объявив «искусственным», а детям не разрешил прочесть стихи, восхваляющие свержение султаната в Турции¹⁰⁸.

Активисты Фазилет все более заявляют о себе как инициаторы реформирования законодательства, определяющего положение руководства вооруженных сил во властных структурах. Один из ее депутатов, Х. Дикиджи подготовил предложение о подчинении генштаба министерству обороны, возглавляемое в Турции как известно, гражданским лицом – функционером правящей партии. В предложении также идет речь о ликвидации Совета национальной безопасности с переходом его функций правительству, о назначении начальника генштаба (ему подчинены также командующие родами войск) не президентом, как сейчас, а парламентом. В предложении, подписанном более чем 100 депутатами от Фазилет, содержатся и другие предложения, предусматривающие ограничение представительства военных в структурах гражданской власти. Лидер партии Реджаи Кутан заявил о намерении направлять решения Высшего военного совета в Европейский суд по правам человека, поскольку принимаемые этим Советом решения оказываются неприкосновенными для судебных органов страны¹⁰⁹.

После того, как было объявлено о вероятности парламентских выборов в апреле 1999 г., известный политический деятель Турции, занимавший в прошлом министерские посты Мюмтаз Соисал выступил со статьей, в которой поставил под сомнение способность властей и светских полити-

ков отстранить Фазилет от борьбы за власть. Он утверждал, что повторяется ситуация, сохранявшаяся до 28 февраля 1997 г., когда СНБ выступил с решительным осуждением действий во власти Рефах. После выборов Турция получит правительство коалиции Фазилет – Верный путь с преобладанием алжирской модели и перед общественностью виновными за такой итог будут те, кто предложил выборы, поскольку их единственным предвыборным лозунгом остается – «победить Фазилет». Разве это по-деловому, возмущается Сойсал, когда вся правительственная тройка повсюду только лишь говорит о модернизме и республиканизме. Разве достаточно лишь повторять: «мы с уважением относимся к нашим верующим согражданам» и кто мешает уже сейчас сосредоточиться на недостатках экономической и социальной деятельности? В какой мере партии у власти способны экономическими и социальными мерами поставить в подлинно трудное положение партию Фазилет? Чтобы хорошенько разобраться с этим, следует вспомнить дни, когда Рефах учредила свой союз с госпожой Чиллер. Тогда эта партия отложила в сторону свои прежние мифы экономической и социальной политики, исходившие еще от времен создания партии, предложила модель, направленную на будущее страны. Во имя будущего был согласован проект развития национальной тяжелой промышленности, обеспечения самой современной технологией новых промышленных отраслей, создания справедливого общественного строя, упрочения независимости. Такой подход позволял отодвинуть на второй план содержание другой стороны медали, ее религиозный радикализм. Предполагалось, что в будущем индустриальном обществе найдется место для социальной справедливости и реакционность не сумеет сохраниться. Однако добрые ожидания от сотрудничества Рефах с Чиллер потерпели крах, открылась невиданная доселе сторона этой партии – отвергая капитализм, она не отставала ни от кого в том, чтобы им попользоваться, даже поддержать в этом смысле Чиллер (намекы на обвинения участников этой коалиции в незаконном обогащении – Н. К.). Самый верный путь победить Фазилет – спросить ее: отказалась ли она от своих обещаний. Но кто это сделает? Нынешние партии на это неспособны... Им трудно победить Фазилет и спасти Турцию от кошмара»¹¹⁰.

Пока же власти сосредоточились на мерах судебного преследования – на этот раз уже руководства Фазилет. В конце сентября 1998 г. был осужден на 10 месяцев тюремного заключения один из наиболее активных деятелей новой партии, бывший член Рефах Тайип Эрдоган, председатель муниципалитета Большого Стамбула. Он был избран на этот пост в 1994 г. на местных выборах. В обвинении указано, что в своем выступлении 6 декабря 1997 он нарушил статью 312 УК, которая, как уже отмечалось, запрещает кому бы то ни было призывать население к ненависти и враждебности. Журналисты тут же подсчитали, что при избрании нового председателя муниципалитета им станет вновь представитель Фазилет, ибо из 198 мест стамбульского меджлиса 98 принадлежит партии Фази-

лет. Для такого избрания ей необходимо получить 99-й голос, который, как считают, всегда найдется¹¹¹.

5. Армия усиливает давление на исламистов

Армия и тарикаты. Отстранив от исполнительной власти исламистов и добившись формирования светского коалиционного кабинета, армейская верхушка, используя свои возможности в СНБ, приступила к ликвидации последствий деятельности исламистов в исполнительной власти. Весной 1998 года санационные меры распространились на государственные учреждения, прежде всего систему министерства просвещения, университеты, военные учебные заведения, другие учреждения. В основном шла речь о чистке кадров, уличенных в пропаганде шариата, соблюдении учащимися и преподавателями светского законодательства в части одежды, ревизии деятельности религиозных вакуфов, и т. д. Учитывая новую ситуацию, 13 марта 1998 г. ректоры университетов страны опубликовали заявление по тюрбану, в котором подчеркивалась «невозможность посещения учащимися университетов в тюрбанах». Общество преподавателей Измирского университета приняло резолюцию о необходимости исполнения решений Конституционного суда и инструкций министерства просвещения о тюрбане. «Платок и чаршаф – символы определенной политики и поводы для раздоров... Университеты – это источники знаний и технического прогресса. События, происходящие в университетах – локомотивах нашего прогресса, нашей динамики, нашего будущего, соединяющих нас с современностью – препятствуют их развитию, наносят вред нашей стране.»¹¹² Как можно судить по информации в газетах, особенно сложно было проводить кампанию за отказ учащихся от ношения тюрбана в учебных заведениях в отдаленных регионах страны. Так в Батмане (провинция Бингель) продолжались два дня демонстрации после пятничного намаза. Речь шла о протестах против закона об одежде, лозунгах типа текбир (Аллах велик), о выступлениях пятитысячной толпы в Солхане против запрета тюрбана. Несколько десятков демонстрантов было арестовано¹¹³.

Меморандум военных правительству. Весной 1998 года заметно усилился нажим генералов на правительство и на самого премьер-министра Йылмаза, которому, как и некоторым другим партийным лидерам, вменяется в вину их мягкая, соглашательская позиция в отношении исламистов – во имя заполучения поддержки в нынешнем парламенте либо на предстоящих всеобщих и местных выборах. На одном из заседаний парламентской группы ПО премьер Йылмаз попытался указать военным на то, в чем состоят их обязанности. Он заявил, что «борьба с реакцией – обязанность правительства», что «я не поручал армии принять меры против иртиджа», «пусть военные занимаются своим делом, у них работы много. В Эгейском море каждый миг может возникнуть опасность войны. На Кипр направляются русские ракеты, возможно уже завтра на Кипре мы окажемся в беде. В Ираке фактически идет война. На вашей шее борьба с ПКК... » Слова Йылмаза были немедленно размножены ту-

рецкими СМИ, военное руководство сразу же собралось на совещание в Генштабе под председательством начальника Генштаба генерала армии И. Х. Карадаи. Его участниками стали помимо Карадаи командующий сухопутными силами генерал армии Хюсейн Кыврыкоглу, командующий ВМС адмирал Салим Дервишоглу, командующий ВВС генерал армии Ильхан Кылыч, главнокомандующий силами жандармерии генерал армии Фикрет Озден Бозтепе. Генералы заседали 3 часа и подготовили резкое заявление – «Обращение» к нации, которое было опубликовано 21 марта 1998 года и немедленно названо в СМИ новым меморандумом военных властям. Газеты утверждали, что заявлений подобной резкости Генштаб не делал даже при правительстве Рефахйол.

В нем, в частности говорилось: «Обязанности и полномочия Турецких Вооруженных Сил (ТВС) установлены Конституцией и законами и каждый представитель ТВС с ними ознакомлен... Борьба против террора и реакции – самая великая, первейшая обязанность каждого гражданина, желающего жить в этой стране свободно и независимо. Полномочия, предоставленные ТВС Конституцией и законами, как раньше так и поныне будут исполняться без промедления. В этом вопросе ТВС категоричны и нет нужды, чтобы кто-либо напоминал об их выполнении. ТВС всегда подчинялись правительствам республики, питают уважение к ним и с радостью воспринимают их успехи. Однако никто, какой бы пост он ни занимал и какие бы обязанности он не выполнял, не может выступать и действовать таким образом, чтобы бросить тень на ТВС или заподозрить их в нарушении своих обязанностей в отношении безопасности страны, борьбы с сепаратизмом и реакцией... ТВС – не угроза для нашей страны, как утверждается в некоторых безответственных заявлениях, а гарантия безопасности. Они никогда не совершали того, что бросило бы тень на их веру и уважение к нации. И в будущем ТВС останутся над всякого рода политическими соображениями и сохраняют свою позицию и свои действия. Никто не должен в этом усомниться».¹¹⁴

Обращение Генштаба к общественности вызвало переполох в политических кругах страны. Айдын Энгин в «Джумхуриет» описывает драматическую обстановку после оглашения меморандума военных. Начали возникать вопросы – «не произошел ли военный переворот, не уходит ли М. Йылмаз в отставку?» Только к полуночи стало ясно, что никакого переворота нет, а есть обращение к общественности. Автор задает вопрос в связи с вмешательством – уже который раз – военных в дела гражданских властей. «Каков итог развития общества и власти за последние сорок лет, достигнут ли прогресс или все это напоминает деятельность Сизифа – с потом и кровью камень поднимается на гору, затем скатывается, и все начинается сначала»¹¹⁵. Открыто осудила демарш Генштаба партия Фазилет. Некоторые ее деятели призвали Йылмаза начать борьбу против такого рода действий, отметив, что меморандум оказался жестче, чем решения 28 февраля. От комментариев уклонилась Т. Чиллер. один из ее сторонников отметил серьезность документа. Лидер Партии демократической Турции (участник коалиции) Х.Джиндорук заявил, что обращение относится не к правительству, а

лично к Йылмазу. Президент С.Демирель «ушел от комментариев», генеральный председатель крупнейшего профобъединения Тюрк иш Б. Мерал заявил, что он «ощутил беспокойство» и что следует оставаться приверженцами демократии, что турецкие вооруженные силы, религиозные лидеры, полиция, суд должны быть вне политики.

По поводу заявления армии М. Йылмаз заявил по ТВ, что оно «демократично», но он сохраняет свою точку зрения. «Есть положения в заявлении, которые я разделяю, есть такие, которые не разделяю; как бы там ни было, ответственность за руководство страной несет правительство и мой долг избегать всего того, что этому может помешать». Он отметил, что в СМИ ему приписано много такого, что он не говорил и опущено то, что им сказано. Он «очень огорчен, что Карадаи обижен на то, что он не говорил». Правительство настроено «на решительную борьбу с реакцией и террором. Прессе представлена информация о согласованных на заседании СНБ 28 февраля 1997 г. мерах, предпринимаемых против деятельности реакционеров. С момента создания кабинета на всех заседаниях СНБ правительство не получало ни одной рекомендации либо критического замечания. Нас даже благодарили за нашу работу... Следует разделять истинных верующих и тех, кто стремиться использовать религию в качестве политического инструмента. Полный запрет тюрбана – это масло на хлеб реакции. Если проблема реакционности будет решаться на более гибкой платформе, дело пойдет успешнее.»

Особо коснулся Йылмаз вопроса о беспокойстве, вызванном активностью исламистского капитала, что отмечалось на заседаниях СНБ, а также деятельностью лидера общества Нур Фетхуллах Гюлена и компаний, связанных с этим обществом. Йылмаз подчеркнул следующее: «Следует должным образом установить, занимается какое либо формирование реакционной деятельностью или нет. Если будет установлено, что Фетхуллах Гюлен либо его общество подпадает под это определение, наше правительство предпримет соответствующие закону меры.»

В многочисленных комментариях в СМИ высказывалось убеждение, что решения 28 февраля «не выполняются», что «сторонники шариата в конце концов создали собственные партии, вакуфы, школы, холдинги и пришли к убеждению, что смогут разрушить республику, ориентированную на светскость и демократию. Единственное перед ними препятствие – армия, против которой проводится широкая обвинительная компания. Возможность для шариатских кругов существовать и далее, развиваться зависит от нейтрализации армии. Видный экономист, представитель левоцентристских кругов Якуб Кепенек писал в статье «Ремонт?»: «После 20 марта политическая жизнь входит в новую полосу... Политика определяется заново, ее ведущими заботами становятся усиливающееся влияние сторонников шариата, а также проблема раздела страны. В вопросе политизации ислама большинство партий меджлиса, кроме одной, занимают политику уступок. Только НРП открыто выступает против политизации ислама. Все остальные с небольшими различиями проводят политику, об-

щая особенность которой состоит в том, чтобы соревноваться за голоса сторонников политизированного ислама. Эти партии смотрят на количество голосов, которые могут получить бывшая ПБ и нынешняя Партия добродетели от поддерживающего их социального слоя». По мнению Кепенка, поощрение политического ислама – явление в Турции не новое. Начавшись после второй мировой войны, оно постепенно выросло подобно снежному кому. Однако нынешняя политизация ислама отличается по ряду признаков от прежней. Политический ислам все более множится, дробится внутри себя – от мягких вариантов до крайней жестокости, от скрытого арабского до открытого турецкого национализма. И в тоже время не из-за условий существования нынешнего поколения, а полностью благодаря истокам своего мышления, традиционной социальной ограниченности, он не в состоянии открыть перед обществом новые перспективы, комплексную экономическую, социальную, политическую и культурную программу 21 века. Не может в силу своей сути.»

Кепенек утверждал в статье, что политический ислам «с каждым днем все стремительнее берет в свои руки управление обществом. При открытой поддержке правительственных чиновников государственные структуры передаются шариатским кадрам. Практика свидетельствует, что это происходит повсюду – от образования до безопасности, от здравоохранения до постов губернаторов и каймакамов. В последнее время стало очевидным еще одно явление – духовная жизнь Турции в свое основе все более тяготеет к исламу. Это проявляется не только в отношении руководства университетов к проблеме тюрбана, но и в масштабах того внимания, которое уделяется исламу в печатных изданиях. Интеллектуальная среда представлена прежде всего шейхами тарикатов либо духовными наставниками. Турецкие вооруженные силы пытаются с помощью Обращения остановить эту тенденцию. Сферой своей политики они называют светскость. Они хотят побудить политические партии, пользующиеся благами светскости, следовать их примеру, хотят, чтобы партии сами отстаивали светскость. Противоречия начинаются с этого пункта. Партии понимают, что без светскости не может быть демократии, но годами затягивают трансформирование этого в практику. В таких условиях общество никак не может избавиться от дилеммы – «штык или иртиджа»¹¹⁶.

Полемика между военными и гражданскими властями продолжалась недолго, завершилась тем, что руководители правительственной коалиции М. Иылмаз, Б. Эджевит и Х. Джиндорук провели встречу «в верхах» в преддверии очередного заседания Совета национальной безопасности. Они вновь заявили о необходимости борьбы против реакции, сотрудничества всех инстанций государства. Было сообщено, что готовится проект закона об инспекции вакуфов и обществ, принадлежащим орденам, о запрете государственным организациям и профессиональным палатам учреждать вакуфы и собирать пожертвования, о готовящемся заполнении пустоты, возникшей после отмены ст. 163 Уголовного кодекса и о наказании за пропаганду шариата, об увольнении со службы государственных

служащих – сторонников шариата. М. Йылмаз от имени всех участников встречи сообщил – по вопросам борьбы с реакцией между правительством и ВС разногласий нет, именно это правительство приняло самые действенные меры в борьбе с реакцией, для чего на различных уровнях власти созданы дополнительно несколько центров и механизмов. Йылмаз утверждал, что неправильно были поданы и истолкованы его выступления и заявления. Высказал надежду, что все недоразумения и непонимание будут сняты на заседании СНБ¹¹⁷.

Новые решения Совета национальной безопасности. Его очередное заседание состоялось 27 марта 1998 года под председательством Сулеймана Демиреля и продолжалось 6 часов. Секретариат СНБ и Генштаб представили подробные доклады по деятельности религиозного сообщества Фетхуллага Гюлена, исламского капитала и вакуфов, а также по вопросу о наличии реакционных кадров на государственной службе. В прессе был опубликован полный текст заявления СНБ. В преамбуле говорилось, что заседание Совета было посвящено оценке текущих внутренних и внешних событий, влияющих на состояние национальной безопасности страны. Особое внимание было уделено вопросам «мер борьбы с сепаратистским терроризмом», т.е. с курдскими сепаратистами. В результате оценок ситуации Совет констатировал следующее.

а. – «Некоторые страны считают, что сильная Турция представляет угрозу для них». Поэтому «они поощряют и поддерживают искусственно порожденную сепаратистскую террористическую организацию», против которой «в рамках закона и с уважением к правам человека ведется борьба». В заявлении отмечается, что «благодаря чрезвычайным мерам сил безопасности, благодаря безграничному здравомыслию и патриотизму нашего народа эта борьба достигла успеха и раскольническая террористическая деятельность внутри страны и за ее пределами сократилась до уровня, позволяющего ее контролировать».

б. – Чтобы обеспечить дальнейший успех в этой борьбе «героических сил безопасности и беззаветно поддерживающих их граждан», «во имя спокойствия и безопасности страны, ее дальнейшего прогресса», необходимо: 1. «В единстве всех национальных сил, со всей решительностью продолжать борьбу с сепаратистским террором». 2. Ускорить экономический подъем востока и юго-востока Анатолии путем реализации утвержденных мер, создания такой инфраструктуры, которая обеспечила бы «непосредственное воздействие на повседневную жизнь населения региона». 3. Укрепить кадры чиновничества опытными и знающими специалистами.

в. – «Достигнуто единство взглядов в том, что при принятии указанных мер должна быть пресечена всякая внутренняя и внешняя поддержка сепаратистской организации, чтобы предупредить возможность восстания ею прежнего размаха своей деятельности».

г. – «На совещании Совета обсуждена реакционная деятельность противников существующего режима. Речь идет о проблеме, составившей

содержание решения Совета национальной безопасности от 28 февраля 1997 года. Обсуждено состояние дел по реализации мер, принятых Советом министров по итогам решения Совета... Это состояние сводится к следующему:

1. Реализация законодательных и административных мер, направленных на предупреждение реакционной деятельности противников режима..., проводится на удовлетворительном уровне.

2. Однако и сейчас некоторые лица и организации, эксплуатируя священные религиозные чувства нашего народа, продолжают свою деятельность, направленную на обеспечение личного влияния и политических выгод. Противники режима подвергают сомнению законные меры, направленные на предупреждение их деятельности, стремятся преподнести их в качестве меры против ислама как религии.

3. Наши искренне верующие граждане, составляющие подавляющее большинство народа, широко пользуются свободой религии и свободой совести, гарантируемые 24-й статьей нашей конституции. Не может быть и речи об ограничении этих свобод, в то же время согласно основному принципу демократии – светскости – категорически не может быть речи о том, чтобы верующие вмешивались в дела и политику государства.

4. Защита Турецкой республики – наследия великого лидера Ататюрка, а также ее конституционных принципов – долг всех обществ и организаций государства, долг всех граждан этого государства... Не может быть речи даже о малейшей уступке в этом вопросе, в отношении деятельности противников режима будут приниматься меры, предусмотренные законодательством, прежде всего конституцией. Верующие должны избегать непродуманных заявлений и не допускать антиправовых действий, свою борьбу они должны вести согласно принципам светского правового государства.»

Комментируя положения принятого документа, газеты отмечали, имея в виду абзац «г», что между строк в заявлении упомянут Фетхуллах Гюлен – там, где речь идет об эксплуатации политиками от религии религиозных чувств верующих. В целом отклики в прессе относительно решения СНБ оказались весьма разнообразными, подчас противоречивыми. Лидер входящей в правительственную коалицию ДТР Х. Джиндорук потребовал установления пределов полномочий и обязанностей СНБ: «Совет должен стать консультирующим правительство органом» в области внутренней безопасности. Председатель Высшего совета по радио и телевидению заявил о решении принять меры по предотвращению передач, поощряющих сепаратизм и реакционность. Министр просвещения сообщил, что уволено нескольких ведущих чиновников министерства в связи с невыполнением решений по тюрбану, а также тех, кто способствовал проникновению в кадры министерства реакционеров.

Вместе с тем, пишет Х.Четинкая в «Джумхуриет», в министерстве на высоких постах остаются сторонники «реакционных фашистских организаций», которым принадлежат издательства, поставляющие книги в школы,

«перед нами предстает политическое предпочтение министерства – турецко–исламский синтез». «Сегодня министерство народного образования подчинено изнутри мюридам шейха одного ордена, эти люди продолжают организовываться, не вызывая беспокойства у министра Улугбая и у Эджевита». По мнению Четинкая, «сторонники орденов сулеймани, накши, нурджу» представлены в государственных структурах сверху донизу, «с помощью больших денег они создали свои финансовые организации». Уже невозможно показать на ТВ программу, в которой содержатся критические замечания в отношении политического ислама и сторонников Фетхуллага... «Насколько же влиятельны в суде эти сторонники, если они могут принуждать делать то, что им нужно, даже государственные агентурные донесения они называют ложью, будучи в состоянии снять передачу». Четинка обращает внимание читателей на подзаголовок газеты Заман, издаваемой сторонниками Фетхуллага, который гласит: «Экзаменуется демократия». Есть ли место для демократии в политическом исламе? – вопрошает Четинка. «С каких пор приверженцы Фетхуллага оберегают светскую демократическую республику? По мнению этих приверженцев, демократия означает их право организовываться так, как они хотят... Генеральный директор департамента учебы за границей министерства просвещения Айсан Айтач – приверженец Фетхуллага и он по–прежнему на этом посту...»¹¹⁸

Эта же газета «Джумхуриет» позднее сообщала о том, что правительством подготовлен законопроект о борьбе с реакцией, т. е. лицами, выступающими с сепаратистскими, раскольническими намерениями, либо за смену республиканского режима. Предусматривается жесткий контроль над вакуфами и мечетями, преследование преподавания турецким учащимся шариата за рубежом. Учебные заведения, университеты за рубежом, занятые подготовкой религиозных кадров для Турции, будут определяться властями. Как утверждается, в руках орденов находится примерно 10 тыс. мечетей, они подлежат передаче Управлению по делам религии. Также подлежат инспекции 500 религиозных вакуфов, часть из них может быть закрыта, если обнаружатся свидетельства политизации этих вакуфов, поддержки ими реакционных и сепаратистских кругов. Предполагается также внести поправки в закон о госслужащих, предусматривающие увольнение с госслужбы лиц, уличенных в пособничестве реакционным и сепаратистским силам.

В связи с повесткой дня проведенного заседания СНБ обозреватель Мустафа Балабай следующим образом оценивал экономические возможности ириджа в начале 1998 года. Сторонники Национального взгляда получают от хаджа, от жертвенных церемоний, от некоторых муниципалитетов в год один миллиард долларов. Некоторые финансовые компании в Турции ведут подложную бухгалтерию, переводят деньги в центры отмывания нелегальных доходов. Многие организованные за границей общества поддерживаются Ираном, Ливией, Кувейтом, Саудовской Аравией. Экономическая мощь исламского капитала внутри страны формируется за счет реакционных обществ, коммерческих компаний, холдингов, финансовых организаций,

вакуфов и некоторых муниципалитетов. Торговые компании составляют особую группу. По выявленным 385 компаниям их капитал насчитывает 500 триллионов лир. Кроме того, помимо них в пищевой отрасли, индустрии, текстиле, строительстве, здравоохранении, издательском деле, маркетинге, банковском и финансовом деле насчитывается около 4 тыс. фирм. Они работают на собственном капитале, не пользуются кредитами банков, помимо официально зарегистрированных, имеют тысячи тайных акционеров¹¹⁹.

Приводя некоторые подробности упомянутого заседания СНБ, пресса прокомментировала доклад на нем так называемой Западной рабочей группы, созданной при Генштабе. В нем поставлены вопросы о тюрбане, проникновении реакционеров в государственные кадры, о финансовых источниках, о положении в системе образования, о группе Фетхуллаха Гюлена. Относительно Ф. Гюлена отмечено, что «его группа представляет собою тайную угрозу светскому режиму», «она завершила свое утверждение в органах безопасности и стремится превратить полицию в альтернативу армии»; «обладает готовыми управленческими кадрами, хорошо подготовленным составом, это прекрасно организованная группа». Контролируемые Ф. Гюленом школы по своему значению составляют альтернативу министерству национального образования. «Отмечается одиозность вручения вакуфом писателей Турции, известным своими связями с Гюленом премий Демирелю и Эджевиту...»¹²⁰ Обращают на себя внимание тревога и настойчивость, с которой демократическая печать Турции пишет и пишет о деятельности Фетхуллага Гюлена в стране и за рубежом в связи с возрождением религиозных орденов и обществ.

Газете Радикал вторила Джумхуриет, в ней Четинкая, давно наблюдающий в печати за деятельностью Ф. Гюлена, считает, что с уходом правительства Эрбакана–Чиллер проблема шариата не решена. И Месут Йылмаз, и его заместители по коалиции «не замечают влияния во всех государственных организациях сторонников Фетхуллага, оказывают им всяческое расположение..., сдувают с них пылинки...» Четинкая вновь, уже весной 1998 года напоминает, что речь идет о религиозной, под видом общественной, организации, которая финансирует примерно на 400 триллионов лир школы, курсы, иные расходы в стране, которая действует повсюду в мире, включая республики Центральной Азии и США. «Власть оберегает Фетхуллага Гюлена, одного из архитекторов тюркско–исламского синтеза, она заодно с ним». В ответ на сообщения о противоправной деятельности Ф. Гюлена М. Йылмаз требует доказательств. Между тем, пишет обозреватель, «эти документы давно известны общественности по опубликованным ранее отчетам полиции»¹²¹.

Та же газета также напоминает, что представители военных в Совете национальной безопасности подготовили досье по обществу Фетхуллага Гюлена. «Обращено внимание на то, что цель Гюлена, действующего за рубежом и в стране и за границей в качестве лидера мусульман всего мира, – шариатское государство». Согласно этим материалам, «Фетхуллаг Гюлен и его группа преуспели в создании внутри и вне страны громадной организа-

ции, претендуют на лидерство в мировом мусульманстве». В перспективе Фетхуллах Гюлен поставит Турецкую республику в трудное положение и осуществит личное религиозное лидерство, которое будет невозможно увязать с демократическими светскими принципами». В докладе отмечается, что Фетхуллах Гюлен осуществляет контроль над 9 отдельными группами нурджистов, является с точки зрения финансовой мощи и состава кадров самым сильным и влиятельным, в его распоряжении 90 вакуфов, 103 частных школы, 211 фирм, 460 учебных залов и около 500 очагов для учащихся. Сообществу подконтрольны 14 журналов, 1 газета, 1 телекомпания и 2 радио¹²².

Та же «Джумхуриет» спустя несколько дней привела дополнительные подробности, содержащиеся в упомянутом выше докладе «Западной рабочей группы». Сообщество, руководимое Гюленом, оценивается в этом докладе как «опасное» для светской республики; подчеркивается осторожность, самообладание его руководителей. Сообщество своим «видимым доброжелательством и миролюбием» сумело повлиять на некоторые властные круги, сумело создать видимость «поддержки их деятельности государством». «Чтобы не понести ущерб до момента реализации их цели, свои действия против государства они осуществляют весьма осторожно». Аргументы в докладе систематизированы следующим образом:

1) «Эта личность, оценив должным образом оторванность интеллигенции от народа, эксплуатируя свободу религии и совести под видом умеренности, в завуалированном виде выступает с отрицанием республики, подменяя национальные интересы личными и в итоге подрывает демократию.

2) Ближайшая задача общества – добиться, чтобы каждый человек в Турции жил в религиозной атмосфере. Дальняя цель – создание религиозного государства. Можно сказать, что это вдохновлено действиями Махатмы Ганди. Не носить галстук – это определенный знак своим приверженцам...

3) Вступившим в орден военным дается четыре наставления: трудись, изучай английский язык, веди себя хорошо с командирами, будь сдержанным...

4) Группа Гюлена, представляющая орден нурджистов, приступила к подготовке новых проектов, рассчитанных на то, чтобы применить их в среде вооруженных сил, и в дальнейшем подчинить их своему влиянию. В качестве первоначальной цели намечены курсанты военных училищ... Предполагается, что в течение 5 – 7 лет они смогут добиться в вооруженных силах решающего слова.

5) Приверженцы Фетхуллаха стали весьма влиятельной силой в структурах безопасности – благодаря внедрению своих учащихся в полицейские колледжи, путем специального отбора преподавателей, а также за счет того, что полицейским – членам сообщества были промыты мозги еще в ту пору, когда они были учащимися. За всем этим четко просматривается план превращения полиции в силу, противостоящую армии.

6) Те, кто рассматривает Гюлена в качестве светоча надежды перед главной угрозой – политическим исламом, в скором времени окажутся вынужденными дорого расплачиваться за свои ошибки. Эта личность представляет собой поистине большую угрозу для будущего демократической и светской Турции.

7) Фетхуллах Гюлен, используя демократические возможности, внедряя свои кадры на всех уровнях государственного механизма, ликвидирует принципы и реформы Ататюрка; его цель – создать государство на принципах шариата, а после этого – Всемирный тюрко–исламский союз».¹²³

Не исключено, что в лице сообщества Гюлена тюрко–исламский мир действительно получил весьма влиятельную крупную пропагандистскую организацию в Евразии с огромными средствами, с использованием всех доступных современных способов пропаганды и агитации, с имиджем бескорыстной благотворительности. Отличительная особенность сообщества Гюлена – высочайшая осторожность и терпение в реализации своей задачи. Последняя состоит очевидно в новейшем обновлении прежней идеи объединения всех тюрков под знаменем мягкого, современного, цивилизованного ислама.

6. Поиски компромисса

Как представляется, организованная военным руководством страны весенняя «кампания» с тем, чтобы заставить гражданские власти принять решительные меры в отношении исламистов, не могла долго продолжаться и к лету интенсивность армейской верхушки в этом плане заметно уменьшилась. Во–первых, до объявленных выборов остается все меньше времени, крупные партии «во имя победы» ищут попутчиков, идут на компромиссы и уже к осени было объявлено о формировании коалиционной «пятерки», в которой якобы намерены сотрудничать Партия верного пути, Фазилет и три мелкие партии. Лидеры светских партий, не переставая говорить об угрозе шариата, как очевидно, готовы сотрудничать, как и ранее, перед выборами 1995 года, и с партией Фазилет, и с влиятельными орденами и религиозными общинами. Во–вторых, как отмечает турецкая печать, в обществе, в среде некоторых светских политиков стала приемлемой идея мягкого ислама, при котором очевидно и военным, и последовательным противникам политического ислама придется пойти на уступки, например в вопросе о тюрбане, религиозном обучении. Не исключено, что за это активно выступают и руководители Управления по делам религии. Не исключено также, что в среде сторонников «мягкого ислама» в качестве лидера наиболее приемлемой фигурой является Фетхуллах Гюлен. По утверждению обозревателя «Джумхуриет» М. Балабая, большая часть прибывающих миссий из США при посещении Анкары свои разговоры начинают с Фетхуллаха Гюлена: «Позитивное движение. Следим с одобрением. Его шаги в центральноазиатских республиках чрезвычайно полезны.» Аналогичные шаги предпринимаются во время визитов в Генштаб. Представляется, что команда Гюлена оценила взгляд США на исламские страны... В чем секрет? Он

прост: подходит любой, кто бы он ни был – сторонник шариата, убийца с руками в крови, запихивающий всех женщин под платок, сторонник передачи государства не в руки парламента, а в руки династии – любой, если он не выступает против американских интересов. Сторонники шариата поняли – надо ужиться с США... Обращает на себя внимание разбросанность общественного мнения... Некоторые организации как будто находятся под воздействием демократических номеров, проделываемых сторонниками шариата.»¹²⁴

Разумеется, дело здесь не только в «демократических номерах», все намного сложнее, поиск светской модели государства, приемлемой для большинства населения, не завершен. По этому поводу цитируемый нами выше Тарханлы, безусловный сторонник светского режима, пишет, что в «своей политике секуляризации республиканские кадры не учли одного обстоятельства – даже в модернизированных обществах религия может быть одним из факторов, влияющих на политическое поведение человека. Отношение различных слоев общества к государству, которое в их глазах выглядит виновным с одной стороны за экономические и социальные лишения, с другой – за образовавшийся вакуум ценностей, проявляется как в религиозных течениях вне официальной идеологии, так и в тяге к политике, используя расширяющиеся механизмы соучастия. Очевидным итогом того, что в результате секуляризации создатели республики не смогли добиться подлинного создания новых ценностей, являются трудности, которые испытывает личность в Турции при попытках решить свои человеческие и личностные проблемы.»¹²⁵

Значительная часть верующей элиты, ее интеллектуалы остаются сторонниками, по крайней мере в публичных дискуссиях, светской власти, защитниками конституции, так сказать, государственниками. Например Н.Субашы в своей книге «Осознание религии турецкой интеллигенцией», опубликованной в 1996 г. высказывает убеждение, что сегодняшнюю исламистскую интеллигенцию Турции можно охарактеризовать как «продукт прежде всего светской культуры периода республики», что отличает ее от мусульманских мыслителей прежнего государства и от мусульманской интеллигенции других регионов исламского мира. В 80-е годы «эта интеллигенция заявила о себе как о важном участнике формирования современной турецкой мысли», влияя не только на формирование культуры, но и определяя в ней свою собственную роль – третьей силы между правым и левым полюсами. Причину этого возвышения исламизма в среде интеллигенции, по мнению автора, во многом определила и обстановка хаоса, порожденная выступлениями молодежи, анархией и террором. Сказалась и полувековая практика реализации принципа светскости – происходило, как считает автор, «не отделение религии от государства, а изгнание религии как таковой из социальной жизни страны». Принцип светскости не стал нейтральным, независимым от власти; элита, ориентирующаяся на модернизацию, использовала его как свой инструмент в сфере политики и культуры.¹²⁶

Такого рода соображения нельзя не принимать во внимание, вместе с тем нельзя отрицать и моральное, а то и силовое давление сторонников радикального ислама на верующих граждан с целью вовлечь их в политическую борьбу за власть, в террористические действия против существующей светской власти. Например, когда заместитель ректора Стамбульского университета представил по требованию депутатов от Фазилет и АНАП парламентской комиссии по правам человека сведения, касающиеся дел с тюрбанами, выяснилось следующее. Согласно опросу студенток, носящих тюрбаны, их большая часть хотела бы ходить с открытой головой, однако из-за давления, исходящего от некоторых религиозных фондов и обществ, они не могут это сделать. Попытки некоторых открыть головы кончились тем, что они были избиты, подверглись угрозам со стороны некой группы. Угрозы содержатся и в листовках, наклеенных на стенах университета. Органы безопасности находят у некоторых студентов дубинки и ножи. На одной дубинке была надпись – «Аллах прольет свой свет. Бригада мщения». Дело этим не ограничивается. Растут требования к руководству не значать занятия по пятницам¹²⁷. В Диярбакире, в университете Диджле его руководство проводило летом кампанию по выполнению закона об одежде, убеждало студентов, семьи. В итоге 420 девушек отказались носить тюрбан. После этого ректор получил письма с угрозами «Меч Аллаха отсечет твою голову», прочь руки от тюрбана. Подпись – Фронт Хезбуллах в Диярбакире. При этом не сообщается, какие угрозы выслушивают сами девушки от исламистов¹²⁸. К этому можно добавить, что летом в печати все чаще приводятся высказывания политических лидеров о том, что правительство сделало все, что могло, до выборов антиреакционные законы уже не смогут пройти через меджлис¹²⁹.

Таким образом развитие ситуации вокруг религиозной проблемы в Турции во второй половине 1998 г. вступило в новую фазу, отличительной чертой которой стала подготовка к парламентским и местным выборам. Решение коалиционной власти (Партия отечества, Демократическая левая партия, Партия демократической Турции) провести эти выборы 25 апреля 1999 года заметно уменьшило пыл лидеров большинства политических партий в их клятвах бороться с реакцией и врагами светскости, особенно двух ведущих правоцентристских – Партии отечества во главе с М. Йылмазом и Партии верного пути во главе с Т. Чиллер. Выше отмечалось, что и ранее эти две партии не очень охотно и не всегда торопились отмежеваться и от политического ислама, и от тарикатов, имея в виду их влияние и поддержку в среде электората. Очевидно, что новая происламская партия Фазилет, заполучив от запрещенной Рефах всех ее депутатов в парламенте, является самой крупной партией в этом законодательном органе. В августе, как выше уже отмечено, появились сообщения о создании предвыборной коалиции между Фазилет и Партией верного пути с привлечением нескольких мелких партий. Руководство двух партий соглашалось с тем, что между ними «нет подлинного доверия друг другу», однако «интересы демократии» требуют создания сотрудничества перед давлением военных. Партии отечества и левого союза. Н. Эрбан в связи с этим высказал убеждение, что такая коалиция сможет получить

65% голосов избирателей¹³⁰. Круг организаций и партий, поддерживающих армию в ее борьбе с антиконституционным исламизмом, как кажется, начал сужаться, хотя нет пока признаков того, что руководство армии дрогнуло в этом вопросе. Эта позиция армии вряд ли претерпит серьезные изменения и после рутинной передачи дел осенью 1998 г. начальником генштаба Карадаи новому руководителю этой чрезвычайно влиятельной инстанции в системе высшего руководства страны.

* * *

Возвратимся к началу нашей статьи – в чем конфликт между светским и религиозным началом в турецком обществе на исходе XX века? Почему, казалось бы окончательно завоеванные светские ценности приобретают свойства шагреновой кожи; ПОЧЕМУ осознанный в Европе исторический опыт трансформации общества и государства из религиозного в светское становится менее привлекательным?

Читатель мог отметить, прочтя статью, что основным резервом новобранцев для нынешних вождей воинствующего, радикального ислама, их электоратом, паствой и т.п. становятся те, кто справедливо считает себя жертвой социальных и духовных издержек модернизации, европеизации «по–турецки».

Если ранее, при существовании СССР и социалистического лагеря немалое число униженных и оскорбленных готовы были идти под знамена коммунизма и социализма, то теперь положение круто изменилось в пользу адептов политического ислама. Шейхи и мюриды, новые «пророки», используя богатейшие фонды, вакуфы и пр., накопленные от нефтедолларов, монополизировали в странах ислама влияние на армию обездоленных, духовно униженных и социально незащищенных, стремящихся к активной деятельности, знаниям людей, причем не обязательно глубоко верующих. Более того, влияние распространено и на новые постсоветские государства с мусульманской культурой, к тому же тюркоязычные, что привело к оживлению и последующему использованию исламо–тюркского синтеза.

Судьба ислама в Турции как религии, как веры подтверждает еще раз исторический опыт других мировых религий – вера людей не защищена от попыток честолюбцев и политиканов использовать ее в своих интересах, во имя собственного самоутверждения, лидерства, миссионерства. В результате мы на примере Турции убеждаемся что есть два ислама – подлинный, которому привержены сотни миллионов истинно верующих, и псевдоислам – весьма эффективное оружие в руках политиканов от религии.

Особо в заключении необходимо отметить использование в Турции исламистами тезиса о турецко–исламском синтезе, или в данном случае правильное сказать о исламо–турецком синтезе. Привлекательность этого публично замалчиваемого, но на практике часто используемого тезиса состоит в том, что он имеет свойство приобщать к себе, объединять приверженцев и национализма–тюркизма и апологетов политического ислама Его

легко трансформировать в разные ипостаси – и мягкие, и крутые, например в синтез пантюркизма и панисламизма, легко приспособить к прозелитизму – не только исламскому, но и националистическому, ибо турецкий национализм стал важным фактором в отношениях Турции с тюркским миром. Все эти идеи имеют хождение в обществе, влияют на государственную идеологию, т.е. синтез на деле живет и здравствует, воздействуя в том числе и на внешнюю политику страны. Вместе с тем даже поверхностное знакомство с турецкими публикациями по исследуемой теме позволяет считать, что большая часть сторонников и защитников идеи светского демократического государства, прежде всего интеллигенции, скептически относится к тезису исламо-турецкого синтеза и с определенной долей тревоги – к использованию его во имя миссионерских устремлений как исламистов, так и тюркистов.

¹ Cumhuriyet, 19.04.1997.

² Milliyet, 31.08.1998.

³ Türk-İslam Sentezi. İstanbul, 1991, с. 37.

⁴ Türkçe sözlük. Ankara, 1988, с. 543, 956.

⁵ Türkiye Cumhuriyeti'nin temel ilkelerinden Laiklik. (Panel). Ankara, 1987, сс. 28, 29.

⁶ Полный перевод текста конституции на русский язык опубликован в кн. Турецкая республика. Справочник. М., Наука, 1960, с. 294–369.

⁷ Tarhanlı, İhtar B. Müslüman Toplum, «laik» Devlet. İstanbul, 1993, с. 35.

⁸ Ankara Üniversitesi. Siyasal bilgiler fakültesi dergisi. Ocak– Aralık 1987, с. 201–221.

⁹ Turkey. Brutal and systematic abuse of human rights. Lnd, 1987, с. 5, 11–12.

¹⁰ Tarhanlı, с. 163–164.

¹¹ Hürriyet, 05.12.1997.

¹² Türkiye Cumhuriyeti'nin temel ilkelerinden Laiklik. (Panel). Ankara, 1987, сс. 28, 29.

¹³ Bulut, Faik. Ordu ve din. Asker gözüyle islamci faaliyetler. İstanbul, 1995, с. 80.

¹⁴ Tarhanlı, с. 170.

¹⁵ Bulut: Faik. Ordu ve din, 1995, с. 480, 481. с. 508–523.

¹⁶ Yalçın Soner. Hangi Erbakan. 4 baskı. Ankara, 1995, с. 217.

¹⁷ Bulut Faik. Ordu ve din, с. 71 – 79.

¹⁸ Milliyet, 10.12.1997; Hürriyet, 30.12.1997.

¹⁹ Turkey. A Country Study. Wash., 1988, с. 131.

²⁰ T.C.Başbakanlık. Hükümet'in üç yıllık icraatı. 13.12.1983–1986. Ankara, 1986, с. 159–160.

²¹ Cumhuriyet 30.03.1998.

²² T.C.Devlet Teşkilatı Rehber. 1986. с. 254–259.

²³ Tarhanlı, с. 81–84, 100, 106, 131, 168, 177.

²⁴ Tarhanlı, 180–181.

²⁵ Cumhuriyet 22.06.98.

²⁶ Türkiye İstistik Yıllığı 1996. Ankara, 1997, с. 176, 179.

- ²⁷ Cumhuriyet 30.03.98.
- ²⁸ Ankara Üniversitesi Kataloğu. 1983 – 1984. Ankara, 1984, c. 528, 537–538.
- ²⁹ Dinde yeniden yapılanma. (Kurana dönüş) İstanbul, 1996, cc. 42, 53, 62, 34.
- ³⁰ İslam'ı anlamaya doğru. İstanbul, 1996, cc. 10, 147–148, 184.
- ³¹ Prof. Dr. Fehmi Baykan. Demokrasi, Laiklik ve Teokrazi («Şeriatçılık») üzerine bir derkenar. – Türkiye günlüğü. Sayı 46. Yaz 1997 s.26–40.
- ³² Türkeş A. Temel görüşler. İstanbul, 1975, c. 122–123.
- ³³ Ersen C. Başbuğ. İstanbul, 1995, c. 296.
- ³⁴ Verim ekonomisi. İstanbul, 1977. c. 464, 473, 475.
- ³⁵ Dilipak A. Türkiye nereye gidiyor. 4 bas. İstanbul, 1988, c. 50–51.
- ³⁶ T.C.Devlet Teşkilatı Rehber. 1986. c. 233–236.
- ³⁷ Ateş, Toktamış. Türk – İslam Sentezi. İstanbul: 1991, c. 11–12, 39, 40, 69, 75, 250, 253.
- ³⁸ Bilge. Atatürk Kültür Dil ve Tarih Yüksek Kurumu. Ankara, 1995: Kiş 7. c. 69–70.
- ³⁹ Zelyut Rıza. Din ve siyaset. Muaviye' den Erbakan' a. İstanbul, Yön, 1996, c. 215.
- ⁴⁰ Özmen, Aslan. 2000 yılında Türkiye. İstanbul, 1991, c. 100–101, 109.
- ⁴¹ Tanzimattan Avrupa Topluluğuna Türkiye. İstanbul, 1989, c. 7–13, 22, 32–34.
- ⁴² Hürriyet, 22.06.1998.
- ⁴³ Milliyet, 31.08.1998.
- ⁴⁴ Sabah, 02.09.1998.
- ⁴⁵ Zelyut Rıza, c. 207, 208.
- ⁴⁶ Parti programları. I-nci kitap – I-nci cilt. İstanbul, 1970, c. 397, 399, 409.
- ⁴⁷ Erbakan, N. Türkiye ve Ortak Pazar. İzmir, 1971, c. 79.
- ⁴⁸ Tarhanlı, c. 160.
- ⁴⁹ 1973 seçimerli. İstanbul, 1975. c. 33, 38.
- ⁵⁰ Turkey. 1981. Almanac. Ankara. 1981, c. 129.
- ⁵¹ Zelyut Rıza, 214.
- ⁵² Turkey. Almanac 1995. Executive's Handbook. İstanbul, Intermedia, 1995, c. 75.
- ⁵³ 24 Aralık 1995 Refah Partisi Seçim Beyannamesi. 1995, c. 1, 3, 4, 17, 19, 29.
- ⁵⁴ Bulut, Faik. Ordu ve din. c. 83–111, 137, 198, 234 и др.
- ⁵⁵ Cumyutiyet, 17.09.1995, Yeni Yüzyıl, 19.04.1995.
- ⁵⁶ Cumhuriyet, 16.09.1995.
- ⁵⁷ Yeni Yüzyıl 20.04.1998.
- ⁵⁸ Cumhuriyet 24.08.1995.
- ⁵⁹ Bulut: Faik. Ordu ve din. c. 301–318.
- ⁶⁰ Bulut: Faik. Tarikat sermayesinin yükselişi. İslam ekonomisinin eleştirisi. İstanbul, 1995, c. 404–409.
- ⁶¹ Cumhuriyet, 20.08.1995.
- ⁶² Cumhuriyet, 02.04.1998.
- ⁶³ Cumhuriyet, 14.12.1994.
- ⁶⁴ Milliyet, 13.12.1994.
- ⁶⁵ Cumhuriyet, 07.09.1995.
- ⁶⁶ Turan S.G. Türkiye'de din terörü. İzmir, 1996, c. 107, 108.

- ⁶⁷ Erbil Tuşalp. Şeriatı beklerken. İstanbul, Papirus yayinlari, 1996, cc. 119, 120, 122, 130, 131, 260.
- ⁶⁸ Gür, Metin. Seriat ve Refah. İstanbul, 1997. c. 8–10.
- ⁶⁹ Şen, Faruk ve Koray, Sedef. Türkiye'den Avrupa Topluluğu'na göç hareketleri. Köln, 1993, cc. 128–132.
- ⁷⁰ Yeni Yüzyıl 20.04.1998.
- ⁷¹ Cumhuriyet, 19.09.1997; Hürriyet, 05.12.1997.
- ⁷² Milliyet, 10.02.1998.
- ⁷³ Ümit. Sofya, 1997, 12, c. 4–12, 36.
- ⁷⁴ Заман–Татарстан. Казань, 09.02.1996.
- ⁷⁵ Время – Заман. Международная газета. М., 1998, № 21.
- ⁷⁶ Radikal, 21.03.1998.
- ⁷⁷ Bulut Faik. Tarikat Sermayesinin Yükselişi, c. 369–372, 376 c. 392–401, 404–407, 428–430.
- ⁷⁸ Radikal, 15.01.1997.
- ⁷⁹ Cumhuriyet, 11.05.1997, 19.06.1998; Dünya, 09.06.1998.
- ⁸⁰ Hürriyet, 29.03.1996.
- ⁸¹ Milliyet, 30.03.1996.
- ⁸² Aktüel Yıllık 1997. İstanbul, 1996 c. 26–30.
- ⁸³ Dünya, 09.01.1996.
- ⁸⁴ Akşam, 14.01.1997; Milliyet, 20.01.1997.
- ⁸⁵ Hürriyet, 14.01.1997.
- ⁸⁶ Milliyet: 20.01.1997.
- ⁸⁷ Finansal Forum 17.01.97.
- ⁸⁸ Cumhuriyet, 27.02.1997.
- ⁸⁹ Cumhuriyet, 28.02.97; Finansal Forum, 20.05.1997. Cumhuriyet 07.06.1998, Yeni Yüzyıl, 12.05.1998.
- ⁹⁰ Radikal, 12.05.1998; Cumhuriyet, 12.05.1997; Radikal, 12.05.1997.
- ⁹¹ Finansal Forum, 15.05.1997.
- ⁹² Cumhuriyet, 12.05.1997.
- ⁹³ Finansal Forum, 22.05.1997.
- ⁹⁴ Vural Savaş. Refah Partisi iddianamesi ve mütalaası. İstanbul, 1997, c. 108.
- ⁹⁵ Milliyet, 03.06.1997.
- ⁹⁶ Finansal Forum, 01.01.98.
- ⁹⁷ Cumhuriyet, 18.08.1997.
- ⁹⁸ Finansal Forum 01.01.1998.
- ⁹⁹ Hürriyet, 12.07.1997.
- ¹⁰⁰ Radikal, 23.02.1998.
- ¹⁰¹ Radikal 23.02.1998.
- ¹⁰² Radikal 23.02.1998.
- ¹⁰³ Там же, 23.12.1997.
- ¹⁰⁴ Cumhuriyet 22.06.98.
- ¹⁰⁵ Radikal 19.04.1998.
- ¹⁰⁶ Радикал 21.03.1998.
- ¹⁰⁷ Milliyet 15.06.1998.

- ¹⁰⁸ Hürriyet, 22.06.1998.
¹⁰⁹ Hürriyet, 24.06.1998.
¹¹⁰ Hürriyet, 07.08.1998.
¹¹¹ Sabah, 24.09.1998.
¹¹² Cumhuriyet 27.03.1998.
¹¹³ Radikal 19.03.1998.
¹¹⁴ Radikal, 21.03.1998.
¹¹⁵ Cumhuriyet, 22.03.1998.
¹¹⁶ Radikal, 21.03.1998. Cumhuriyetet. 23.03.1998.
¹¹⁷ Cumhuriyet. 23.03.1998.
¹¹⁸ Cumhuriyet. 23.03.1998.
¹¹⁹ Cumhuriyet. 31.03.1998 r.
¹²⁰ Radikal 28.03.1998.
¹²¹ Cumhuriyet, 22.03.1998.
¹²² Cumhuriyet, 27.03.1998.
¹²³ Cumhuriyet, 30.03.1998.
¹²⁴ Cumhuriyet 22.06.98.
¹²⁵ Tarhanlı, C. 149.
¹²⁶ Sıbaşı, N. Türk aydınının din anlayışı. İstanbul, 1996, c. 159.
¹²⁷ Cumhuriyet, 20.06.1998.
¹²⁸ Cumhuriyet, 18.06.98.
¹²⁹ Cumhuriyet, 16.06.98.
¹³⁰ Hürriyet, Milliyet, 14.08.1998.

ТУРЕЦКО–ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОЗМОЖНОСТЬ ВСТУПЛЕНИЯ ТУРЦИИ В ЕВРОСОЮЗ

В контексте усилий турецкого руководства, направленных на вступление в Европейский Союз в качестве полноправного члена, особое значение приобретают двусторонние связи Турции с членами ЕС, прежде всего – с имеющими наибольший экономический и политический вес в европейских делах. Особого рассмотрения в этой связи заслуживают отношения Турции и Германии (представляющие существенный научный интерес даже и сами по себе) – отношения европейского гиганта и самого влиятельного государства на евразийском геополитическом перекрестке, являющегося одним из самых верных, но и самых спорных союзников Запада.

Федеративная Республика Германия, ставшая в последнее время одним из лидеров и едва ли не самой активной сторонницей интеграции в рамках Евросоюза, безусловно, играет ведущую роль и в отношениях Турции со странами ЕС. Более того, уровень контактов между двумя странами позволяет говорить о совершенно особом месте Германии в системе внешних связей Турции.

Германо–турецкое сотрудничество имеет прочные исторические корни. Проникновение Германии в тогдашнюю Османскую империю началось во второй половине 19 века, а уже к концу столетия ее влияние стало преобладающим; тогда же германский капитал вышел в Турции на лидирующие позиции, опередив Великобританию и Францию. Примером и, во многом, символом сотрудничества двух империй стало заключение в 1888 году соглашения о концессии Германии на строительство стратегической Багдадской железной дороги. Германская и Османская империя были союзниками в первой мировой войне; партнерские отношения двух стран последовательно развивались и в дальнейшем, независимо от их внутреннего социально–экономического и политического положения.

Значительный спад в германо–турецких торгово–экономических связях произошел (по понятным причинам) лишь в конце Второй мировой войны. Однако в послевоенный период их объем восстановился достаточно быстро. Так, если в 1945 году турецкий импорт из Западной Германии составил лишь 0,8 млн. марок, то уже в 1951 году он увеличился до 256,7 млн. марок – по этому показателю Германия обошла даже США (135,4 млн. марок), чья роль в международных связях Турции в тот период была, безусловно, определяющей [1, с. 260].

Одной из первых ФРГ начала оказывать Турции экономическую помощь в виде даров и кредитов на весьма льготных условиях: в 1958 году было предоставлено 210 млн. марок [2, с. 175]. Кстати, оказание этой помощи (на сугубо двусторонней основе – в соответствии с ежегодно подписываемым Соглашением о финансовом и техническом сотрудничестве) продолжается и по сей день – так, по соглашению 1992 года турецкой стороне было предоставлено 25 млн. марок в виде дара и 110 млн. марок целевых кредитов (на сооружение и модернизацию конкретных инфраструктурных объектов) на 30 лет из расчета 2% годовых (типичные для подобных кредитов условия). Всего же с 1958 г. по 1992 г. Турция получила по этой линии свыше 6 млрд. марок, в т.ч. 1 млрд. марок – в период 1986–1992 гг. [3, с. 4]. С учетом же частных кредитов и инвестиций в Турцию после 1949 г. поступило из Германии около 19 млрд. марок.

Помимо этого, ФРГ участвует в оказании финансовой помощи Турции по линии международных организаций: МВФ, МБРР, ЕС, «Консорциум помощи Турции в рамках ОЭСР» и др.

В последнее время Турция все шире обращается и к использованию заемных средств из негосударственных источников – здесь Германия также входит в число основных доноров: в 1993 году в ФРГ было продано обязательств Казначейства Турции на сумму 2,4 млрд. марок [4, с. 1].

С 1964 года ФРГ оказывает Турции и военную помощь, предоставляя как финансовые средства «в виде даров 18-месячными пакетами» (до 1986 года было передано всего 1450 млн. марок), так вооружение и имущество, в основном – из излишков бундсвера, образующихся в процессе модернизации [5, с. 60–61]. В частности, в 1990–1991 гг. Турции была безвозмездно передана крупная партия вооружения (включающая более 300 БТР, около 300 тыс. автоматов и пулеметов, артиллерийские системы, ракеты различного назначения) и снаряжения из запасов армии бывшей ГДР.

Правда, использование получаемых таким образом вооружений и военной техники против курдских повстанцев на юго-востоке Турции вызывает серьезные нарекания различных политических сил в ФРГ, прежде всего – правозащитных организаций. Под их нажимом немецкое правительство в 1992–1994 гг. несколько раз приостанавливало военнотехническую помощь Турции, однако всякий раз возобновляло ее после получения соответствующих разъяснений турецкой стороны.

Помимо этого, ФРГ оказывает Турции техническое содействие в производстве вооружений: в числе совместных проектов можно назвать, прежде всего, подводные лодки проекта 209, ракетные катера («Доган»), а также ракеты ПВО «Стингер» (в последнем проекте принимают участие также США, Италия и Греция). Участвует Германия и в модернизации находящихся на вооружении турецкой армии танков М-60 и «Леопард», а также самолетов Ф-4 и Ф-5 [6, с. 60–61, 92–93].

Безусловно лидирующие позиции сохраняет ФРГ и во внешнеэкономических связях Турции. Так, на протяжении долгого времени Германия

остается ее ведущим внешнеторговым партнером, значительно опережая по объему товарооборота все другие страны – 8.187,7 млн. долл., что составило 18,3% совокупного внешнеторгового оборота Турции в 1993 году и свыше 40% объема ее торговли со странами ЕС (тот же показатель занимающих второе место США ниже почти вдвое – 4.337,1 млн. долл. и 9,7% соответственно) [рассчитано по: 7, с. 80–82]. Доля ФРГ в турецком экспорте в 1993 году составила 23,8% (50,1% экспорта в страны ЕС), в импорте – 15,4% (35% импорта из стран ЕС). По этим показателям Германия опережала, например, все исламские страны, вместе взятые. Причем ФРГ остается одной из немногих стран, в торговле с которыми Турция имеет положительное сальдо: 878,5 млн. долл. в 1993 году (противоположная ситуация наблюдалась лишь в 1989 и 1990 гг.) [рассчитано по: 8, с. 492–493; 7, с.81].

Германия лидирует также по численности туристов, посещающих Турцию: в 1995 г. Турцию посетили 1,7 млн. немцев, а за первое полугодие 1996 г. – 1,1 млн.

Одну из ведущих ролей ФРГ играет и в сотрудничестве по линии взаимных инвестиций: в 1991 году в Турции действовало 362 фирмы с участием немецкого капитала. По этому показателю ФРГ значительно превосходила все остальные страны – к занимавшей второе место Великобритании относилось лишь 165 компаний. Правда, по доле в совокупном иностранном капитале, действующем в Турции, Германия (10,6%) оказалась лишь третьей, пропустив вперед Великобританию и Францию (9, с.78).

Та же тенденция – большое количество фирм при относительно меньшем инвестируемом капитале – наглядно проявляется и при анализе данных о выданных разрешениях на иностранные инвестиции: в 1993 году немецкие компании получили 205 разрешений – 26,5% от общего числа и 37,5% от приходящихся на страны ЕС (без Швеции, Финляндии и Австрии). В то же время по объему капитала, разрешенного к инвестированию, ФРГ оказалась лишь на 6-ом месте, пропустив вперед и Италию, и Францию, и Нидерланды, а также США и Японию [рассчитано по: 7, с. 91]. Подобная тенденция, как представляется, объясняется в том числе и инвестированием в турецкую экономику через зарегистрированные в Германии фирмы средств многочисленной турецкой диаспоры в ФРГ.

Тем не менее, в настоящее время немецкий капитал активно действует в турецкой экономике как в промышленной, так и в финансовой сферах: свои предприятия здесь имеют такие известные фирмы ФРГ, как «Даймлер–Бенц», «Хехст», «Магирус–Дейц», «МАН», «Байер», «Маннесман», «Сименс» и другие; в числе других иностранных банков операции в Турции ведут «Дойче банк», «Дрезднер банк», «Вестдойче Ландесбанк». Всего к началу 1997 г. свое производство в Турции имели около 600 немецких фирм, общий объем инвестиций достиг 1,1 млрд. марок [10, с. 91–110, 144–145].

Необходимо отметить, что имеет место и обратный процесс: так, к концу 1992 года Германия занимала второе (после Великобритании) место по объему прямых инвестиций турецкого капитала. При этом, однако, в ФРГ инвестиции были осуществлены в 58 различных секторах против 42 в Великобритании. Кроме того, в 1992 году таких инвестиций в Великобританию не было сделано вовсе. Да и отрыв по сумме прямых капиталовложений относительно невелик – 118,5 млн. долл. в ФРГ против 132,1 млн. долл. в Великобританию [11, с. 1]. При этом заслуживает упоминания участие турецких фирм в процессе приватизации, прошедшем в бывшей ГДР, к которому в Турции проявлен большой интерес. Особую активность в данном случае проявили турецкие строительные и подрядные фирмы. Испытывая по причинам политического характера серьезные трудности в странах Ближнего Востока и Северной Африки и сталкиваясь с проблемами неплатежей в странах бывшего СССР, они таким образом осваивают новый и многообещающий рынок. Так, фирма «Эге Серамик», входящая в «Полат Холдинг», налаживает производство керамической плитки и сантехники на приобретенной ею фабрике в Дрездене; уже несколько лет действует в рамках «Пет Холдинга» купленная им восточногерманская фирма, получившая название «ПетПлан», объем работ которой достигает сейчас 15 млн. марок (помимо 7 млн. марок, уже полученных фирмой за возведение центра по торговле строительными материалами); подрядные работы на общую сумму 100 млн. марок ведет созданная в прошлом году во Франкфурте основной строительной фирмой того же «Пет Холдинга» «Петконтур» фирма «Пет Бау». Пример очень интересного направления германо–турецкого сотрудничества демонстрирует «Текфен Холдинг»: за счет купленной входящей в холдинг фирмой «Текфен Иншаат ве Тесисат» восточногерманской компании ХМБ, «Текфен Холдинг» сумел получить доступ к кредитам и страхованию работ, предоставляемым немецким фирмам, а также подряд на сумму 225 млн. марок по строительству жилья для выводимых из Германии российских военных; всего же с помощью фирмы ХМБ, чей оборот составлял 650 млн. марок, «Текфен Холдинг» намерен довести свой оборот в Германии до 750 млн. марок [12, с. 7; 13, с. 5]. Большой интерес к восточногерманскому рынку проявили действовавшие ранее в ФРГ турецкие фирмы: по данным боннского Центра исследований по Турции около 10% крупных турецких фирм в ФРГ в настоящее время ведут работы по осуществлению инвестиций в бывшую ГДР; еще 30% уже направили туда специалистов для проведения необходимых исследований; в целом же около 70% действующих в ФРГ крупных турецких фирм намерены в ближайшие годы инвестировать капитал в «новые восточные земли» [14, с. 21]. Как отмечается, помимо повышения объема выполняемых работ и освоения нового перспективного рынка (по данным Союза турецких подрядчиков Германии, в бывшей ГДР реконструкции требуют 70% зданий; кроме того, имеется дефицит примерно 3 млн. квартир; в целом же турецкие подрядчики могут претендовать на объем работ примерно в 1,5–2,0 млрд. марок [15, с. 1], подобные инвестиции позволяют

турецким компаниям получить доступ к немецким источникам финансирования и страхования, а также выход на рынки третьих стран.

Обе страны продолжают усилия по углублению экономических связей. Так, в ходе т.н. «Второго германо–турецкого экономического саммита» (первый состоялся в 1984 году) стороны одобрили ряд новых совместных проектов (включая модернизацию морского порта в Стамбуле и создание совместной паромной линии, связывающей черноморское побережье Турции с ФРГ путем использования канала Рейн–Дунай), а также такие новые направления сотрудничества, как создание информационного центра по вопросам совместных работ в третьих странах (например, восстановление Бейрута и Газы), создание германо–турецких торговых палат, совместные действия Общества экспортного страхования «Гермес» (ФРГ) и Эксимбанка Турции. Одновременно были согласованы действия в ставших уже традиционными сферах взаимоотношений: немецкие инвестиции в экономику Турции и консультационная помощь ФРГ в ускорении адаптации турецкого сельского хозяйства к требованиям рынка стран ЕС [29, с. 8].

Весьма значительную роль в германо–турецких отношениях, в том числе и в торгово–экономической области, играет в настоящее время многочисленная турецкая диаспора в ФРГ.

Начало ее формирования относится к 60–м годам, когда динамичное развитие западногерманской экономики обеспечивалось в том числе и путем использования дешевой рабочей силы – «гастарбайтеров», значительная часть которых прибывала из Турции. Со временем многие из «рабочих–гостей» осели в ФРГ, привезли семьи, обзавелись жильем и социальной инфраструктурой (школы, мечети и т.п.), образовав внутри западногерманского общества совершенно особый его элемент, контрастирующий с окружающей средой и являющийся потому источником множества конфликтов и коллизий, но ставший уже его, этого общества, неотъемлемой частью.

Общая численность турок в Германии составляет в настоящее время свыше 2 млн. человек – более 75% их общей численности в Европе; свыше 40% из них – молодежь в возрасте до 20 лет [16, с. 7; 17, с. 7]. Собственно рабочих насчитывается около 650 тыс. человек, однако можно предположить, что их значительно больше, так как в эту цифру входят только «застрахованные рабочие», то есть работающие на законных основаниях; численность нелегальных иммигрантов учету не поддается, хотя надо отметить, что в последнее время среди незаконно работающих (в соответственно опасных условиях и за низкую плату) все большую часть составляют выходцы из стран Восточной Европы. Пока же турки лидируют по численности, составляя примерно одну треть от почти двух миллионов иностранных рабочих в стране; в общей численности работающих их доля составляет сейчас 2,8% (всех иностранных рабочих – 8,4%). Статистические данные о структуре занятости турецких рабочих по секторам отсутствуют, но если судить по общим для всех «гастарбайтеров»

данным, то больше всего их трудится в промышленности и ремеслах, за которыми следуют сектор услуг, торговля и строительство; кроме того, различные сведения позволяют судить о большом количестве турок, занятых в металлургической, горнодобывающей и швейной отраслях промышленности [18, с. 7; 19, с. 7; 20, с. 7].

Вместе с тем, имеется устойчивая тенденция к сокращению доли рабочих среди турок в ФРГ – с 85% в 70–х годах до примерно 30% в 1997 г.: все больше из них основывают собственный бизнес [17, с. 7].

В последние годы в связи с ростом социальных проблем, особенно обострившихся после объединения Германии, участились имевшие место и ранее случаи антитурецких выступлений, в том числе нападения праворадикальных националистических группировок на места проживания турок, на самих турецких граждан. Мощным источником расистских настроений стали восточные земли Германии (бывшая ГДР), где в настоящее время уровень безработицы достигает 30%, что создает питательную почву для усиления шовинистических течений. С другой стороны, показатель безработицы для турецких рабочих в 1992 году находился на уровне 12,6%, что превышало общий уровень безработицы как для всех иностранных рабочих (11,9%), так и в целом по Германии (около 5%) [21, с. 7; 22, с. 7].

Подобное положение, очевидно, заставило правительство Германии ужесточить нормативные акты в отношении вновь приезжающих в страну турецких граждан: в соответствии с циркуляром Федеральной службы занятости вновь приехавшим в страну иностранцам разрешение на работу будет выдаваться сроком не более чем на 1 год; в случае обращения о продлении срока предварительно будут изучаться возможности просителя по нахождению работы. Кроме того, работа иностранным гражданам будет предоставляться только в том случае, если на данное рабочее место не претендуют граждане ФРГ или одной из стран ЕС. Последнее обстоятельство вызывает у турок особое беспокойство, так как уже сейчас серьезную конкуренцию им составляют 360 тыс. испанцев, португальцев, итальянцев и греков; применение же положений данного циркуляра (выглядящих, кстати, совершенно логичными в процессе интеграции в рамках Евросоюза) может вызвать в дальнейшем рост числа рабочих из этих стран ЕС. По словам члена Исполнительного Совета профсоюза «ИГ–Металл» Йилмаза Карахасана, «Германия ставит своей целью регулирование пребывания в стране вновь приезжающих иностранцев в соответствии с состоянием внутреннего рынка» [16, с. 7].

И хотя турецкая пресса заявляет, что подобные меры «готовят почву для выселения турок из Германии», думается, что подобная ситуация вряд ли может реально возникнуть в ближайшем будущем: слишком плотно они связаны с экономической, социальной и даже политической жизнью страны, превратившись за десятилетия, проведенные в Германии, в неотъемлемую часть общественной структуры этой страны. Так, нападения на турок и выступления под откровенно шовинистическими и неона-

цистскими лозунгами вызвали в ФРГ серьезную реакцию: такие фирмы, как «Даймлер–Бенц» и «Порше», администрация аэропорта во Франкфурте, организации предпринимателей и профсоюзы, действующие в различных секторах, начали увольнять работников, проявляющих враждебность к иностранцам и «употребляющих в их адрес оскорбительные выражения»; по всей стране прошли демонстрации и акции протеста под лозунгом «Мой друг – иностранец» и т.д. Что же касается самих турок, то они уже прочно обосновались в Германии, образовав целые «турецкие районы», где даже знание немецкого языка совершенно необязательно: например, только в Берлине (преимущественно в его западной части) живет около 150 тыс. турок, в том числе около 30 тыс. – в районе Крейцберг. Многие из «немецких турок» получили германское гражданство (ФРГ занимает первое место в списке стран, гражданство которых получают вышедшие из турецкого гражданства); второе поколение «гастарбайтеров» получает немецкое образование; многие занялись собственным бизнесом: на сегодняшний день в Германии около 42 тыс. турок ведут собственное дело в 91 секторе экономики; оборот турецких фирм в 1996 году составил 35 млрд. марок, инвестиции – 9 млрд. На этих предприятиях сейчас трудится 162 тыс. человек, в том числе и немцы. Причем в соответствии с германо–турецким соглашением, подписанным в конце 1991 года, турецкие фирмы в Германии имеют право набирать турецких работников на условиях временного (до 3 лет для рабочих и до 4 лет – для административного персонала) пребывания в стране – то есть ввозить рабочую силу. Правда, соглашение предусматривает ограничение общей численности ежегодно «привозимых» работников (всего лишь 7 тыс. человек), но оно же устанавливает, что с падением безработицы в Германии на каждый 1% подобная «квота» будет увеличиваться на 5% [23, с. 1; 24, с. 3; 17, с. 7]. Действуют даже организации предпринимателей типа «Общества турецких предпринимателей Германии» (АТИАД). Отмечается, что особую активность турецкие бизнесмены проявляют в таких областях, как воздушные, наземные и морские перевозки, банковское дело, туризм, строительство, производство пищевых товаров, готовой одежды и изделий из кожи [25, с. 1]. Среди 230 немецких команд в розыгрыше Кубка Берлина по футболу принимает участие и турецкая, уже трижды побеждавшая в этом турнире. В настоящее время турецкие иммигранты все активнее включаются и в политическую жизнь страны: турок Д. Оздемир вошел в бундестаг от партии «зеленых», турецкие депутаты заседают в муниципалитетах Берлина, Франкфурта, Тюбингена; есть даже турок – мэр города. Бывшие «гастарбайтеры» и их потомки намерены и дальше продолжать усилия в этом направлении. Их целью является принятие законов, которые гарантировали бы будущее турецкого меньшинства в Германии. В первую очередь, как считается, должен быть изменен закон о гражданстве, действующий с 1913 года, в частности – ряд его положений, препятствующих получению турками немецкого гражданства [26, с. 9].

Характерно, что большинство турок, проживших в ФРГ несколько лет, не хотят возвращаться и прилагают значительные усилия с тем, чтобы остаться там. Вернувшиеся же по тем или иным причинам в Турцию, как правило, вновь стремятся в Германию: опрос среди 1200 «возвращенцев» выявил такое желание у 91% из них. Правда, начатая в 1983 г. правительством ФРГ программа «Поощрения окончательного возвращения» привела к отъезду из Германии около 100 тыс. турок, но не более того. Вскоре численность турецкой диаспоры в ФРГ вновь начала нарастать [17, с. 7].

В этом контексте крайне важным для турецкой общины в ФРГ и других странах Евросоюза стало принятое в конце 1992 года Европейским Судом решение по иску турецкого «гастарбайтера» К.Куша, в соответствии с которым турецкий рабочий, проработавший на одном предприятии в ФРГ или любой другой стране ЕС 1 год, имеет право на продление вида на жительство и разрешения на работу, а после 4 лет постоянной работы – и право на поступление на любую оплачиваемую работу в этой стране. Данное решение является обязательным для всех стран Евросоюза и фактически закрепляет существование в них, и прежде всего – в ФРГ, турецкой диаспоры [27, с. 13].

Таким образом, можно сказать, что ФРГ демонстрирует в настоящее время пример превращения временщиков – «гастарбайтеров» в хотя и небольшое в 78-миллионной Германии, но все-таки национальное меньшинство в рамках немецкого общества. Очевидно, такое положение должно заставить германские власти принципиально изменить подход к этой проблеме, уже переросшей рамки германо-турецких отношений.

Разумеется, столь комплексное и многоплановое развитие связей между ФРГ и Турцией не обходится без возникновения различных проблем. В частности, напряженность во взаимоотношениях двух стран неоднократно вызывали нарушения прав человека и ситуация вокруг курдской проблемы в Турции. Например, в начале 1993 года германские власти включили Турцию в список стран, практикующих «преследования граждан по политическим мотивам». Считается, что это решение может повлиять на рост числа переселенцев из Турции (в основном – курдов), которым разрешено проживание в ФРГ. Кстати, к моменту принятия этого решения Турция занимала второе место по числу принятых в Германии беженцев (10%), уступив лишь Афганистану. (Общая численность курдов в Германии достигает в настоящее время, по различным оценкам, от 100 до 500 тыс. чел. Из них до 10 тыс. считаются членами РПК) [28, с. 17]. К обострению отношений двух стран привели и уже упоминавшееся использование поставленного из ФРГ оружия против курдских повстанцев, и арест депутатов от Партии Демократии (ПД).

Значительно более сложной является ситуация вокруг турецких претензий на полноправное членство в Европейском Союзе.

Из всех стран ЕС, пожалуй, лишь ФРГ имеет с Турцией столь масштабные, многогранные и комплексные связи; причем если отношения взаимозависимости Евросоюза в целом и Турции имеют явный дисбаланс

в пользу ЕС, то по линии ФРГ – Турция они значительно более сбалансированы (во многом – за счет диаспоры): то есть заинтересованность ФРГ в сохранении хороших отношений с Турцией значительно выше, чем у Евросоюза в целом. Исходя из этого, Анкара стремится заручиться поддержкой Германии в своем стремлении как можно раньше войти в ЕС.

Подобная поддержка была обещана туркам неоднократно на различных уровнях. Считается, что Германия во многом содействовала подписанию соглашения о таможенном союзе Турции и ЕС в марте 1995 года – в далеко не самый благоприятный период в турецко–западноевропейских отношениях. Очевидно, ФРГ будет и далее содействовать развитию этих связей, естественно, с учетом германских позиций по вопросам углубления интеграции в рамках ЕС и приема новых членов из числа восточноевропейских стран.

Вместе с тем, Германия сейчас вряд ли готова согласиться с полноправным членством Турции в Евросоюзе. Соответственно, дальше заверений и высказываний о «принадлежности Турции к Европе» дело пока не идет. Подобная ситуация спровоцировала в начале 1998 года даже серьезный дипломатический конфликт между двумя странами: не получив вроде бы обещанной поддержки по вопросу о включении Турции в число хотя бы «официальных претендентов» на членство в ЕС, премьер-министр Турции М.Иылмаз прямо обвинил немецкое руководство и лично Г.Коля в двуличии. И хотя инцидент удалось замять, проблема остается: в Турции широко распространено мнение о том, что Германия не хочет членства Турции в Евросоюзе, но предпочитает вести лицемерную политику, представляя в качестве основного «виновника» торможения интеграции Турции в ЕС «традиционно» враждебную ей Грецию.

Подобную точку зрения нельзя назвать бесосновательной: свыше половины граждан ФРГ выступают против членства Турции в ЕС. Как представляется, причины подобной позиции общества и руководства Германии вполне объяснимы: имея богатый опыт взаимодействия с турецкой диаспорой, немцы опасаются нарастания проблем, связанных с увеличением присутствия турок в Германии в случае вступления Турции в Евросоюз. Если отбросить явно шовинистические воззрения, то неприятие вызывает поглощение новыми «гастарбайтерами» средств из социальных фондов, снижение цен на рынке труда вследствие более низкой зарплаты и низких требований к безопасности труда турецких рабочих, но главное – стремление большинства иммигрантов остаться в Германии и формирование ими неассимилируемого элемента германского общества, резко отличающегося от него по социо–культурным параметрам. Страхи вызывает и перенос на германскую почву турецких проблем: курдской проблемы, родовых конфликтов, преступности и т.п.

Тем не менее, несмотря на имеющиеся проблемы, германо–турецкие отношения продолжают устойчиво развиваться в целом в положительном ключе. Основу для этого создают прочные связи в торгово–экономической области, дополняемые комплексом взаимоотношений в других сферах.

Как представляется, в настоящее время можно говорить о формировании между ФРГ и Турцией отношений реального партнерства, строящихся на базе взаимодополняемости экономических систем, образующей основу экономической интеграции и формирующей плотную ткань обоюдной зависимости, которая позволяет сохранить положительную динамику взаимодействия, не допускать превращение коллизий и конфликтов в доминирующий фактор двусторонних отношений.

1. Гегамян С.В. Взаимодействие турецкой национальной буржуазии с государственным сектором и иностранным капиталом (1945 – 1959).// Турция: история и современность. – М.: Наука, 1988.

2. Киреев Н.Г. Развитие капитализма в Турции. К критике теории «смешанной экономики». – М.: Наука, 1982.

3.EBA Bülteni, 06.11.92.

4.Dünya, 05.11.93.

5. Турецкая Республика (справочник). – М.: Наука, 1990.

6. Broken Promises: Torture and Killings Continue in Turkey (Helsinki Watch). – New York, 1993.

7. Ekonomik rapor. 1993 (TOBB). – Ankara, 1994.

8. Türkiye İstatistik Yıllığı. 1991 (DİE). – Ankara, 1993.

9. Turkey 1992. An International Comparison (Dış Ekonomik İlişkiler Kurulu – DEİK). –Ankara, 1992.

10. Executive's Handbook. Turkey'94. Almanac. – İstanbul, 1993.

11. Dünya, 23.02.93.

12. Cumhuriyet, 20.01.93.

13. Hürriyet, 07.02.93.

14. İstanbul Sanayi Odası Dergisi, 22 Ocak 1991.

15. Dünya, 17.11.93.

16. Cumhuriyet, 13.03.93.

17. Milliyet, 18.07.97.

18. Cumhuriyet, 30.03.93.

19. Cumhuriyet, 11.03.93.

20. Cumhuriyet, 28.03.93.

21. Cumhuriyet, 08.03.93.

22. Cumhuriyet, 31.03.93.

23. Dünya, 16.02.93.

24. EBA Bülteni, 23.12.91.

25. Dünya, 15.02.93.

26. Hürriyet, 11.04.93.

27. Milliyet, 30.12.92.

28. Cumhuriyet, 01.04.93.

29. Dünya, 08.11.93.

ИРАН ПРОТИВ ТАЛИБОВ. НОВАЯ ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ?

1. Представляют ли афганские талибы угрозу Ирану?

Руководство Исламской Республики Иран выражает серьезную озабоченность нынешним развитием ситуации в соседнем Афганистане.

Необходимо отметить, что для подобной озабоченности основания есть: усилиями Исламского движения «Талибан» (ИДТ) возникли многоплановые угрозы интересам ИРИ в регионе и в целом – национальной безопасности страны.

Это, прежде всего, угрозы внутренней безопасности. Так, по данным зарубежной прессы, вооруженные группировки талибов, захватившие большую часть Афганистана, предоставляют приграничные с Ираном территории для деятельности антиправительственной военно–политической Организации моджахедов иранского народа (ОМИН), в течение всех послереволюционных лет ведущей вооруженно–террористическую борьбу с тегеранским режимом, и оказывают им значительную помощь. В приграничных с Ираном районах Афганистана создаются базы, опорные пункты, откуда оминовцы совершают боевые рейды на территорию Ирана, ведут диверсионно–разведывательную и подрывную деятельность против ИРИ. В свою очередь, некоторые полевые командиры талибов сами ведут подрывную работу в сопредельном Иране, особенно среди афганских беженцев, проживающих на востоке страны, которых они используют в качестве антииранской агентуры.

Кроме того, в связи с резким обострением внутривнутриполитической обстановки в Афганистане, обусловленным военными успехами талибов, в Иран хлынул новый поток беженцев из Афганистана, что, безусловно, создает огромные политические и финансово–экономические проблемы для руководства ИРИ. (Напомним, что в результате почти 20–ти летней афганской войны, в Иране оказалось от полутора до двух миллионов афганских беженцев).

Особое место в системе угроз Ирану, исходящих от талибов, занимает наркобизнес. Известно, что Афганистан давно уже превратился в одно из главных производителей и поставщиков наркотиков растительного происхождения в мире. Причем, наркобизнес в талибском Афганистане поставлен на самый высокий, если можно так сказать в отношении талибов, государственный уровень. Более того, талибы избрали Иран одной из основных стран непосредственного распространения наркотиков, а также

их транспортировки далее на север (Мешхед – Ашхабад – и «далее – везде»), на запад – (Европа, Кавказ, Ближний Восток и Северная Африка). Следует отметить, что по законам Исламской Республики Иран производство, сбыт, хранение и потребление наркотических веществ карается самым жесточайшим образом – смертной казнью. Именно борьба с наркобизнесом в ИРИ является по сути одним из главных фронтов защиты национальных интересов страны, на который брошены лучшие силы Корпуса стражей исламской революции (КСИР), Сил охраны правопорядка МВД (СОП), других органов и спецслужб, а также и Армии.

Возникли у Тегерана по вине талибов и проблемы внешнеполитической политической безопасности. Известно, что в Кабуле воцарился режим талибов, ориентированный на Пакистан, Саудовскую Аравию и, в определенной степени, на США (несмотря на острые американо-талибские разногласия, связанные с предоставлением талибами убежища «главному антиамериканскому исламскому террористу» Усама Бен Ладену и дружбой с ним). Такой сложный, многоступенчатый и во многом антииранский альянс создает крайне нежелательные или даже опасные для жизненно важных интересов Тегерана военные, политические, экономические ситуации.

Так, талибы, по мнению их американских покровителей, должны ко всему прочему сыграть роль исламского экстремистского вызова исламскому же Ирану по принципу: исламский клин вышибают исламским клином. В свою очередь, мусульманские страны – патроны талибов – готовы использовать их в целях ослабления своего основного экономического, военно-политического и идеологического соперника – «супердержавы региона» – Ирана. ИДТ при успешном для него развитии событий может стать с одной стороны постоянной исламской внешней угрозой исламскому Ирану с востока, принимая во внимание тот факт, что талибы – сунниты, в подавляющем большинстве своем пуштуны – воинственно настроены против иранцев-шиитов, с другой – талибы-сунниты, являясь исламскими пуританами-экстремистами, способны вызвать внутреннюю напряженность в Иране, где в последние годы наблюдается определенный отход от экстремистских крайностей и переход к более спокойному консервативному и прагматистскому исламскому фундаментализму. Причем, «талибский фактор» может вызвать «взрыв политико-религиозных эмоций» как у сторонников прагматистской линии президента Ирана (на почве неприятия экстремистской религиозно-идеологической доктрины ИДТ и как естественное следствие – в перспективе еще больший отход от ортодоксии заветов имама Хомейни), так и у его радикальных противников (напротив, в надежде использовать его в борьбе с внутренними исламскими либералами и с неверными во всем мире). Подобное влияние «талибского фактора» чревато обострением внутривнутриполитической обстановки в ИРИ, что вполне соответствует интересам как США, так и их ближне- и средневосточных союзников по расшатыванию (или размыванию?!) антиамериканского режима в Тегеране.

В связи с деятельностью талибов явно прослеживается для ИРИ угроза и экономической безопасности. Так, окончательная победа движения талибов будет способствовать разблокированию транспортных артерий Афганистана, крайне необходимых для транзита товаров и грузов из Центральной Азии в Пакистан к Индийскому океану. Кроме того, укрепление позиций талибов и стабилизация внутривнутриполитического положения при их власти во всем Афганистане в перспективе создаст благоприятные условия для строительства газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан длиной почти 1500 км, по маршруту от туркменского месторождения «Довлетобадское» через Афганистан (Герат – Кандагар – Чаман) до города Мултан в Пакистане. Причем, как мы видим, больше половины газопровода пройдет по территории Афганистана. Предварительная стоимость этого грандиозного проекта более двух миллиардов долларов. Завершить строительство планируется к 2003 году. Как указывается в проекте, газ пойдет через 48-дюймовый трубопровод, и его поставки составят порядка 15 млрд. кубических метров в год. Работы будут осуществляться специально созданным международным консорциумом, получившим наименование «Сентрал эйша газ пайплайн», объединившим компании семи стран: туркменистанской государственной компании, американской «Юникап», саудовской «Дельта», южнокорейской «Хюндаи», пакистанской «Крефинг», японских «Иточу» и «Инпекс», а также российской «Газпром». Такое развитие событий, безусловно, резко ударит по экономическим позициям Ирана в Центральной Азии и, прежде всего, в Туркмении, в определенной мере оттеснит ИРИ от основных экономических процессов в регионе (на что очень рассчитывают США) и одновременно усилит Пакистан – стратегического союзника США и основного политико-экономического соперника Ирана.

Поэтому талибы, за которыми стоят Пакистан, Саудовская Аравия и США, объективно угрожают национальным интересам Ирана и выступают в роли реального военного противника ИРИ в регионе. Именно с востока, от самых ярых, фанатичных, бескомпромиссных приверженцев ислама исходит угроза Исламской Республике Иран. В этом весь парадокс новейшей истории.

2. Иранский ответ на вызов афганских талибов

Справедливости ради надо отметить, что на протяжении всех более чем двадцатилетних внутривнутриполитических конфликтов и войн в соседнем Афганистане Иран не был их посторонним наблюдателем. Официально заявляя о своем полном невмешательстве во внутренние дела восточного соседа и постоянной готовности выступить в качестве посредника при любых межафганских вооруженных конфликтах, Тегеран в действительности всегда проводил широкоплановую и в то же время целенаправленную работу как в самом Афганистане, так и по афганским проблемам на международной арене, в целях создания в соседней стране проиранской базы.

При этом, весь четырехлетний «талибский» период в истории Афганистана военно-политическое руководство ИРИ пыталось активно повлиять на обстановку в этой стране и не допустить там развития и углубления такой ситуации, которая могла бы превратить потенциальную угрозу интересам Ирана в реальную.

В этом плане, как свидетельствует анализ современной афганской политики Тегерана, деятельность Ирана в Афганистане включает четыре аспекта: политический, пограничный, специальный и военный.

Политический аспект. Сразу после появления на политической сцене Афганистана Исламского движения «Талибан» и развязывания им широкомасштабных военных действий против правительства президента Исламского Государства Афганистан (ИГА) Раббани и особенно обострения обстановки в западных провинциях страны в Тегеране был создан специальный штаб иранского правительства по Афганистану, координирующий деятельность всех ведомств, так или иначе связанных с афганской проблемой.

Иранская сторона поддерживает постоянные контакты с руководством президентской коалиции во главе с Раббани, с главнокомандующим его вооруженными формированиями Масудом, с другими видными политическими деятелями антиталибского альянса и полевыми командирами. Примечательно, что эти контакты осуществляются на достаточно высоком уровне: на уровне министра иностранных дел ИРИ и выше.

Что касается шиитской, в целом проиранской коалиции различных политических групп – Партии исламского единства Афганистана (ПИЕА), то, несмотря на ее определенную зависимость от Тегерана, Ирану не удавалось создать на базе этой партийной коалиции единую мощную боевую организацию, поскольку между членами ПИЕА постоянно происходили (и происходят) раздоры и междоусобицы.

В этой связи определенная ограниченность возможностей Ирана в деле эффективной консолидации всех антиталибских группировок Афганистана, а также просуществовавшее до августа сего года равновесие противоборствующих сил и их неспособность добиться существенного перевеса и конкретных успехов на полях сражений, заставило реалистично мыслящих иранцев несколько изменить свою позицию и временно смягчить подходы к талибам, выразившимся в принятии ряда мер по налаживанию двустороннего приграничного сотрудничества в экономической и гуманитарных областях. Так, в соответствии с решением правительства ИРИ в июле был восстановлен транзит грузов через иранский пограничный пункт Дугарун, функционирование которого ранее было приостановлено, в государства Центральной Азии по маршруту Дугарун – Тургунди (Афганистан) – Кушка (Туркмения). Кроме того, были вновь открыты четыре пункта приграничной ирано-афганской торговли.

Были внесены коррективы и в совместную с Пакистаном политико-дипломатическую деятельность по межафганскому урегулированию, в том числе по тем вопросам, по которым ИРИ ранее занимала исключительно

принципиальную позицию. В рамках политики новых подходов к талибам летом сего года была проведена серия взаимных визитов и ирано–пакистанских переговоров. В результате были достигнуты договоренности о налаживании более тесного сотрудничества двух стран в процессе межафганского урегулирования. При этом Иран выразил свою готовность к установлению отношений с талибами на рабочем уровне при условии прекращения ими антииранской пропаганды, недопущения в дальнейшем антииранской подрывной деятельности в подконтрольных ИДТ западных провинциях Афганистана оппозиционных Тегерану иранских группировок и отказа талибов от провокационных вылазок в восточные районы Ирана. Однако, как показали дальнейшие события, смягчение иранской позиции носило кратковременный характер, и виной тому послужили успешные боевые действия талибов, захват ими столицы антиталибского альянса – северного афганского города Мазари–Шариф, но главное – захват иранских граждан, в том числе и дипломатов, а затем и убийство из их числа девяти дипломатов и журналиста ИРНА.

Нельзя не отметить и разноплановую и активную роль, которую играл и играет Иран в афганском вопросе на международной арене. ИРИ принимала участие во всех международных форумах по афганской проблематике, проходивших в последнее время в различных странах и в ООН. Однако в этой связи по итогам деятельности Тегерана в международном масштабе правомерно сделать печальный для ИРИ вывод: иранской дипломатии не удалось сформировать антиталибский союз государств, нацеленный на решение проблемы талибов как мирным, так и силовым путем.

Пограничный аспект. В 1997 г. иранский парламент (меджлис) обратился к Руководителю ИРИ Хаменеи с требованием принятия мер в отношении многочисленных афгано–талибских отрядов, действующих на востоке Ирана. При этом указывалось, что количество разбойных нападений и уголовных преступлений в отношении иранских граждан талибами только в течение одного года возросло более чем на 30%. В результате, по указанию аятоллы Хаменеи в январе 1998 г. в Мешхеде было проведено совещание, где обсуждались меры по укреплению ирано–афганской границы. Были приняты решения о строительстве дороги вдоль границы, о формировании пяти укрепленных районов, о значительном увеличении количества смотровых вышек, о привлечении сил и средств КСИР для борьбы с отрядами талибов. Однако обстановка в зоне ирано–афганской границы коренным образом не улучшалась. Поэтому в марте Высший совет национальной безопасности ИРИ дал указание о приостановлении деятельности пунктов приграничной торговли с Афганистаном, которые активно использовались талибами для контрабанды наркотиков в Иран. В апреле–мае высшими органами государственной власти ИРИ были приняты решения о привлечении КСИР ИРИ непосредственно к охране ирано–афганской границы и о формировании единого штаба управления силами охраны границы, в которые вошли части, подразделения и органы мини-

стерства информации, МВД и КСИР, дислоцированные в провинции Хорасан. Причем руководство этой структурой поручено генералам и офицерам КСИР.

В рамках этой политики уже в конце мая этот план стал переводиться в плоскость практической реализации. Усиливается мощь Корпуса стражей. К августу КСИР сосредоточил на ирано–афганской границе группировку общей численностью до 15 тыс. человек. Для своевременного и бесперебойного материально–технического снабжения группировки и обеспечения ее оружием и боеприпасами на аэродроме города Мешхед специально была создана авиабаза КСИР, получившая наименование «Шахид Каве», которая используется также в целях базирования разведывательной авиации КСИР.

При этом иранцы стремятся не только закрыть границу для формирования ИДТ, но и создать условия для проникновения на территорию Афганистана с целью оказания более эффективной помощи своим афганским союзникам путем проведения не в последнюю очередь и специальных мероприятий.

Специальная деятельность. Можно с уверенностью утверждать, что подобная деятельность Ирана в Афганистане не прекращалась никогда и велась при любых режимах, существовавших как в Иране, так и Афганистане.

Особенно активизировались иранские спецслужбы после сдачи Кабула талибам и возникновения угрозы захвата ими всего Афганистана.

Силловые структуры ИРИ (Армия, Корпус стражей исламской революции, Силы охраны правопорядка МВД, министерство информации, – но прежде всего КСИР), форсировали развертывание подрывной деятельности против ИДТ в прилегающих к Ирану районах Афганистана. При их содействии в Мешхеде был создан «Высший совет принятия решений по западным и юго–западным территориям Исламского Государства Афганистан (ИГА)». Основу Совета составили представители ПИЕА, Национального исламского движения Афганистана (НИДА) генерала Дустома и «Хезболлах». В этом ракурсе проводилась активная работа офицеров КСИР в лагерях афганских беженцев по формированию разведывательных, диверсионно–террористических и боевых групп и отрядов из проиранских афганских моджахедов, развертыванию центров их подготовки и баз снабжения. При непосредственном участии иранских спецслужб отряды антиталибского альянса неоднократно инициировали вооруженное сопротивление талибам в западных провинциях Афганистана.

Под углом зрения деятельности спецслужб ИРИ следует рассматривать и тот факт, что иранское военно–политическое руководство в последние годы предпринимало много усилий по нейтрализации негативного для себя развития обстановки на востоке своей страны. В приграничной с Афганистаном зоне подразделения пограничников СОП, как отмечалось выше, были усилены спецчастями КСИР. Кроме того, активно работали специальные группы министерства информации. Однако наиболее широко

и целенаправленно действовали Силы специального назначения «Кодс», представляющие собой один из органов КСИР. Причем часто специальная деятельность иранских властей в Афганистане и вокруг него тесно переплеталась с чисто военной. И порой трудно было их размежевать.

Военная деятельность. До самого последнего времени чисто военная деятельность Ирана на афганском фронте не отличалась активностью. Тегеран избегал какого-либо открытого участия страны в боевых действиях на территории Афганистана (на чем настаивали и настаивают некоторые лидеры ПИЕА), так как, по мнению иранцев, это могло бы нанести ИРИ непоправимый ущерб в мире и осложнить в будущем ее отношения с любым новым кабульским режимом.

Однако скрытно Иран участвовал в гражданской войне в Афганистане. Так, откликнувшись на призыв президента ИГА Раббани к Ирану, Индии, Китаю и государствам Центральной Азии (СНГ) оказать помощь его правительственной коалиции в оружии и боеприпасах, Тегеран еще до захвата талибами Мазари-Шарифа и других стратегически важных районов страны создал воздушные мосты: Мешхед – Мазари-Шариф и Мешхед – Кундуз по переброске оружия, военной техники и боеприпасов для правительственных войск и Дустома. По иностранным источникам, еженедельно в течение нескольких месяцев по воздуху осуществлялась доставка более 30 тонн военных грузов.

Кроме того, при активной помощи иранских специалистов в восточных приграничных с Афганистаном районах ИРИ создавались вооруженные формирования антиталибски настроенных афганцев, которые планировалось использовать для ведения боевых действий против талибов.

Другим методом иранцев, применяемым ими для инициирования боевых действий против талибов на западе Афганистана, являлось «выдавливание» афганских беженцев из их лагерей, расположенных на территории Ирана, на родину, где, по мнению иранцев, афганские беженцы будут вынуждены взять в руки оружие и воевать против талибов.

Иранские представители содействовали формированию любых коалиций вооруженных формирований из различных антиталибских группировок, в том числе они поддерживали создание Высшего совета обороны Афганистана, куда вошли Дустом, Масуд, Халили.

Однако вяло текущее развитие ситуации в Афганистане, наблюдавшееся в течение многих месяцев, сменилось в конце лета 1998 года взрывом талибских побед и захватом ими почти 90% территории страны. В начале августа гипотетическая военная угроза национальным интересам Ирана со стороны талибов превратилась в реальность. Пленение талибами иранских дипломатов, журналиста ИРНА и более сорока иранских граждан при штурме боевиками движения «Талибан» города Мазари-Шариф на севере Афганистана (в первые недели мир еще не знал об убийстве девяти иранских дипломатов и журналиста) резко обострило ирано-талибские отношения и еще больше накалило обстановку на ирано-афганской границе. Неправомерная акция талибов больно ударила по

престижу Тегерана, что, естественно, вызвало крайне негативную реакцию иранцев. Дипломатические усилия Ирана, направленные на вызволение из плена иранских граждан не приносили необходимых положительных результатов. Пакистан, чьи военнослужащие, по сообщениям прессы, составляют до половины боевиков и старших офицеров в отрядах движения «Талибан», неоднократно обещал Ирану «принять все возможные меры» для освобождения иранских дипломатов и журналиста. В то же время руководство талибов упорно и долго опровергало сам факт их пленения. Иран обратился в ООН и Международную организацию Красного Креста за помощью по расследованию этого инцидента. Но безрезультатно. Талибы были непоколебимы в своем упорстве. Тегерану же требовалась сатисфакция. Так, на закрытой сессии иранского меджлиса, обсуждавшей положение в Афганистане, министр информации Наджафабади заявил, что «для защиты жизни своих граждан Иран пойдет на применение любых мер». Ему вторил заместитель министра иностранных дел ИРИ Аминзаде, подчеркнувший, что Иран готов использовать «все средства, включая военные для возведения захваченных афганскими талибами иранских граждан».

В русле этой политической установки 2 сентября военно–политическое руководство ИРИ начало крупнейшее на северо–востоке страны учение сухопутных и военно–воздушных сил КСИР, Сил сопротивления «басидж» с привлечением армейских формирований под кодовым названием «Ашура–3». В них было задействовано 70 тыс. военнослужащих частей и подразделений пехоты, спецназа, бронетанковых войск, артиллерии, сил противовоздушной обороны, инженерных войск и войск связи, а также ВВС; около 170 танков, более 180 орудий полевой артиллерии и реактивных систем залпового огня, до 40 самолетов и вертолетов. Район учения охватывал площадь более 600 квадратных км в окрестностях г. Торбете–Джам, что в 50 км от ирано–афганской границы.

В подготовительный период командованием КСИР были проведено доукомплектование ряда соединений и частей до штатов военного времени с привлечением 7 тыс. резервистов из состава Сил сопротивления «Басидж»; осуществлено отселение местных жителей из приграничной полосы.

Командование КСИР в полном объеме осуществило мероприятия по оперативному развертыванию группировки сил и средств и подготовке ее к ведению боевых действий. Разведывательной авиацией была произведена аэрофотосъемка территории западного Афганистана. Осуществлено оперативное оборудование северо–восточных районов Ирана, было проведено инженерное оборудование районов расположения соединений и частей, развернутых пунктов управления и узлов связи, реконструированы дороги и проложены колонные пути, наведены понтонно–мостовые переправы в приграничной полосе. Оборудованы полевые аэродромы. Развернуты полевые госпитали и так далее. Была налажена надежная систе-

ма ПВО в зоне ирано–афганской границы. Организовано круглосуточное дежурство истребительной авиации ВВС Армии и КСИР.

Примечательно, что, по словам Главнокомандующего КСИР генерала Сафави, в ходе учений наряду с проверкой эффективности недавно закупленного современного вооружения сухопутных войск и ВВС, различного, в том числе и электронного оборудования, отработывалась – обратите особое внимание – переброска воздушным путем (самолетами и вертолетами) 7 тыс. военнослужащих на расстояние более 1000 км, их быстрое боевое развертывание и стремительное проникновение в глубь территории, контролируемой условным противником. Специалисты знают, как часто в ходе ирано–иракской войны иранские вооруженные силы использовали десантные операции, рейды в тылу противника, заброски в тыл врага своих подразделений для выполнения особых задач. И сегодня в иранских вооруженных силах есть части и подразделения способные выполнять подобные задачи. Более того, иранская военная доктрина предполагает наряду с наступательными и оборонительными действиями, проведение партизанско–диверсионных операций в тылу противника. В начале сентября, когда еще не было известно об убийстве иранских дипломатов и журналиста, остро стоял вопрос об их силовом вызволении. По мнению зарубежных средств массовой информации, в Тегеране был готов план использования контингента вооруженных сил ИРИ, задействованных в учении «Ашура–3», в целях освобождения иранских граждан. И хотя этот план и не был осуществлен по объективным причинам, в связи с ним невольно возникают определенные ассоциации, еще раз подтверждающие парадоксы истории. Двадцать лет назад фанатично настроенные иранские студенты–исламисты – «сторонники курса аятоллы Хомейни» захватили американских дипломатов в посольстве США в Тегеране, вынудив американцев предпринять военную акцию в попытке освободить заложников. И теперь, спустя годы, еще более фанатичные афганские студенты (то есть талибы) захватили уже исламских дипломатов из Ирана. Волею истории виновники превратились в жертвы...

Но, по всей вероятности план освобождения иранских граждан из та-libского плена не был главной целью учения «Ашура–3». Командование КСИР ИРИ под видом проведения этого учения практически отработало вопросы боевого применения развернутой в районе ирано–афганской границы группировки сухопутных войск и ВВС. При этом, официально основным содержанием учения была оборонительная операция по отражению агрессии с проведением практического бомбометания и стрельб с вертолетов с последующим проведением контрнаступательной операции на глубину до 40 км территории условного противника.

Можно сказать, что отличительной особенностью учения «Ашура–3» стала демонстрация боевого потенциала КСИР в ходе проведения (первые за все время существования Корпуса) широкомасштабной наступательной операции разнородных сил и средств, а главным итогом мероприятий проведенных под видом учения «Ашура–3» стало развертывание

боеготовой группировки сил и средств на северо–восточном операционном направлении. Качественный и количественный ее состав, направленность и характер отработанных задач свидетельствовали о возможности использования данной группировки не столько для усиления охраны границы, сколько для ведения наступательных боевых действий или нанесения массированного удара по талибам на их территории.

Подтверждение факта убийства девяти иранских дипломатов и журналиста ИРНА в начале августа повергло весь Иран в состояние шока. Военно–политическое руководство ИРИ оказалось в крайне щекотливой ситуации выбора: или смириться с унижением национального достоинства, или ответить на наглые вызов талибов. Антииранская, по сути террористическая акция талибов усугублялась и тем возмутительным фактом, что, хотя, по словам лидера движения талибан муллы Мохаммада Омара, виновные понесли наказание, но, как выяснилось, не за акт убийства, а лишь за «невыполнение приказов командира». Конечно, и само убийство и «своеобразное» отношение к нему талибов вызвали волну возмущения по всему миру, – ее осудили в Бонне и Париже, Дели и Анкаре, во многих других столицах, расценив как грубейшее и злонамеренное нарушение «исламскими студентами» норм международного права и гуманизма. Кроме того, многие наблюдатели связывали наметившийся в августе–сентябре рост террористических акций в ИРИ против видных деятелей иранской революции с резким обострением ирано–талибских отношений. Так, в конце августа в Тегеране был убит близкий соратник имама Хомейни Асадолла Ладжеварди, а 13 сентября совершено покушение на руководителя Фонда обездоленных Мохсена Рафикдуста. Иран не мог игнорировать и то, что захватившие провинцию Бамиан фанатичные талибы–сунниты проводили массовые репрессии среди жителей, убивая сотни хазарейцев–шиитов, дружелюбно настроенных к Ирану. Принимая во внимание все это, можно утверждать, что Тегеран, безусловно, получил моральное право на решительный ответ талибскому Кабулу.

В этой связи Духовный лидер Ирана Верховный главнокомандующий ИРИ аятолла Хаменеи призвал свои вооруженные силы быть готовыми к боевым действиям на территории Афганистана. Он заявил: «Все официальные инстанции страны, включая армию, должны быть готовы к быстрому и своевременному выполнению решений высшего политического руководства, которое оно сочтет необходимым в интересах страны». На этот призыв солдаты, сержанты, офицеры и генералы ответили решительной поддержкой своего лидера и выразили готовность выполнить любой боевой приказ. В свою очередь, Высший совет национальной безопасности ИРИ принял заявление, в котором говорится, что «Иран имеет твердое право предпринять необходимые меры для установления мира и безопасности в регионе».

На этом фоне 23 сентября иранские власти начали новые еще более широкомасштабные учения под кодовым названием «Зульфакар», в которых приняли участие более 200 тысяч военнослужащих сухопутных войск

и ВВС Армии, сухопутных войск КСИР, Сил сопротивления «басидж». Как отметил начальник Объединенного штаба Армии дивизионный генерал А.Шахбази, учения проводятся в районах восточных провинций Хорасан, Систан и Белуджистан с целью создания необходимой группировки вооруженных сил, проверки ее боеготовности, а также уточнения оперативных планов ведения воздушно–наземных наступательных и оборонительных операций в условиях регионального вооруженного конфликта.

Это, пожалуй, крупнейшие за всю историю Ирана военные маневры, в которых была задействована почти четверть состава всех иранских вооруженных сил (по численности одних из многочисленных в мире), включая Армию и Корпус стражей исламской революции, пехоту и артиллерию, бронетанковую технику и авиацию, ракетные войска. К границе с Афганистаном в общей сложности было стянуто около 200 тыс. армейцев и ксировцев (из них 70 тыс. уже находились там с момента окончания учений «Ашура–3», прошедших в начале сентября). Как отмечали иностранные военные обозреватели, прошедшие учения проводились под объединенным оперативным военным командованием представителей высшего офицерства Армии и КСИР, что, кстати, предусматривается генштабовскими планами на случай ведения войны. При этом специалисты подчеркивали, что система объединенных (Армия и КСИР) оперативных штабов успешно показала себя во время ирано–иракского конфликта. Более того, по свидетельству арабской прессы, иранский Генштаб разработал широкомасштабную наступательную операцию под кодовым названием «Акция возмездия», предусматривающую на первом этапе нанесение двух ударов: одного – в направлении города Герат, другого – в направлении города Фарах с последующим соединением группировок в районе города Шинданд. На следующих этапах – нанесение массированных ударов мощными группировками войск по трем операционным направлениям: Мазари–Шариф, Кандагар, Кабул.

Примечательно, что в действительности как учения «Ашура–3», так и учения «Зульфакар» имели одну цель – затуманить истинный характер наращивания ударной группировки на афганской границе, а расплывчатые сроки учений, когда одни маневры плавно переходят в другие, позволяли держать эту группировку в нужном районе в течение неопределенного времени, причем в состоянии полной боевой готовности. К тому же сам Главнокомандующий КСИР генерал Сафави сказал, что «действительно, эти учения нельзя отрывать от новой ситуации в Афганистане». Поэтому можно согласиться с американскими специалистами, полагающими, что все военные мероприятия Ирана, осуществляемые в восточных провинциях страны, имеют прежде всего политическую направленность, и они не есть просто демонстрация силы (все в регионе – и не только – знают, что у Ирана она есть), это – демонстрация решимости ее применить.

Таким образом, вблизи границ с Афганистаном иранское военно–политическое руководство сконцентрировало мощный кулак, состоящий из хорошо подготовленных в мобилизационном, оперативном и материаль-

ном отношении, оснащенных современным оружием частей и подразделений сухопутных войск и ВВС Армии и КСИР, морально и психологически готовым к ведению боевых действий.

Одновременно с развертыванием сухопутной группировки войск иранское военно–политическое руководство, опасаясь возможной интернационализации зарождающегося военного конфликта с талибами и возникновения в связи с этим военных угроз с юга, стремилось продемонстрировать свою военно–морскую мощь прежде всего союзникам талибов в Персидском и Оманском заливах и обезопасить свои южные морские рубежи. В этих целях в конце сентября – начале октября в акватории Ормузского пролива проводилось учение ВМС Ирана для проверки готовности сил флота к боевому применению в случае возникновения регионального вооруженного конфликта. Привлекались штаб командования ВМС в зоне Персидского и Оманского заливов, штабы военно–морских районов, подводные и надводные силы флота, морская авиация.

3. Решится ли Иран на крупномасштабную войну с талибами?

Военная история и анализ начала войн показывают, что многим из них предшествуют военные учения, маневры, «плавно переходящие» в боевые действия, но уже с реальным противником. Используют ли сегодня иранцы опыт истории? По всей вероятности нет. И, как нам кажется, на окончательное решение военно–политического руководства ИРИ повлияют две группы причин: политические и чисто военные.

Гипотетические иранские широкомасштабные боевые действия на территории сопредельного Афганистана – это не только наказание Тегераном убийц иранских граждан, это не только ответ Ирана на вызов «неправильных мусульман», это не только священная война джихад правоверных иранских шиитов с отступниками–талибами и защита братьев–шиитов в соседней стране. Прежде всего, возможная ирано–талибская война – это разрушение сложнейшего и запутаннейшего клубка тончайших нитей, связывающих многоплановые, часто противоречивые и антагонистические политические, военные, экономические, этнические и религиозные интересы многих государств и различных национальных, а также транснациональных группировок, конкурирующих в Афганистане. Это «выброс» внутриафганской проблемы талибов на межгосударственные отношения, на региональный или даже мировой уровень, это рождение нового кровавого, военного конфликта, новой «горячей точки» на планете. Причем, вероятнее всего, что «взорвавшийся афганский клубок» своими порванными нитями больно ударит не только Иран, но весь регион. Широкомасштабная война с талибами напрямую столкнет Иран с Пакистаном – союзником США в регионе, осложнит с таким трудом налаживаемые отношения ИРИ с Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами, что в целом приведет к полной дестабилизации обстановки на всем Ближнем и Среднем Востоке. Поэтому нет оснований сомневаться, что подавляющее большинство стран, даже с сочувствием относящихся к

нынешнему положению Ирана, не одобрили бы подобное развитие событий, не говоря уже о явных и тайных союзниках движения «Талибан».

В военном отношении, как нам кажется, даже в случае, если и будут осуществлены ограниченные боевые действия со стороны ИРИ, они, по всей видимости, не приведут к широкомасштабному ирано–талибскому вооруженному конфликту, поскольку Тегеран отдает себе отчет, какими последствиями это чревато. Во–первых, в Иране не забыли плачевный исторический опыт войн Англии и СССР в Афганистане. Во–вторых, у иранцев еще живы воспоминания о «своей» кровопролитной войне с Ираком, в которой Исламская Республика потеряла более миллиона своих граждан. В–третьих, возникает вопрос, насколько будут эффективны широкомасштабные общевойсковые операции в Афганистане, где методы ведения боевых действий (причем у всех враждующих афганских сторон) традиционно носит ограниченный, очаговый, партизанский характер, привычный, прежде всего, для афганских (в том числе и талибских) полевых командиров. В–четвертых, хватит ли у Ирана финансово–материальных средств для ведения крупномасштабной и, скорей всего, длительной войны?

Поэтому объективный военно–политический анализ военных приготовлений Исламской Республики Иран на границе с Афганистаном свидетельствует о том, что ИРИ вряд ли решится на крупномасштабную войну с талибами. Но, вне всякого сомнения, иранский ответ талибам будет иметь место. И примет он, по всей вероятности, несколько форм. Так, для обеспечения внутренней безопасности Тегеран, по всей вероятности, ужесточит полицейский режим в стране, усилит контроль за деятельностью афганцев–беженцев, укрепит восточную границу (что сейчас активно делается).

Но главное, военно–политическое руководство ИРИ резко активизирует антиталибскую политику. Это выразится в расширении антиталибской пропаганды, усилении дипломатических мер по международной изоляции движения «Талибан», увеличении помощи, в том числе и военной, антиталибскому альянсу, привлечении афганских беженцев, проживающих в ИРИ, на борьбу с талибами. Так, президент Афганистана Раббани, находившийся в Тегеране, призвал иранские власти предоставить оружие беженцам с тем, чтобы они смогли вернуться на родину и принять участие в священной войне с талибами. Можно ожидать и еще большей активизации деятельности иранских спецслужб в Афганистане. Безусловно, огромный контингент вооруженных сил Ирана, сконцентрированный на границе с Афганистаном, призван не только для проведения учений и защиты восточных рубежей страны.

По всей вероятности, в определенных масштабах, не допускающих перерастания в крупный вооруженный конфликт, будет наблюдаться эскалация ограниченной боевой активности иранских Армии и КСИР, выражающейся в проведении рейдов, артиллерийских обстрелов, авиационных и ракетных ударов по некоторым объектам талибов и так далее. И это под-

тверждают факты уже начавшегося в первой декаде октября вооруженного столкновения иранских вооруженных сил с талибами. В целом, мощная группировка иранских вооруженных сил на границе с Афганистаном, безусловно, минимизирует весь комплекс угроз Исламской Республике Иран, исходящих от исламско–суннитских фанатиков–мусульман.

Однако, объективности ради необходимо отметить, что вся деятельность военно–политического руководства Ирана в отношении Афганистана, несмотря на свою целенаправленную, активную и наступательную сущность, в общеафганском масштабе все же носит ограниченный характер и не способна повлиять на обстановку в Афганистане и вокруг него в той степени, в которой это хотелось бы Тегерану. Причиной этому, как нам кажется, является отсутствие широкой проиранской базы в Афганистане; определенная настороженность к Исламской Республике Иран мирового сообщества, что крайне затрудняет и тормозит ее инициативы и практические шаги; ограниченность финансовых, материальных и военно–технических средств для «полного и окончательного» решения афганской проблемы по иранским рецептам.

В итоге правомерно констатировать, что вне всякого сомнения, обострение ирано–талибских отношений значительно увеличило угрозу национальным интересам Ирана, накопило обстановку на ирано–афганской границе, в регионе в целом и привело к опасности возникновения «новой горячей точки» на планете.

ГЕНЕРАЛ ЛАМИН ЗЕРУАЛЬ: В НАЧАЛЕ ТРУДНОГО ПУТИ

1 февраля 1994 г. после истечения срока полномочий второго председателя Высшего государственного совета (ВГС)* Али Кафи, был приведен к присяге в качестве главы государства министр национальной обороны Алжира генерал Ламин Зеруаль. Он стал шестым президентом со времени получения Алжиром государственной независимости в 1962 г.

Назначение на высший государственный пост представителя верховного армейского командования не создало прецедент для страны, где в силу специфики исторического развития освободительной революции (1954–1962 гг.) армия сразу после достижения независимости стала играть особую роль в политической жизни, выступая гарантом внутренней стабильности. Реальная власть на местах чаще всего концентрировалась в руках армейских командиров, решавших важные общественно–государственные вопросы. Участие армии во всех значительных мероприятиях – в кампаниях лесопосадок, в полевых работах, в создании сети общеобразовательных школ, в народных стройках и в других видах общественных работ – было традицией; армия стала собственником сельскохозяйственных кооперативов и крупных капиталов в промышленности, явившись к тому же единственным поставщиком кадров в государственно–административный аппарат. Только в 1963 г. 34477 военных были приняты на государственную службу и в государственный сектор экономики¹. Иными словами, армия в Алжире всегда имела ключевые позиции в руководстве и почти во всех организациях и учреждениях экономического и политического аппарата государства. Главное, что оправдывало ее место и роль в обществе заключалось в том, что шаткость и неустойчивый характер социальной базы правящего режима в условиях незавершенной государственной структуры делали ее единственной организованной силой, обладающей к тому же монополией на применение оружия. К этому до-

* ВГС – коллегиальный внеконституционный орган руководства страной, состоявший из пяти человек и наделявшийся властью, предоставленной Основным законом президенту Алжира. ВГС был сформирован 14 января 1992г. с тем, чтобы заполнить вакуум власти, образовавшийся в стране после отставки главы государства Ш.Бенджедиды, роспуска парламента и отмены второго тура парламентских выборов, в ходе которых к власти могла придти фундаменталистская партия Исламский фронт спасения. Срок полномочий ВГС был установлен в два года: до 31 января 1994г.

бавлялась историческая роль руководителя освободительной борьбы, внушавшая уважение к военным и объективно способствовавшая их продвижению во властные структуры. Постепенно шел процесс превращения армии в своеобразное «государство в государстве»: формально признавая главенство правящей партии Фронт национального освобождения (ФНО), армия на деле имела свою собственную политику и идеологию, которые стремилась навязать всей стране, превращаясь в самодовлеющий фактор, который в дальнейшем будет определять все политическое развитие Алжира. Алжирский историк М.Харби отмечал, что «если каждое государство имеет свою армию, то в Алжире армия имеет свое государство». Постепенно росла изоляция армии по мере ее превращения из революционной в профессиональную и из орудия борьбы за независимость в орудие борьбы против оппозиции, однако ее роль в алжирском обществе оставалась неизменной и была закреплена в конституции 1976 г., где этому господствующему в стране институту была посвящена целая глава («О национальной народной армии»)², согласно которой на армию возлагалась обязанность не только защиты единства и территориальной целостности страны, но и «участие в развитии страны и построении социализма» (ст. 82).

Все руководители независимого Алжира (Ахмед Бен Белла (1962–1965), Хуари Бумедьен (1965–1979), Шадли Бенджедид (1979–1992), Мухаммед Будиаф (январь–июнь 1992), Али Кафи (1992–1994)) были представителями высшей военной элиты и ветеранами вооруженной борьбы алжирцев за национальную независимость. «Мы были детьми революции, – писал Х.Бумедьен, – а вовсе не их последователями. Нашей политической и военной школой была освободительная борьба, которая создала свое поколение профессиональных кадров»³. Необходимость принадлежности высшего государственного лица в Алжире (президента) к национально-освободительной борьбе была закреплена и в последней (1996 г.) конституции Алжира. Для избрания на пост президента Республики «кандидат, родившийся до июля 1942 г. должен был подтвердить участие в революции 1 ноября 1954 г., а кандидат, родившийся после июля 1942 г. подтвердить неучастие родителей в актах, враждебных революции» (ст. 73)⁴.

Ламин Зеруаль был назначен на высший государственный пост Высшим советом безопасности (совещательным органом при ВГС, состоявшим из представителей силовых структур и фактически руководившим страной) по поручению Конференции национального согласия, которая состоялась 25–26 января 1994 г. и была призвана определить направление дальнейшего государственного развития страны, которая переживала острейший политический и социально-экономический кризис. Это был один из самых сложных и противоречивых периодов в истории развития страны, когда было приостановлено действие конституции 1989 г., не функционировали государственные органы, угрожающей отметки достигла безработица, а исламские экстремисты развязали настоящий террор про-

тив иностранных граждан и мирного алжирского населения. Утверждение кандидатуры Ламина Зеруаль на пост президента АНДР рассматривалось в самом Алжире как «выбор в пользу сильной президентской власти», ибо на тот момент не было ни одной реальной политической силы (несмотря на официально существовавшие более 40 политических партий), которая могла бы претендовать на выражение воли всего народа. (В этом плане больше возможностей всегда существует у правящего режима, который располагает достаточными средствами для осуществления поставленных целей). В Алжире это определяется тем, что сырьем, которое составляет 95% алжирского экспорта (около 8 млрд. долларов), а также иностранными инвестициями и финансовой помощью по-прежнему распоряжаются те же высшие военные чины, которые стоят во главе армии.

Алжирская печать отмечала, что Ламин Зеруаль с самого начала пользовался «кредитом доверия и симпатией у населения страны», хотя высказывались большие сомнения в том, что он сможет вывести Алжир на путь мира и стабильности. Миллионы алжирцев с надеждой внимали каждому слову нового главы государства, который коротко определил свою позицию после церемонии принятия присяги: «Я ставлю себя на службу высшим интересам нации, с тем, чтобы объединить детей Алжира»⁵. Задача крайне сложная, но решать ее было необходимо, поскольку альтернатива национальному миру только одна – гражданская война, а в ней, как известно, не может быть победителей и побежденных.

Кто же этот человек, занявший высший государственный пост в столь сложный для страны период и ставший фигурой номер один в североафриканском регионе, действия которого оказались в фокусе внимания всего арабского и мусульманского мира?

Ламин Зеруаль родился 3 июля 1941 г. на востоке страны в городе Батна, в районе смешанного арабо–берберского населения. Его семья была типичной для этих мест: родители – разоренные кризисом малоземельные крестьяне, верующие мусульмане и алжирские патриоты. Именно на северо–востоке Алжира прозвучал первый выстрел, возвестивший о начале вооруженного восстания против французских колонизаторов. К этому времени Л.Зеруаль получил первоначальное образование в начальной «туземной» школе. Дальнейшая его судьба была предreshена исторической судьбой Алжира. В январе 1957 г., пятнадцатилетним юношей, он вступил в ряды Армии национального освобождения (АНО) и принимал самое активное участие в боях против французских войск в составе партизанских отрядов, где выделялся своей смелостью и принципиальностью и получил военную кличку Аль–Ямин⁶ (тогда все алжирские патриоты, находившиеся в подполье, в эмиграции или в партизанских отрядах вынуждены были скрывать свои имена).

В период национально–освободительной войны АНО состояла из двух основных частей «внешней» (регулярной части), расположенной на территории соседних стран – Туниса и Марокко, и «внутренней» (партизанские отряды), действовавшей на территории Алжира. АНО не могла

одержать военную победу над французской армией. Но, продолжая борьбу, она создавала условия для победы политической. При генштабе АНО была создана школа политической подготовки офицеров (позднее возник политкомиссариат, сохранивший свои функции и после достижения независимости). Многие офицеры и солдаты были направлены на учебу в арабские и социалистические страны в соответствии с решением эмигрантского Временного правительства Алжирской Республики (ВПАР) «иметь специалистов и техников в связи с потребностями современной войны»⁷. В их числе был и Л.Зеруаль, который первоначальное военное образование получил в Каире. Престиж Египта – самого крупного арабского государства и центра движения за арабское единство – тогда был очень высок во всех арабских странах, в том числе и в Алжире. К тому же Египет играл ведущую роль в палестинской войне 1948–1949 гг., всколыхнувшей весь арабский мир, а в 1951–1952 гг. стал ареной всенародного движения против английской оккупации зоны Суэцкого канала. Здесь Л.Зеруаль многому научился, ибо Каир в те годы буквально кипел политическими страстями, особенно после июльской революции 1952 г., свергнувшей короля Фарука.

После победы алжирской революции в 1962 г. Ламин Зеруаль избирает делом своей жизни военную карьеру. Ведь для простого алжирца служба в армии была единственной возможностью получить образование и продвинуться по социальной лестнице. И в этом смысле Л.Зеруаль – человек своей эпохи – эпохи национально-освободительной борьбы и трудного периода становления независимого алжирского государства.

АНО в 1962 г. была переименована в Национальную народную армию (ННА). В новых условиях необходимо было превратить ННА из армии повстанческо-партизанского типа в современную регулярную армию. Поэтому правительство сразу же начало осуществлять широкую программу ее реорганизации, переоснащения и обучения. Значительную помощь в этом Алжиру оказал Советский Союз и другие восточноевропейские страны. Военная карьера Л.Зеруаля в 60–е – 70–е годы была характерна для алжирского офицера тех лет: учеба, служба в частях, и снова учеба. В этот период он проходит двухгодичную переподготовку в Академии бронетанковых войск им. Фрунзе в Москве, как, впрочем и многие представители арабского генералитета. За два года, проведенные в Советском Союзе, Л.Зеруаль изучил не только тактику и стратегию командования крупными танковыми соединениями, но и достаточно хорошо овладел русским языком. В дальнейшем он продолжает совершенствовать свое военное образование в Иордании, а затем во Франции. За три десятилетия службы в армии Л.Зеруаль прошел все ступени служебной лестницы и занимал целый ряд командных должностей. В период с 1980 г. по 1981 г. он был командующим парашютно-десантными частями алжирской армии. В начале 80–х годов был назначен на ответственный пост – возглавить кузницу командных кадров алжирской армии – Общевоинскую академию в городе Шершель, имевшую жизненно важную для обороноспособности страны

задачу подготовки компетентных и хорошо обученных военных командиров, что имело первостепенное значение в рамках общей программы усиления боеспособности вооруженных сил страны. Затем он командует войсками различных военных округов, в том числе в 1983–1984 гг. – в Тиндуде и Таманрассете, где изучает т.н. «сахарское досье» и подробно знакомится с «проблемой туарегов»; с 1984 г. – командует военным округом Бешар, а с 1987 г. – военным округом Константина (в дальнейшем самым крупным центром и оплотом фундаменталистского движения).

В 1988 г. Л.Зеруаль был назначен заместителем начальника штаба Национальной народной армии, а в 1989 г. – главнокомандующим сухопутными войсками алжирской армии. Вместе с этим назначением он получил и звание генерала. Именно в этот период его имя впервые прозвучало в общенациональном масштабе, когда в знак несогласия с политикой президента Шадли Бенджедиде по проблеме реорганизации армии и внутренней политикой, проводимой правящей партией ФНО, он вынужден был подать в отставку и отойти от активной политической деятельности. Кроме того, у Л.Зеруаля выявились серьезные профессиональные расхождения во взглядах с начальником генерального штаба армии генерал-майором Халедом Неззаром, который до этого оказывал протекцию своему подчиненному. Здесь необходимо отметить, что офицеры являются, прежде всего, представителями той или иной социальной группы, а поэтому – в конечном счете – когда офицерский корпус находится у власти, в нем идет размежевание и обостряются противоречия между различными группировками.

Отставка генерала не получила широкой огласки. Однако, Л.Зеруаль заявил в своем интервью, что его уход связан с желанием «окончательно порвать с системой, возглавляемой Ш.Бенджедидом и Х.Неззаром». Об этих событиях следует сказать особо. Дело в том, что, начиная с 1986 г. (с момента резкого падения мировых цен на нефть и газ, составляющих около 95% алжирского экспорта) в стране разразился сильнейший социально-экономический кризис, к тому же совпавший по времени с проведением в Алжире кардинальных экономических реформ. Повернув руль в сторону рыночной экономики, ограниченное в средствах государство, во главе которого стояли представители военной элиты, не предложило эффективных мер по защите населения, к которым, кстати, алжирцы привыкли за годы независимости благодаря достаточно сильной системе социального обеспечения. Намерение правительства действовать в соответствии с законами экономического развития вошло в условиях резкого сокращения валютных поступлений (доходы от нефти снизились с 15 млрд. долл. в 1980 г. до 6 млрд. в 1987 г.) в противоречие с интересами большинства населения. Реформы, призванные стимулировать экономическую деятельность, не только не улучшили положение алжирцев, но сделали его более невыносимым. Критической отметки достигла перенаселенность городов, наблюдалась острая нехватка жилья, а также продуктов питания и товаров первой необходимости (Алжиру приходилось импортировать

свыше 60% необходимых продовольственных товаров), снизился уровень обеспеченности населения медицинским обслуживанием, резко падала покупательная способность населения в результате постоянного роста цен, не была решена проблема занятости, затронувшая, прежде всего, молодежь (60% населения Алжира – люди, моложе 25 лет). Воспитанные за годы независимости на принципах социальной справедливости и равенства, верившие, что государственный сектор – опора всей страны и гарантия стабильности, алжирцы болезненно реагировали на отход от этих установок. В ряде мест безработная и учащаяся молодежь (безработица среди молодых людей составила более 50%) в октябре 1988 г. вышла на улицы городов, устраивая манифестации и беспорядки, отстаивая свое право на труд и возможность зарабатывать на жизнь. Против безоружных манифестантов власти применили силу: армия расстреляла мирную демонстрацию, при этом погибло более 500 человек. Материальный ущерб оценивался в 1,61 млрд. алжирских динаров⁸.

Именно тогда определилась позиция Л.Зеруаля, который резко выступил с осуждением действий президента, приказавшим открыть огонь по мирной манифестации.

После этих событий произошел серьезный раскол между партийным аппаратом (сформировавшимся уже, в основном, из представителей новой буржуазии) и армией. Как отмечал в августе 1991 г. алжирский профессор социологии Лахуари Адди «армия, всегда и во всем поддерживающая президента, была потрясена провалом политических руководителей, которые довели экономику страны до полного краха, а алжирское общество – до упадка»⁹.

После событий 1988 г., когда армия стреляла по молодым безработным, высшие офицеры были сильно встревожены тем, что явились орудием в руках некомпетентных и коррумпированных руководителей.

В 1989 г. начальник Генерального штаба вооруженных сил Х.Неззар уволил из армии всех военных – членов ЦК правившей партии ФНО, стремясь тем самым отделить армию от партии и дистанцироваться от ошибок в социально-экономической политике ФНО. Всем военнослужащим было приказано покинуть государственные посты. Противоречия между президентом и военным руководством страны еще более усилились. В свою очередь, президент Ш.Бенджедид, после октябрьских событий 1988 г., начал проводить коренную военную реформу, лишив армию большей части исторических прерогатив и оставив за ней чисто технические функции. Это положение о «возвращении армии в казармы» было особо закреплено в соответствующих статьях новой конституции 1989 г., которая определила армии следующую роль: «Защита национального суверенитета, национальной независимости, единства и территориальной целостности страны»¹⁰. То есть, новая конституция, по сравнению с конституцией 1976 г., отводила армии именно то место, которое она и должна была функционально занимать в системе государственных органов власти.

Вскоре после этого все военные вышли из руководящих органов ФНО. Более того, Ш.Бенджедид устранил слишком политизированных, на его взгляд, военачальников, заменив их офицерами с узкопрофессиональной подготовкой. В июле 1990 г. генерал Х.Неззар был назначен министром обороны, заняв пост, традиционно занимаемый президентом с 1965 г. С этого момента президент Ш.Бенджедид уже не имел прямого отношения к армии, которая получила возможность сама принимать решения и выступать в качестве отдельной самостоятельной силы, хотя после принятия новой конституции и началом периода многопартийности, армия предпочла сохранить в своих руках лишь контрольные функции, отдав всю политическую арену для «разборок» между многочисленными партиями и организациями.

С этими событиями и была связана отставка Л.Зеруаля, который в 1990 г., как неблагонадежный генерал, указом президента был назначен послом Алжира в Румынии и находился на дипломатической работе в течение года. Затем он вернулся в Алжир и удалился в свой родной город Батну, не принимая никакого участия в политической жизни страны.

В июле 1993 г., к всеобщему удивлению, он вновь был «призван под знамена алжирской армии» и сразу же назначен на пост министра национальной обороны. Считается, что своим возвращением в армию Л.Зеруаль был обязан т.н. «Бешарскому клубу», к которому вместе с ним принадлежат еще несколько высокопоставленных алжирских военных. Немаловажным явилось и то обстоятельство, что все руководители Алжира (за исключением первого президента А.Бен Беллы), были выходцами из так называемого «Б–Т–С» – треугольника на востоке страны, образованного городами Батна, Тебесса и Сук Ахрас.

В глазах простых алжирцев большое значение имело то обстоятельство, что Л.Зеруаль не имел ничего общего с теми, кого они считали виновными в возникновении экономического и политического кризиса. Он не представлял никакой из предыдущих кланов – ни бумедьеновский, ни шадлистский, являясь кадровым военным и сторонником профессионализации алжирской армии, а его добровольная отставка в 1989 г. создала ему репутацию человека твердого и независимого в своих суждениях.

За те несколько месяцев, которые Л.Зеруаль провел на посту министра национальной обороны, он проявил себя как политик, умеющий идти на компромисс и способный слушать своих оппонентов, а также продемонстрировал способность заключать самые неожиданные альянсы. Так, Всеобщий союз алжирских трудящихся (ВСАТ) и Национальный союз крестьян и сельскохозяйственных рабочих (НСКСР) были первыми, назвавшими в ходе Национальной конференции имя генерала в качестве кандидата на пост главы государства.

На момент занятия высшей государственной должности Ламину Зеруалю исполнилось 52 года. Новый президент Алжира оставил за собой пост министра национальной обороны, чтобы сохранить контроль над ар-

мией и не допустить ее развала путем усиления своих позиций на армейском уровне.

Выступая на церемонии принятия присяги, Л.Зеруаль отметил, что его назначение на высший государственный пост «происходил в соответствии с требованиями широких слоев алжирского общества, желающих мира, стабильности и спокойствия»¹¹.

Срок полномочий нового президента был определен в три года (столько времени Конференция национального согласия предоставила на переходный период). За это время предполагалось создать условия для проведения всеобщих выборов в стране, где продолжалось вооруженное противостояние между властями и религиозными экстремистами.

Сразу же после назначения на высший государственный пост Л.Зеруаль провозгласил линию на «решительный разрыв с негативной практикой прошлых лет» (коррупция, неэффективная деятельность государственного аппарата, массовая безработица, дороговизна и др.) в сочетании с усилиями по налаживанию общенационального диалога.

За три года Л.Зеруаль был намерен создать «новую национальную систему», которая установила бы «настоящую демократию, гарантировала индивидуальные и коллективные свободы и положила бы конец политической, экономической, культурной и идеологической монополии, сформировавшейся при однопартийном режиме Фронта национального освобождения».

На посту президента (в переходный период) генерал Л.Зеруаль имел фактически те же полномочия, что и его предшественники – Ш.Бенджедид, а также председатель ВГС Мохаммед Будиаф (убит 29 июня 1992 г.) и Али Кафи.

Особенности правового статуса президента на этапе переходного периода были определены в Платформе национального согласия, принятой на той же Конференции, и ставшей по существу временной конституцией Алжира.

В качестве главы государства президент обладал целым рядом представительских полномочий: правом обращения с посланиями к нации, назначения на высшие военные и гражданские должности, назначения и отзыва послов Алжира за границей, приема верительных и отзывных грамот иностранных дипломатических представителей и др. Президент не возглавлял правительство, но в то же время обладал значительными полномочиями в сфере исполнительной власти: назначения главы правительства и принятия решения о прекращении его полномочий; он мог участвовать в деятельности правительства председательствуя на его заседаниях (статья 13 Платформы). Кроме того, согласно конституции, президент является верховным главнокомандующим и отвечает за национальную оборону и безопасность государства; он возглавляет Высший совет безопасности – консультативный орган, определяющий государственную политику в области обороны¹², обладает правом объявления чрезвычайного положения (ст. 15 и 16 Платформы), в период которого

«может принимать любые меры, необходимые для восстановления положения». Президенту было также предоставлено право принимать «чрезвычайные меры, необходимые для защиты нации и институтов республики».

Конституция наделяла главу государства целым рядом полномочий, связанных с процессом нормотворчества: обнародование законов, правом отлагательного вето и др. Более того, на этапе переходного периода, когда в государственном механизме отсутствует избираемый населением законодательный орган, среди нормотворческих полномочий президента в Платформе национального согласия были названы следующие: подписание президентских декретов, вынесение наиболее важных для государства вопросов на референдум; право направления ордонансов на повторное голосование в Национальный переходный совет (призванный на переходный период выполнять функции представительного органа). При этом, при осуществлении своих полномочий президент не мог быть привлечен к политической, уголовной или гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, опираясь на довольно широкие права и полномочия, данные президенту Основным законом, Ламин Зеруаль начал нелегкий путь реального диалога с основными политическими силами страны.

Следует отметить, что избрание президентом не привело к заметным изменениям в личной жизни Л.Зеруаля. Его семья (жена и трое детей) продолжали занимать небольшую виллу в одном из не самых престижных районов Алжира.

У нового президента был достаточно ограниченный арсенал средств, чтобы выправить внутривнутриполитическое положение. Исходя из реально сложившейся ситуации, Ламин Зеруаль в отношении исламистов из всех возможных вариантов выбрал тактику компромисса. После долгой и упорной подготовительной работы в Риме в феврале 1995 г. был подписан документ, т.н. «Политическая платформа» о сотрудничестве и общем направлении политики между основными политическими партиями Алжира, в т.ч. и Исламским фронтом спасения, от которого в знак протеста откололось его вооруженное крыло – Исламская армия спасения, не намеренная отказываться от вооруженной борьбы с властями. Л.Зеруаль со своей стороны освободил в 1994 г. из заключения основных исламских лидеров, а в мае 1995 г. издал серию законов о помиловании многих исламистов и приостановлении в отношении других смертной казни. Такая позиция Л.Зеруаля сразу вызвала негативное отношение со стороны различных политических сил. Представители демократических кругов (Партия социалистического авангарда, Объединение за культуру и демократию, Фронт социалистических сил и др.) резко выступили против «заигрывания» властей с фундаменталистами, обвинив руководство страны в намерении разделить власть с исламистами. Однако вскоре стало ясно, что лидеры ИФС ведут двойную игру, сочетая диалог с властями с прямым поощрением террористической деятельности. В этих условиях продолже-

ние контактов с ними стало для Л.Зеруаля невозможным. Рост масштабов террористической деятельности вызвал ответные меры со стороны властей: после коренной реорганизации армейских структур и служб безопасности, по исламским экстремистам наносится серия мощных ударов, в результате которых они, потеряв многих своих боевиков, перешли к тактике «слепого» террора против мирного населения. Перед Л.Зеруалем встала сложнейшая задача: смягчить накал вооруженного противостояния и вывести страну из витка насилия. Но, кроме этого, предстояло решать не менее сложные экономические задачи и, прежде всего, проблему внешней задолженности, достигшей к тому времени 27 млрд. долларов, ежегодные выплаты по которой (9,5 млрд.) съедали практически все валютные поступления от экспорта углеводородов. К этому добавилась необходимость значительных закупок за рубежом продуктов питания и оборудования; а также рост инфляции, достигшей 30%, при уровне безработицы 28%.

Следовало ожидать поэтому, что переходный период будет для Алжира, входящим в него без четких экономических и политических перспектив, очень трудным. Естественно, что на Л.Зеруаля возлагались особые обязанности и многое в этот период должно было зависеть от его действий в социально-экономической сфере но, прежде всего, от успехов поиска формулы национального примирения, поскольку на политической арене противостояли друг другу два не совсем обычных противника, из которых ни один не обладал реальной легитимностью и не являлся выразителем какой-либо универсальной идеи.

Страна встала перед необходимостью радикального пересмотра условий политической жизни общества. При любых обстоятельствах оставался один способ урегулировать спор: предоставить слово гражданам, чтобы дать возможность высказать любые точки зрения (а их гораздо больше, чем можно было предположить, наблюдая за дуэлью между исламистами и армией).

Первые шаги Л.Зеруаля на посту президента были направлены на укрепление собственных позиций в государственном аппарате и на армейском уровне и, прежде всего, на легитимизацию президентской власти. Поэтому уже в конце октября 1994 г. Л.Зеруаль объявил о намерении руководства страны начать подготовку к всеобщим президентским выборам. Началу избирательной кампании предшествовал ряд подготовительных мероприятий. Так, например, существенные дополнения и изменения были внесены в избирательное законодательство (они коснулись как активного, так и пассивного избирательного права). Президентским декретом № 95–269 от 17 сентября 1995 г.¹³ была учреждена независимая национальная комиссия по контролю за президентскими выборами, в состав которой вошли представители различных политических партий и общественных организаций.

Выборы состоялись 16 ноября 1995 г., в результате которых Л.Зеруаль значительно укрепил свои позиции, получив статус всенародно избранного президента. Во время выборов он намного опередил своих

соперников, в том числе и исламистов, набрав более 7 млн. голосов (61% голосов избирателей). Алжирская печать назвала избрание Л.Зеруаля президентом АНДР «победой надежды». А активность населения во время выборов связывалась с тем, что алжирцы поверили генералу и его обещаниям вывести страну из затяжного экономического и политического кризиса.

Сразу после своего официального избрания на высший государственный пост Л.Зеруаль обнародовал поэтапный план политических реформ в стране, направленных, в частности, на создание выборного парламента и проведение выборов в местные органы власти. Эти события должны были предварять политические консультации с партиями и общественными организациями, подписание с ними меморандума, суть которого сводилась к установлению взаимоотношений между основными политическими силами и партиями на основе осуждения терроризма и отказа от насилия для достижения политических целей.

Кроме того, Л.Зеруаль обещал своим избирателям, что новое правительство вернется к решению острых проблем, связанных с социальной защищенностью населения и возвращением к плановому ведению хозяйства. Однако, после его избрания и визита в Алжир директора-распорядителя МВФ М.Камдессю стало ясно, что эти обещания остаются пока на бумаге. Руководству за год не удалось решить проблему жилья (в столице, рассчитанной на 800 тыс. человек, проживает около 3 млн.), проблему занятости (уровень безработицы, по-прежнему, превышал допустимые пределы), проблему выплаты заработной платы. В этом вопросе руководство вынуждено было пойти на крайнюю меру и объявило о т.н. «рабочей солидарности», основу которой составило изъятие части заработной платы у госслужащих в пользу тех, кто оказался на приватизированных предприятиях и в силу этого не получал жалованья в течение 6 месяцев. Этот шаг был предпринят с целью снизить социальную напряженность в обществе. Невыплата зарплаты более чем 200 тыс. рабочих и служащих, занятых в строительстве и других областях, была вызвана тем, что государственная казна не в состоянии была финансировать стремительно разоряющиеся предприятия. Всеобщий союз алжирских трудящихся расценил подобное решение властей как практику «базаризации» экономики и в апреле 1996 г. провел четырехдневную всеобщую забастовку. В ней участвовали практически все рабочие и служащие госсектора, протестовавшие против постоянного повышения цен на продовольственные товары и предметы первой необходимости. Многим уже стали не по карману продукты, составляющие рацион рядового алжирца (почти в 4 раза подорожали картофель, морковь, фасоль, помидоры).

В условиях ухудшения экономической обстановки Л.Зеруаль начал активно искать точки соприкосновения с оппозицией, особенно с исламскими партиями умеренного толка, такими как «Ан-Нахда» и «Хамас», сами предложившие властям осуществить ряд мер, которые, на их взгляд, должны были способствовать достижению национального согласия.

Л.Зеруаль заявил, что хочет, чтобы умеренные исламисты действовали «как эффективная альтернатива ИФС и со временем убедили молодых людей, взявшихся за оружие, в бесполезности из борьбы». Таким образом, президент меняет тактику компромисса с ИФС на тактику сотрудничества с умеренными исламистами при одновременном подавлении экстремистских группировок. При этом генерал проявляет себя сторонником взвешенного политического подхода, умеющим слушать своих оппонентов, несмотря на то, что в этот период Л.Зеруаль пришлось противостоять довольно влиятельной непримиримой группировке в алжирском генералитете, выступающей против любых контактов с исламистами. Эту группировку возглавлял новый начальник Генерального штаба армии – генерал Мохаммед Ламари, которого поддерживали многие командующие военных округов Алжира. Став всенародно избранным президентом, Л.Зеруаль закрепил свою победу и на армейском уровне, заменив своим президентским указом всех командующих военными округами, которые проводили жесткий курс М.Ламари и выступали с критикой политики президента, направленной на союз с умеренными исламистами.

Сам Л.Зеруаль неоднократно лично встречался с руководителями многих партий и организаций, проводил многосторонние консультации, беседовал с видными политическими деятелями. Кроме того, в продолжение политических дискуссий, в марте 1996 г. были созданы специальные комиссии, в которые вошли как представители президентских структур, так и оппозиционных политических партий и общественных организаций.

Результатом постоянных контактов руководства страны с различными политическими силами стала Конференция национального согласия, состоявшаяся 14–15 сентября 1996 г., в работе которой приняли участие представители многих политических партий страны. Несмотря на то, что некоторые партии (Объединение за культуру и демократию, Фронт социалистических сил и др.) конференцию бойкотировали, тем не менее, сам факт созыва такого форума (с участием исламских партий) был большим успехом руководства Алжира и самого Л.Зеруаля. Стало ясно, что большинство населения страны все же поддерживает практические шаги президента, направленные на урегулирование внутривнутриполитического кризиса.

Главным итогом работы Конференции стало принятие Платформы национального согласия, в которой содержалось обязательство ее участников соблюдать нормы плюралистической демократии, уважать Конституцию и законы республики, а также не использовать ислам в политических целях и отвергать насилие как средство политической борьбы. Это соглашение, подписанное представителями многочисленных партий и общественных организаций Алжира, стало тем минимумом консенсуса, на основе которого власти могли продолжить диалог с исламской оппозицией. Итоги конференции продемонстрировали, что алжирским властям удастся привлечь к сотрудничеству все новые политические силы, кроме того, значительно укрепились личные позиции и вырос авторитет президента, который таким образом получил поддержку своим действиям.

Л.Зеруаль внес значительные изменения и в деятельность правящих структур. К управлению государством начала приходить молодая, динамичная команда технократов и представителей офицерского корпуса и нефтегазового сектора экономики страны. Действия властей становились более системными, уверенными и энергичными, а сам президент начал приобретать имидж политического деятеля, умеющего правильно расставить приоритеты в своей политике и способного противостоять любым вызовам, сочетая гибкость и твердость в достижении своих целей.

Консолидировав основные силы страны, Л.Зеруаль взял курс на придание алжирской политике формы, которая представляется демократической, но в то же время гарантировала бы твердый государственный и президентский контроль над социально–политической и экономической жизнью общества и полностью исключала непримиримую исламскую оппозицию из дальнейшего политического процесса,

В меморандуме, опубликованном в мае 1996 г. Л.Зеруаль объявил, что страна готова «к новому политическому старту» и заявил о необходимости внесения изменений в конституцию 1989 г., действие которой было приостановлено в январе 1992 г. и о проведении референдума. На одобрение избирателей были вынесены предложения запретить партиям использовать ислам для достижения своих политических целей и создать вторую палату парламента, часть членов которой должна будет назначаться президентом, а не избираться. Введение системы пропорционального представительства также должно было значительно уменьшить опасность того, что какая–нибудь одна партия сможет контролировать Национальное народное собрание.

В своем выступлении в правительстве Л.Зеруаль отметил, что его решение «проконсультироваться с народом относительно внесения в конституцию 1989г, ряда изменений вписывается в начатый в ноябре 1995 г. глобальный демарш по выводу страны из кризиса, по укреплению демократии и завершению избирательного процесса». «Это решение, – подчеркнул он, – явилось плодом длительного диалога и согласования. С внесением изменений в конституцию алжирский народ закрепит демократические завоевания и определит формы своего представительства в институционных структурах»¹⁴.

28 ноября изменения, внесенные в конституцию 1989 г., были одобрены 84,6% принявшими участие в референдуме алжирцев. По новой конституции были существенно расширены полномочия президента, укреплена исполнительная власть и предусмотрено создание второй, верхней палаты парламента. Значительно расширилась конституционная сфера президентских полномочий. Он получил право роспуска нижней палаты парламента – Национального народного собрания, избираемого путем всеобщего голосования и назначения по своему усмотрению одной трети состава верхней палаты – Национального Совета. Поскольку любой законопроект в парламенте требует одобрения не только нижней палаты, но и 3/4 состава верхней палаты, то президент через назначаемых им депута-

тов может воспрепятствовать принятию любого нежелательного для него закона. Фактически исполнительная власть в лице правительства и судебная власть в лице Верховного суда оказались полностью подконтрольны главе государства. А избранный путем всеобщего голосования президент не может быть досрочно отстранен со своей должности ни избирателями, ни каким-либо государственным органом.

Законодательные полномочия в форме издания президентом законодательных указов могут быть делегированы ему парламентом на период парламентских каникул, перерыва между сессиями, а также в период чрезвычайного или осадного положения, вводимого также президентом (ст. 91, 124). Это делегированное законодательство еще больше усиливает полномочия президента, фактически ставя его над всеми ветвями государственной власти.

Таким образом, новая конституция Алжира по существу закрепила так называемую суперпрезидентскую форму республики, т.е. практически неограниченную и фактически неконтролируемую другими государственными органами власть главы государства – президента.

Следующим шагом главы государства после принятия новой конституции стала подготовка к выборам в первый в истории независимого Алжира двухпалатный парламент на многопартийной основе. Она проходила в условиях непрекращающегося противоборства властей и вооруженных исламских групп.

В начале 1997 г. исламские экстремисты активизировали свою деятельность и провели целую серию террористических актов в густонаселенных кварталах городов. К этому времени армия исламистов уже была разобщена серьезными внутренними противоречиями и не могла вести планомерные боевые действия против правительственных сил. Поэтому все боевые операции интегристов стали сводиться к террору, грубому разбою и насилию против мирного населения. Радикальные исламисты преследовали, прежде всего цель, через нагнетание атмосферы страха сузить базу поддержки режима Л.Зеруаль, и сорвать наметившуюся в результате президентских выборов и референдума по изменению конституции тенденцию к общенациональному согласию и нормализации внутриполитической обстановки в стране.

Несмотря на активизацию террористов, Л.Зеруаль сохранил достаточно прочные позиции и продолжил свой курс на выполнение антикризисной программы. Власти взяли под свой усиленный контроль крупные населенные пункты, основные коммуникации, газо- и нефтепромыслы, объекты международного сотрудничества и др. Кроме того, к борьбе с террористами были привлечены отряды местной самообороны (около 200 тыс. человек), а также на 300 млн. долл. увеличились военные расходы (с 1427 млн. долл. в 1995г, до 1764 млн. долл. в 1996 г.)¹⁵. Эти средства пошли, главным образом, на обновление части вооружений и оснащение служб безопасности современными средствами поиска, а также увеличение окладов некоторым категориям военного персонала. (По объему во-

енных расходов Алжир в настоящее время занимает второе место в Магрибе после Ливии).

Важным этапом на пути осуществления программы вывода Алжира из кризиса стали парламентские выборы, состоявшиеся 5 июня 1997 г. Накануне выборов, в феврале 1997 г. функционеры различных общественно–политических проправительственных организаций основали новую политическую партию – Национально–демократическое объединение (НДО). Партию возглавил А.Бенсалах, бывший руководитель Национального переходного совета, созданного в Алжире на период 1994–1997 гг. НДО было сформировано с целью завоевания парламентского большинства и противостояния депутатам исламских партий, и с момента образования заявило о себе как демократическая «пропрезидентская» партия, отстаивающая национальные интересы и поддерживающая линию президента Л.Зеруаля на реформирование экономической и политической системы страны.

Предвыборная платформа Объединения практически без изменений воспроизводила позицию главы государства, провозгласившего своей целью «служение высшим интересам нации», восстановление мира и стабильности в стране, постепенную приватизацию предприятий государственного сектора, реализацию программ оказания помощи наименее обеспеченным слоям алжирского общества.

Основная борьба на выборах в нижнюю палату парламента – Национальное народное собрание – развернулась между «партией власти» и исламской (демократической) оппозицией, представленной партиями умеренного толка Движением общества за мир (ДОМ) и «Ан–Нахда». По результатам выборов больше всего голосов (33,7%) набрала «партия власти» (НДО) и завоевала 155 мест в парламенте. Второе место заняло умеренное исламское движение ДОМ; третье – бывший правящий Фронт национального освобождения (ФНО). Всего, из примерно 60 существующих в Алжире партий, по пропорциональной системе смогли пройти в парламент только 10.

Таким образом, выявилась тенденция властей на создание подконтрольной многопартийной системы, в которой ведущее место отведено президентской партии, вокруг которой должны консолидироваться политические силы общества и население страны¹⁶. Результаты голосования в алжирский парламент позволили сформировать новое правительство поддерживающими линию президента Л.Зеруаля партиями и, следовательно, дали возможность руководству страны продолжить курс на стабилизацию внутривнутриполитической обстановки и проведение экономических реформ, без которых невозможно лишить религиозных экстремистов из социальной базы в лице наименее обеспеченных слоев населения. А концепция «демократического выбора Алжира», выдвинутая Л.Зеруалем, становилась гарантией дальнейшего укрепления ведущей роли партии власти и инструментом для контроля за политической сферой.

23 октября 1997 г. в Алжире прошли выборы в местные органы власти, которые стали заключительным этапом переходного процесса, в ходе которого в стране обновились все структуры государственной власти. По их итогам были созданы представительные органы власти на местах, где большинство мест также заняла партия Л.Зеруаля: она добилась 7442 места из 13123 в Национальных собраниях коммун и 986 мест из 1880 в Национальных собраниях вилай (провинций).

Таким образом, за три года переходного периода (1994–1997) Л.Зеруаль удалось решить важнейшие задачи политико–государственного устройства: полностью реформировать структуру государственной власти; значительно укрепить свои позиции за счет создания «пропрезидентской» партии, проведения референдума и всеобщих выборов, а главное – найти консенсус с исламской оппозицией и берберскими партиями, которые вошли в новый парламент и сформированное правительство и активно поддерживали линию Л.Зеруаля на проведение дальнейших реформ в экономике и политике.

Политика Л.Зеруаля получает позитивную оценку в самом Алжире. В обществе крепнут настроения в пользу стабилизации положения и прекращения насилия. Террор фундаменталистов приводит к укреплению антиисламских настроений на «бытовом уровне». Об этом свидетельствует постепенное уменьшение числа лиц, голосующих за исламистов. Если на первых выборах в местные органы власти и на парламентских выборах 1991 г. их поддержали почти 3,5 млн. алжирцев, то на парламентских выборах в июне 1997 г. – только 2,5 млн., а на выборах в местные органы власти 23 октября – уже менее 2 млн.

В целях оздоровления экономики правительство Алжира приняло новый 3–летний план развития экономики, согласно которому прирост ВВП в 1998–2000 гг. должен составить 7% в год, а число новых рабочих мест – 1,2 млн. В документе намечается продолжение экономических реформ с учетом рекомендаций МВФ. Особое внимание в плане уделяется следующим направлениям и секторам:

- 1) прежде всего – это продолжение политики приватизации и поощрение иностранных инвестиций. Еще в конце августа 1997 г. премьер–министр А.Уяхья подписал три указа, предусматривающих особые налоговые льготы для инвестиций в отдельных районах страны, сближение методов управления государственными и частными предприятиями. Правительство наметило рост доходов от нефтяного экспорта с 800 млн. долл. в 1997 г. до 2 млрд. в 2000г;

- 2) дальнейшее развитие нефтеперерабатывающей промышленности с участием иностранного капитала в работе нефтеперерабатывающих заводов и нефтехимических предприятий;

- 3) жилищное строительство. К 2000 г. намечается построить 800 тыс. домов (в последнее время строилось только 150 тыс. в год). Предусматривается использование новых форм финансирования такого строитель-

ства и более широкое участие частного сектора как в проектировании, так и в сооружении жилых объектов;

4) проведение финансовых реформ; создание новых финансовых компаний путем слияния с государственными банками и страховыми компаниями и открытие их для частных инвестиций;

5) развитие водного хозяйства, где намечается улучшение системы водоснабжения и увеличение расценки на воду, а также строительство 29 новых плотин.

Таким образом, в новом плане экономического развития большое внимание уделяется частному сектору, что подтверждает стремление президента продолжить курс на проведение рыночных реформ, приватизацию и либерализацию экономических структур.

Тем не менее, экономическое положение в Алжире продолжает оставаться довольно сложным. С одной стороны, сохранение высоких мировых цен на нефть и газ, а также привлечение западных инвестиций в нефтегазовую отрасль позволили Алжиру в сфере финансов выйти из тупика (валютные резервы впервые со времени независимости превысили 5 млрд. долл.). В 1997 г. были возобновлены гарантии экспортных операций с АНДР со стороны Франции, отложен вопрос об очередном резешелонировании алжирской задолженности (32 млрд. долл.). Но, в то же время, положение в других сферах экономики продолжает оставаться сложным (промышленные предприятия загружены на 50%); уровень безработицы по-прежнему составляет 28%.

В последнее время, после периода некоторой изоляции, значительно активизировалась внешняя политика Алжира, решающая две основные задачи: привлечение зарубежных партнеров к широкомасштабному сотрудничеству с Алжиром и мобилизация мирового сообщества в поддержку борьбы с непримиримой исламской оппозицией. Прежде всего, в русле стратегического выбора на интеграцию в евро-средиземноморское пространство Алжир стремится форсировать движение к партнерству с Евро-союзом.

В политике ЕС в последнее время также наметился серьезный поворот на сторону развития отношений с Алжиром. Свидетельством тому стали итоги заседания совета министров иностранных дел ЕС, состоявшегося 29–30 января 1996 г. в Брюсселе. На нем, в частности, было принято решение о начале серии переговоров с алжирским руководством с целью заключения соглашения о партнерстве с ЕС по типу документов, уже подписанных с Марокко и Тунисом. Таким образом, западные страны берут курс на восстановление контактов с Алжиром на высоком уровне: сказывается заинтересованность в близких к Европе нефтегазовых месторождениях АНДР, в том числе, с учетом объявленного президентом Л.Зеруалем курса на приватизацию в стране. Из крупных западноевропейских стран только Великобритания воздерживается пока от придания связям с Алжиром политического импульса.

Усиливаются взаимоотношения Алжира и с США. Так, прямые американские инвестиции в алжирскую экономику увеличились со 135 млн. долл. в 1994 г. до 600 млн. долл. в 1996 г. Кроме того американский импорт из Алжира увеличился с 1089,5 млн. долл. в 1996 г. до 1455,4 млн. долл. в 1997 г.¹⁷ Немаловажное значение имеет и тот факт, что четвертая часть частного долга Алжира (около 1,2 млрд. долл.) приходится на американские банки. Деловые круги США продолжают играть важную роль в стимулировании экономических реформ Алжира. Всего с 1992 г. США инвестировали в алжирскую экономику более 4 млрд. долл., причем вся эта сумма была вложена только в нефтедобывающую отрасль.

Между Францией и Алжиром, начиная с 1992 г. наблюдалась напряженность в отношениях, связанная с деятельностью террористических исламских групп в Алжире, а также ответными дискриминационными мерами, принятыми французскими властями в отношении алжирских граждан, судоходных и авиационных компаний, отменой встречи президентов двух стран во время празднования 50-летия ООН и другими моментами. Однако, всенародное избрание Л.Зеруаля президентом, а также явное возрастание интереса к Алжиру со стороны европейских государств и США, заставили французское руководство искать новые пути налаживания связей с этой страной, рассматривая кризис в отношениях с Алжиром как временный. И это было подтверждено уже в декабре 1995 г., когда состоялся визит в Алжир специального представителя главы французского государства, председателя Национального Собрания Франции Ф.Сегена. По заявлению Ф.Сегена, «Алжир и Франция должны вести диалог, прислушиваться друг к другу и взаимодействовать». Одновременно была подчеркнута необходимость «сглаживания или преодоления недоразумений» в отношениях между двумя государствами¹⁸.

Таким образом, взятый президентом Алжира твердый курс на достижение национального согласия, вывод страны из кризиса и искоренение терроризма, а также продолжение модернизации страны путем либерализации ее экономики, медленно, но верно внушает уверенность Западу в способности алжирского руководства управлять ситуацией в стране и стремлении не допустить распространения исламского фундаментализма вблизи южных границ Европы.

Сохраняя приоритетное направление на сотрудничество с Западом, Алжир в то же время заинтересован в восстановлении связей со своими «традиционными» партнерами и, прежде всего, с Россией, что связано с соображениями прагматического характера, в частности, со стремлением уменьшить зависимость от опеки Запада. Россия, в свою очередь, также имеет в Алжире свои экономические и политические интересы (в частности, необходимость возвращения алжирского долга, составляющего 3 млрд. долларов), поэтому после довольно длительного перерыва в отношениях, связи России и Алжира начали активизироваться.

В период с 26 по 30 марта 1998 г. Алжир посетила официальная делегация Государственной Думы РФ во главе с заместителем председате-

ля Михаилом Гучериевым. В Алжире визиту российских парламентариев, явившемуся за последние 8 лет первым визитом российской делегации на таком уровне, уделялся подчеркнуто повышенный интерес и внимание. Во время пребывания в АНДР российская парламентская делегация провела переговоры со спикером Национального народного собрания (нижняя палата парламента) Абделькадером Бенсалахом, председателем Национального Совета (верхняя палата) Баширом Бумазой, а также встретилась с министром иностранных дел АНДР Ахмедом Аттафом, премьер-министром Ахмедом Уяхьей и группой ведущих алжирских предпринимателей. На повестку дня прежде всего был поставлен вопрос о развитии российско–алжирского сотрудничества и достигнута договоренность о визите в Алжир группы российских бизнесменов, который состоялся в мае 1998 г. В ходе визита участники переговоров отмечали, что в условиях перехода к рыночной экономике приезд российской делегации был крайне своевременным и позволил восполнить тот вакуум двустороннего сотрудничества, который имел место за последние годы во взаимоотношениях между Алжиром и Россией. При этом российские и алжирские парламентарии единодушно отмечали свое обоюдное стремление полнее использовать рычаги законодательной власти для активного содействия в деле восстановления былых объемов российско–алжирского сотрудничества в политической, торгово–экономической, культурной, научной и военно–технической областях. По оценкам местных политических наблюдателей визит официальной делегации Государственной Думы придал весомый импульс дальнейшему развитию взаимовыгодного сотрудничества двух стран.

Постепенно увеличивается роль Алжира и в международных организациях, таких как ЛАГ, ОАЕ, а также в региональной североафриканской организации – Союзе арабского Магриба (САМ). (В марте 1994 г. Л.Зеруаль занял пост председателя САМ). При этом Алжир целенаправленно стремится выделить важность вопроса укрепления Союза в экономическом отношении, считая чисто политический подход к «магрибинскому строительству» достаточно ограниченным.

Таким образом, дальнейшее развитие событий в стране, с учетом предоставленных Л.Зеруалю новой конституцией довольно широких прав и полномочий, в большей степени будет зависеть, конечно, от субъективного фактора: президента и ближайшего президентского окружения, что делает его довольно значительной фигурой в регионе. Время покажет их способность стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию и вывести страну из кризиса. Ясно, что от успеха политики Л.Зеруаля, без преувеличения, будет зависеть не только будущее Алжира, но и всего североафриканского региона, а значит, и арабского мира в целом.

¹ *Algerie 19 juin 1965, Alger, 1965, с. 34.*

² АНДР. Конституция и законодательные акты, М., 1993 г.

³ Francos A., Sereni J., *Un algerien homme Boumedienne, P., 1976, с. 76.*

⁴ Journal officiel de la RADP, 08.12.1996.

⁵ El-Moudjahid, Alger, 05.02.94.

⁶ правый, верный присяге.

⁷ R.Tourneau, Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane. P., 1962 с. 440.

⁸ Известия, 24.10.1988.

⁹ Аш-шааб, Алжир 12.08.1991.

¹⁰ Constitution algerienne (regle de la democratie), Magreb, Editions internationales, 1989 art. 24.

¹¹ El-Moudjahid, 05.02.94.

¹² Алжир (справочник), М., 1997 г., с. 135.

¹³ Journal officiel de la RADP, № 72, 1995.

¹⁴ Journal officiel, 21.05.96.

¹⁵ БИКИ № 139, 20.11.97 г.

¹⁶ Следует отметить, что подобная схема политического устройства с успехом была апробирована в Тунисе, где безраздельно господствует правящая партия – Демократическое конституционное объединение (ДКО). После прихода к власти президент Туниса Зин аль-Абидин бен Али расширил рамки деятельности ДКО, заставив все оппозиционные партии и крупные Общественные организации подписать т.н. «Национальную хартию», которая зафиксировала «социальный мир» и определила «правила мирной политической борьбы при полном отказе от насилия и религиозного экстремизма». Затем, на основе этого документа были приняты законы о выборах и формировании государственных органов власти и органов местного самоуправления, которые в настоящее время практически всецело контролируются партией ДКО.

¹⁷ БИКИ № 2 (7737), 08.01.98 г.

¹⁸ Вестник, ИТАР-ТАСС, 20.12.95 г., сс. 270, 277, 281, 285, 286, 297.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ИРАКА, ИРАНА И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

Уважаемые коллеги, дамы и господа,

Описать в деталях все аспекты современной ближневосточной политики России в одном выступлении практически невозможно и сегодня я хотел бы привлечь Ваше внимание лишь к тем из них, которые представляются мне ключевыми.

Любопытно и симптоматично то, что до сих пор оценка западными экспертами, политиками и средствами массовой информации действий России на Ближнем Востоке во многом основана на представлениях и аргументах времен «холодной войны». Россия при этом рассматривается как агрессивная мировая империя, враждебная Европе и Западу в целом, которая жаждет реванша за поражение в противостоянии двух мировых идеологических систем. При этом как-то забывается тот несомненный факт, что внешнеполитический курс России определяют сегодня не Политбюро ЦК КПСС или Императорский Тайный Совет, а насущные экономические и политические интересы страны. Взгляды же российского истеблишмента на то, каковы эти интересы, по целому ряду причин отличаются от западного подхода, в котором сегодня, как представляется, доминирует американская точка зрения.

Основные отличия российского подхода от западного состоят не в том, хороши или плохи с точки зрения теории общей морали те или иные режимы региона и не в желании защитить любой ценой прежних союзников, но в оценке направления и скорости эволюции ближневосточных режимов, реальной их роли в практической региональной политике. Россия испытывает большие сомнения в эффективности различного рода «санкций», как способа давления на них и считает, что «инструментарий» влияния на события в регионе должен быть намного разнообразнее, чем предлагаемый сегодня Западом. Существенно отличается также российский подход к исламу. В сфере же экономики оценки базируются на законах свободного рынка. В большой мере сказывается на российской точке зрения также понимание того, что автоматическое следование некоему теоретическому «общемировому» курсу, не учитывающему российские инте-

* Доклад, прочитанный на 529-ой Конференции в Уилтон Парке, Великобритания, 1–5 июня 1998 г. «Политика России в области международной политики и безопасности»

ресы, слишком дорого обходится стране. Недаром существует консенсус национальной элиты России в оценке внешнеполитических действий руководства страны в эпоху Горбачева и первые годы после нее как идеалистического дилетантизма, а ее итогов как катастрофы.

Характерным показателем является ситуация вокруг российско–иранских отношений. Для США Иран – идеологический противник, в противостоянии с которым самое могущественное государство современного мира не может похвастаться сколь бы то ни было значительными достижениями, центр экспорта исламской революции и т.д. Для России Иран – сосед, отношения с которым не менее важны для нашей страны, чем отношения с Мексикой для Соединенных Штатов. При этом – хороший сосед, несмотря на всю риторику религиозных руководителей Ирана против СССР и его преемников, как «малого Сатаны». Иран по оценкам российских экспертов не играет в Закавказье или исламских регионах России дестабилизирующей роли, более того, выступает в качестве одного из гарантов спокойствия в регионе. Это чрезвычайно важно для России с ее «прозрачными» на юге границами, северокавказским сепаратизмом и большой долей коренного исламского населения.

Исламский фундаментализм и экстремизм, включая посылку террористов–боевиков, в России на практике насаждается не Ираном, а рядом арабских монархий, в т.ч. союзников США, по отношению к которым не возникает и вопроса о возможности введения международных санкций. Разумеется, для России неприемлема практика двойного стандарта – ограничений против де–факто дружественного государства при одновременном игнорировании враждебных действий с территории других стран региона. Это тем более актуально, что события в Чечне и особенно недавний взрыв исламского фундаментализма ваххабитского толка в Дагестане наводят на аналогии с блестяще описанной когда–то Редьярдом Кипплингом «большой игрой» (при смене места действия и некотором изменении в составе игроков...).

Сворачивание или ограничение проектов экономического сотрудничества России с Ираном, включая область ядерной энергетики, по оценке российских экспертов приведет лишь к тому, что соответствующие сектора иранского рынка будут заняты западными компаниями. Это тем более чувствительно для России, что ряд проектов российско–иранского сотрудничества представляет собой спасательный круг для находящихся на грани банкротства крупных российских заводов, за счет которых существуют целые города. Ни один российский политик не может сознательно пойти на разорение нескольких миллионов избирателей в преддверии президентских выборов 2000–го года. Внешнее давление на Россию в этом вопросе бесполезно и лишь заставляет подозревать, что под его прикрытием скрывается лоббирование интересов собственных компаний за счет российских конкурентов.

Аргументы, призывающие сократить обучение иранских студентов в русских университетах для того, чтобы не допустить утечки военных сек-

ретов, встречаются с недоумением: в 1995 г. из 20.500 иранцев, учившихся за рубежом, 10.500 учились в США, в России же их было считанное число. Следует отметить также, что в отличие от советских времен Израиль, который сегодня рассматривается как главная потенциальная жертва развития ракетной программы Ирана, не является для России враждебным государством. Напротив, в его безопасности заинтересованы самые разнообразные и весьма влиятельные представители российского истеблишмента, от политических лидеров и крупнейших бизнесменов до иерархов Русской Православной Церкви, тем более, что в Израиле живут сотни тысяч человек, являющихся гражданами России.

Как представляется, иранский исламский режим переживает критический момент своей истории и с равным успехом может как выйти на новый виток ортодоксии, так и, пройдя за два последних десятилетия революционную фазу (как и СССР за полвека до того), превратиться в современное развитое государство. Хрупкое равновесие между сторонниками модернизации, поддерживающими Хатами и Рафсанджани и ортодоксами, возглавляемыми Натек Нури и Хаменеи, может быть легко нарушено близорукими грубыми внешними действиями, не учитывающими эволюционного потенциала страны. Нажим на Иран, не оправданный ни вследствие политических прогнозов, ни с точки зрения экономической целесообразности, не оправдан для России тем более, что в ее интересах всемерно поддерживать инициативу президента Хатами, не только на деле взявшегося реформировать собственную страну, но и протянувшего руку мировому обществу, в т.ч. США.

Популярные сегодня ссылки на исконную агрессивность ислама как мировой религии и опасность основанных на нем режимов для мирового сообщества априори, по отношению к Ирану не кажутся актуальными. Невольно напрашивается сравнение отношения руководства Соединенных Штатов к этой стране и к исламским монархиям арабского мира, не говоря уже об ультраортодоксальном исламском режиме, насаждаемом талибами в Афганистане, по сравнению с практикой которого идеи аятоллы Хомейни кажутся верхом религиозного либерализма и толерантности.

Позиция России в отношении Ирака базируется на анализе результатов «Войны в Заливе» и антииракских санкций последних лет. Армия Саддама Хусейна в ходе операции «Буря в пустыне» была разгромлена, но это не изменило характер багдадского режима, не ослабило его позиций внутри страны и не упрочило безопасность Израиля, который впервые за всю свою историю подвергся ракетным атакам, не ответив на них. Судя по гонке вооружений, которая развернулась в Заливе, это же относится и к безопасности Кувейта и других соседей Ирака, а террористические акты против американских военных в Саудовской Аравии ставят под сомнение долговечность и прочность антииракского союза. Повторение на Ближнем Востоке американского сценария окончания Второй мировой войны (включая «план Маршалла») могло бы разрешить все вопросы, однако потребовало бы нескольких десятилетий, больших человеческих жертв и ги-

гантских затрат при не до конца ясном результате. В момент оккупации Ираком Кувейта, когда это было возможно при практически полном консенсусе мирового сообщества, это не было сделано. Сегодня такого консенсуса нет. Силловые действия против Ирака в этой ситуации расцениваются многими в регионе и вне его как неоправданные и вызывают резкую реакцию в арабском мире, подпитывая и без того сильный в регионе антиамериканизм. В итоге Запад обвиняется в возрождении колониальной практики, а популярность Саддама Хусейна в арабском мире растет.

Эффективность санкций и эмбарго как средства наказания противников, в т.ч. потенциальных или реальных агрессоров, для России также под большим вопросом. В исторической ретроспективе именно континентальная блокада Великобритании, став «идеей фикс» для Наполеона, похоронила его империю. Известно, насколько «успешной» была блокада Запада по отношению к Советской России в начале нашего столетия. Сегодняшняя блокада Ирака (как впрочем Ливии и Ирана) стала своего рода «идеей фикс» США. Поддержание ее обходится дорого и приводит только к массовому обнищанию местного населения, которое, окончательно убедившись, кто его настоящий враг, теснее сплочивается вокруг того самого национального лидера, против которого, по идее, направлены санкции. Масштабная контрабанда через сухопутные границы позволяет не только поддерживать жизнеспособность и обороноспособность режима, но даже реконструировать и модернизировать ключевые объекты экономики. В итоге де-факто антииракские санкции сплотили вокруг Саддама Хусейна иракцев, создали новую опору режима – слой малообразованных, разбогатевших на контрабанде бюрократов среднего уровня, неспособных существовать в условиях свободного рынка, заставили иракскую экономику развиваться самостоятельно, без опоры на бездонные ресурсы нефтеэкспорта и фактически законсервировали внутривнутриполитическую ситуацию в Ираке.

В условиях, когда половинчатые силловые действия и экономические санкции против Ирака не приводят ни к чему, кроме поддержания имиджа иракского лидера, как общеарабского героя, элементарная логика заставляет Россию искать (и, как показали действия российских дипломатов и руководства ООН в ходе недавнего кризиса – находить) другие пути разрешения иракского вопроса. Того же требует и заинтересованность России в возврате многомиллиардных иракских долгов.

Отношения России с другими странами арабского мира в большой мере построены сегодня на экономической основе. Возврат отечественных производителей на Ближний Восток является главным приоритетом сегодняшней политики России в этом регионе. Немалую роль играет и задача возврата России долгов арабских стран.

Турция, как и Иран, относится к числу непосредственных соседей России. Мномомиллиардный ежегодный объем торговли и туризма сближает интересы двух государств и способствует разрешению существую-

щих между ними объективных противоречий в области судоходства или нефтяного транзита.

Наконец, как уже было сказано, Израиль, по отношению к которому СССР занимал бескомпромиссно враждебную позицию, потерял в России «облик врага» и стал зоной жизненных интересов влиятельных кругов российского истеблишмента. Приоритетными направлениями для российской дипломатии сегодня служат как развитие отношений собственно с Государством Израиль, так и нормализация ситуации вокруг Палестинской Национальной Автономии, отношения которой с Государством Израиль во многом не урегулированы, а в перспективе и отношений Израиля с теми арабскими государствами, где традиционно велико влияние России.

В итоге хотелось бы отметить, что стратегически современная ближневосточная политика России отличается от политики стран Запада разве что большей осторожностью и деликатностью, в т.ч. по отношению к исламу как главной религии региона. В отличие от конца 80-х – начала 90-х г.г., Россия гораздо прагматичнее подходит к оценке собственных интересов в регионе и максимально взвешенно относится к целесообразности тех или других внешних действий там и возможности собственного присоединения к ним. На этом базируется, в частности, глубокий сегодняшний скепсис России по отношению к силовым акциям, санкциям и эмбарго как инструменту влияния на ближневосточные режимы. Кроме того, в условиях прекращения борьбы двух сверхдержав, двух мировых идеологических систем, одним из полигонов которой был Ближний Восток, геополитическое положение России объективно заставляет ее более чем кого бы то ни было быть заинтересованной в поддержании в регионе политической и экономической стабильности.

Я вполне отдаю себе отчет, дамы и господа, насколько опыт мировой истории, в т.ч. последнего столетия, противоречит нарисованному образу России–миротворца, России – стабилизирующего фактора Ближнего Востока. Сегодня, однако, это так. Крушение мировых империй, подобных СССР – нечастое событие на памяти нашего поколения, крушение их мирным путем – еще более редкое. В какой мере сегодня мировое сообщество способно преодолеть вековые стереотипы в отношении новой России и ее внешней политики, оценить, понять и учесть ее насущные интересы и скоординировать собственные действия с учетом их – вопрос будущего. Хотелось бы надеяться, что ближайшего, тем более, что это, как кажется, в интересах далеко не только одной России.

ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ КРИЗИСА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ

Кризис в Персидском заливе, вызванный вторжением вооруженных сил Ирака в Кувейт 2 августа 1990 года, поставил перед мировым сообществом ряд сложных вопросов, которые еще предстоит прояснить в целях совершенствования мер, направленных на сохранение мира и международной безопасности.

Хотя само выражение «кризис в зоне Залива» предполагает, что этот кризис носил локальный или региональный характер, в действительности он с самого начала приобрел черты серьезного события, как в арабском, так и международном масштабе. В современных условиях, когда интересы всех государств мира взаимосвязаны и взаимозависимы, любой конфликт, в том числе региональный, неизбежно создает международную напряженность, обостряясь, приводит к угрозе миру и безопасности (это было, в частности, подтверждено на проходившей в мае 1990 года в Болонье Международной конференции, посвященной региональным конфликтам)*.

Подобное влияние региональных конфликтов на обстановку в мире в целом, очевидно, объясняется даже не столько тем, что они затрагивают интересы государств непосредственно (например, наносят экономический ущерб), сколько наносят удар по международной законности, в поддержке которой заинтересовано мировое сообщество.

Действия Ирака в отношении Кувейта не только создали опаснейший источник международной напряженности, но и лишний раз высветили потенциальную угрозу всеобщему миру и безопасности, которая таится в региональных конфликтах. Ситуация была усугублена большим международным значением региона Залива, обусловленным не только огромными запасами нефти, но и его стратегическим положением.

Ирак вызывающим образом нарушил Устав ООН, фундаментальные принципы международного права, общепринятые нормы и стандарты цивилизованного поведения. В арабском контексте иракская агрессия находилась в глубоком противоречии с ценностями ислама и принципами добрососедства, она была совершена арабским исламским государством против соседнего братского государства, проводившего в отношении напавшего на него соседа внешнюю политику, которую можно считать образцом добрососедских отношений.

* США. Экономика, политика, идеология. 1990, № 11. С. 31–45.

Действия Ирака наполнили сердца многих арабов горечью от сознания того, что брат нанес брату коварный, предательский удар ножом в спину*.

У этой акции есть и другое измерение. Она представляла собой удар по всем обретениям человечества последнего времени, террористический акт против нарождающегося нового мирового порядка. Произошла полная аннексия одного государства – члена ООН другим государством, тоже членом этой организации. Серьезные отличия в соотношении сил не предполагали продолжительной войны, в этом случае речь шла даже не о вооруженном конфликте (в его обычном понимании): Ирак объявил миру о прекращении существования независимого Кувейта как о свершившемся факте, что явилось прямым вызовом новым международным идеям. Кроме того, иракские действия в ходе кризиса нанесли значительный ущерб экономике и экологии региона**.

Вот почему своевременный и решительный ответ на вызов со стороны Ирака стал делом долга, задачей первостепенной важности для всего мирового сообщества. Э.А.Шеварднадзе, занимавшему во время кризиса пост министра иностранных дел СССР, принадлежат слова: «Если мы не найдем... ответа и не справимся с ситуацией, то цивилизация окажется отброшенной на полвека назад»***.

* * *

Несомненно, наиболее значимой областью деятельности ООН (это нашло закрепление в Уставе организации) является поддержание международного мира и безопасности, а эффективность усилий ООН именно в этой области позволяет реалистично, с достаточной мерой объективности оценивать ее эффективность в целом. Кризис в Заливе может послужить новым отправным пунктом для подобных оценок, имеющих общую цель – глубже понять роль ООН в происходящих на международной арене событиях и способствовать оптимальному развитию этой организации в будущем.

«Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры...» (пункт 1 статьи 1 Устава ООН) – важнейшая задача ООН, на решение которой направлены прямо или косвенно остальные положения Устава. В этом основополагающем международно-правовом документе закреплена общедемократическая концепция мира. Эта концепция «имеет не созерцательный, а активный характер, она не ограничивается запрещением нарушать мир, но предполагает активные действия в целях предотвращения нарушений мира, а в

* Его королевское высочество принц Халед ибн Султан. Воин пустыни. М., 1996. с. 21.

** В. Исаев. Цена агрессии. Азия и Африка сегодня. 1991. № 6, с. 7–8.

*** Выступление Э.А.Шеварднадзе на пленарном заседании 45-ой сессии Генеральной ассамблеи ООН (25 сентября 1990 года). Вестник МИД СССР. 20 (78), 31 октября 1990. с. 8.

случае нарушения мира – действия в целях прекращения таких нарушений...»*

Анализ Устава ООН позволяет сделать вывод, что наибольшими возможностями в сфере поддержания мира и безопасности обладает Совет Безопасности, которому принадлежат в этой сфере исключительно большие полномочия. Статья 24 Устава устанавливает, что «для обеспечения быстрых и эффективных действия Организации Объединенных Наций ее Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности», а специфические полномочия Совета Безопасности, перечисленные в главе VII Устава, характеризуют его в качестве центрального органа, главного элемента всей системы коллективной безопасности ООН. С самого начала Совет Безопасности мыслился как действенный механизм по пресечению агрессии и восстановлению международного правопорядка. Однако он долгое время не мог полностью реализовать свой потенциал.

Едва ли можно сказать, что при урегулировании кризиса в Персидском заливе этот потенциал был реализован полностью, но не вызывает сомнения и тот факт, что в данной ситуации был сделан значительный шаг по активизации деятельности Совета Безопасности. Решения этого органа о применении санкций в связи с агрессией Ирака против Кувейта свидетельствуют о том, что ООН способна сыграть принципиально новую роль, которая была бы значительно более предпочтительной, чем одностороннее вмешательство отдельных государств для выполнения полицейских функций.

Казалось бы, положения Устава ООН, касающиеся Совета Безопасности, в настоящее время практически не отличаются от тех, которые были зафиксированы в нем в 1945 году. В статьи 23 и 27 были внесены изменения с целью увеличить количество членов Совета Безопасности до 15, с соответствующим увеличением количества голосов, необходимого для принятия резолюций. Никаких изменений не коснулось права вето, закрепленного за пятью постоянными членами. В 1968 году была внесена поправка в статью 109 (с 7 до 9 увеличено количество голосов в Совете Безопасности, необходимое для дополнения большинства в 2/3 в Генеральной Ассамблее в отношении созыва конференции по пересмотру Устава). Но изменения в практической деятельности главных органов более чем впечатляющие (в особенности это касается Совета Безопасности). Отношение к ним может быть разным. Некоторые видят в этих изменениях движение в сторону дезинтеграции ООН. Другие рассматривают такие изменения как вполне естественные или, по крайней мере, приемлемые, шаги по развитию Устава ООН в качестве «живой конституции»**. В любом случае, вряд ли есть основания сомневаться в том, что правовая

* Г.И.Тункин. Право и сила в международной системе М, 1983. с. 140.

** Frederick. L. Kirgis. The Security Council's First Fifty Years. – AJIL. Vol. 89. 1995. N 3. с. 506.

модель Совета Безопасности и ограничения, налагаемые на его деятельность сегодня, уже в значительной мере не такие, какими мыслились в 1945 году.

Совет Безопасности ООН с самого начала кризиса действовал активно и решительно. С первого дня конфликта в нем возникло беспрецедентное сотрудничество между членами – постоянными и непостоянными.

В период со 2 августа 1990 года, когда Ирак вторгся на территорию соседнего Кувейта, до 11 октября 1991 года Совет Безопасности принял 23 резолюции, прямо относившиеся к ситуации между Ираком и Кувейтом*; он продолжал следить за ситуацией и после урегулирования кризиса. До настоящего времени было принято 42 резолюции, затрагивавшие Ирак, последняя из которых (резолюция 1175 от 19 июня 1998 года) содержит разрешение на экспорт в Ирак оборудования и запчастей, необходимых для восстановления нефтедобывающей отрасли, реализуемой в рамках программы «нефть в обмен на продовольствие».

Такая активность Совета Безопасности в ответ на действия Ирака вызывает неоднозначные оценки. Некоторые наблюдатели отметили быструю реакцию и эффективные решения с целью восстановления международного правопорядка – Совет Безопасности незамедлительно осудил вторжение Ирака в Кувейт как грубое нарушение основных принципов организации (резолюция 660 Совета Безопасности была принята 2 августа 1990 года большинством в 14 голосов)** , а затем последовательно реагировал на каждый шаг агрессора. Добившись своей основной цели, Совет Безопасности не остановился на достигнутом, а продолжал прилагать усилия с целью восстановления мира и спокойствия в регионе. Эти и другие положительные факты, по мнению данной группы наблюдателей, рожают надежду на создание нового порядка, основанного на мире, праве и справедливости, порядка, стремление к которому обусловлено жизненными интересами человечества на пороге XXI века.

Другие отвергают «утопическую» теорию роли ООН в урегулировании кризисов и скептически настроены относительно подобной роли в будущем. По их мнению, вряд ли можно говорить о *proprio motu* со стороны ООН в случае Ирака и Кувейта. В этом смысле Совет Безопасности выполнял свою роль не как представитель всего международного сообщества, а всего лишь как инструмент для поддержания политики определенных государств, объединившихся против Ирака. Наивно думать, что государства Коалиции мобилизовали войска и использовали самые современные вооружения и боевую тактику, движимые только желанием принудить Ирак уважать нормы международного права и восстановить международный правопорядок. На самом деле они руководствовались своими интересами в регионе. Это и объясняет ту незамедлительность, с которой Совет

* UN Role in Maintaining International Peace and Security Kuwait–Iraq Case Study. Kuwait, 1995, с. 79.

** Ibid, с. 88.

Безопасности поспешил противостоять кризису, оставаясь в то же время слишком медлительным по отношению к другим нарушениям международного правопорядка (израильская оккупация арабских территорий, незаконное вмешательство США в Гренаде, Панаме и Никарагуа). При этом выдвигается мысль о том, что Совет Безопасности не вмешался бы в конфликт так, как он это сделал, если бы не мощное давление США на его членов, контролирующих процесс принятия резолюций. Подобный подход представляет ООН в виде дополнительного дипломатического средства в руках тех государств, которые обладают действительной властью направлять деятельность организации в русло своих интересов, и наносит удар по идее ее независимости.

Кроме того, ряд утверждений ставит под сомнение саму законность действий Совета Безопасности в ходе кризиса. Вот некоторые из них:

1) резолюции Совета Безопасности представляют собой не результат согласия международного сообщества, а выполнение воли США. Таким образом, они не обладают международной легитимностью;

2) отсутствовала последовательность применения санкций. Совет Безопасности применил санкции преждевременно и обеспечивал их выполнение с помощью вооруженной силы;

3) война за освобождение Кувейта была незаконной. Совет Безопасности не составлял никаких планов, и принудительные меры с применением вооруженных сил осуществлялись не в соответствии с соглашениями, предусмотренными Уставом ООН;

4) имела место не «освободительная война», а «война разрушения», так как были превышены рамки, определенные ее целями, в результате глубокого удара по Ираку;

5) наложение обширных санкций на Ирак самым негативным образом повлияло на жизнь иракского народа, особенно детей, женщин и престарелых.

Как видно, эти утверждения звучат как вполне серьезные обвинения (хотя спекулятивный характер некоторых из них очевиден).

К ним можно добавить некоторые соображения, высказанные на конференции по международно-правовым проблемам войны в Персидском заливе, которая прошла 27 июня 1991 года в ИГПАН СССР*.

Так, Т.Н.Нештаева выступила с тезисом о том, что в данной ситуации должны были применяться положения главы VI Устава («Мирное разрешение споров»). По ее мнению, статья 41 была подвергнута расширительному толкованию, а положения главы VII Устава («Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии») в силу наднационального характера Совета Безопасности не были реализованы.

Н. А.Ушаков высказался в том смысле, что кризис разрешался не на основе Устава ООН, а в соответствии с политическими и экономическими

* Война в Персидском заливе и международное право. Советское государство и право. 1992, № 1. с. 139–143.

интересами отдельных государств. Принудительные действия могут осуществляться только по решению Совета Безопасности, под его руководством и международными вооруженными силами. Как считает Н.А. Ушаков, это правило в данном случае не было соблюдено со всей точностью, и Совет Безопасности утратил контроль над военными операциями в зоне Залива.

А Р.А. Тузмухамедов даже заметил, что события на Ближнем Востоке выявили кризис международного права, поскольку оказалось, что право равно силе (его восстановление осуществлялось силой), справедливость равна политической договоренности великих держав, а ответственность тяжелым бременем ложится на народ. Это, по его мнению, демонстрирует столкновение международного права и политики.

Надо сказать, негативные оценки преобладали. Естественно, они в различной степени обоснованы, за некоторыми из них вполне отчетливо просматриваются позиции отдельных государств и политических кругов в отношении кризиса в Персидском заливе и путей его урегулирования.

Как заметил кувейтский профессор доктор Абдалла Аль-Гунайм, на деле всегда имело место разделение взглядов при всякой попытке оценить роль ООН в поддержании международного мира и безопасности и действия организаций в отношении кризисов, которым она пыталась противостоять. Это разделение в значительной степени зависело от того, насколько отвечают такие действия национальным интересам и задачам государств: одобрение и слова похвалы исходили от тех, кто ощущал поддержку со стороны организации в достижении своих целей, те же, кто не получал такой поддержки, напротив, приуменьшали роль ООН в разрешении кризисных ситуаций вплоть до полного ее отрицания*.

Доктор Абдалла Аль-Гунайм призывал исследовать все подходы и точки зрения (оставляя, однако, без внимания наиболее эмоциональные и одиозные, – например, представляющие Совет Безопасности как отделение Государственного Департамента США), пытаясь при этом выявить те положительные стороны активности Совета Безопасности, которые последний продемонстрировал во время кризиса в Заливе.

Разумность такого подхода не вызывает сомнений, а его целесообразность в рамках данного исследования более чем очевидна.

* * *

Создание эффективного механизма для мирного разрешения споров между государствами представляет собой существенную задачу, стоящую перед мировым сообществом. Значительный шаг в этом направлении был сделан с принятием Устава ООН, в преамбуле которого выражена решимость народов Объединенных Наций «избавить грядущие поколения от бедствий войны». Глава VI этого документа специально посвящена мирному разрешению споров. В соответствии с ней Совет Безопасности

* UN Role in Maintaining International Peace and Security: Kuwait–Iraq Case Study. Kuwait, 1995. с. 12.

наделается весьма широкой компетенцией, что вполне понятно – ведь этот орган согласно Уставу ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Однако механизм, предусмотренный главой VI Устава в случае Ирака и Кувейта, не был реализован. Может показаться странным, но Совет Безопасности, который незамедлительно взял на себя инициативу по урегулированию конфликта после вторжения Ирака в Кувейт, вел себя крайне пассивно, когда впервые возникли признаки обострения ситуации в регионе Залива. Прежде чем попытаться объяснить такой в целом негативный подход, уместно сделать несколько замечаний по поводу развития событий в регионе непосредственно перед вторжением.

Разногласия между Ираком и Кувейтом стали возникать еще в начале 1990 года, точнее, это были претензии со стороны Ирака, которые впервые официально прозвучали на встрече глав арабских государств в Багдаде (28–31 мая 1990 года) и немало удивили кувейтских представителей. Ситуация обострялась вплоть до вторжения иракских войск на территорию Кувейта 2 августа под предлогом поддержки повстанческих групп, оппозиционно настроенных по отношению к правящей в Кувейте династии Аль Сабах.

Уже с апреля 1990 года в действиях Ирака можно было обнаружить два основных направления: эскалацию пропагандистской кампании против Израиля и намеренное создание политического кризиса в отношениях с Кувейтом, усиление его быстрыми темпами уже в международном масштабе в июле 1990 года. Хронологически июльские события можно представить следующим образом*:

15 июля: министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз направляет Генеральному секретарю Лиги арабских государств Шадли Гулайби меморандум, в котором Кувейт обвиняется в том, что он на ранних этапах ирано–иракской войны разместил свои военные сооружения, посты, предприятия нефтяной промышленности и плантации на иракской территории. Ирак также обвиняет Кувейт в присвоении нефти на сумму 2 млрд. 400 млн. долларов США в результате размещения нефтедобывающей техники в южной части иракских нефтепромыслов в Румейле. Кроме того, в меморандуме содержатся жалобы на Объединенные Арабские Эмираты, превысившие вместе с Кувейтом установленные для них Организацией государств–экспортеров нефти (ОПЕК) квоты. Это, по утверждению иракской стороны, привело к потерям Ирака в период между 1981 и 1990 годами в размере 89 млрд. долларов США. Ирак просил списать его долги за этот период и разработать общеарабский план для того, чтобы возместить Ираку ущерб, нанесенный в ходе военных действий.

17 июля: Саддам Хусейн обвиняет в своей речи Кувейт и ОАЭ в подчинении американскому влиянию и проведении политики, направленной

* The Middle East Since 1914/ L and N.–Y. 1992. с. 127.

на подрыв арабских интересов. Звучит угроза в отношении этих государств с целью заставить их соблюдать установленные квоты.

18 июля: в Кувейте созывается чрезвычайная сессия Национального собрания. Кувейтские посланники направляются в арабские государства с целью обсуждения обвинений со стороны Ирака.

19 июля: Кувейт направляет меморандум Генеральному секретарю ЛАГ, в котором выражается чрезвычайное удивление иракским меморандумом в целом и его тоном, не соответствующим духу братских отношений, существующих между двумя странами. Хотя в нем и содержится предложение создать в рамках ЛАГ комитет для решения вопроса о демаркации границ между Ираком и Кувейтом в соответствии с существующими соглашениями и документами, в то же время утверждается, что добыча нефти в Румейле ведется в пределах территории Кувейта*.

Кувейт также направляет меморандум Генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру по поводу обострения ситуации. Ирак осуждает Кувейт за этот шаг на том основании, что Кувейт якобы стремится придать кризису международный характер, в то время как постоянно говорит о значении ЛАГ и межарабских отношений.

21 июля: группа, элитных войск Ирака концентрируется на границе с Кувейтом, их численность растет. Одновременно министр иностранных дел Ирака направляет Генеральному секретарю ЛАГ новый меморандум, в котором указывается, что кувейтские должностные лица препятствуют любой серьезной координации действий двух стран и срывают ее.

Важно, что на этом этапе Ирак отказался от поисков решения спора в рамках ЛАГ и призвал к двусторонним переговорам с Кувейтом.

25 июля: после встречи в Александрии между президентом Египта Хосни Мубараком, королем Хусейном и Тариком Азизом Ирак соглашается урегулировать разногласия с Кувейтом и ОАЭ.

Встреча между официальными представителями Ирака и Кувейта в Джидде (Саудовская Аравия), намеченная на 29 июля, была отложена Ираком. В то же время появляется более подробная информация о концентрации иракских войск на границе с Кувейтом. Однако иракский представитель заявил, что эти передвижения «носят обычный рутинный характер и проводятся седьмым корпусом»**.

31 июля: представители Ирака и Кувейта проводят встречу в Джидде. Однако иракская делегация, возглавляемая заместителем председателя Совета революционного руководства Ирака Иззатом Ибрагимом, прибыла не для обсуждения вопроса, а для выяснения того, в какой степени Кувейт признал справедливыми притязания Ирака. Иракская газета «Аль-Джумхурия» в день проведения встречи подтвердила, что Ирак не станет торговаться относительно своих законных прав.

* UN Role in Maintaining International Peace and Security: Kuwait–Iraq Case Study. Kuwait, 1995. с. 12.

** Кувейт: государство и границы. М., 1994, с. 16.

Поведение Ирака на протяжении недель, предшествующих нападению на Кувейт, со всей очевидностью демонстрирует заранее спланированный характер этой акции, а также нежелание Ирака на сколько-нибудь серьезное обсуждение ситуации, сложившейся в результате его же собственных заявлений. Стремление Ирака к двустороннему урегулированию разногласий с Кувейтом без всякого посредничества (когда президент Египта Хосни Мубарак посетил Багдад, чтобы способствовать решению проблемы, иракский министр иностранных дел специально заявил, что его визит проходит в рамках отношений двух стран и не касается происходящего кризиса) и отсутствие каких-либо положительных действий, направленных на такое урегулирование, походят скорее на театральное представление, чем говорят о действительных намерениях Ирака найти выход из сложившейся ситуации.

Что касается Совета Безопасности, он вмешался в конфликт только после вторжения Ирака в Кувейт 2 августа и с самого начала действовал в соответствии с главой VII Устава ООН («Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии»). Чем же можно объяснить неиспользование Советом Безопасности его полномочий по мирному разрешению споров и ситуаций?

Как известно, характерной чертой компетенции Совета Безопасности в этой сфере является то, что не все споры и ситуации являются предметом рассмотрения Совета Безопасности, а только те, которые могут угрожать поддержанию международного мира и безопасности. Совет Безопасности, согласно статье 34 Устава ООН, уполномочивается проводить исследование любого спора и ситуации с целью определения, не может ли продолжение данного спора или ситуации угрожать поддержанию мира и международной безопасности. Вопрос о том, имеет ли место спор или ситуация, решает также Совет Безопасности.

Ситуация, сложившаяся в случае Ирака и Кувейта, на ранних этапах своего развития едва ли могла быть оценена как угрожающая поддержанию международного мира и безопасности. Даже в то время, когда разногласия стали усугубляться, вряд ли можно было ожидать от Ирака, измотанного войной с Ираном, участия в новой военной авантюре. Необходимо также принимать во внимание дружественный характер отношений государств Ирака и Кувейта в предшествующие кризису годы. Естественно, некоторые противоречия существовали, в том числе и в вопросе о границах, однако ничто не предвещало трагедии, разыгравшейся 2 августа.

Когда ситуация стала обостряться быстрыми темпами (июль 1990г.) и возникло впечатление, что Ирак, исчерпав все «мирные средства» для разрешения сложившейся ситуации, готовит почву для вторжения в Кувейт, могла бы быть применена статья 34 Устава ООН, но этого не случилось.

Рассмотрение компетенции Совета Безопасности в сфере мирного разрешения споров показывает, что в одних случаях (статья 33, пункт 2, статьи 34 и 36. пункт 1 Устава) его компетенция не зависит от сторон в

споре, в других случаях (статья 33, пункт 1, статьи 37 и 38) осуществление этой компетенции находится в прямой зависимости от усмотрения сторон в споре.

Существует стандартная практика: Совет Безопасности обычно вмешивается в международный спор только после того, как представит самим сторонам возможность урегулировать спор или ситуацию с помощью средств по своему усмотрению, а также чтобы позволить региональным организациям (согласно статье 52 Устава ООН) реализовать свои полномочия в упомянутой сфере.

Очевидно, Совет Безопасности придерживался такого подхода и в случае Ирака и Кувейта. Есть мнения, что вмешательство Совета Безопасности на ранней стадии могло бы предотвратить применение Ираком силы. При этом не учитывается важная особенность компетенции Совета Безопасности в соответствии с главой VI Устава. Действуя согласно этой главе, Совет Безопасности не полномочен принимать обязательные для сторон решения; успех же мирного урегулирования разногласий зависит в огромной степени от желания сторон добиться такого урегулирования, их готовности идти на определенные уступки и компромиссы. Случаи полного противоречия интересов, сопровождаемые настойчивостью в их осуществлении в полном объеме, делают мирное разрешение споров невозможным.

Случай Ирака и Кувейта, как и последующие конфликтные ситуации (в бывшей Югославии, Сомали, Руанде, независимых республиках бывшего СССР), убедительно демонстрируют необходимость создания так называемого механизма раннего оповещения, с помощью которого можно собирать информацию, следить за развитием политических событий во всем мире и определять возможность использования превентивных мер с тем, чтобы препятствовать перерастанию международных споров и ситуаций в вооруженные конфликты.

* * *

Как уже было отмечено. Совет Безопасности с самого начала кризиса действовал, руководствуясь положениями главы VII Устава ООН.

Резолюции Совета Безопасности, касающиеся Ирака и Кувейта, можно условно разделять на две группы: резолюции, принятые до начала боевых действий в регионе Залива (17 января 1991 года) и резолюции, принятые после их окончания (резолюция 686 от 2 марта 1991 года констатировала приостановление боевых действий силами Кувейта, и сотрудничающих с ним государств). В период ведения силами Коалиции военных операций Совет Безопасности как бы отстранился от происходящего и не принимал активного участия в руководстве этими операциями, как предусмотрено Уставом ООН. Именно этот факт вызывает большую часть нареканий в адрес Совета Безопасности в связи с его деятельностью по урегулированию иракско-кувейтского конфликта.

В рамках настоящей работы основной интерес представляет первая группа резолюций, относящихся непосредственно к кризису (вторая группа

в основном касается послекризисного урегулирования, в том числе санкций, вопросов разоружения Ирака, осуществления гуманитарных программ и т.п.). Данную группу, состоящую из 12 резолюций, открывает резолюция 660, осуждающая агрессию Ирака против Кувейта, а ее кульминацией является резолюция 678, содержащая ультимативные требования Совета Безопасности к Ираку.

* * *

Совет Безопасности незамедлительно отреагировал на вторжение Ирака в Кувейт и на заседании, созванном по инициативе представителей США и Кувейта 2 августа, принял резолюцию 660, осуждающую агрессивные действия Ирака в отношении соседнего Кувейта. Кроме того, резолюция содержит требование к Ираку незамедлительно и безусловно отвести свои силы на позиции, которые они занимали 1 августа 1990 года, а также призыв к сторонам незамедлительно приступить к интенсивным переговорам для урегулирования их разногласий. Совет Безопасности выразил в этой резолюции свою поддержку в отношении усилий, предпринимаемых для такого урегулирования, в особенности со стороны Лиги арабских государств. Как следует из самого текста резолюции, Совет Безопасности принимал ее, руководствуясь статьями 39 и 40 Устава ООН.

Следует отметить, что Совет Безопасности опередил ЛАГ в осуждении иракского вторжения в Кувейт – Лига приняла соответствующую резолюцию 3 августа, при этом в ней особенно подчеркивалось право арабских стран на индивидуальную или коллективную самооборону, предусмотренное ст. 51 Устава ООН и ст. 2 Соглашения о совместной обороне, заключенного в рамках ЛАГ. В Совете Лиги эта резолюция не встретила такого единодушного одобрения, как в Совете Безопасности ООН: против голосовали Ирак, ООП, Иордания и Йемен; Мавритания и Судан воздержались, а Ливия не приняла участия в голосовании*.

Что же касается Совета Безопасности ООН, то 14 из 15 его членов проголосовали в поддержку резолюции, осуждающей вторжение Ирака в Кувейт. Лишь представитель Йемена заявил, что не может принять участие в голосовании, поскольку не получил указаний от своего правительства.

После принятия резолюции 660 Генеральный секретарь ООН Х. Перес де Куэльяр выразил удовлетворение по поводу того, что Совет Безопасности действовал быстро и принял важное решение**.

Однако Ирак по-прежнему не подчинялся требованиям резолюции 660, более того – продолжал агрессивные действия в отношении Кувейта. Совет Безопасности своевременно реагировал на шаги агрессора – в ответ на объявленную Ираком 8 августа аннексию Кувейта – 9 августа единодушно была принята резолюция 662. В ней осуждалась аннексия Ираком Кувейта и была выражена решимость положить конец иракской окку-

* Кувейт: государство и границы. М., 1994, сс. 101, 137.

** По материалам ТАСС от 2 августа 1990 года, Серия «А» – лист 45.

пации Кувейта и восстановить суверенитет, независимость и территориальную целостность этого государства. На основании правила **ex iniuria iust non oritur** Совет Безопасности решил, что присоединение Ираком Кувейта было незаконным и юридически ничтожным, и призвал все государства, международные организации и специализированные учреждения воздержаться от признания аннексии, а также от других действий, которые могли бы быть истолкованы как косвенное признание.

18 августа в Совете Безопасности единодушно была принята резолюция 664. Удержание Ираком граждан третьих государств было расценено как нарушение норм международного права. Совет Безопасности потребовал, чтобы власти Ирака предоставили этим гражданам возможность покинуть территорию Ирака и не ставили под угрозу их безопасность. В резолюции также содержалось требование отменить все указания иракских властей с целью закрытия дипломатических представительств и консульских учреждений в Кувейте и лишения их персонала дипломатического иммунитета и воздерживаться от подобных действий в будущем.

* * *

Статья 41 Устава ООН предусматривает, что «Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и может потребовать от Членов Организации применения этих мер». Согласно Уставу, эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений.

Действуя в соответствии со статьей 41, Совет Безопасности, обеспокоенный невыполнением резолюции 660 иракской стороной, 6 августа принял резолюцию 661, устанавливающую экономические санкции в отношении Ирака.

В частности, Совет Безопасности постановил, что все государства должны предотвращать:

а) импорт на свою территорию всех товаров и продукции, произведенных в Ираке или Кувейте и экспортированных из них после принятия резолюции;

б) любую деятельность, способствующую экспорту или перевозкам любых товаров или продукции из Ирака или Кувейта, а также любые операции связанные с такими товарами или продукцией;

в) продажу или поставку любых товаров или продукции, включая оружие или любое другое военное оборудование, в Ирак или Кувейт (исключение было сделано в отношении поставок, предназначенных исключительно для медицинских целей и поставок продуктов питания в рамках гуманитарной помощи);

г) предоставление правительству Ирака или любому торговому, промышленному или общественному предприятию в Ираке или Кувейте каких

бы то ни было средств или иных финансовых и экономических ресурсов, за исключением платежей, предназначенных для гуманитарных целей.

Для наблюдения за ходом осуществления упомянутых мер был создан специальный Комитет Совета Безопасности. Кроме того, в резолюции 661 было подтверждено право государств на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава. Данная резолюция была принята голосами 13 государств (Куба и Йемен воздержались).

При этом интересно отметить, что некоторые государства приняли меры экономического характера в отношении Ирака и Кувейта еще до установления эмбарго Советом Безопасности. Так, США уже 2 августа заморозили иракские и кувейтские авуары, наложили запрет на торговлю с Ираком. Советский Союз приостановил поставки оружия в Ирак. 12 европейских государств, в том числе Великобритания и Франция, объявили 4 августа эмбарго на импорт нефти из Ирака и Кувейта. Японское правительство приняло такое решение 5 августа.

«Историческая» и «беспрецедентная», «поспешная» и «неприемлемая», «незаконная» и «единственно возможная в нынешней ситуации» – такими противоречивыми эпитетами сопровождалась одобренная Советом Безопасности 25 августа резолюция 665 о возможности применения силы для осуществления санкций, предусмотренных 661. Этой резолюции следует уделить особое внимание. Она как бы завершила первый этап деятельности Совета Безопасности в связи с кризисом, в рамках которой уже были приняты четыре специальные резолюции. Данная резолюция содержит призыв к государствам, сотрудничающим с правительством Кувейта и направляющим в район Залива свои военно-морские силы, использовать такие соразмерные конкретным обстоятельствам меры, которые могут оказаться необходимыми, чтобы останавливать все морские суда, проходящие в обоих направлениях, для досмотра и проверки их грузов и места назначения. В соответствии с текстом резолюции, такие меры должны были приниматься под контролем Совета Безопасности с привлечением по мере необходимости механизмов Военно-Штабного Комитета.

С большой долей уверенности можно сказать, что резолюция 665, до сих пор вызывающая неоднозначные оценки, появилась на свет во многом благодаря усилиям США. Именно американцы подготовили проект резолюции и всячески способствовали его принятию.

Еще 12 августа госсекретарь США Бейкер объявил решение о том, что Соединенные Штаты начинают «перехват» судов, следующих в Ирак и из него.

Подавляющее большинство членов Совета Безопасности, включая Канаду и Францию, выразили сомнение в правомерности таких действий США. Более того, 13 августа, когда проходили консультации Совета Безопасности, США фактически оказались в дипломатической изоляции в связи с их решением о «перехвате» судов. По смыслу высказываний, прозвучавших в тот день в Совете Безопасности, использование силы могло

иметь место лишь в том случае, когда международное сообщество убедится в наличии фактов нарушения установленных экономических санкций. Представители Франции и Канады заявили, что задача их военно-морских сил, направленных в район Персидского залива заключается лишь в том, чтобы наблюдать, как осуществляются экономические санкции, а не заниматься «перехватом».

Именно в этот момент выдвинутое СССР предложение относительно Военно-штабного комитета Совета Безопасности и его возможной роли в подобных операциях оказалось единственной альтернативой тому, к чему стремились США*.

К середине августа США уже заканчивали переброску в район Персидского залива войск, достаточных для нанесения воздушных и морских ударов по Ираку. Эта переброска была начата уже в первые дни кризиса по просьбе правительств Кувейта и Саудовской Аравии.

Так 4 августа авианосец ВМС США «Индепенденс» получил приказ переместиться с шестью кораблями сопровождения к Персидскому заливу, где уже находилось 8 американских кораблей. США продолжали наращивать свое военное присутствие в регионе. 8 августа еще одна ударная группа ВМС США во главе с авианосцем «Эйзенхауэр» прошла Суэцкий канал и расположилась в Красном море. По сообщениям информационных агентств, 9 августа в Саудовскую Аравию было направлено 150 боевых самолетов ВВС США, 5 самолетов системы АВАКС, в течение месяца предполагалось сосредоточить на территории Саудовской Аравии до 50 тысяч американских военнослужащих.

Есть мнение, что в этих условиях идея «перехвата» судов нужна была Вашингтону для того, чтобы спровоцировать Ирак и нанести ему ответный удар. В те дни постоянный представитель США при ООН Т. Пикеринг сказал в ходе закрытого брифинга для журналистов, что стратегия США заключалась в выборе между «необходимостью действий по собственному усмотрению», и «получением поддержки со стороны ООН». При этом, по его словам, первый вариант был предпочтительнее. Ощувив нежелательность самостоятельных шагов, США стали активно готовить проект резолюции и прибегли к интенсивным консультациям с постоянными членами Совета Безопасности. Окончательный проект резолюции стал компромиссом между позициями различных стран. Куба и Йемен были явными противниками резолюции, особую позицию занимали СССР и Китай. Неприсоединившиеся страны подготовили свой проект резолюции (хотя он мало чем отличался от американского).

Американский проект резолюции предусматривал право на использование вооруженной силы («the right to use force») против судов, нарушающих экономическое эмбарго, установленное резолюцией 661. Советский Союз, Китай и ряд других государств возразили против такой формулировки, хотя и сделали это по разным причинам. Предложенный американ-

* По материалам ТАСС от 5 сентября 1990 года, Серия «АД» – лист 3.

цами вариант был в результате заменен более неопределенным: Совет Безопасности призвал государства использовать такие соразмерные конкретным обстоятельствам меры, которые могут оказаться необходимыми для остановки всех морских судов, проходящих в обоих направлениях, под контролем Совета Безопасности. При этом различным было и толкование принятой формулировки. Представитель СССР интерпретировал ее как не исключающую применение силы, ограничивая, однако, возможность силовых действий случаями крайней необходимости. Среди членов Совета Безопасности существовало опасение, что Израиль может предпринять военные действия против Ирака, основываясь на излишне «открытой» формулировке резолюции. Поэтому в окончательном варианте призыв Совета Безопасности обращен к государствам, сотрудничающим с правительством Кувейта и имеющим в регионе Залива свои военно-морские силы. Что же касается других государств ООН, Совет Безопасности призвал их сотрудничать с целью обеспечить выполнение Ираком резолюций Совета Безопасности, принимая по возможности необходимые политические и дипломатические меры.

США стали действовать еще более активно, когда аргументы СССР о необходимости подождать с принятием резолюции до окончания проходивших 20–22 августа в Москве переговоров с заместителем премьер-министра Ирака С. Хаммади, перестали оказывать убедительное воздействие на членов Совета Безопасности. Более того, стало ясно, что Китай не будет голосовать против. В результате в поддержку резолюции высказались 13 членов Совета Безопасности.

Постоянный представитель Кубы в выступлении перед голосованием попытался рассмотреть проект резолюции 665 с точки зрения Устава ООН. Он назвал формулировки этого проекта «странными и расплывчатыми, которые не имеют ничего общего с концепциями, заложенными в Уставе».

По мнению кубинской делегации, эти формулировки «представляют собой явное нарушение 41-й, 42-й, 43-й и ряда других статей Устава»*. Основная проблема заключалась в том, что Совет Безопасности, принимая резолюцию 665, брал на себя ответственность за возможные военные действия, предпринимаемые вооруженными силами, которые не находятся в его подчинении. Тревогу, высказанную представителями Кубы и Йемена, разделила колумбийская делегация. Постоянный представитель Колумбии при ООН отметил перед голосованием, что в проекте резолюции Совет Безопасности «делегирует полномочия, не уточняя кому... фактически любой, кто получит эти полномочия, не несет ответственности ни перед кем». По его словам, колумбийская делегация не сомневалась в том, что Совет Безопасности своим решением установит морскую блокаду, хотя об этом в резолюции ничего не говорилось**. Вообще, как заметил

* UNDoc. S/PV. 2938 at 21 (1990).

** Erskine Childers. Gulf Crisis Lessons for the UN, 23 Bull. Peace

Джеффри Бест, было интересно наблюдать, с какой неохотностью блокаду называли блокадой – «экономические санкции» и «эмбарго» были более предпочтительными терминами, очевидно потому, что звучали не так воинственно*.

В самой резолюции не указываются статьи, в соответствии с которыми действует Совет Безопасности, как это было сделано в резолюции 660. То, что буква Устава не нашла отражения в резолюции, представило повод для нападок на ООН со стороны представителя Ирака, назвавшего резолюцию «незаконной». С такой же оценкой выступила Ливия. Судя по всему, многие государства предпочли следовать духу Устава. Это подтвердили высказывания представителей, прозвучавшие после голосования. Так, делегат Малайзии Исмаил Разали сказал: «Делегация Малайзии наряду с другими предпочла бы, чтобы ООН играла более видную и значительную роль. Тем не менее, оказавшись перед выбором между продолжительными дебатами, направленными на поиск оптимальных решений, и необходимостью безотлагательного исправления создавшегося положения, чтобы у нас на глазах не исчезло целое государство, Малайзия была вынуждена подойти к этому вопросу с политических позиций и поддержать данный проект резолюции»**. Интересно, что газета «Нью-Йорк Таймс» от 27 августа 1990 года резолюцию 665 расценила как дающую нужное прикрытие – международную законность – политике, проводимой по инициативе Америки.

Решение о распространении блокады на воздушное пространство Ирака было принято Советом Безопасности 25 сентября 1990 года (резолюция 670). О возможности принятия такого решения еще 25 августа высказался постоянный представитель США при ООН Т. Пикеринг. Однако инициатива в данном случае исходила от Франции.

После принятия резолюции 665 Совет Безопасности продолжал активно реагировать на развитие событий в регионе. В сентябре 1990 года были приняты еще четыре резолюции, которые, впрочем, носили обычный, если можно так выразиться, для сложившейся ситуации характер. 13 сентября Совет Безопасности принял резолюцию 666 о беспрепятственной доставке гуманитарных грузов в Кувейт и Ирак для нуждающихся граждан третьих стран; 16 сентября – резолюцию 667 с требованиями к Ираку немедленно освободить незаконно удерживаемых иностранных граждан и подчиниться нормам международного права о дипломатических и консульских сношениях.

В соответствии с резолюцией 669, принятой Советом Безопасности 24 сентября, на Комитет Совета Безопасности, созданный согласно резолюции 661, была возложена задача изучения просьб о помощи, поступающих от лиц, пострадавших при оккупации Ираком Кувейта. Следует так-

* Geoffrey Best. War and Law Since 1945. Oxford University. 1994. С. 283.

** Erskine Childers. Gulf Crisis Lessons for the UN, 23 Bull. Peace Proposals, 129 (1992).

же отметить, что Совет Безопасности, действуя в соответствии со статьей 50 Устава, решил предоставить помощь государствам, столкнувшимся с особыми экономическими проблемами, вызванными осуществлением экономических санкций и возложил на Комитет по санкциям обязанность рассматривать просьбы государств о предоставлении помощи и направлять соответствующие рекомендации председателю Совета Безопасности.

Резолюция 674 от 29 октября 1990 года подтвердила требования предыдущих резолюций Совета Безопасности к Ираку и содержала призыв к генеральному секретарю ООН попытаться найти мирное разрешение спора (надо сказать, генеральный секретарь не сыграл заметной роли в урегулировании кризиса). Резолюция 677 от 28 ноября содержала осуждение попыток Ирака изменить демографический состав населения Кувейта. К этому времени все попытки урегулировать кризис обычными средствами зашли в тупик, а со стороны США и Великобритании все настойчивее проводилась линия на силовое решение. В этих условиях Совет Безопасности принял 29 ноября резолюцию 678, в которой содержалось ультимативное требование к Ираку добровольно уйти из Кувейта до 15 января 1991 года. Указывалось, что в противном случае Совет Безопасности санкционирует использование всех необходимых для выполнения этого средств.

Как известно, Ирак не подчинился требованиям международного сообщества, и 17 января силы коалиции, возглавляемые США, приступили к осуществлению военной операции «Буря в пустыне». Началась война, целью которой провозглашалось освобождение Кувейта и восстановление международной законности и правопорядка.

* * *

Переход Совета Безопасности к применению дальнейших мер с целью принудить Ирак подчиниться требованиям мирового сообщества со всей остротой поставил перед последним два основных вопроса: о градации санкций в отношении Ирака и международной легитимности резолюций Совета Безопасности, касающихся кризиса.

Вопрос о градации санкций возник в связи с предположением о том, что Совет Безопасности якобы отдал предпочтение силовому методу разрешения кризиса.

Вряд ли можно говорить о существовании какой-либо специальной градации мер, направленных на поддержание и восстановление международного мира и безопасности. Слишком уж специфическими являются характер и обстоятельства отдельных конфликтов. Однако приоритет мирного разрешения споров и конфликтных ситуаций является одним из фундаментальных принципов международного права, а из Устава ООН понятно, что даже при осуществлении принудительных мер предпочтение должно отдаваться мерам, не связанным с использованием вооруженных сил. При этом использование силы для поддержания и восстановления международного мира и безопасности в соответствии со статьей 42 Уста-

ва допускается только после того, как Совет Безопасности убедится в недостаточности таких мер.

Тот факт, что Совет Безопасности действовал достаточно быстро, принимая резолюции 665 и 678, в то время как ему следовало бы дожидаться, пока экономические санкции, установленные резолюцией 661, окажут свое воздействие на Ирак, не следует расценивать как свидетельство «приверженности» Совета Безопасности силовому решению. Последовательность событий в случае Ирака и Кувейта наглядно демонстрирует, что Совет Безопасности не раз давал Ираку возможность исправить ситуацию и прекратить агрессивные действия в отношении Кувейта.

При этом каждое такое решение принималось только тогда, когда было совершенно ясно, что Ирак не намерен подчиниться требованиям Совета Безопасности, закрепленным в его предыдущих резолюциях, касающихся иракско–кувейтского конфликта.

Вопрос о международной легитимности резолюций Совета Безопасности поднимался неоднократно, зачастую в связи с предложениями о реформировании ООН и Совета Безопасности как одного из главных органов этой организации. При этом одним из основных аргументов в пользу непризнания за резолюциями Совета Безопасности силы обязательных для всех членов ООН решений является ограниченный состав этого органа. Однако статья 24 Устава полностью отмечает подобную аргументацию. В ней предусмотрено, что при исполнении обязанностей, вытекающих из ответственности Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности, он действует от имени всех государств–членов ООН.

Применительно к иракско–кувейтскому конфликту, особым образом под сомнение ставится международная легитимность резолюции 678. Выдвигаются следующие основания для признания этой резолюции незаконной с точки зрения международного права: во–первых, Совет Безопасности объединил два совершенно различных механизма – механизм индивидуальной и коллективной самообороны и механизм коллективной безопасности; во–вторых, Совет Безопасности не следовал в точности тексту главы VII Устава, предоставляя государствам Коалиции во главе с США полномочия по применению силы против Ирака.

В Уставе ООН указано, что он ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена организации (статья 51). Однако это справедливо только до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. По смыслу статьи 51 это не означает, что вмешательство Совета Безопасности в урегулирование конфликта исключает полностью осуществление государствами права на самооборону (в резолюции 661 Совет Безопасности еще раз подтвердил это право). Важно, чтобы меры, предпринимаемые государствами в осуществление их неотъемлемого права, были сообщены Совету Безопасности и не затрагивали бы его пол-

номочий и ответственности в соответствии с Уставом ООН. Что касается вопроса о различии между механизмами коллективной безопасности и самообороны, он имеет скорее теоретическое, чем практическое значение. В любом случае, война за освобождение Кувейта с делегированием со стороны Совета Безопасности полномочий государствам, сотрудничающим с законным правительством Кувейта, объединила эти механизмы. Возникает другой вопрос: насколько такое делегирование обоснованно с международно-правовой точки зрения?

Именно Совет Безопасности устанавливает правила использования вооруженных сил и контролирует их выполнение в случаях осуществления мер, предусмотренных главой VII Устава. Он делает это при помощи Военно-Штабного Комитета, состоящего из Начальников Штабов постоянных членов Совета Безопасности или их представителей.

Здесь уместно сказать несколько слов об упомянутом вспомогательном органе Совета Безопасности. Формально существующий в рамках Совета Безопасности, этот орган, вопреки Уставу, не принял сколько-нибудь заметного участия в урегулировании кризиса. При всей значимости функций, осуществление которых возложено на Военно-Штабной Комитет, его деятельность фактически заморожена. Только 29 октября 1990 года по инициативе советской стороны в Нью-Йорке было проведено заседание неофициальной рабочей группы Военно-Штабного Комитета Совета Безопасности на высоком уровне с представителями военного руководства Франции, США и СССР. На нем состоялось обсуждение положения и возможных вариантов развития событий в регионе Персидского залива, был затронут вопрос о результативности принимаемых в соответствии с резолюциями Совета Безопасности мер. И было лишь высказано мнение (советской стороной) о том, что было бы целесообразно (!) изучить в рабочем органе Военно-Штабного Комитета вопрос об организационных мероприятиях с тем, чтобы этот орган мог бы действовать как механизм для подготовки и координации принудительных акций точно в соответствии с положениями Устава ООН*. Выступая на пленарном заседании 45-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Э.А. Шеварднадзе высказался по этому вопросу: «Если бы должным образом действовал Военно-Штабной Комитет, были заключены соответствующие соглашения Совета с постоянными членами, решены другие организационные вопросы противодействия угрозам миру, то не потребовалось бы сейчас отдельным государствам действовать в одностороннем порядке. Ведь как бы ни оправданы были такие действия, они вызывают неоднозначную реакцию, создают сложные для самих же этих государств ситуации и не для всех могут быть приемлемы»**.

Тот факт, что целый ряд формальных процедур, предусмотренных Уставом, не был соблюден со всей точностью в случае Ирака и Кувейта,

* Вестник МИД СССР. 23(81), 15 декабря 1990. С. 35–36.

** Вестник МИД СССР. 20(78), 31 октября 1990. С. 10.

дает основание предположить, что Совет Безопасности превысил свои полномочия, предоставляя государствам Коалиции возможность действовать практически по своему усмотрению. Война за освобождение Кувейта в таком случае была незаконной, т.к. она не велась в соответствии с установлениями Устава ООН, упомянутыми выше. С другой стороны, к этому вопросу можно подойти с точки зрения духа Устава, задавшись при этом вопросом, насколько практически возможным было в случае Ирака и Кувейта действовать быстро и решительно, соблюдая букву Устава, с тем, чтобы положить конец грубым нарушениям международного права со стороны Ирака и предотвратить дальнейшие жертвы среди мирного населения Кувейта?

Состояние международных организаций и их действия нельзя отрывать от позиций государств, участвующих в них. Так, осуществление процедур, предусмотренных статьями 43–47 Устава ООН, в условиях холодной войны, вряд ли было возможно (использование «международных сил» в Корею в 1950 году лишь номинально опиралось на Устав). Означает ли это, что Совет Безопасности не был способен в полной мере нести возложенную на него главную ответственность за поддержание и восстановление международного мира и безопасности? Попытаться ответить на этот вопрос тем более важно в свете того, что до сих пор не существует предусмотренных статьей 43 особых соглашений, а Военно-Штабной Комитет Совета Безопасности фактически не функционирует. В таких условиях «спасительным» может оказаться тот факт, что всякая политическая организация (какой без сомнения является и ООН) допускает определенную степень гибкости, которая позволяет ей выполнять свои функции и добиваться основных целей без строгого следования юридическому тексту, регулирующему деятельность организации. Эта степень невелика, и ее последствия неоднозначны, однако в определенных ситуациях она может приводить к положительным результатам.

Поддержание международного мира и безопасности, равно как стабильности в отношениях между государствами – вот основная цель и задача ООН. Действия, предпринятые этой организацией для урегулирования кризиса в Заливе, ни в коей мере не противоречат этой цели. Однако в любом случае было бы предпочтительнее, чтобы достижение этой цели во всем согласовывалось с предписаниями Устава.

В самом Уставе нет положений, которые могли бы прямо помешать Совету Безопасности не только допустить продолжение осуществления государствами Коалиции их неотъемлемого права на самооборону, но и возложить на них задачу выполнения резолюции Совета Безопасности и отпора агрессии. Согласно статье 25 Устава, члены ООН обязуются подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их, а статья 48 прямо предусматривает, что действия, необходимые для выполнения решений Совета Безопасности в целях поддержания международного мира и безопасности, предпринимаются всеми членами организации или некоторыми из них, как это определит Совет Безопасности. В этом смысле

предоставление Советом Безопасности государствам Коалиции полномочий по осуществлению военной миссии в регионе не противоречит духу Устава. Генеральный секретарь ООН Х. Перес де Куэльяр так высказался о войне за освобождение Кувейта: «Это не война ООН, однако, она законна, т.к. предпринята по разрешению Совета Безопасности»*.

Но даже если подобное делегирование было допущено, это не означает, что государства Коалиции во главе с США получили абсолютную свободу в регионе. Одним из наиболее негативных фактов, связанных с кризисом является своеобразное «самоотстранение» Совета Безопасности от контроля за ситуацией, хотя он несомненно наблюдал за ней постоянно на протяжении всей войны. Особенно отчетливо этот негативный факт проявился в вопросе об окончании войны, когда Совет Безопасности всего лишь санкционировал решение, принятое военным руководством Коалиции.

В связи с войной за освобождение Кувейта возникает проблема пропорциональности, т.е. соответствия ущерба, нанесенного Ираку при осуществлении военной операции «Буря в пустыне», тяжести содеянного, если вообще можно ставить вопрос таким образом. Это очень сложная проблема, которая может стать объектом отдельного исследования. Применительно к иракско–кувейтскому конфликту еще сложнее провести грань между «освободительной войной» и «войной разрушения», а также указать на допустимую степень разрушения военного комплекса и экономических мощностей Ирака с целью предотвращения повторной агрессии.

Что касается правового аспекта, он связан главным образом с вопросом о границах полномочий, предоставленных Советом Безопасности государствам, сотрудничающим с правительством Кувейта. Совет Безопасности на протяжении всего кризиса подчеркивал, что целью его вмешательства в иракско–кувейтский конфликт было прекращение агрессии Ирака против Кувейта, незамедлительный и безусловный вывод вооруженных сил Ирака с территории Кувейта, восстановление суверенитета, независимости и территориальной целостности последнего. В резолюции 678 Совет Безопасности очередной раз указал на то, что разрешение на прямое военное вмешательство обусловлено целями прекращения агрессии против Кувейта и восстановления мира и безопасности в регионе.

Не останавливаясь подробно на роли Совета Безопасности в послекризисном урегулировании, следует отметить, что он до сих пор продолжает пристально следить за развитием событий в беспокойном регионе Залива и внес значительный вклад в осуществление следующих мероприятий:

- установление и демаркация границы между Ираком и Кувейтом;
- разоружение Ирака;

* UN Role in Maintaining International Peace and Security, Kuwait – Iraq Case Study. Kuwait, 1995. С. 55.

- выплата компенсаций и регулирование финансовых обязательств сторон;
- возвращение кувейтской собственности;
- освобождение пленных и несильно удерживаемых гражданских лиц.

* * *

В заключение представляется возможным сделать несколько замечаний общего характера, касающихся роли Совета Безопасности в урегулировании кризиса в Персидском заливе 1990–1991 годов.

Совет Безопасности призван сыграть особую роль в усилиях по обновлению ООН, повышению ее значимости как фактора стабильности динамично развивающихся международных отношений. Кризис в Заливе послужил мощным катализатором взаимодействия его постоянных членов, а в подходе Совета к кризису проявились зачатки новой модели сдерживания, основанного на использовании многосторонних правовых инструментов.

Роль, которую сыграл Совет Безопасности в урегулировании кризиса, раскрыла с новой силой способность этого важного органа к саморазвитию. С большой долей уверенности можно сказать, что Совет стал более состоятельным перед лицом международных конфликтов, в том числе региональных. Он приобрел качества, повышающие степень соответствия его деятельности реалиям современного мира. В частности это касается методов работы Совета Безопасности. Теперь широко используется проведение неофициальных консультаций с целью достижения подходящей формулы примирения различных позиций государств перед голосованием по проектам резолюций. В свете такого стиля урегулирования особое значение приобрели заявления председателя Совета Безопасности. Также стали проводиться периодические сессии с целью наблюдения за изменением ситуации и контроля над ходом исполнения принятых резолюций.

В то же время, успех, достигнутый в урегулировании иракско–кувейтского конфликта, еще не служит окончательным доказательством способности Совета Безопасности противостоять новым вызовам международной законности с такой же степенью эффективности.

Совет Безопасности сталкивается в настоящее время с международными проблемами, требующими новых подходов и методов решения. Должно быть приложено еще немало усилий для того, чтобы Совет Безопасности и ООН в целом могли более эффективно и действенно справляться с возможными международными конфликтами в будущем.

ТОРГОВО–ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТУРЦИИ И ИЗРАИЛЯ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Двусторонняя торговля Турции и Израиля развивалась в 90–е годы, демонстрируя выраженную тенденцию роста стоимостных объемов, которая обеспечивалась за счет устойчивой повышательной динамики встречных торговых потоков. (См. Таблицу)

Таблица

Торговля Турции и Израиля в 90–е годы
тыс.долл. США

	экспорт	импорт	оборот	баланс
1990	46.504	62.516	109.020	–16.012
1991	78.670	78.046	156.716	624
1992	90.089	97.076	187.165	– 6.987
1993	80.239	121.793	202.032	–41.544
1994	178.078	125.891	303.969	52.187
1995	239.767	166.635	406.402	73.132
1996	254.854	196.300	450.854	58.554
1997	391.512	225.030	616.542	166.482
1997 янв.–июнь	192.000	95.000	287.000	97.000
1998 янв.–июнь	223.000	139.000	362.000	84.000

Составлено по: T.C. Başbakanlık Dış Ticaret Müsteşarlığı. Serbest Ticaret Anlaşması Serisi. Türkiye–İsrail serbest ticaret anlaşması. Ankara, 1997, с. 12; Israel Yearbook and Almanac 1997, с. 175; DTM: Dis ticaret gostergerleri. Haziran 1998, по данным Управления по делам Внешней торговли при Совете Министров Турции.

Лишь однажды, в 1993 г., снизился объем экспортных поставок Турции по сравнению с предыдущим годом на 10 млн. долл.¹, что однако не помешало дальнейшему росту общего объема двусторонней торговли. При этом средние темпы роста экспорта Турции составили в 1990–1996 гг. 39%, а импорта – 21%. В результате в 1996 г. объем торговли двух стран увеличился по сравнению с 1990 г. более, чем в 4 раза². Однако, несмотря на заметный рост ее абсолютных стоимостных показателей, доля экспортно–импортных операций, осуществлявшихся в рамках двусторонней торговли, оставалась незначительной в общем объеме внешнеторговых операций каждого из государств: так в 1996 г. на Израиль приходилось лишь 1% совокупного экспорта Турции и 0,5% ее совокупного импорта.

Позиции Турции в общем объеме экспорта и импорта Израиля в том же, 1996 г., составили соответственно 1% и 0,9%³.

Основное препятствие на пути развития двусторонней торговли, по мнению деловых людей Турции и Израиля, заключалось в использовании израильской стороной слишком высоких таможенных пошлин. При этом невыгодные для Турции условия торговли проистекали не столько из общего высокого уровня протекционизма, используемого израильской стороной, сколько из того обстоятельства, что структура экспорта двух стран носит дублирующий характер, например, по таким важным для них статьям, как некоторые виды текстиля и кожаные изделия, продукция сельского хозяйства и продукты ее переработки. В подобной ситуации применение высоких таможенных пошлин обеими странами в отношении соответствующих статей экспорта практически неизбежно. Однако их использование турецкой стороной было ограничено осуществлявшимся в 90-е годы процессом поэтапной гармонизации таможенного тарифа в отношении стран, не являющихся членами ЕС, с единым тарифом Союза, применяемым в отношении третьих государств. Для Турции это означало фактическое снижение средних ставок таможенных пошлин.

Израиль же более свободен в применении высоких таможенных пошлин: фактором ограничения в сфере проведения внешнеторговой политики выступает только действующее с 1962 года соглашение с ГАТТ (нынешней Всемирной торговой организацией). Кроме того одно из важных направлений израильской таможенной политики действительно состоит в осуществлении протекционизма в отношении национального производства готовой одежды и некоторых видов текстиля, которые, хотя и не являются товарами массового экспорта, относятся к разряду «чувствительных», то есть товаров, местные производители которых нуждаются в защите от иностранной конкуренции. Поэтому система начисления пошлин на многие виды швейных и текстильных изделий в израильской таможене имеет определенные особенности: в ряде случаев она не ограничивается взиманием налога со стоимости изделия по системе *ad valorem*, а предполагает применение дублирующей калькуляции с тем, чтобы оградить местный рынок от проникновения дешевой продукции иностранных конкурентов. То есть таможенная пошлина, исчисленная по системе *ad valorem*, не может быть ниже определенной фиксированной суммы, установленной для единицы продукции данной категории. В этом случае требуется применение повышенной ставки таможенной пошлины. В некоторых случаях (в отношении товарных групп с начальными цифрами кода по международной спецификации 61, 62 и 63, которые опять же включают готовую одежду и некоторые виды текстильной продукции) величина таможенной пошлины, исчисленная даже по повышенной ставке, опять же не может быть ниже фиксированного для подобной ситуации таможенного сбора с единицы продукции данного вида⁴.

В результате готовая одежда, являющаяся ведущей статьей турецкого экспорта (стоимость поставок на внешний рынок по данной статье, со-

ставлявшая порядка 4 млрд. долл. в начале 90-х годов, с 1995 г. не опускается ниже 6 млрд.) и примыкающий к ней текстиль (стоимостные объемы его поставок на внешний рынок в последние годы превышают 3 млрд. долл.)⁵ имели весьма ограниченный доступ на рынок Израиля. Комментируя данную ситуацию, председатель израильско-турецкого делового совета Морис Рейна отмечал, что турецкие производители способны предложить весьма привлекательные цены, но основная часть их ценового преимущества «съедается» высокими таможенными тарифами⁶. Имели место даже случаи отказа турецких производителей текстиля и готовой одежды от участия в выставках, проводившихся в Израиле, под предлогом того, что высокие таможенные тарифы не позволят им войти на израильский рынок с конкурентоспособными ценами⁷.

Конечно, в условиях, существовавших в первой половине 90-х годов, задача взаимного освоения рынков оставалась актуальной для Турции и Израиля, но требовала предварительного тщательного изучения торговых возможностей сторон и поисков тех товарных групп, которые являлись взаимодополняющими для национальных экономик. Активный процесс этого поиска и взаимоприспособления рынков отражает не только повышательная динамика объемов двусторонней торговли, но и сравнительный анализ ее товарной структуры в 1994–1995 годах.

В 1994 г. структура экспорта Турции в порядке убывания стоимости (млн.долл.) наиболее крупных статей выглядела следующим образом: пшеница, в том числе, твердых сортов (19,8), клинкер (9,2), синтетические волокна (7,5), цемент (6,9), автотранспортные средства (6,3), древесина хвойных пород (5,5), ячмень (4,8), очищенный фундук (4,3), хлопчатобумажная пряжа (4,3), мрамор (4,2). Основными импортными статьями, расположенными в том же порядке, являлись продукция химической промышленности, в том числе, продукция органической химии (23,5), битумные массы (17,0) и полипропилен (7,4), хлопок (10,4), элементы питания (5,6), семена овощных культур (4,5)⁸.

В 1995 г. пшеница вообще не вошла в число экспортных статей Турции в рамках поставок, осуществленных в Израиль, зато на первое место вышли отсутствовавшие в товарной структуре экспорта 1994 г. нелигированные сорта стали (17,8). Второе по стоимости место сохранили за собой поставки клинкера (16,5). Неизменными остались позиции цемента при заметном возрастании стоимости поставок (15,7). На значительные суммы был осуществлен экспорт некоторых видов хлопчатобумажного трикотажного полотна (9,2). Заметно выросла стоимость поставок мрамора (6,5), тогда как синтетических волокон – снизилась (5,6). Новой экспортной статьёй стали и изделия из нейлона (полиамида) (4,0). Древесина оказалась отнесенной на последнее место в списке наиболее крупных статей экспорта Турции в Израиль, тогда как автотранспортные средства, ячмень, очищенный фундук не вошли в него вовсе. Что касается структуры турецкого импорта, то в 1995 г. она заметно расширилась: хотя в ней основное место по-прежнему занимали химические продукты (всего – 70,3), их ас-

сортимент стал шире за счет включения продуктов неорганической химии. А к сохранившим свои позиции хлопку (7,4) и семенам овощных культур (6,4) добавилась такая совершенно новая статья, как детали для сборки самолетов и вертолетов (5,2)⁹. Итак, изменения в структуре двусторонней турецко–израильской торговли, произошедшие в 1995 г., озаменовались началом взаимного присутствия в ней ведущих экспортных статей двух стран: текстиля (правда, представленного всего лишь двумя товарными подгруппами по одной единственной товарной позиции – трикотажное полотно (код по международной спецификации – 6002) и продукции черной металлургии для Турции и машиностроительной продукции для Израиля. Данное обстоятельство наряду с бросающейся в глаза подвижностью структуры двусторонней торговли свидетельствует о ее неустоявшемся характере, равно как и о том, что партнеры находились в состоянии поиска оптимальных вариантов торгового сотрудничества в условиях частично совпадающей экспортной специализации или в условиях совпадения основной направленности экспорта одной стороны с приоритетами развития национальной экономики другой. Кстати, попеременное наличие дефицита в двусторонней торговле то у одного, то у другого партнера также говорит о не сложившейся окончательно ее структуре. Правда, в 1994–1996 годах более высокие темпы роста турецкого экспорта по сравнению с импортом обеспечили Турции положительное сальдо на протяжении трех лет подряд¹⁰.

Подготовкой нового этапа в развитии торговых отношений Турции и Израиля следует считать подписание 14 марта 1996 г. соглашения о свободной торговле. Подписав данное соглашение, Турция использовала возможность для торгово–экономического сближения с Израилем, открывшуюся с началом действия с 1 января 1996 г. таможенного союза Турция–ЕС. Дело в том, что соглашение о таможенном союзе налагает на Турцию обязательство в течение пяти лет присоединиться к системе торговых преференций, в первую очередь – системе соглашений о свободной торговле, которые действуют между ЕС и некоторыми третьими странами, в том числе, Израилем. И хотя список государств, с которыми Турции предстоит подписать подобные соглашения довольно обширен (помимо Израиля он включает Венгрию, Румынию, Чехию, Словакию, Литву, Польшу, Болгарию, Словению, Тунис, Марокко, Египет, Эстонию и Латвию), Израиль оказался в числе первых. Видимо, данное обстоятельство не следует считать полностью случайным. Соглашение было подписано в ходе визита в Израиль президента Турции С.Демиреля, кстати первого за всю историю существования двух государств. На наш взгляд, данное обстоятельство убедительно свидетельствовало в пользу стремления турецкой стороны подкрепить начавшееся развитие военно–политических контактов между двумя странами¹¹ безотлагательным созданием договорно–правовой базы для расширения их экономических связей и тем самым по возможности оградить весь комплекс двусторонних отношений от колебаний внутриполитической конъюнктуры в самой Турции: ведь на момент

подписания соглашения убедительная победа происламской партии Благороденствия на парламентских выборах в Турции уже стала свершившимся фактом. Определенное значение для Турции, по всей видимости, имело и то обстоятельство, что на более тесные экономические отношения с Израилем в глазах своих арабских соседей она пошла как бы произвольно, в рамках обязательств перед третьей стороной, то есть Европейским Союзом. В какой-то мере в пользу особого политического подтекста соглашения о свободной торговле свидетельствуют и те, во многом объективные, ограничительные моменты, которые стояли на пути расширения двусторонних экономических связей в предшествовавшие годы. Однако не следует и преувеличивать значение данного обстоятельства: в число стран со схожей структурой экспорта, с кем Турции, тем не менее, предстоит заключить соглашения о свободной торговле или с кем она уже связана подобными соглашениями, относятся Венгрия, Чехия, Польша. По оценкам турецкой стороны, индекс схожести экспорта этих стран с экспортом Турции составляет соответственно 42, 42 и 45 при максимальном его значении 100¹².

Тем не менее, сам процесс выработки соглашения о свободной торговле между Турцией и Израилем с учетом известной степени схожести структур их экономик не мог носить беспроблемного характера: сторонам пришлось провести трудоемкую и кропотливую работу, направленную на поиск возможностей оптимального взаимоприспособления своих рынков. В результате появилась схема реализации на практике соглашения о свободной торговле, которое вопреки своему названию содержит довольно много временных ограничений и оговорок. Во-первых, положение о взаимной отмене действия таможенных пошлин и иных видов налогов на импорт начало действовать с мая 1996 г.¹³ в отношении только тех промышленных товаров, на которые не распространяется действие так называемого переходного периода. Что касается остальных, то применяемые к ним таможенные пошлины и подобные им налоги будут снижаться поэтапно с доведением до нулевого уровня к 1999 г.¹⁴ Тем не менее, по подсчетам турецкой стороны, беспошлинный режим импорта в рамках частично ограниченной схемы свободной торговли, которая использовалась непосредственно после начала действия соглашения, охватил бы 83% стоимости промышленного экспорта Турции, осуществленного в Израиль в 1995 г. По подсчетам же израильской стороны, новые условия торговли применительно к импортным закупкам промышленных товаров, осуществленным ею в Турции в том же, 1995 г., действовали бы в отношении 90% их стоимостного объема¹⁵. Данные показатели могут показаться недостаточно убедительными с учетом того обстоятельства, что лишь незначительная часть ассортимента текстильной турецкой продукции была представлена в товарной структуре экспорта Турции за 1995 г., в то время как готовая одежда отсутствовала в нем вовсе. Поэтому весьма важно уточнить, что с вступлением в силу соглашения о свободной торговле в числе других промышленных изделий режим беспошлинного ввоза был распростра-

нен приблизительно на половину ассортимента текстильных и швейных изделий (по 8-мизначной системе товарной кодификации, используемой в Израиле – на 800 товарных позиций)¹⁶.

Что касается тех видов промышленной продукции, либерализация торговли которыми должна осуществляться на протяжении переходного периода, то к ним относятся оставшаяся часть ассортимента текстильных и швейных изделий, а также такие промышленные изделия, с точки зрения экспорта которых Турция располагает значительным потенциалом, как продукция деревообработки, стекло, бумажные изделия, некоторые виды продукции черной металлургии, электромоторы, провода в изоляционной оболочке и некоторые другие. Эти виды промышленных изделий были поделены на два списка: первый включает перечень наименований тех товаров, ввоз которых израильская сторона намеревается освободить от взимания таможенных пошлин и подобных им импортных налогов уже до конца 1998 г. Во второй список включены наименования товаров, свободный импорт которых будет разрешен до конца 1999 г. При этом таможенные пошлины, действие которые сохраняется на протяжении переходного периода, с вступлением в силу соглашения о свободной торговле были одновременно снижены на 8–12% (речь идет о снижении абсолютных ставок пошлин). Сохранившаяся после этого ставка таможенных пошлин должна быть доведена до нуля к 1999 г. посредством трех последовательных снижений¹⁷. Таким образом, соглашение о свободной торговле в значительной степени открыло Турции столь желаемый для нее израильский рынок для экспорта текстиля и готовой одежды: половина номенклатуры соответствующих изделий уже со второй половины 1996 г. освобождена от уплаты всех видов импортных сборов, а второй половине было сразу же предоставлено снижение таможенных пошлин и альтернативных видов налогов на 30–80% по сравнению с уровнем налоговых сборов, действовавших в 1995 г.¹⁸

В свою очередь Турция также сохраняет временные ограничения на импорт из Израиля тех товаров, которые относит к «чувствительным к иностранной конкуренции». Такого рода товары подразделяются на три группы. К первой относятся товары, признанные «чувствительными» и в рамках действующего таможенного союза Турция–ЕС (кожаные изделия, бумажная тара, некоторые виды изделий из фарфора и керамики, железная проволока, кабель, легковые автомашины, минибусы и мидибусы, грузовые автомашины, тракторы, мотоциклы, велосипеды), а также некоторые виды продукции пищевкусовой промышленности или, иначе, некоторые виды переработанной сельхозпродукции. При этом график поэтапного снижения таможенных пошлин в отношении этих видов продукции при их импорте из Израиля такой же, какой предусмотрен Соглашением о таможенном союзе (таможенные пошлины должны быть приведены к нулевому уровню к 1 января 2001 года или же к 1 января 1999 г.). Вторую группу составляют товары, признанные «чувствительными» в рамках соглашения, действующего между Турцией и Европейским Объединением Угля и

Стали (всего 142 наименования товаров, контролируемых Объединением, таможенные пошлины в отношении импорта которых должны быть снижены до нуля к 1 августа 1999 г.)¹⁹. Наконец, в третью группу входят прочие «чувствительные» товары, куда включены те виды промышленной продукции, которые производятся в Турции и с точки зрения которых Израиль обладает особо высокой конкурентоспособностью. Любопытно, что эта группа включает некоторые виды готовой одежды, например, нижнее белье, спортивную одежду и купальные костюмы. В эту же группу входят и другие «чувствительные» товары, наименования которых были утверждены сторонами по взаимному согласию как являющиеся «чувствительными» для обеих сторон. На первой стадии переговоров по подготовке соглашения о свободной торговле стороны согласовали весьма широкий список подобных товаров, который затем был существенно сокращен. В него вошли лишь керамические прокладки для сантехники, раковины, ванны и некоторые другие виды керамических изделий. На момент вступления в действие соглашения о свободной торговле стороны взаимнообразно снизили таможенные пошлины на товары этой группы на 2/3, отменив с 1 января 1998 г. применение оставшейся части таможенного сбора²⁰.

Что касается торговли сельхозпродукцией, а также продуктами ее переработки, то на первой стадии действия соглашения о свободной торговле стороны предоставили друг другу льготы по вхождению на свои рынки в рамках установленных квот. Однако следует учитывать, что две страны близки географически и обладают схожими климатическими условиями, поэтому взаимные уступки в торговле данными видами продукции объективно могут носить довольно ограниченный характер. Турецкая сторона предоставила Израилю право неограниченного экспорта шоколада и сигарет, сушеного инжира, консервированных абрикосов, воды и пива; право экспортировать беспошлинно, но в рамках установленных квот – фундук, фисташки, сушеные абрикосы, рыбные консервы; право экспортировать в рамках выделенных квот при снижении таможенной пошлины на 20 или 50% – подсолнечное масло, вафли, консервированные оливки.

Израиль в свою очередь разрешил Турции экспортировать беспошлинно, но в рамках довольно ограниченных квот авокадо и манго, экспортировать при уплате сниженных таможенных пошлин в рамках выделенных квот семена овощей, некоторые виды фруктовых соков, бобовые, морковь. Кроме того, на некоторые виды турецкой переработанной сельхозпродукции Израиль распространил льготный режим импорта, действующий в рамках таможенного союза Турции и ЕС (речь идет об освобождении от таможенной пошлины промышленного компонента продукта, выделяемой по специальной расчетной методике)²¹.

Предполагалось, что после ратификации обеими сторонами соглашение о свободной торговле вступит в силу 1 мая 1997 г. С этой даты израильская сторона и начала применять в практике двусторонней торговли положения данного документа.

В июне 1996 г. к власти в Турции пришла правительственная коалиция, возглавленная лидером происламской Партии Благоденствия Неджметином Эрбаканом. Тем не менее турецким меджлисом соглашение было ратифицировано, хотя и не в начале 1997 г., как это предполагалась изначально, а в апреле. Видимо, в результате более поздней ратификации турецкая сторона не смогла к установленной дате завершить формальную процедуру, которая должна была предшествовать началу официального проведения турецко–израильского торгового соглашения в жизнь. Как мы полагаем, речь идет о правиле, согласно которому международные соглашения, подписанные Турецкой Республикой, вступают в силу с даты их опубликования в Официальной газете. Турецко–израильское соглашение о свободной торговле было опубликовано только 18 июля 1997г.²²

Поэтому в своем обращении, предшествовавшем открытию состоявшегося в конце мая 1997 г. заседания Турецко–Израильского Делового Совета, Габриэлла Кохен, глава Департамента внешней торговли Министерства промышленности и торговли Израиля, заявила о сокращении торговых льгот, предоставленных Турции в начале месяца²³. Двумя днями позже министры торговли двух стран пришли к компромиссному решению, в соответствии с которым турецкие таможенные власти получили распоряжение обеспечить для израильских товаров, ввозимых в Турцию, соблюдение условий, предусмотренных двусторонним соглашением о свободной торговле, несмотря на нерешенность бюрократических вопросов²⁴. С 1 августа 1997 г. турецкая сторона официально приступила к исполнению положений данного документа.

Отношение правительства, возглавленного лидером Партии Благоденствия Н.Эрбаканом, к соглашению о свободной торговле с Израилем, очевидно, укладывалось в рамки его позиции по отношению к турецко–израильскому соглашению о военном сотрудничестве от февраля 1996 г., которую государственный министр от Партии Благоденствия А.Гюль сформулировал следующим образом: «Если подписание этого соглашения легитимно, то возражений нет»²⁵. Таким образом, правительственному крылу исламистов пришлось вновь подтвердить прагматизм своей политики в таком сложном для них вопросе, как развитие торговых отношений с Израилем.

Каковы же ожидания турецкой стороны, связанные с реализацией соглашения о свободной торговле с Израилем помимо уже упомянутых возможностей расширения экспорта готовой одежды и текстиля²⁶ и насколько оправданными их считает израильская сторона?

В результате либерализации условий экспорта в Израиль турецкая сторона надеется реализовать свой экспортный потенциал в следующих отраслях:

– За последние несколько лет в результате активного привлечения иностранных инвестиций Турции удалось создать вполне конкурентоспособное автомобилестроение. Поскольку в Израиле производство авто-

транспортных средств незначительно, Турция надеется на хорошие перспективы сбыта на израильском рынке прежде всего мидибусов и легковых машин²⁷.

– По оценкам турецкой стороны, осуществление программы расселения эмигрантов, прибывающих в Израиль, и необходимость масштабного строительства на палестинской территории открывают возможности более широкого экспорта турецких строительных материалов, в том числе, цемента, стекла, продукции черной металлургии, алюминиевых строительных конструкций, деревянных дверей. Однако, что касается осуществления в Израиле силами турецких фирм строительных заказов, то несмотря на привлекательные цены, предлагаемые турками, подобные проекты вряд ли осуществимы из-за нежелания израильского правительства предоставлять разрешение на работу турецким строителям ввиду высокой безработицы в стране²⁸.

– По мнению турецкой стороны, для ее производителей существуют неплохие возможности увеличения экспорта в Израиль бытовой техники и телевизоров, которые израильской промышленностью производятся в ограниченных количествах.

– Хотя для турецких производителей готовой одежды из-за прочности позиций местного производства существуют лишь относительные перспективы укрепления своего положения на израильском рынке даже в условиях свободной торговли, Турция имеет хорошие возможности по расширению поставок импортируемого Израилем текстильного сырья: хлопка и хлопчатобумажной пряжи, акрила, полиэстра, шерстяных нитей.

В свою очередь, Турция считает целесообразным покрывать за счет закупок в Израиле следующие импортные потребности национальной экономики:

– Израиль имеет электронную промышленность, во многом опирающуюся на собственный научно-технический потенциал. Турция представляет собой достаточно емкий рынок для сбыта израильского телекоммуникационного оборудования, военной электроники, медицинской техники и оборудования для электростанций.

– Израиль, располагающий передовыми сельскохозяйственными технологиями, мог бы обеспечить потребности юго-восточного региона Турции, сельскохозяйственный подъем которого предполагается в рамках ирригационно-энергетического проекта юго-восточной Анатолии (GAP), в сельскохозяйственных машинах и оборудовании, оросительных установках, оборудовании для хранения сельхозпродукции и проч. Однако, по мнению главы Отдела Турции в Министерстве промышленности и торговли Израиля Дорона Аврахами, речь не может идти о привлечении израильской стороны к финансированию данного проекта. По его словам, европейские страны могут принять подобные предложения, так как их правительства предоставляют национальным компаниям специальные долгосрочные кредиты. Но Израиль не может себе позволить участвовать в финансировании проекта, он может предложить технологии и инженерные

решения, однако в вопросах финансирования ему придется искать партнеров в Европе или Америке, которые, как правило, предпочитают поддерживать свои национальные компании²⁹. Сдержанное отношение к финансовому участию в проекте юго-восточной Анатолии, высказанное официальным представителем о израильской стороны, компенсируется более заинтересованным отношением к нему израильских предпринимателей. В 1998 г. в турецкой прессе появились сообщения о заинтересованности деловых людей Израиля в создании совместных предприятий на юго-востоке страны: глава израильского экспортного института Амир Хаек заявил о намерении посетить в ближайшее время данный регион Турции и оценить перспективы инвестиционных проектов с участием израильских бизнесменов³⁰.

Следует отметить, что в ходе уже упоминавшегося выше визита Демиреля в Израиль (март 1996 г.) стороны наряду с соглашением о свободной торговле подписали соглашения о предотвращении двойного налогообложения и поощрении инвестиций. Тем самым они продемонстрировали готовность к взаимному созданию максимально благоприятного климата для совместных инвестиционных проектов. При этом общая формула инвестиционного сотрудничества выглядит следующим образом: участие турецкой стороны предполагается в форме предоставления дешевой рабочей силы и некоторых видов природных ресурсов, которыми она располагает; израильская сторона могла бы предоставить финансовые средства и технологии. В результате может оказаться возможным выход на мировой рынок с продукцией, конкурентоспособной как с точки зрения цены, так и качества.

С реализацией соглашения о свободной торговле Турция, по всей видимости, связывает надежды и на расширение торговли с некоторыми третьими странами при поддержке Израиля. При этом турецкая сторона подчеркивает, что Израиль, связанный соглашениями о свободной торговле со странами ЕС, ЕАСТ, а также США и Канадой имеет выход на рынок, потенциальная емкость которого исчисляется 650 млн. человек, населяющими соответствующие государства. С другой стороны, сама Турция кроме стран ЕС, с которыми она связана соглашением о таможенном союзе, и стран ЕАСТ, с которыми она подписала соглашение о свободной торговле, имеет особо близкие отношения с республиками Центральной Азии. Таким образом, за вычетом дублирующих направлений внешнеторговых связей Израиля и Турции остается возможность взаимного посредничества в интересах друг друга на рынках США и Центральной Азии. Однако в связи с подобными ожиданиями турецкой стороны израильские официальные лица превентивно заявляют, что возможность использовать Израиль в качестве черного хода для проникновения турецких текстильных и швейных изделий на рынок США далеко не просто. По условиям американо-израильского соглашения о свободной торговле, подписанного в 1985 году, товар классифицируется как произведенный в Израиле при использовании производственных компонентов из третьих стран только в

случае значительной степени их переработки (условием присвоения марки «сделано в Израиле» является такая степень переработки импортных полуфабрикатов, в результате которой добавленная стоимость конечной продукции возрастает не менее, чем на 35%). Поэтому турки не смогут просто привозить свои товары в Израиль и пересылать их в Штаты. Что действительно возможно, так это поставки нераскроенных тканей или даже волокна для производства тканей³². Кстати, именно к использованию подобных возможностей призывала местные текстильные фирмы в ходе состоявшейся летом 1998 г. поездки в Бурсу Торговый атташе Израиля в Турции Марие Франсе Майер³³.

С другой стороны, хотя, по мнению израильской стороны, Турция и способна выступить в роли посредника при налаживании связей с мусульманскими государствами бывшего СССР, похоже, в этом нет большой необходимости, так как Израиль уже имеет с ними прямые и перспективные связи³⁴. Однако категоричность некоторых официальных лиц Израиля в этом вопросе не согласуется с позицией министра промышленности и торговли Израиля Н.Щаранского. В ходе своего визита в Турцию, состоявшегося в марте 1998 г., министр провел ряд встреч с местными промышленниками с целью разработки совместной стратегии сотрудничества с исламскими республиками бывшего Советского Союза³⁵. Продолжая тему перспектив трехстороннего сотрудничества, отметим, что Израиль заинтересован в доставке российского газа через территорию Турции и далее по дну Средиземного моря к своему побережью. С целью проведения переговоров по данному вопросу в июле 1988 г. в Израиль должна была прибыть делегация Газпрома. Израиль надеется на подписание соответствующего соглашения в течение года с момента начала переговоров.

Что касается первых итогов действия соглашения о свободной торговле между Турцией и Израилем, то одним из них, очевидно, следует считать то, что в 1997 г. Израиль оказался в числе 20 стран, экспорт Турции в которые вырос наиболее заметным образом: поставки турецких товаров в Израиль в 1997 г. составили 391,5 млн. долл., увеличившись по сравнению с 1996 г. на 53,6%. Динамизм турецкого импорта из Израиля оказался менее выраженным — он вырос на 14%, составив около 225 млн.долл.³⁶ Анализ данных за первые шесть месяцев 1998 г. (См. Таблицу) позволяет прогнозировать по крайней мере не меньший объем экспортно—импортных операций в рамках двусторонней торговли в 1998 г. Оценивая динамизм, который развитию торговли двух стран придало вступление в силу соглашения о свободной торговле, Н. Щаранский заявил еще в марте 1998 г.: «Всего лишь около года действует соглашение о свободной торговле между Израилем и Турцией. За это время объем торговли возрос на 40%. Можно сказать, что Турция стала основным нашим партнером на Ближнем Востоке»³⁷.

Однако баланс двусторонней торговли и в 1997 г. был вновь сведен со знаком «плюс» в пользу Турции (См. Таблицу). В этой связи, на наш

взгляд, в прессе не случайно отмечалось, что цель упоминавшегося выше визита министра промышленности и торговли Израиля Н.Щаранского в Турцию состояла в укреплении экономических отношений между двумя странами и **исследовании путей увеличения израильского экспорта в Турцию**. По всей видимости, израильская сторона начинает испытывать обеспокоенность в связи с обозначившейся тенденцией к дефициту в торговле с Турецкой Республикой.

И наконец, следует упомянуть об активно развивающихся между двумя странами туристических связях. Их особенностью является явное преобладание потока туристов из Израиля, которых привлекают низкие цены на турецких курортах по сравнению с ценами в туристических центрах самого Израиля, а также доступность первых с точки зрения расстояния и времени перелета, дружелюбное отношение местных жителей и красота здешних мест. С 1996 г. из Тель-Авива ежедневно осуществляется 18 авиарейсов в различные города Турции. Если еще в 1991 г. туристы из Израиля вообще не посещали Турцию, то ныне их число составляет около 300 тыс. в год, что обеспечивает турецкой стороне валютные поступления в размере около 2,4 млн. долл. В то же время лишь 10 тыс. турок посещают Израиль в течение года в силу довольно высокой стоимости подобных поездок³⁸.

Оценивая перспективы довольно активно развивающихся торгово-экономических связей Турции и Израиля можно предположить, что их значимость постепенно выйдет за рамки, очерченные Н.Г.Киреевым в его статье «Турция и Израиль – стратегические союзники на Ближнем Востоке (хроника военно-политического сотрудничества в 1994–1997 гг.)». «Отмечая важность экономической тематики в начавшемся турецко-израильском диалоге о сближении, о сотрудничестве, казалось бы, многостороннем и прежде всего экономическом, следует сразу же подчеркнуть, что сближение так и не приобрело многосторонний характер. На первом плане все более отчетливо просматривались военно-политические аспекты этого сближения. Именно турецкие и израильские военные сделали главный «вклад» в начавшееся сотрудничество»³⁹. Торгово-экономические связи на базе соглашения о свободной торговле уже приобретают тот динамизм, который позволит им стать вполне самостоятельным сектором отношений двух стран, способным оказывать позитивное, воздействие на характер развития их контактов в прочих областях.

¹ См. Таблицу.

² Рассчитано на основании данных Таблицы.

³ Рассчитано на основании данных Аппарата торгового советника при посольстве Турции в РФ, *Turkiye-İsrail Ticaret Anlaşması*, s. 3 и 9, *Israel Yearbook*, с. 175.

⁴ См, подробнее: *Turkiye-İsrail serbest ticaret anlaşması*, с.20–23.

⁵ *Turkey. Economic Newspaper*, april 1998.

⁶ См. *Link magazine*, May 1994 (Risk vs reward).

- ⁷ См. там же.
- ⁸ См. Türkiye–İsrail Serbest ticaret Anlaması, с.14.
- ⁹ См. там же.
- ¹⁰ См. Таблицу.
- ¹¹ См. подробнее Киреев Н.Г. Турция и Израиль – стратегические союзники на Ближнем Востоке (хроника военно–политического сотрудничества в 1994–1997 гг.) – Ближний Восток и современность. Выпуск 5. Москва, 1998.
- ¹² См. Economist, 17.05.1998, с.28.
- ¹³ Подробнее о сроках вступления в действие двустороннего соглашения о свободной торговле см. ниже.
- ¹⁴ См. Türkiye–İsrail Serbest ticaret anlaması, с.20.
- ¹⁵ См. там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См. там же, с. 20, 22.
- ¹⁸ Там же, с.21.
- ¹⁹ По проблемам торговых отношений Турции и ЕС см. подробнее Ульченко Н.Ю. «Турция. Основные принципы внешнеэкономического регулирования. – Рынки Ближнего Востока. Москва, 1997.
- ²⁰ См. Türkiye–İsrail Serbest Ticaret Anlaması, с. 25.
- ²¹ Там же, с.26.
- ²² Там же, с. 15.
- ²³ См. Архив аппарата торгового советника при посольстве Турции в РФ.
- ²⁴ См. там же.
- ²⁵ The Dallas Morning, 11.08.1996.
- ²⁶ См. Türkiye–İsrail Serbest Ticaret Anlaması, С.27–28.
- ²⁷ В 1997 г. экспорт продукции турецкого автомобилестроения достиг 1,5 млрд. долл. При этом однако 1 млрд. приходился на продукцию вспомогательных производств. Достаточно широка география экспорта Турции по профилю автомобилестроение. Так, продукция фирмы Otayol поставлялась в Россию, Польшу, Украину, Азербайджан, Казахстан, Македонию, Болгарию, Ливан, Иорданию; продукция компании Otosan – в Балканские страны и республики Центральной Азии.
- ²⁸ См. LINK magazine, May, 1994.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Turkey Economic Newspaper, April, 1998.
- ³¹ Bursa Ekonomisi, 07.1998.
- ³² LINK magazine, May, 1994.
- ³³ Bursa Ekonomisi, April, 1998.
- ³⁴ LINK magazine, May, 1994.
- ³⁵ Вести, 26.03.1998.
- ³⁶ Подсчитано на основании данных Таблицы.
- ³⁷ Вести, 26.03.1998.
- ³⁸ The Dallas Morning, 11.08.1996.
- ³⁹ Киреев Н.Г. Турция и Израиль – стратегические союзники на Ближнем Востоке, – Ближний Восток и современность, Выпуск 5, с. 98.

РОССИЯ И ТУРЦИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ «ЧЕЛНОЧНОЙ» ТОРГОВЛИ

Возникновение «челночной» торговли как специфической разновидности международных торговых отношений, в которые в числе некоторых других стран в качестве экспортера оказалась активно вовлечена Турция, приходится на конец 80–х годов. Тогда в Турцию с целью вывоза товаров мелкооптовыми партиями для перепродажи в своей стране впервые прибыли физические лица из Югославии. Затем в качестве субъектов «челночного» бизнеса появились болгары и поляки. И уж вслед за ними кварталы стамбульского района Лялели – столицы «челночного» бизнеса – начали изучать граждане России и представители других республик оказавшегося к тому моменту бывшим СССР. То есть развитие «челночной» торговли происходило параллельно с либерализацией выездных режимов в странах бывшего соцблока, которые со временем в Турции были дополнены и облегченными вариантами въездных визовых правил. И тем не менее визовые послабления явились лишь вспомогательным условием стремительного роста объемов новой разновидности экспортно–импортных операций.

К основным причинам быстрого развития «челночной» торговли следует отнести целый ряд логически совпавших во времени и по–своему уникальных обстоятельств, которые возникли в постсоциалистических экономиках стран восточной Европы и СНГ на момент начала их движения к построению рыночного типа хозяйств. Первое из этих обстоятельств, в частности в России, состояло в отпуске цен на внутреннем рынке, за чем должно было последовать его наполнение в короткие сроки потребительскими товарами поначалу, очевидно, импортного происхождения. Поэтому, в России, например, до середины 1992 г. вообще не применялись ввозные таможенные пошлины в отношении товаров потребительского ассортимента, при том что рубль приобрел статус национальной валюты, конвертируемой на внутреннем рынке. Однако на первых порах встраивание ранее закрытых или полужакрытых экономик в мировую систему хозяйства, а значит и их постепенный переход к ценам мирового рынка неизбежно сопряжен с эффектом резкого падения платежеспособного спроса населения. Таким образом, для представителей экономически активного населения бывших соцстран открылась возможность успешного бизнеса, связанная с практически беспрепятственным ввозом и реализацией на национальных рынках дешевой продукции массового спроса. Ее поставщиками объективно могли стать страны типа Турции или Китая, которые, с одной стороны, уже успели достичь успе-

хов в наращивании своего промышленного и экспортного потенциала за счет более раннего начала рыночных реформ, а, с другой, при сохраняющейся дешевизне рабочей силы они были способны предложить и соответствующий ситуации уровень цен на свою продукцию¹.

При этом следует учесть, что к концу 80–х годов в негосударственном секторе турецкой промышленности наблюдался не только общий рост выпуска продукции, но и продолжала углубляться дифференциация между крупными и мелкими производителями. Крупный турецкий капитал, ориентированный по уровню качества на западноевропейские рынки, в тот момент лишь на них оказался конкурентоспособным в ценовом отношении. Поэтому предъявленный восточноевропейскими рынками и рынком СНГ новый спрос на очень дешевую и, возможно, не очень качественную продукцию означал, что наступил момент расцвета для многочисленных представителей малого бизнеса Турции. Заметим, что по данным турецкой промышленной статистики, в группе предприятий обрабатывающей промышленности с числом занятых свыше 10 человек, доля наиболее мелких предприятий с числом занятых до 25 человек составляет почти 47%. Одновременно статистика приводит данные и о численности мелких предприятий обрабатывающей промышленности, куда относятся предприятия с числом занятых менее 10 человек: она довольно стабильна и колеблется в районе 180 тыс. против приблизительно 11 тыс. предприятий с числом занятых свыше 10 человек². Таким образом, вырисовывается общая структура турецкой обрабатывающей промышленности, характеризующаяся абсолютным численным преобладанием мелких и мельчайших предприятий типа мастерских, ателье и проч. Подобные предприятия не могли предложить высокий технологический уровень производства, но могли проявить необходимую мобильность в налаживании производства из недорогого сырья тех самых чрезвычайно дешевых товаров, которые пользовались спросом на специфических рынках стран, экономики которых на тот момент находились в начале переходного периода.

В свою очередь преимущество «челночного» бизнеса перед закупками товаров, осуществлявшимися официальными торговыми фирмами, также состояло в его исключительной мобильности и свободе от всевозможных бюрократических препон, чинимых еще только формирующимся на тот момент законодательством о частном предпринимательстве.

Итак, мобильность малого и среднего бизнеса Турции оказалась дополненной мобильностью «челноков», новобранцы в ряды которых из-за крайне снизившейся стабильности традиционных сфер хозяйственной деятельности прибывали высокими темпами. Следует также отметить, что «челночный» способ транспортировки товара в виде личного багажа снижал ее издержки до стоимости авиабилета, что в полной мере укладывалось в концепцию доставки до потребителя максимально дешевых товаров. С другой стороны, минимизация транспортных издержек делала рентабельным их приложение к достаточно малой по стоимости партии товара. В результате встраиваться в ряды «челночной» торговли оказывалось возможным при весьма небольших суммах первоначального капитала. Для невольных наследников воплощенной в жизнь идеи материального

равенства при социализме, когда в действительности накопления абсолютной массы индивидов были незначительными и еще более уменьшились в результате денежной реформы конфискационного типа, проведенной в России, данное обстоятельство также оказалось немаловажным.

Итак, главный вывод, который можно сделать, состоит в том, что *«челночный» бизнес будучи порожден неординарными условиями переходных экономик очевидно, неизбежно сойдет на нет с окончанием переходного периода.*

В этой связи интересно отметить, что являющийся камнем преткновения «челночной» торговли вопрос о стоимости товаров, которые могут быть беспошлинно ввезены физическим лицом в Россию, давно решен для физических лиц, въезжающих в страны ЕС: ввозимые товары независимо от их стоимости в обязательном порядке облагаются фиксированной таможенной пошлиной. Причем если стоимость товаров, ввозимых из третьих стран, превышает 500 марок, а из стран ЕС – 1000 марок, то применяются ставки ввозных пошлин, используемые в обычной торговой практике. Фиксированные таможенные пошлины являются более высокими для третьих стран по сравнению с фиксированными пошлинами, применяемыми в отношении товаров, ввозимых физическими лицами из стран ЕС³.

В рамках начавшего действовать с 1 января 1996 г. таможенного союза Турции и ЕС турецкая сторона начала придерживаться аналогичного таможенного регулирования для товаров, провозимых в личном багаже физических лиц. Таким образом, западноевропейская практика вообще не предполагает возможности беспошлинного ввоза физическими лицами товаров из-за рубежа.

Жизнь в условиях переходной экономики предполагает переходный характер таможенного законодательства России. Причем речь идет как о его отличиях от соответствующего законодательства стран Западной Европы, так и о его подвижности или целенаправленном пересмотре в сторону постепенного преодоления существующих различий. Мы имеем в виду поэтапное снижение в законодательном порядке максимальной стоимости товаров, которые могут беспошлинно ввозиться физическими лицами в Россию. Впервые ограничения были введены в июле 1992 г.: максимальная стоимость товаров не должна была превышать 5000 долл. США. Новые ограничения начали действовать в 1993 г. На сей раз стоимостной лимит товаров был установлен в 2000 долл.⁴ И наконец, новые правила, изложенные в постановлении правительства РФ от 18 июля 1996 г., снизили предельную стоимость товаров для беспошлинного ввоза физическими лицами до 1000 долл.⁵ При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что в случае превышения указанного стоимостного лимита к ввозимым товарам применяются не общие ставки таможенных пошлин, используемые в обычной коммерческой практике в рамках так называемого общего порядка тарифного и нетарифного регулирования, а некая особая система таможенного налогообложения при условии, что стоимость партии товара не превышает 10.000 долл.⁶ В этом случае таможенные платежи должны взиматься по единой ставке – 30% таможенной стои-

мости товара или же взимаются фиксированные платежи в ЭКЮ за единицу товара или массы, величина которых зачастую превышает 30%-ную ставку⁷. При разработке данного порядка, по всей видимости, во внимание принимались оценки, в соответствии с которыми средняя стоимость партии товара, ввозимой челноком, составляет порядка 6000 – 8000 долл.⁸

Таким образом, можно сделать вывод об общей направленности российской политики в отношении «челночного» бизнеса. До недавнего времени это была политика, обеспечивавшая все более значительное участие государства, имеющего хронические бюджетные проблемы, в прибылях «челноков», но одновременно сохраняющая пока определенное жизненно-экономическое пространство для данного вида мелкого предпринимательства как а) приносящего некоторый налоговый доход государству и б) являющегося источником средств существования по различным оценкам для 10–30 млн. российских «челноков»⁹. Специалисты Государственного таможенного комитета введение очередного ограничения стоимости товаров, беспрошленно ввозимых физическими лицами в Россию, мотивировали «возникновением в экономике страны целой отрасли, действующей в рамках нелегального оборота и не приносящейся бюджет никакой прибыли»¹⁰. Ужесточение фискальных условий, в которых действует «челночный» бизнес, иной раз мотивируют и необходимостью защиты национальной промышленности. Однако превалирующим мотивом в этом процессе, на наш взгляд, все же остается стремление государства приобщиться к доходам довольно рентабельного и значительного по объемам «челночного» бизнеса (1995 г. в рамках «челночной» торговли из Турции в Россию было импортировано товаров на сумму около 4,5 млрд. долл., в 1996 г. и 1997 г. – на сумму порядка 5 млрд., хотя в 1997 г. отмечалось некоторое снижение объемов поставок – на 7–8%¹¹). Середина 1998 г. ознаменовалась попыткой проведения более жесткой таможенной политики российских властей в отношении «челноков», направленной на действительную уплату ими полагающихся сумм таможенного сбора. Однако поскольку проведение контролирующих мер оказалось затруднительным, а их эффективность грозила оказаться весьма невысокой из-за резкого снижения физических объемов «челночного» импорта, то вскоре было принято решение об отмене объявленных мер. Дальнейшая судьба «челночного» бизнеса в России напрямую связана с планируемым Центральным Банком изменениями режима валютного регулирования. Они способны в одночасье положить конец импортным операциям «челноков», однако, видимо, уже не в рамках естественного завершения переходного периода, а в рамках приостановки процессов трансформации российской экономики в экономику открытого типа.

А какова же позиция турецких властей в отношении «челночной» торговли? По оценкам, которые приведены в отчете Центрального Банка Турецкой Республики, подготовленном для МВФ, «челночный» бизнес ежегодно обеспечивает Турции 8–10 млрд. валютной выручки. По оценкам Союза мелких производителей («ремесленников» при дословном переводе с турецкого) Лялели соответствующие доходы составляют 20–25 млрд. долл. в год¹². При-

веденные статистические данные играют решающую роль при определении политики турецких властей в отношении «челночного» бизнеса: вполне отдавая себе отчет в специфическом характере данного вида торговли и невозможности ее устойчивого существования как порожденной особыми и при этом временными условиями переходных экономик, они стремятся всемерно поддержать «челночную» торговлю, продлив ее жизнеспособность как важно-го на сегодняшний день источника валютных поступлений. По всей видимости, следует попытаться дать более глубокую оценку значимости «челночного» экспорта для экономики Турции. Пристальное внимание в качестве фактора экономического роста он привлек внимание турецких экономистов и печати после финансово-экономического кризиса 1994 г., когда многие именно с «челночными» операциями во многом связывали быстрый выход экономики Турции из кризисного состояния. И действительно, турецкие экономисты считают, что основным фактором послекризисной реабилитации экономики и ее выхода на устойчивые и довольно высокие темпы роста – 7–8 % в 1995–1997 годах¹³ – стало расширение внутреннего рынка, поддерживаемое стимулирующей фискальной политикой государства. Тогда, если рассматривать «челночный» экспорт, до 1996 г. не фиксировавшийся таможенной статистикой, в качестве составляющей внутренней торговли страны, то несомненен ее вклад, при этом неинфляционный, в расширение емкости внутреннего рынка. Однако конкретный анализ динамики потребления частного сектора в 1994–1995 г., по-видимому, не сможет оказаться достаточно показательным в силу неучтенного характера основного объема продаж в рамках «челночной» торговли. Если же «челночные» операции включить в общий объем экспорта страны, как это начали делать турецкие источники в последнее время, то существенно возрастает роль внешнего рынка в общей стратегии экономического роста Турции. Последний подход особенно важен с учетом стоящих перед турецкой экономикой задач по финансовой стабилизации (среднегодовой рост потребительских цен составил в 1997 г. 86%)¹⁴, решение которых требует отказавшись от тактики перегрева экономики, сократить дефицит системы госфинансов, сузить внутренний рынок. Выполнение этих условий неизбежно обернется падением темпов экономического роста, ограничить которое можно будет лишь за счет усиления экспорториентированной стратегии развития. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что предотвращение снижения в ближайшие годы объемов «челночного» экспорта для Турции является важнейшим фактором смягчения весьма болезненных мероприятий по финансовой стабилизации и ограничению инфляции. Поэтому турецкая сторона по мере возможностей пытается создать систему мер, которые могли бы компенсировать неуклонное ухудшение финансово-экономических условий «челночного» бизнеса на российском рынке. Одновременно эти меры призваны облагородить «челночный» бизнес, решив ряд неприятных проблем, возникающих в ходе осуществления торговых операций. О каких же мерах идет речь?

Во-первых, внедряется система возврата налога на добавленную стоимость с товаров, приобретенных «челноками».¹⁵

Во-вторых, после принятия российской стороной уже упоминавшего последнего решения о снижении стоимости товаров, беспошлинно ввозимых физическими лицами, в Турции вдвое были снижены расценки на обслуживание чартерных рейсов наземными службами турецких аэропортов¹⁶. Кроме того, по имеющейся у нас информации, с 1 апреля 1998 г. турецкая сторона выплачивает авиакомпаниям, осуществляющим чартерные («челночные») рейсы, премии или субсидии в размере 1000 долл. за каждый рейс.

В-третьих, по сообщениям, появившимся в печати, в Турции планируется создание зоны «челночной» торговли в районе Анталы, где качество услуг по сравнению со стамбульским Лялели будет выше. Кроме того, в скором времени центрами осуществления «челночных» операций предполагается сделать Трабзон и Измир, тем самым диверсифицировав их географическое распределение по территории Турции и в ряде случаев приблизив к потребителям из СНГ. В районе самого Стамбула также предполагается создать новый хорошо организованный крупный центр «челночной» торговли¹⁷.

В-четвертых, в местах, наиболее часто посещаемых туристами из России и стран СНГ намечено создать бюро жалоб, организовать спецподразделения полиции по оказанию им помощи, охране мест их проживания в гостиницах¹⁸.

В-пятых, в большинстве таких гостиниц оборудованы складские помещения для хранения готовящихся к отправке товаров. К настоящему моменту уже налажена и будет совершенствоваться далее система транспортировки закупленного товара к пункту назначения. Если тенденция массового перерождения «челноков» в представителей организованной торговли, о которой настойчиво пишут в некоторых периодических изданиях, на наш взгляд, преувеличена, то совершенно реально то, что сегодняшний «челнок» – это скорее агент, производящий на месте отбор товара и лишь контролирующий его доставку на место, которая непосредственно осуществляется четко функционирующими при соответствующих гостиницах транспортными сервисными службами. В результате в личном багаже «челнока» находятся лишь товары, стоимостью до 1000 долл., необлагаемые таможенным сбором. Остальной багаж относится к категории товаров, которая в тексте последнего постановления Правительства РФ «О порядке перемещения физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации товаров, не предназначенных для производственной или иной коммерческой деятельности определены как «товары, ввозимые физическими лицами в несопровождаемом багаже», для которых и действует, как мы отмечали выше, особая система таможенного обложения.

Это новое более высокое качество торгового агента и стремятся закрепить за «челноком» турецкие власти.

Кроме того, в целях содействия «челночной» торговле Союз производителей и бизнесменов Лялели создали Совет по координации данного

вида торговых операций. Одним из его первых решений стало решение о создании специализированной таможни Лялели¹⁹.

В случае с «челночной» торговлей направленность государственной политики являет собой довольно редкий пример несовпадения с интересами крупного турецкого бизнеса. В начале 1997 г. Союз экспортеров текстильной продукции и сырья Стамбула подготовил специальный отчет, в котором были даны весьма негативные оценки «челночной» торговли²⁰. Аргументы, приведенные в отчете, таковы: валютные доходы, обеспечиваемые Лялели, оцениваются в 10–20 млрд. долл., но абсолютно невозможно поверить, что подобный уровень доходов обеспечивается за счет экспорта товаров. Несомненно, что в называемую сумму входят доходы от осуществляемых нелегально в этом районе операций по торговле наркотиками, а также от сексуальной эксплуатации приезжих женщин. В отчете также высказывается мнение, что еще одним важным источником дохода, аккумулируемого в Лялели, является торговля оружием. Второй аргумент Союза экспортеров состоит в том, что с доходов от «челночной» торговли государству практически не поступают налоги. Имеется в виду, что закупки, осуществляемые «челноками» у мелких производителей, в обоюдовыгодных целях не опосредуются выдачей счетов–чеков, являющихся основой для исчисления налога на добавленную стоимость, который должен уплачиваться последними. Отметим, что этот аргумент крупного турецкого бизнеса наиболее часто выдвигается им против его более удачливых, хоть и незаконнопослушных конкурентов на рынках Восточной Европы и СНГ. Кстати, само турецкое государство, примирившись с массовым уклонением от налогов в их среде, тем самым как бы предоставляет дополнительные льготы «челночной» торговле. По данным, приводимым в докладе, в Лялели насчитывается порядке 20 тыс. мелких торговых точек, работающих в основном по принципу совмещения производственных и торговых функций. Но лишь 3 тыс. из них официально зарегистрированы в Стамбульской торговой палате, а значит, платят налоги. Но самое главное негативное последствие бурного развития «челночного» бизнеса с точки зрения крупных текстильных фирм Турции состоит в испорченной имидже турецких товаров на соответствующих рынках. На наш взгляд, данная проблема действительно весьма серьезна. И в самом деле, приобретая сверхдешевые турецкие товары, наши соотечественники испытывали и продолжают испытывать разочарование в их качестве, которое объективно и не может быть высоким. Между тем, сложилось устойчивое мнение массового покупателя – «турецкий товар – значит плохой». Со временем данная проблема приобрела и новые аспекты. По мере роста покупательной способности населения России «челноки» довольно быстро перестроились на приобретение более качественных турецких товаров. Как отмечала газета «Made in Turkey», «русские покупатели уже не хотят подделок и некачественных товаров и поэтому устремили свой взор на фабрики по производству текстильных и швейных изделий»²¹. То есть с точки зрения контактов с представительными турецкими фирмами–

производителями «челноки» оказались впереди российских торговых фирм. В результате их точки сбыта частично оказались переориентированными на торговлю уже более качественными турецкими товарами. Очевидно, именно этой категории «челноков», отоваривающихся не в Лялели, а у солидных производителей, и адресована такая новая мера поддержки, как возврат НДС. На практике система действует следующим образом: на основании паспортных данных каждому покупателю выдаются чеки на купленные товары. Чеки предъявляются в специализированном бюро на таможенных пунктах для возврата НДС. В свою очередь, в Турции на официальном уровне приступили к разработке системы поддержки тех фирм–производителей, которые сотрудничают с «челноками»: предполагается освободить их от уплаты НДС, а также наделить правом беспошлинного импорта необходимого сырья и получения льготных кредитов.

Знаменательно, что на довольно часто проводящихся в Москве выставках турецких промышленных товаров наиболее активными клиентами являются все те же «челноки», которые знакомятся с фирмой и не будучи в состоянии заказать на фабрике оптовую партию товара, намерены навести ее склад при ближайшей поездке в Стамбул и закупить товар из запасов по оптовым ценам. Хотя сами турецкие бизнесмены и ждут крупных оптовиков, зачастую им приходится довольствоваться вниманием «челноков».

В результате можно говорить о возникновении весьма запутанной системы причинно–следственных связей: с одной стороны, товары турецких престижных фирм неохотно закупаются российскими торговыми компаниями, потому что они реализуются на рынках, исключаясь таким образом из ассортимента уважаемых магазинов, с другой – турецкие фирмы вынужденно «приторговывают» с Россией через вездесущих «челноков», не имея контактов с солидными российскими покупателями. В любом случае ситуация, сложившаяся на сегодняшний день, довольно трудна для крупного турецкого капитала, функционирующего в сфере швейной промышленности: успешно выполняя заказы крупнейших европейских домов моды, турецкие фирмы практически не имеют доступа на российский цивилизованный рынок, во всяком случае, под своим собственным именем.

Турецкие власти оказывают различные формы поддержки турецкому крупному бизнесу в его стремлении закрепиться на российском рынке. Причем речь идет не только о поддержке выставок турецких товаров и выделении субсидий турецким фирмам, открывшим в России свой магазин или представительство. Определенную роль в данном процессе играет открытие в России сети гипермаркетов РАМЭНКА (один из них уже существует в Москве), призванных в дальнейшем стать центрами реализации турецких товаров. Весьма большое значение в решении названной проблемы должно было бы сыграть и создание в Москве турецкого Центра Оптовой Торговли, о чем в 1996 г. была достигнута официальная договоренность турецкой стороны с Мэрией города. Однако ее реализация тор-

мозится рядом факторов субъективного характера, что на определенном этапе даже заставило участников проекта с турецкой стороны – Союз Экспортеров Турции, Союз Торговых Палат и Бирж Турции – попытаться сместить акцент в его реализации с Москвы на Киев. Оба названных проекта финансируются за счет кредитов, выделенных Экспортно-Импортным Банком (EXIMBANK) Турции. Рассматривается также возможность использования создаваемой в районе Шереметьево свободной экономической зоны в целях расширения экспорта турецких фирм в Россию.

Таким образом, власти Турции, по всей видимости, надеются преодолеть преграды, препятствующие вхождению крупных турецких фирм на рынок России.

Однако соглашаясь способствовать продвижению крупных турецких фирм на российский рынок, турецкие правящие круги вместе с тем не могут отказать в поддержке «челночной» торговли. Ибо как отмечал президент Всемирного банка М.Бруно «...временной горизонт многих экономических (можно добавить и политических – Н.У.) агентов недалек, а понимание будущих преимуществ неоднозначно»²².

¹ И по состоянию на сегодняшний день, стоимость рабочей силы, применяемой в обрабатывающей промышленности Турции, почти в 10 раз ниже, чем в Германии.

² См. *Turkiye istatistik yilligi* 1995, с. 377,379.

³ См. *Intermedya Ekonomi*, 1996, № 15, с. 21.

⁴ См. Постановление №1322 «О порядке перемещения физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации товаров, не предназначенных для производственной или иной коммерческой деятельности» – *Коммерсантъ*, 1994, № 01, с. 55–56.

⁵ См. Постановление правительства РФ от 18.07.96 № 808 «О порядке перемещения физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации товаров, не предназначенных для производственной или иной коммерческой деятельности».

⁶ См. там же.

⁷ *Коммерсантъ*, 14.06.1995.

⁸ *Сегодня*, 20.02.98.

⁹ *БИКИ*. 15.03.97 ТБ.

¹⁰ *Коммерсантъ*, 1994, №1, с. 2.

¹¹ *Сегодня*, 20.02.1998.

¹² *Radikal*, 03.10.97.

¹³ R.T. Prime ministry undersecretariat of Treasury. Selected indicators. May, 1998.

¹⁴ См. там же.

¹⁵ См. *Made in Turkey*, Monthly economic newspaper, Ist, 1997, May.

¹⁶ *Аргументы и факты*, 1996, № 10.

¹⁷ *БИКИ*, 15.03.97 ТБ, *Аргументы и факты*, 1996, №10.

¹⁸ *Made in Turkey*, 1997, May.

¹⁹ *Dunya*, 22.06.1998.

²⁰ См. *ekonomist*, 1997, 2 mart, s. 39.

²¹ *Made in Turkey*, 1997, May.

²² Бруно М. Глубокие кризисы и реформа. – *Вопросы экономики*. 1997. № 2, с. 19.

ИРАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАКАНУНЕ XXI–го ВЕКА

Анализ нынешнего курса внешней политики Ирана, проведенный в рамках одновременного анализа внутренней политики, особенно планов его экономического развития на ближайшее будущее, а также учет последних выступлений лидеров ИРИ, свидетельствует, что в XXI век страна, по всей видимости, вступит и будет эволюционизировать прежде всего и главным образом в качестве исламского теократического государства, развивающегося своим особым «третьим путем», а что касается собственно внешнего курса, то согласно уже устоявшейся и испытанной формуле – «Ни Запад, ни Восток, а ислам». Однако, видимо, лидеры ИРИ будут руководствоваться при этом Политическим завещанием Р. Хомейни, где покойный имам допускает и даже призывает своих преемников всемерно использовать «новации и нововведения» в науке, производстве и экономике в целом, что, по мнению первого лидера ИРИ, не только поможет прогрессу самого Исламского Ирана, но и процветания всего исламского мира¹. Предполагается поэтому, что в третье тысячелетие по христианскому летоисчислению Иран войдет на основе смешения и взаимного переплетения как основополагающих принципов ислама, так и некоторых экономических и социальных принципов мироустройства западного типа, например, введение норм рыночной экономики, не говоря уже о широком привлечении кредитов и займов Запада, использования его оборудования, машин и технологии «ноу-хау» и т.д. Очевидно также и то, что «допуск всего западного» будет тем не менее носить строго лимитированный и ограниченный характер, в рамках того что завещал Хомейни, не переходя очерченной им грани допустимого, и никоим образом не нарушая первейшей и главенствующей роли и места ислама во внутренней и внешней политике и по возможности в экономике.

Об этом красноречиво свидетельствуют факты внутривнутриполитической и внешнеполитической деятельности нынешнего руководства ИРИ, а также анализ его планов на будущее. И в этом отношении важно прежде всего отметить серьезное укрепление позиций правых консервативных сил в стране, за спиной которых всегда маячит фигура нового лидера ИРИ аятоллы А.Хаменеи. В то же время произошло значительное ослабление позиций той части прагматично–реформатского крыла иранских фундаменталистов, которое возглавляет бывший президент А.А.Хашеми–Рафсанджани. Прежде всего выросла роль и общий имидж лидера ИРИ аятоллы Али Хаменеи. В конце 1996 г. при помощи близких и преданных

ему великих аятолл Ирана Хаменеи, который сравнительно недавно получил из их рук сан великого аятоллы, сумел добиться того, что ему присвоили наивысший сан в исламской шиитской иерархии – марджа ат–таклида (образец, источник подражания – арабс. яз.) или, проще говоря, лидера всех шиитов мира, которых на начало 90–х годов насчитывается около 200 млн. человек или 10% от всего населения исламского мира, составляющего где-то 1,2 млрд. человек или 1/5 всего человечества на нашей планете². И это было достигнуто несмотря на то, что у Хаменеи ничтожно мало трудов по исламу, нет своей исламской школы и учеников, а главное, что ему нет еще и 60 лет, что в высших кругах шиитов–богословов считается весьма и весьма существенным недостатком. Но все это было компенсировано тем, что он лидер ИРИ, духовный революционный наставник и вождь иранских шиитов, а теперь и всех шиитов мира. Теперь волей судьбы он вознесен на место и положение имама Хомейни, и таких выдающихся аятолл в ранге мардже ат–таклида как покойные Араки, Гольпаегани и т. д.³ Естественно, что это потребовало от него сделать реверанс в адрес правых кругов иранского духовенства. И первой жертвой на этом пути стал Рафсанджани.

Дело в том, что в 1997 г. истек второй срок пребывания Рафсанджани на посту президента. По конституции Рафсанджани не имеет права быть избранным на третий срок. В конституцию можно было бы внести необходимые поправки, но только с согласия Хаменеи. Такого согласия Хаменеи не дал. Энергичный и независимый Рафсанджани был не нужен Хаменеи, ибо он как бы отодвигает фигуру самого лидера ИРИ в тень или на второй план. Это серьезно обеспокоило Хаменеи и новоиспеченный мардже ат–таклид, обвинив своего прежнего соратника и товарища по борьбе в «любви к Западу», постарался убрать его со своего пути. В мае 1997 г. как планировалось, на его место должен был бы быть избран более покладистый, сговорчивый и главное менее весомый в мире политики и ислама спикер иранского меджлиса А.А.Натек–Нури. Претендент известен своими связями с правыми кругами иранских фундаменталистов, особенно с так называемыми «базари», которые, кстати, в последнее время все активнее стали выступать против реформ Рафсанджани, и не потому только, что они носили западный характер, а поскольку затрагивали их торговые и финансовые интересы. Однако на выборах победил либеральный исламский деятель М.Хатами, друг Рафсанджани. Правые силы потерпели серьезное поражение, но не собираются сдавать свои позиции даже в свете тех прогрессивных преобразований, которые обещал Хатами в ходе предвыборной кампании и которые он начал проводить с августа 1997 г. после прихода к власти^{3а}.

И тому существует уже даже в настоящее время немало примеров. Это и попытки возродить на волне второго этапа исламского возрождения курс на экспорт исламской революции, от чего уже начал в свое время отрешиваться сам Хомейни, но возродил аятолла Хаменеи, в другие страны мира. Прежде всего это неудачные усилия по экспорту своей ре-

волюции в Турцию и Азербайджанскую Республику⁴. Активная поддержка правых сил исламистов в Судане, Алжире, Тунисе, Боснии, на Северном Кавказе и Центральной Азии и даже в России, а также попытки экспорта исламской революции в страны Латинской Америки в виде террористических актов, в частности, в Парагвае и Аргентине⁵. И, наконец, заявление в феврале 1997 г. полугосударственного фонда, контролируемого Хаменеи, о том, что он увеличивает гонорар за убийство английского писателя Салмана Рушди с 2 до 2,5 млн. долл., чтобы выполнить в конце концов волю покойного имама, осудившего в 1989 г. Салмана за его «мерзопакостную» книгу «Сатанинские стихи», на смертную казнь за оскорбление пророка Мухаммада и ислама в целом⁶. А ведь незадолго до этого уже были слухи о том, что в Тегеране готовы, если не отменить эту кроважадную фетву совсем, то открыто заявить, что ИРИ не намерена посылать убийц к Салману.

С другой стороны, в Исламском Иране в последние годы под воздействием экономических санкций США и неуверенности в лояльности стран Западной Европы и достижения независимости и от того и другого приоритетным направлением развития страны стал курс на становление национальной промышленности, которая смогла бы в самое ближайшее время удовлетворить потребности Ирана – «во всем», в чем нуждается высоко-развитое в промышленном и чисто потребительском плане государство, претендующее к тому же войти в число стран первой десятки держав мира. Это, в частности, нашло отражение во втором пятилетнем плане развития экономики Ирана на 1994–2000 гг., где, кстати, на почти 500 страницах текста слова – ислам и исламский – встречаются, как отмечает российский экономист–ирановед А.З.Арабаджян, всего раза два или три⁷. Осуществить такой план и, вообще, чтобы проводить курс на удовлетворение всех потребностей страны – «во всем» – нужна серьезная и основательная помощь и поддержка извне и прежде всего со стороны Запада как чисто финансового и технического порядка, так и научно–теоретического и социально–общественного плана. На первых же порах, конечно, безусловного принятия главных принципов рыночной экономики западного типа. Дальше – больше. Но не будем загадывать как это будет. Важно, что Тегеран понял, что без этих условий движение вперед ему заказано. И он, видимо, готов пойти на определенные серьезные жертвы. Правда, надеясь, что все это будет развиваться под неусыпным исламским контролем и, главное, под непроницаемым исламским декором, чтобы скрыть подлинность курса от исламских ревнителей «страж ислама» и всячески замаскировать его сущность. Отсюда собственно стремление опереться не только на ислам, но и в не меньшей степени и на Запад, особенно его признанные во всем мире идеи и принципы экономического направления. Примечательно, что, как отмечал орган деловых кругов Британии журнал «Экономист» в начале 1997 г., идеалом или моделью для Ирана, как это ни парадоксально, служат экономические реформы КНР, осуществляемые

там по примеру Запада, но на восточный манер, и конечно, без учета канонов и идей коммунизма и социализма⁸.

Хотя в Иране, вступившем по исламскому календарю только в 1377 год, официально ничего не говорят о таком важном и переломном для всего христианского мира периоде, как конец XX и начало XXI века, там тем не менее уже с начала 90-х годов, то есть со времени начала второй волны исламского возрождения, в высших эшелонах власти ИРИ открыто заговорили о том, что страна в ближайшем обозримом будущем превратится не только в ведущую региональную державу на Ближнем и Среднем Востоке, особенно в зоне Персидского залива⁹, но и должна, как того усиленно добивается ИРИ, войти в число великих держав мира, хотя бы и через «заднюю дверь». Не в открытую потому, что этого не позволит стране уровень ее социально-экономического порядка. В то же время в Тегеране почти уверены, что, если у них будет ядерная бомба, то они как бы автоматически войдут в клуб ядерных держав, а стало быть и в число великих держав мира, с которой, Исламским Ираном, должны и вынуждены будут считаться как малые и средние страны, так и великие державы, признавая ее как равную себе по обладанию «исламской атомной бомбой»¹⁰. Уместно к этому же добавить заявление президента Рафсанджани, сделанное еще в начале 90-х годов, о том, что Иран – не страна третьего мира, а государство, промышленный потенциал которого скоро достигнет уровня развитого Запада»¹¹. Это тем более будет легко достигнуть, по мнению Тегерана и лидера ИРИ аятоллы Хаменеи, что «интеллектуально иранцы идут впереди всех мусульманских наций» и некоторых других стран мира примером чему могут служить яркие достижения в развитии национальной оборонной промышленности или ВПК¹².

Достижение указанных целей планируется на путях развития как собственно экономики страны, ибо, как уже неоднократно указывал Рафсанджани, «бедный и слабый Иран – это позор для ислама» и это немедленно подтвердил лидер ИРИ Хаменеи¹³. Так и на путях усиленного роста военного потенциала страны и превращения ее в серьезный «центр силы» не только в регионе, но и в случае обладания ядерным оружием, – в глобальном масштабе. Прежде всего усиленно наращиваются вооруженные силы. И если после войны с Ираком в армии насчитывалось около 1 млн. чел., то на середину 90-х – 1,5 млн. человек. А если учесть хорошо подготовленный резерв запаса (солдат, офицеров, «стражей» и «басиджей» – народных ополченцев), то в случае войны или всеобщей мобилизации ИРИ может поставить под ружье армию в 10 млн. человек¹⁴. К тому же эта армия вооружена самым современным и высокотехничным оружием, включая химическое, бактериологическое и разрабатываемое ядерное и ракетное. Сейчас ИРИ успешно работает над созданием ракет стратегического назначения, которые смогут доставить оружие массового поражения в любую точку земного шара. И в этом большую помощь оказывают Ирану Северная Корея, КНР и Россия, руководство КНР, кстати, даже не

скрывало, что радо будет содействовать ИРИ в создании таких ракет, которые бы могли достичь Москвы!¹⁵

Определенные успехи достигнуты также и в области экономики, где рост ВВП составлял в последние годы 7,7% в год. По этому показателю (131,1 млрд. долл. в 1993 г.) Иран занял 23 место в мире. Интересно отметить, что Турция, например, заняла по тем же показателям и на то же время 26 место (ее ВВП составил 115,8 млрд. долл.)¹⁶. В целом это приближается к соответствующим показателям развития стран Восточной Азии, так называемых Новых индустриальных стран (НИС), видимо, подтверждая тем самым прогнозы известного английского экономиста-футуролога Джона Найсбита о том, что «XXI век – это век Азии» или «азиатский век»¹⁷. К числу наиболее эффективных мер по развитию экономики ИРИ можно отнести меры по внедрению главных принципов рыночной экономики западного типа, – чего усиленно добивался Рафсанджани и тормозил по мере возможности Хаменеи – по стремлению уменьшить зависимость страны от доходов от нефти, увеличению ненефтяного экспорта (с 3,4 млрд. долл. в 1989 г до 5,4 млрд. долл. в 1999 г.¹⁸, по проведению курса на самообеспеченность «во всем», особенно по промышленным и продовольственным товарам¹⁹, сокращению импорта товаров, в частности, тех, которые могут быть произведены в самом Иране, по сокращению безработицы, по развитию просвещения и здравоохранения, а также борьбы с нищетой и бедностью в стране, где по данным газеты «Салам», в начале 90-х годов 60% населения страны жило ниже черты бедности, когда «человеку хватает денег только на то, чтобы не умереть с голода»²⁰.

Что касается собственно внешней политики Исламского Ирана в XXI веке то он, видимо, продолжит курс, выдвинутый на вторую пятилетку – 1994–2000 гг. по нижеследующим главным принципам внешнеполитической деятельности:

1. Обеспечению безопасности государства и устранению внешней угрозы,

2. Обеспечению территориальной целостности страны путем поддержания добрососедских отношений с граничащими с ИРИ государствами,

3. защите всех мусульман мира с учетом приоритетов Ирана,

4. Распространению и пропаганде исламской культуры в мире,

5. Обеспечению условий для привлечения иностранных капиталов, вложений и импорта технологий²¹.

При этом, как например, утверждает английский специалист по Ирану г-жа Барбара Смит в приложении к журналу «Экономист» за 18 февраля 1997 г., в настоящее время Иран в своей внешней политике придерживается следующих приоритетов:

1. Многочисленные соседние государства: Кавказ, Центральная Азия, страны Персидского залива, Афганистан и Ирак,

2. Исламский мир, Юго–Восточная Азия, Россия,

3. Страны развивающегося мира (или «третий мир»),

4. «Страны, которые могут удовлетворять наши потребности и нужды». Другими словами, ИРИ поставила, по мнению автора, «спесивый» западный мир на «свое место», в крайнем ряду всего пространства ее внешнеполитической активности. Таково, повторю, мнение английской исследовательницы.

Характерной особенностью внешней политики ИРИ, как уже упоминалось, является «распространение и пропаганда исламской культуры в мире» или так называемый курс на экспорт исламской культурной революции. Он предполагает экспорт революции главным образом насильственным вооруженным путем. А это ничто другое, как открытая агрессия и экспансия, что, естественно, вызывало и вызывает отрицание, критику и полное неприятие со стороны подавляющего числа стран, в том числе и мусульманских. Не случайно, что это побудило еще Хомейни принять меры, чтобы постараться как можно скорее и основательнее освободиться от такого рода критики. Хомейни решил сделать это, заявив, что впредь ИРИ будет экспортировать только исламскую культурную революцию и отказывается от курса экспорта просто исламской революции или от прямых методов агрессии. Однако по канонам ислама культура считается частью ислама при том не его самой главной²¹. Поэтому авторы вновь изобретенной формулы исламской направленности деятельности режима, пытаясь скрыть за новой вывеской главную сущность своей внешней политики, которая фактически осталась прежней и по-прежнему носит агрессивный характер, практически исповедуют прежние методы и идеи и так же претворяют их в жизнь, только под другим камуфляжным прикрытием. Более того, иногда иранские лидеры в порыве эмоций срывают эти покрывала и говорят начистоту. Так, выступая в конце 1992 г. перед муллами, лидер ИРИ аятолла Хаменеи прямо заявил, что «Экспорт исламской революции является постоянной заботой Исламской Республики», упомянув такие страны, где Иран активно проводит свой истинный курс, как Ливан, Судан, Йемен, Иорданию, Алжир и оккупированные арабские территории²³. На эти цели, по данным американских разведывательных служб, только в 1992 г. ИРИ потратила 186 млн. долл. на поддержку радикальных исламских движений, главным образом в странах Ближнего и Среднего Востока, в том числе в Судане – 50 млн. долл., Хезболлахам – в Ливане – 48 млн., Исламскому фронту спасения в Алжире – 20 млн. долл. и т.д. Это не включает в себя оказание финансовой помощи и помощи оружием и другими видами поддержки исламских фундаменталистов повсюду в мире и даже в Латинской Америке, которую в Тегеране считают как бы плацдармом, если не прямого нападения на США, то уж проведения террористических актов и актов возмездия наверняка.

Возвращаясь к указанным приоритетам английской исследовательницы Барбары Смит, позволю себе несколько не согласиться с ее определением и отметить, что за последнее время, пожалуй, главным приоритетным направлением внешней политики ИРИ следует признать Россию, особенно после скандала в ФРГ, где лидеров Ирана прямо обвинили в

причастии к международному терроризму. Практически до последнего времени вторым приоритетным направлением были отношения со странами Запада, хотя официально Тегеран всегда подчеркивал, что на первом месте у него – это связи с государствами исламского мира. После России ИРИ большое внимание уделяет новым республикам Закавказья и Центральной Азии, в частности, Организации экономического сотрудничества (ОЭС), куда входят эти республики плюс Иран, Турция, Пакистан и Афганистан (всего 10 стран) ОЭС занимает площадь, равную где-то площади США, на которой проживает 300 млн. человек населения. В чем-то ОЭС по этим параметрам приближается или равна таким крупным интеграционным объединениям как Общий рынок в Европе и АСЕАН в Азии²⁴. Не случайно, что руководство ОЭС считает своей основной задачей установить связи с этими организациями, чтобы использовать их опыт в своей деятельности по совершенствованию этого альянса.

В настоящее время ОЭС для ИРИ играет важную роль не столько как чисто экономический союз, сколько как возможность его использования для создания так называемого «исламского общего рынка». С другой стороны, Турция не прочь использовать его же для создания «общего тюркского рынка». К сожалению, эти идеи объединяет общая антирусская и антироссийская направленность такого рода рынков и стремление ИРИ и Турции выдвинуть Россию из этого обширного региона ее традиционных интересов политического, экономического, военного и культурного характера²⁵.

Более того, иранский ВПК с благословения аятоллы Хаменеи и Рафсанджани предпринимает скрытые и нередко открытые шаги по использованию предприятий ВПК стран Закавказья, особенно Центральной Азии, в своих собственных военных интересах, по созданию, в частности, атомной бомбы и ракет стратегического назначения²⁶.

Для России сотрудничество с Ираном важно в том плане, что Тегеран открыто выступил против продвижения НАТО на Восток, а также на южный фланг НАТО, через Турцию и страны зоны Персидского залива – против своего очередного врага – Исламского Ирана²⁷. Это происходит в силу того, что ИРИ осуждает Израиль – стратегического союзника США на Ближнем Востоке, а также выступает против Саудовской Аравии и Египта, союзников США в этом регионе, которые, в свою очередь, приветствуют НАТО и его движение на восток и на юг, поскольку рассматривают его как щит и защиту от возможной агрессии Ирана, а также инструмент борьбы с неверными в «безбожной» России.

Конечно, в такое время, когда большинство стран Восточной Европы и даже ближнего зарубежья стремятся стать членами НАТО, союз с Ираном интересен России в чисто тактическом плане, поскольку сейчас мало можно найти государств, которые бы открыто выступали против НАТО. Правда и то, что наша дружба с Ираном и Ираком отрицательно сказывается на наших связях с арабским миром, а ведь это 28 стран с населением около 150 млн. человек²⁸.

Ирана серьезно опасаются и страны Персидского залива, особенно после того как в начале 90-х годов Тегеран фактически стал единовластным хозяином трех стратегически важных островов в Ормузском проливе – Абу-Муса, Большой и Малый Томб и изгнал представителей ОАЭ на этих островах. Именно поэтому княжества Залива видят в лице Ирана своего потенциального противника и ищут и находят защиту у Саудовской Аравии и США. Поэтому они не против НАТО и расширения этой организации, которая, как это им видится, может со временем обуздать агрессивные намерения Тегерана и защитить их независимость. Наша дружба и сотрудничество с Ираном отталкивает эти арабские страны от России. Это хорошо было видно, например, во время последней выставки военной техники в Абу-Даби, где эти страны отказались покупать российское оружие, поскольку считают, что поддержка Россией Ирана, особенно в военном плане, не отвечает их национальным интересам, подрывает их национальную безопасность и наносит ущерб стабильности в регионе. Эти страны, а также США, обеспокоены последними шагами по укреплению и расширению военного присутствия ИРИ в Ормузском проливе. Там ИРИ создала сеть своих военных баз, оснащенных подводными лодками российского производства и главное установила ракетные площадки класса «земля–поверхность». Таким образом, Иран как бы закупорил «бутылку» в виде Залива и фактически запер 5-й флот США и других стран-членов НАТО в Заливе. Не случайно, что в конце 1996 г. министр обороны США назвал Иран в числе своих основных врагов, представляющих наибольшую опасность Соединенным Штатам²⁹.

И как это ни парадоксально, но некоторое время спустя, министр обороны России Игорь Родионов, со своей стороны, также назвал Иран в числе врагов потенциального характера³⁰. Правда, это было сказано по другим причинам и в силу других обстоятельств. Но факт остается фактом, что Иран стал превращаться в последнее время в «центр силы» не только в своем регионе, но и за его пределами. И дело серьезно осложняется тем, что ИРИ рвется к ядерному оружию, наращивает свою армию, накапливает оружие массового поражения и т. д. Конечно, после недавнего визита в РФ спикера иранского меджлиса А.А.Натек-Нури в апреле 1997 г. наши отношения еще больше сблизились. Однако нельзя забывать и тот факт, что ИРИ часто проводит по отношению к РФ, да и к некоторым другим странам помимо официального курса еще и так называемый неофициальный курс, который непредсказуем в ряде случаев и его трудно планировать и особенно предусмотреть, а потому и принять надлежащие контрмеры.

В связи с этим следует отметить, что Иран в целом подходит к России с двойной политикой или политикой двойного стандарта. Одна из них – официальная линия направлена на то, чтобы всемерно крепить связи ИРИ с РФ и даже больше: добиваться стратегического партнерства³¹. Что же касается второй неофициальной линии, за которой стоят правые радикальные круги иранских фундаменталистов, то ее сторонники продолжают

рассматривать РФ в качестве «врага номер два» и «Малого Сатаны», «оплота неверных» «безбожное» и «атеистическое» государство, с которым следует вести джихад. Они, эти радикалы преследуют цель установить власть ислама в России, либо в худшем случае, вернуть себе (ИРИ) все те земли и территории, которые Россия когда-то отвоевала у Персии³². И в этом плане ИРИ довольно активно действует в антироссийском и антимосковском плане на Кавказе, особенно в Чечне, в Центральной Азии, в частности, в Таджикистане, в Боснии и даже в самой России, тех ее регионах, где проживают российские мусульмане, которых насчитывается до 20 млн. человек³³. Связи эти поддерживают ведущие лидеры ИРИ, в частности аятолла Хаменеи. Что же касается бывшего президента Рафсанджани, то уместно было бы напомнить, что сравнительно недавно, в начале 80-х годов, тогда еще спикер иранского меджлиса Рафсанджани, предсказывал, что вслед за победой ислама в Иране следует ожидать такого же рода победу ислама в СССР, КНР и Франции³⁴. Не исключено поэтому, что ИРИ и в будущем, возможно, если не усилит, то сохранит на прежнем уровне свой особый исламский подход к России, вынашивая далеко идущие планы установления власти ислама путем экспорта туда исламской революции или еще каким-либо образом.

Что касается Турции, то с приходом там к власти происламской Партии благоденствия (ПБ) во главе с Н.Эрбаканом, который стал в конце 1996 г. премьер-министром этой страны, влияние Исламского Ирана там настолько возросло, что это серьезно обеспокоило армию Турции. Традиционно турецкие вооруженные силы стоят на страже «священных» принципов и заветов Ататюрка по сохранению страны в качестве светского и демократического государства. А как заявил недавно замначальника генерального штаба Турции Чевик Бирав: «Иран – это террористическое государство», которое к тому же «экспортирует свою революцию в Турцию»³⁵. Армия пригрозила, что может совершить очередной военный переворот, если власти будут потворствовать правым исламистам и их иранским спонсорам. Скандал принял нешуточный характер и турецкие лидеры, в том числе и Эрбакан, были вынуждены уступить.

Кстати, отношения Турции и ИРИ настолько осложнились в начале 1997 г. что министр иностранных дел ИРИ А.А.Велаяти был вынужден посетить Анкару и заверить турецкую сторону о том, что Тегеран вовсе не намерен экспортировать свою революцию в Турцию. Он также высказал надежду на то, что «здравый смысл позволит решить имеющиеся в отношениях с Турцией проблемы», в чем заинтересованы как Тегеран, так и Анкара³⁶. Как бы там ни было, но на этом примере можно без труда прийти к выводу о том, что утверждения иранских богословов об отказе от курса экспорта исламской революции в другие страны далеки от действительности. На этот раз светская Турция вновь устояла под натиском своего исламского соседа, решительно отвергнув попытки турецких и иранских фундаменталистов перевести страну на исламский путь развития в чем-то схожий с тем, по которому эволюционирует ИРИ.

В 1997 г. перед созывом саммита ОИК в Тегеране были приняты меры к нормализации отношений с Турцией. Стороны направили в Тегеран и в Анкару своих послов, и напряженность в связях двух стран стала падать.

Этот курс на продолжение экспорта исламской революции явственно проявился в отношениях ИРИ с Бахрейном, а также с ОАЭ. Так, в 1994, 1995 и особенно в 1996 годах на Бахрейне, 75% жителей которого составляют шииты, тогда как руководящая верхушка состоит из суннитов, прошли крупные антиправительственные выступления и было совершено несколько террористических актов. Манама обвинила Тегеран в поддержке оппозиционеров и подготовке антигосударственного заговора с целью свержения существующего режима. Почти весь арабский мир встал на сторону Бахрейна и осудил действия Тегерана за его попытки экспортировать исламскую шиитскую революцию на Бахрейн³⁷. После прихода к власти Хатами Тегеран принял меры к нормализации отношений с Бахрейном и перестал поддерживать местных шиитов–сепаратистов, выступавших против центрального правительства Манама.

Наряду с этим у Ирана в начале 90–х годов серьезно обострились отношения с ОАЭ из–за спорной принадлежности трех островов в Ормузском проливе – Абу–Муса, Большой и Малый Томб. И если до этого времени Иран управлял этими островами совместно с властями ОАЭ, то с 1992, и особенно 1993 года ИРИ полностью захватила всю административную власть на островах и решительно стала отвергать территориальные претензии на них со стороны ОАЭ, в частности княжеств Шарджи и Рас–аль–Хайма, у которых Иран узурпировал эти острова еще в 1971 году при шахском режиме³⁸. Претензии княжеств, а также ОАЭ в целом, были поддержаны почти всем арабским миром, страны которого выступают за безусловное возвращение указанных островов их законным арабским владельцам: Шардже и Рас–аль–Хайме³⁹. По указанию Хатами министр иностранных дел нового правительства ИРИ К.Харрази провел серию переговоров с властями ОАЭ. Было решено вернуться к положению, существовавшему до 90–х годов, т. е. Островами стали опять управлять иранские и арабские власти. Напряжение в отношениях ИРИ и ОАЭ было таким образом снято.

В конце 1996 – начале 1997 гг. арабские страны Залива, а также США, стали высказывать большую озабоченность военными мероприятиями Ирана в Ормузском проливе, где иранские вооруженные силы установили патрульную службу своих судов, в том числе и подводных лодок, базирующихся на островах Абу–Муса, Большой и Малый Томб. Кроме того, на этих островах и на иранском побережье пролива ВМС ИРИ разместили ракетные комплексы класса «земля–поверхность», оснащенные морскими ракетами китайского и северокорейского производства. Там же были созданы военные базы ВМС и ВВС Ирана самого различного назначения и направленности, что в целом подвело военное присутствие ИРИ в этом регионе, и особенно проливе, до опасной черты. Эти шаги представляли прямую угрозу военному флоту США в Заливе. И не случайно, как

уже отмечалось выше, Пентагон устами своего министра обороны причислил Иран к своим противникам, представляющим непосредственную опасность для безопасности США и их союзников. Однако ИРИ решительно отвергла эти «необоснованные» обвинения. Министр обороны ИРИ генерал Мохаммад Форузанд во время посещения Катара в мае 1996 г. в свою очередь обвинил США «в открытой и ясной агрессии» против Ирана, а выпады Вашингтона назвал «частью ложной американской пропагандистской кампании против Ирана»⁴⁰.

Неприятности продолжаютс^я и в отношениях Ирана с Саудовской Аравией. На этот раз поводом к этому послужил террористический акт против американских военнослужащих, размещенных в стране, в частности, около города Дахран, где 25 июня 1996 г. в результате этого акта погибло 19 американских солдат. Саудовские органы безопасности арестовали 40 шиитов, многие из которых были уличены в связях с Ираном⁴¹. Поэтому Эр-Рияд обвинил Тегеран в причастности к организации этого теракта и посоветовал Вашингтону нанести ответный удар по военным объектам ИРИ в качестве возмездия. Однако американцы не спешат и считают, что еще слишком мало доказательств причастности ИРИ к этому взрыву. Со своей стороны, Тегеран решительно стал отрицать свое участие в этом акте террора. И хотя США отложили на какое-то время свое возмездие, это не только осложнило ирано-американские отношения, сколько собственно сами ирано-саудовские, что в целом негативно сказалось на всем комплексе ирано-арабских отношений на Ближнем и Среднем Востоке, особенно в зоне Персидского залива⁴².

В 1997 г. были нормализованы также и отношения Ирана с Саудовской Аравией. Туда выезжал Рафсанджани в качестве представителя лидера ИРИ А.Хаменеи, которого тепло встретили в Эр-Рияде, а наследный принц Абдулла посетил с дружеским визитом ИРИ. Отношения двух стран наладились.

В самом негативном плане это отразилось и на ирано-израильских отношениях, поскольку Израиль является стратегическим союзником США в этом регионе. Вообще то Иран проводит в отношении Тель-Авива двойственную политику. Официально ИРИ выступает за уничтожение Израиля как государства, что делается в угоду правым клерикальным кругам самого Ирана и всего исламского мира⁴³. В то же время практически прагматичный Иран продает через вторые и третьи руки не менее прагматичному Израилу нефть и покупает там оружие и некоторые другие товары, включая даже военную технологию и военные разработки некоторых видов оружия западного образца⁴⁴. Это весьма выгодно обеим сторонам по многим причинам, ибо проблемы с арабским миром имеются не только у Тель-Авива, но как это было освещено выше, и у Тегерана. Не случайно хорошо осведомленный еженедельник Франции «Монд дипломатик» недавно задался таким риторическим вопросом: «Хочется спросить Исламскую Республику Иран, не заключается ли его стратегический интерес в увековечении Израйля, что сорвало бы возможные попытки воссоздать

арабскую гегемонию с центром в Ираке»⁴⁵. Не случайно, что еще в феврале 1993 г. начальник генштаба Израиля генерал-лейтенант Эхуд Барак заявил, что не рассматривает Иран в качестве «противника, готового к ведению военных действий» против Тель-Авива. И, как особо подчеркнул Барак, «Хотя Иран оказывает поддержку некоторым террористическим организациям и наращивает собственные вооружения, маловероятно, что от него может исходить непосредственная угроза Израилю»⁴⁶.

Тем не менее, чтобы уверить всех мусульман в мире, особенно в арабском в том, что Исламский Иран всегда стоял и будет стоять на стороне арабов-мусульман, в частности, их радикально настроенной части, Тегеран продолжает выступать против палестино-израильских переговоров и в поддержку высказывания покойного Хомейни о том, что «освобождение Палестины возможно исключительно вооруженным путем», без участия и вмешательства великих держав, силами только самих исламских стран, а не США или РФ⁴⁷. Именно такая позиция Ирана является одним из существенных разногласий ИРИ с РФ, руководство которой является коспонсором мирного и неотложного решения ближневосточной проблемы, стержнем которой, как известно, является урегулирование палестинской проблемы⁴⁸.

Заслуживают внимания и отношения Ирана с его давним противником и нынешним оппонентом – Ираком. После поражения Ирака в войне с Кувейтом в 1991 г. от многонациональных вооруженных сил во главе с США и Саудовской Аравией, Иран на какое-то время примирился с Багдадом, который, кстати, почти полностью выполнил все пункты резолюции 598 от 1987 г., надеясь что Тегеран поддержит его в войне с его злейшим врагом – США. Но Тегеран занял нейтральную позицию. После разгрома армии С.Хусейна ИРИ стала поддерживать антиправительственные выступления иракских шиитов на юге и иракских курдов на севере страны, а также за свержение власти С.Хусейна и его партии Баас. Однако Саддаму удалось подавить восстания и на юге и на севере Ирака. Тогда огромные массы беженцев устремились из Ирака в Иран и другие страны.

В настоящее время отношения двух стран, которые были восстановлены в октябре 1990г., фактически находятся в кризисном состоянии. Чтобы добиться их значительного улучшения, Багдад должен, как считает Тегеран, прежде всего выполнить два последних пункта резолюции 598: признать себя страной-агрессором в той прошлой войне с Ираном, а в связи с этим выплатить Ирану военные репарации за ущерб, который Ирак нанес Ирану в ходе той войны 1980–1988 гг. Кстати, Тегеран оценил общие убытки от восьмилетней войны в размере 1 трлн. долл. Тегеран очень надеется, что с помощью ООН ему удастся добиться официального признания Ирака на международном уровне страной-агрессором, что открывает путь к требованию Ирана по выплате военных репараций, которые в ИРИ определяются в сумме где-то 500–800 млрд. долларов. Из-за экономического эмбарго Багдад сейчас не в силах платить не только по этому счету, но и по другим счетам. Поэтому ИРИ не спешит с предъявлением

финансовых претензий к Ираку, но когда он начнет экспорт нефти и получать от нее доходы, то, видимо, Тегеран возобновит свои требования по осуществлению 8-го пункта резолюции 598, требующего от Ирака оплатить ущерб Ирана от войны, которую начал в 1980 г. Ирак⁴⁹. И, наконец, что касается еще одного соседа Ирана – Афганистана, то после падения там в 1996 г. правительства Б.Раббани и захвата отрядами движения Талибан более 3/4 территории страны вместе с Кабулом⁵⁰ ИРИ стала проводить политику поддержки свергнутого Б.Раббани и отказалась официально признать новый режим талибов в Кабуле. Дело в том, что участниками этого крайне правого экстремистского крыла исламского движения были в основном пуштуны–сунниты, которые выступают не только против равноправия с другими национальными меньшинствами Афганистана – таджиками, узбеками и хезарейцами, но и особенно против афганских мусульман–шиитов. А их насчитывается где-то около 20% населения или около 3–х млн. человек⁵¹. Талибы не хотят считаться не только с национальными чаяниями меньшинств по вопросу обретения ими какой-либо автономии в рамках целостного Афганистана на федеративных началах, но и ведут воинственную антишиитскую политику подавления, притеснения и унижения нацменьшинств и особенно афганских шиитов, которых они отказываются воспринимать в качестве правоверных мусульман. Ясно, что Иран, как оплот мирового шиизма, не мог и, видимо, не сможет в будущем примириться с таким положением вещей, тем более по религиозным мотивам, когда сунниты безоговорочно считают только себя и только суннизм самым главенствующим фактором не только в Афганистане, но и во всем мусульманском мире. Наряду с этим Иран выступает против того, чтобы газопровод из Туркмении проходил бы через Афганистан и далее в Пакистан и Индию, а через его порты и имел бы выход на международные рынки природного газа и нефти. Иран до сих пор прилагает немало усилий к тому, что бы этот газопровод и, возможно, в будущем и нефтепровод, проходили бы через территорию только Ирана, который смог бы тогда получить не только финансовые выгоды, но и определенный контроль над потоком нефти и газа из Центральной Азии на международных рынки, в частности, японские⁵².

Особое место в иранской внешней политике занимают отношения Ирана с Соединенными Штатами Америки. Эти отношения, как известно, были разорваны, по инициативе США в апреле 1980 г. Засилье США в Иране, ставшее одной из главных причин революции 1978–1979 гг., подробно рассматриваются и анализируются в солидной монографии, изданной Отделом стран Ближнего и Среднего Востока ИВ АН СССР в 1989 г.⁵³ Поэтому нет нужды особенно подробно останавливаться на этих вопросах, отметив, однако, что это привело к разрыву многих связей ИРИ с США, особенно в торгово–экономической и военной сферах. И тем не менее обе стороны чувствовали, что они несут значительные убытки от разрыва такого рода контактов. А потому в течении последующих 10 лет стороны постепенно, исподволь, не имея никаких дипломатических связей,

тем не менее стремились восстановить, если не прямые, то косвенные связи и контакты друг с другом, особенно в области нефти. В итоге к началу 90-х годов ИРИ и США, вернее кампании этих стран, действуя обычно через посредников, сумели восстановить, например, торговлю, которая, кстати, в 1995 г. выросла до 5 млрд. долл., то есть до дореволюционного предела⁵⁴. При этом американские кампании только нефти закупали в ИРИ на сумму в 4 млрд. долл. Интересно отметить и тот факт, что это происходило тогда, когда, например, торговля России с ИРИ в начале 90-х годов составляла не более 200–500. млн. долл. в год⁵⁵. Но с 1995 г., когда ИРИ отказалась выполнить главное требование США – прекратить поддержку международного терроризма, Вашингтон и лично президент Б.Клинтон начали применять в отношении ИРИ разного рода санкции, в частности. запретили своим, а потом попытались заставить и зарубежные кампании, прекратить торговлю с ИРИ и все торговые сделки в области нефтяного бизнеса⁵⁶. Многие страны–члены НАТО были в то время не согласны с требованиями США и выступили со своим курсом независимого «критического диалога» с Исламским Ираном. Суть его заключалась в том, что эти страны Западной Европы и Япония в придачу, полагали, что политика давления и санкций против Ирана не принесет успеха, а имеющиеся проблемы следует решать на путях торгового, экономического и прочего сотрудничества.

Кстати, понимали это и в самих Штатах, где многие эксперты пришли к выводу, что политика сдерживания и ограничения контактов с Исламским Ираном ущербна и невыгодна и для самих США и пора менять тактику в интересах прежде всего самого американского капитала. И не случайно, что уже в конце 1996 г., когда прошли перевыборы президента и утихли страсти и эмоции, американские прагматики создали специальную группу из видных американских политических и общественно–научных деятелей, которая занялась проблемами пересмотра курса США к ИРИ⁵⁷.

Интересно отметить, что это немедленно нашло положительный резонанс в ИРИ. Например, спикер меджлиса А.А. Натек–Нури, который считался до этого времени ярким критиком всего американского, прямо заявил, что, если в политике США произойдут изменения положительного для ИРИ плана, то и Иран в свою очередь примет меры к «изменению своего отношения к Клинтону и к США в целом»⁵⁸. За возвращение Ирана в мировое сообщество и восстановление с ним нормальных связей выступил известный политический деятель и политолог Америки З.Бжезинский⁵⁹. Не случайно, что в СМИ США отмечалось совпадение точек зрения США и ИРИ по следующим вопросам: политике Саддама Хусейна в Ираке, братоубийственной войне в Афганистане, а также по поводу восстановления влияния России в Центральной Азии⁶⁰. В газете деловых кругов Нью–Йорка «Джорнэл оф коммерс энд коммерсиал» отмечалось, что «Несмотря на громкоголосую антиамериканскую риторику, многие (в Иране – В.У.) рассматривают США, как наиболее естественный союзник, чем Россия»⁶¹. Как говорить, комментарии излишни.

Так что вполне можно ожидать, что в XXI веке США и ИРИ не только восстановят прерванные дипотношения, но и примут меры к развитию торгово-экономических связей и прочих контактов, хотя ИРИ может и не отказаться, как сейчас требует Вашингтон, от многих своих исламских методов и приемов при проведении внешней политики, и строя свои связи с США и другими странами на основе общепризнанных исламских принципов демократического характера, которых немало можно обнаружить в Коране и других Писаниях.

В последнее время наблюдается резкое обострение отношений Ирана с Германией—главным торговым партнером ИРИ. Дело в том, что суд в Берлине над убийцами четырех курдов-диссидентов из Ирана в одном берлинском кафе в 1992 г. выявил причастность к их убийству высшего руководства ИРИ: лидера ИРИ аятоллы С.А.Хаменеи, президента А.А.Хашеми-Рафсанджани, министра иностранных дел А.А.Велаяти и министра информации (безопасности) А.Фаллахияна. Эти лица входят в так называемый Высший комитет по делам безопасности в ИРИ, который, как это выяснилось в ходе следствия, и отдал непосредственно приказ об убийстве четырех курдов, выступавших против центрального правительства в Тегеране⁶².

Следует отметить, что за последнее время борьба курдских повстанцев за свои политические и прочие права, особенно за право создавать автономные курдские объединения в рамках Ирана, Турции, Ирака, Сирии и т. д., получила значительное сочувствие и стала пользоваться широкой поддержкой со стороны немецкой общественности и даже некоторых правительственных кругов. Этому в немалой степени способствует довольно многочисленная курдская община, проживающая в ФРГ, которая провела ряд демонстраций и митингов протеста в поддержку курдов, борющихся за свои гражданские и политические права, апеллирующих к немцам ФРГ с призывом поддержать их справедливую борьбу и не дать упомянутым странам «задушить в XXI веке их надежды и чаяния на свободу, счастье и независимость, которыми пользуются все другие народы в мире». В свете этих настроений немецкий суд и начал проводить расследование указанного политического убийства и даже выдал ордер на арест А. Фаллахияна, курирующего деятельность спецслужб в ИРИ⁶³.

В Иране по этому случаю прошли инспирированные правительством митинги и демонстрации протеста перед посольством ФРГ в Тегеране, участники которых требовали прекратить судебные иски и снять «незаконные» обвинения с первых лиц в ИРИ, а также призывали прервать все связи с Германией, в том числе и торгово-экономического характера, если немецкая сторона не выполнит требований Тегерана. И это уже успело негативно повлиять на торговлю двух стран, которая в первую декаду 1997 г. значительно снизилась по сравнению с тем же периодом в предыдущем году и имеет тенденции к дальнейшему снижению. ФРГ и ИРИ отозвали своих послов и выслали ряд дипломатов из своих стран. Дипломатические отношения оказались на грани разрыва. Вслед за ФРГ ее приме-

ру последовали почти все страны ЕС, отозвавшие своих послов из Тегерана. Положение и скандал в связи с этим очень напоминает 1989 г., когда имам Хомейни издал фетву об убийстве английского писателя Салмана Рушди за издание им книги «Сатанинские стихи». Иран снова стал международным изгоем и от него отвернулось большинство стран мира, в том числе и Япония. Почти одновременно с этим США и Англия снова призвали все страны «свободного и демократического мира» прекратить все связи с ИРИ. И кажется, по первым резонансам, что этот призыв на этот раз будет подхвачен и в Европе и в Азии⁶⁴. С приходом Хатеми отношения двух стран нормализовались.

Для Исламского Ирана довольно перспективными кажутся связи с Суданом, где к власти в 1989 г. пришли исламские фундаменталисты суннитского толка во главе с шейхом Хасаном Ат–Тураби, который официально занимает пост спикера суданского парламента, а фактически являющегося духовным лидером всех мусульман страны и их признанным вождем. Ат–Тураби делит власть с генералом Омаром аль–Баширом, который официально занимает пост президента страны, но фактически во всем подчиняется указаниям и распоряжениям Ат–Тураби. Харизматический лидер Судана Ат–Тураби доверил генералу только бразды исполнительной власти. Против этого режима активно выступают силы оппозиции в лице Национально–демократического союза (НДС), который располагает повстанческой национально–освободительной армией (НОАС), которую возглавляет Мухаммед Осман аль–Миграни⁶⁵.

Иран заинтересован в поддержании тесных политических, экономических, военных и религиозных связей и контактов с Хартумом по трем следующим главным причинам: во–первых, приход в Судане к власти исламских фундаменталистов считается Тегераном весьма ярким и значимым показателем эффективности курса исламской революции Ирана и ее влияния на другие страны мира, в частности на Судан; во–вторых, это является поддержкой суданцев–суннитов, выступивших в поддержку идей и принципов исламского фундаментализма и учения имама Хомейни. Суннитом является и шейх Ат–Тураби, которому шиитский Иран перепоручил дело осуществления исламской революции фундаменталистского толка среди именно мусульман–суннитов, которые, как известно, не только не подчиняются мусульманам–шиитам, но считают их немусульманами, отщепенцами и религиозными изгоями. Теперь, считают в Тегеране, у 1 млрд. мусульман–суннитов есть свой духовный лидер–фундаменталист по религиозным убеждениям и опытный политик консервативного толка по своим политико–философским взглядам деятель. Ат–Тураби получил блестящее образование, владеет несколькими иностранными языками, является тонким ценителем литературы, искусства и известным общественно–политическим лидером не только признанным в Судане, но и всем мусульманском мире. У него имеются связи личного плана с рядом крупных политических деятелей Запада, Азии, Африки и Латинской Америки. Этот харизматический деятель во многом превзошел марджа ат–

таклида Али Хаменеи, лидера всего только 200 млн. шиитов во всем мире. Пока между Ат–Тураби и Хаменеи нет видимого соперничества, но оно со временем может появиться. А пока ИРИ оказывает огромную помощь Судану, без которой он, наверное, давно бы не выжил и был сокрушен местными повстанческими силами.

В–третьих, Судан важен для Ирана как база международного терроризма, куда иранские муллы постарались перевести большинство своих центров по подготовке исламских боевиков и террористов, чтобы снять таким образом с себя обвинения в спонсорстве международному терроризму, который по определению Запада, обосновался и действует с территории самого Ирана. В 1992 г. Иран выделил Судану помощь в размере 50 млн. долл., которые пошли главным образом на военные и подрывные действия этой страны и международных террористов в мире в целом, и в Египте в особенности. Обладание же городом и портом Порт–Судан на Красном море дает Ирану возможность не только проникнуть в военном отношении в этот регион, но и создать угрозу для Израиля и Саудовской Аравии, особенно в военно–морском плане⁶⁶. Наряду с этим Судан расценивается Тегераном как форпост продвижения ИРИ и ислама в целом в страны Африканского континента. В связи с этим можно ожидать, что Иран и далее будет крепить и развивать свои связи с Суданом и в XXI веке, исходя прежде всего из интересов дальнейшего продолжения курса на экспорт своей исламской революции повсюду в мире ради укрепления и расширения исламского фундаменталистского движения как в самом пространстве действия ислама, так и в международном плане в особенности.

И, наконец, весьма перспективными в обозримом будущем выглядят отношения ИРИ с КНР. В настоящее время Тегеран и Пекин успешно сотрудничают в политической, торгово–экономической, военной и культурной сферах. Главное что их объединяет – это приверженность к азиатскому традиционализму. Иран, как об этом открыто говорят в США и Англии, считает экономические реформы Китая образцом для подражания. Правда, при этом иранцы начисто отвергают коммунистическую начинку этих реформ, приветствуют западные реформаторские идеи, которые КНР осуществляет, что очень важно для Тегерана, в чисто азиатской манере исполнения⁶⁷. Ирано–китайские связи в области торговли и технико–экономическом плане носят довольно ограниченный характер, чего не скажешь в отношении военных связей и контактов. Наряду с РФ КНР, а за ней Северная Корея, являются в настоящее время главными поставщиками современных видов оружия наступательного характера в ИРИ. Китайцы, в частности, оказывают Ирану значительную помощь в области всестороннего (в том числе и военного) освоения и использования атомной энергии, а также создании баллистических ракет стратегического назначения⁶⁸. Их к тому же объединяет негативное отношение к попыткам США установить американский «новый мировой порядок» и новую систему безопасности в зоне Персидского залива. Примечательно, что обе страны

едины в том, что, если Россия выйдет из кризиса и опять станет одним из мировых лидеров, то это может представить угрозу как интересам ИРИ, так и КНР⁶⁹.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что Иран готовится войти в XXI век с солидным заделом в области становления, поддержания и развития отношений с большинством ведущих стран Запада, Азии, Африки, Латинской Америки, а также государствами переходного периода, к которым относится в частности Россия. Приоритеты его внешней политики формально определяются исламскими канонами и учениям имама Хомейни, но практически Иран стремится многое почерпнуть из полезных для исламского развития ИРИ идей и принципов либерально-демократического Запада и в первую очередь внедрить у себя принципы рыночной экономики западного типа. В этом плане Иран хотел бы подражать Китаю, который проводит реформы в западном духе, но на азиатский манер. Ему импонирует то, что Пекин не спешит с реформами, как это сделала Россия. В ИРИ возродились идеи и стремления крайнего национализма и шовинизма, выражающиеся в желании во что бы то ни стало войти в число развитых стран мира, хотя бы даже через «заднюю дверь» путем создания у себя ядерного оружия, вхождения в клуб ядерных держав, а стало быть и в число великих держав мира. В целом же ИРИ стремится добиться этого положения путем развития как своей экономики, так и особенно военного потенциала, который уже сейчас вырос из узких региональных рамок и устремился к планке мирового уровня. Стремясь во что бы то ни стало сохранить исламский декор развития, Иран в то же время прилагает значительные усилия, чтобы занять свою нишу в мировом пространстве политики, экономики и, конечно, особенно религии и идеологии исламского фундаменталистского направления.

¹ Р.Хомейни. Политическое завещание имама Хомейни. Тегеран, 1369 г. с. 17 (на перс. яз.).

² ж Вопросы философии № 8, 1980 г., с. 60; ж Азия и Африка сегодня № 10, 1989 г., с. 41.

³ ж Азия и Африка сегодня № 1, 1997 г., с. 59.

^{3a} См. Кейхан 03.06.1997; Труд 05.06.1997.

⁴ г. Сегодня 07.06.1996; Хюрриет (Турция) 28.02.1997.

⁵ The Washington Times 06.11.1996.

⁶ Джомхурийе эслами 12.02.1997.

⁷ ж Восток № 6, 1996 г., с. 118–119; Бурс 31.05.1996.

⁸ The Economist 18.01.1997, с. 13.

⁹ The New York Times 27.05.1993.

¹⁰ Focus (Vienna) N 4, 1993.

¹¹ Джомхурийе эслами 27.11.1991.

¹² Джомхурийе эслами 22.09.1994; The Times 29.01.1990.

¹³ The Washington Times 22.11.1996.

¹⁴ Современный Иран (Справочник) М., 1993 г., с. 144.

- ¹⁵ Сегодня 15.02.1997; Московский комсомолец 17.02.1997.
- ¹⁶ Азия и Африка сегодня № 8/9, 1994 г., с. 16; Третий взгляд № 31, 20.09.1994 г., с.8 (Изд. пресс-бюро посольства ИРИ в Москве).
- ¹⁷ John Naitbrite. Megatrends in Asia. London, 1995.
- ¹⁸ Третий взгляд № 43, 10.07.1996 г., с. 24–25, Le Monde 26.08.1996.
- ¹⁹ Бурс 03.04.1998.
- ²⁰ газета Салам (Тегеран) 25.11.1991.
- ²¹ Джомхурийе эслами 22.12.1993.
- ²² г. Аш Шарк аль-Аусат (Лондон) 05.03.1992.
- ²³ Аль-Ахрам (Каир) 04.08.1993.
- ²⁴ См. подробно: Интеграционные процессы в Азии в конце XX столетия. М., 1995 г., с. 87.
- ²⁵ Там же с. 87–88; Сегодня 19.06.1996; Tehran Times 23.05.1991.
- ²⁶ Там же с. 89; Токио Симбун (Токио) II 2 1992.
- ²⁷ Кейхан 02.03.1996; Коммерсант дейли 19.03.1996.
- ²⁸ Киселев В.И. Палестинская проблема и ближневосточный кризис. Киев, 1983 г. с. 87; The Journal of Commerce and Commercial (N.Y.) 20.11.1996.
- ²⁹ Кейхан 31.12.1996; The Times 17.01.1997.
- ³⁰ Сегодня 26.12.1996; Московский комсомолец 17.02.1997.
- ³¹ См. Материалы 2-ой конференции «круглого стола» по российско-иранским отношениям. М., 1995 г. с. 13.
32. Угрожает ли России панисламизм и исламский фундаментализм?, – ж. Азия и Африка сегодня № 2, 1996 г., с. 3; Московский комсомолец 14.12.1994; Джомхурийе эслами 04.07.1992.
- ³³ г. Русская мысль 27.03 – 02.04.1997.
- ³⁴ The Guardian 08.04.1991.
- ³⁵ Сегодня 01.03.1997; Хьюриет 27.02.1997.
- ³⁶ Хьюриет 11.03.1997.
- ³⁷ Сегодня 05.06.1996; The Gulf News 24.01.1996 & 19.03.1997.
- ³⁸ Валькова Л.В. Саудовская Аравия в международных отношениях. М., 1979 г. сс. 192–195; Кейхан 21.09.1992 и 25.11.1993.
- ³⁹ Аль-Ахрам 08.09.1992; Аль-Джазира (Абу-Даби) 26.12.1993.
- ⁴⁰ Аль-Халидж (ОАЭ) 07.05.1996.
- ⁴¹ Коммерсант дейли 16.11.1996; The Washington Post 25.11.1996.
- ⁴² Time 23.12.1996.
- ⁴³ Кейхан (Заявление министра иностранных дел ИРИ) 21.10.1991.
- ⁴⁴ Эттелаат 08.10.1993; Аш Шарк аль-Аусат 02.06.1992.
- ⁴⁵ Le Monde diplomatique, mars, 1991, с. 38.
- ⁴⁶ Едиот Ахронот 18.02.1993
- ⁴⁷ Kayhan international 18.02.1993.
- ⁴⁸ Киселев В.И. Указ соч. с. 106–122; См. Дипломатический вестник № 1, 1996 г. с. 3–8.
- ⁴⁹ См. подробно: Ушаков В.А. «Ирано-иракский конфликт» в кн. Региональные конфликты в Азии и Северной Африке. М., 1997 г., с. 62–74.
- ⁵⁰ Азия и Африка сегодня № 7, 1996 г., с. 44–48; Time 14.10.1996.

- ⁵¹ Демократическая Республика Афганистан. Справочник. М., 1981 г., с. 20.
- ⁵² Financial Times 18.10.1996.
- ⁵³ См. подробно: Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки. М., 1989 г.
- ⁵⁴ Третий взгляд № 31, 20.09.1994; Московский комсомолец 14.12.1994; Кейхан 02.05. и 17.07.1995; Салам 27.07.1995; Известия 08.12.1994.
- ⁵⁵ ж. Среднеазиатское и кавказское обозрение. № 1, январь 1996 г., (на перс. яз.).
- ⁵⁶ Сегодня 16.03.1995.
- ⁵⁷ Вашингтон ищет примирения с Тегераном, – Сегодня 27.12.1996; The Hindu (New Delhi) 07.11.1996.
- ⁵⁸ The New York Times 22.12.1996.
- ⁵⁹ Коммерсант дейли 19.03.1996.
- ⁶⁰ The Christian Science Monitor 29.04.1994.
- ⁶¹ The Journal of Commerce and Commercial 19.01.1997.
- ⁶² MEED 20 Sept. 1996, с. 12.
- ⁶³ Франкфуртер альгемайне (ФРГ) 13.03.1996; MEED 11 Octbr. 1996, с. 31.
- ⁶⁴ Русская мысль 17–29.04.1997; Time 21.04.1997; Iran News 08.04.1997.
- ⁶⁵ The New York Times Magazine 31.05.1992; Iran News 30.01.1997; The New York Times 11.02.1997.
- ⁶⁶ Известия 25.12.1991; Аль-Ахрам 04.08.1993.
- ⁶⁷ Newsweek 01.03.1993; The Economist 18.01.1993; The Washington Times 22.11.1996.
- ⁶⁸ Аль-Иттихад (Абу-Даби) 15.04.1989; Кейхан 07.07.1996; MEED 9 August 1996, с. 27–28.
- ⁶⁹ The Straits Times 10.07.1991.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИРАНОМ И США

Иран и США установили дипломатические отношения 115 лет назад в 1883 году, когда в Тегеран прибыл первый посланник Америки А. Г. Бенджамин¹. История этих отношений знала время взлетов и падений, отливов и приливов, но главное, как отмечают иранские историки, Америка никогда не воевала с Ираном, который к тому же никогда не был ни колонией, ни полуколонией этой державы. Апогеем развития отношений двух стран стал период 50–х–60–х и частично 70–х годов XX столетия. Он начался после второй мировой войны, когда шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви настолько тесно сошелся с США, допустив проникновение американцев во все сферы жизни страны, что его стали называть марионеткой Америки, а саму страну «нефтяным штатом» США на Ближнем Востоке. О засилье американцев в Иране много писали как в иранской, так и в западной литературе и печати. Так, например, английская «Обсервер» ехидно замечала в 1953 г., что «американский посол в Тегеране является руководителем иранской политики, а американское посольство обладает большими полномочиями в ведении дел этой страны, чем иранское правительство»². Позже это засилье стало одной из основных причин иранской исламской революции 1978–1979 гг.

Накануне этой революции США сумели внедриться во все институты внутриполитической и внешнеполитической деятельности Ирана, в том числе в экономику, политику, армию, органы безопасности, культуру и идеологию страны. Независимой осталась только сфера духовной жизни, вера и ислам, роль которых американцы стремились свести до нуля или полностью подчинить себе³. Что касается экономики, то США каждый год вкладывали в нефтяную промышленность Ирана вместе с другими западными партнерами до 1,1 млрд. долл., в то время как капиталовложения США в другие отрасли экономики Ирана, особенно в промышленность, не превысили и 217 млн. долл. за все те 25 лет господства США в Иране. В стране действовало 500 американских фирм и компаний, в том числе пять крупнейших нефтяных монополий США. В Иране находилось более 40 тысяч американских гражданских и военных специалистов. К концу 80–х годов их число было намечено увеличить до 80 тыс. человек. Экспорт США в Иране составлял 3,4 млрд. долл. в год, включая примерно 1 млрд. долл. на поставки оружия и военной техники. Кроме того, США обязались в ближайшее десятилетие поставить Ирану вооружения на 12 млрд. долл.

Импорт США из Ирана составлял 3 млрд. долл. в год, 95% которого составляла сырая нефть⁴. Иран был настолько зависим от США, что это, по мнению националистических кругов, представляло прямую угрозу его национальным интересам и безопасности. Экспансия же в области культуры и идеологии, особенно зловещие планы по сведению на нет роли шиитского ислама, были теми каплями, которые переполнили чашу терпения иранского народа и вызвало революционное движение в стране⁵. Не случайно, что после революции иранское руководство прекратило действие большинства ирано–американских договоров, соглашений и контрактов, общее число которых составляло около 2–х тысяч, и главное аннулировало 14 ноября 1979 г. кабальный ирано–американский договор 1959 г., который давал США право вмешиваться во внутренние дела Ирана⁶.

В начале ноября 1979 г. иранские студенты с одобрения властей напали на посольство США в Тегеране и захватили 52 его сотрудника в качестве заложников. Хомейни приветствовал этот вопиющий акт⁷. США решительно потребовали освобождения своих дипломатов. И когда иранцы отказались сделать это, Америка приступила к военно–экономическому бойкоту Ирана. Они прекратили все торгово–экономические связи с Тегераном и заморозили в своих банках 12 млрд. долл., принадлежавших ИРИ. Из США были депортированы сотни иранских граждан, прекратилась и всякая помощь⁸. Особенно болезненно ИРИ восприняла решение Вашингтона прекратить поставки продовольствия Ирану, который до этого импортировал их главным образом из Америки. Над Ираном нависла угроза голода⁹.

Видя, что все это не подействовало на Исламский Иран, США 7 апреля 1980 г. по своей инициативе разорвали дипломатические отношения с Ираном¹⁰, а администрация Картера разработала обширную программу санкций против ИРИ. Они, в частности, включали в себя: минирование иранских портов, военно–морскую блокаду Ирана, быстрый налет на священный город Кум, где пребывал Хомейни, а также бомбардировку иранских нефтепромыслов¹¹. Следует отметить, что только энергичное вмешательство ряда держав, в первую очередь СССР, остановило руководителей. И все же в 20–х числах апреля того же года американцы попытались военным путем освободить своих заложников, но их постигла горькая неудача¹².

Со своей стороны, Хомейни не скрывал радости по этому случаю и объявил день 12 апреля всенародным праздником в Иране¹³. Он стал налаживать связи со странами Восточной Европы и мусульманского мира, в том числе и с Советским Союзом, чтобы прорвать американскую блокаду, не допустить ухудшения экономического положения страны и тем более голода в стране. Из близких друзей эти страны превратились в злейших противников. Началось их противостояние, продолжавшееся 18 лет, т. е. вплоть до настоящего времени, отравляя отношения не только между ними, но и оказывая самое негативное влияние на международную обстановку на глобальном и региональном уровне.

Между тем заложники сыграли свою роль и ИРИ и США начали через посредников, в частности Алжир, а также путем проведения прямых секретных переговоров в Европе, предпринимать шаги к их освобождению. Как отмечал в своей книге первый президент ИРИ Аболь Хасан Банисадр, если он, как президент, пытался обеспечить интересы президента США Дж. Картера, то Хомейни и его окружение выступали в поддержку кандидата в президенты Р. Рейгана. В этом состояла суть одного из разногласий Банисадра с Хомейни, которые и привели его к бегству из Ирана, чтобы спасти свою жизнь¹⁴. Примечательно, что заложники были освобождены как раз к приходу к власти в Америке нового президента Рейгана в январе 1981 г. А 19 января того же года ИРИ и США подписали соглашение об освобождении заложников. Вместе с тем было достигнуто соглашение о намерениях по урегулированию взаимных финансовых претензий, которые затем были переданы на решение международного суда в Гааге¹⁵. Следует отметить, что вся Америка и большая часть мирового общественного мнения были шокированы и потрясены делом заложников, которые томились в Тегеране 444 дня или более 14 месяцев. Долгое время в Иране правые фундаменталисты не переставали гордиться этим актом, который длительный период времени составлял один из самых болезненных эпизодов в серии ирано–американских разногласий двух стран, пока в январе 1998 г. новый президент ИРИ М. Хатами не заявил о том, что Иран «сожалеет» по поводу захвата американских заложников в 1979 г., который «больно ударил по чувствам американцев»¹⁶. Это было с удовлетворением воспринято в Америке и расценено в качестве важного шага на пути восстановления связей двух стран.

Возвращаясь к 80–м годам, нужно отметить, что в ИРИ и США, несмотря на отсутствие каких–либо отношений, а также взаимной враждебности, начали понимать, что их противостояние и вражда, подозрительность и разногласия не отвечают в принципе их национальным интересам, а только нагнетают напряженность и тревогу в мире. Как еще отмечал Банисадр, США пришли к выводу, что режим в ИРИ прочен и стабилен и Иран практически не выступает, кроме риторических угроз, против жизненно важных интересов Америки. В связи с этим Вашингтон заявил, что не будет поддерживать какое–либо оппозиционное движение, которое ставило бы своей целью свержение власти Хомейни¹⁷. В частности, газета «Ньюсдей» отмечала, что «Нужно признать иранскую революцию, покончить с острой ненавистью к Ирану в Америке, и всячески использовать специальные знания об Иране, ибо, когда знаешь своего противника, легко перейти от враждебности к дружбе»¹⁸.

Примечательно, что английская «Обсервер» отмечала, в свою очередь, что «В Иране по–прежнему имеется много людей и среди них преподаватели, ученые, офицеры, которые хорошо относятся к Америке¹⁹, где они получили образование и хорошо осведомлены о жизни и порядках в этой стране». Уместно отметить, что в США только 17,5 тысяч иранских офицеров прошли курс обучения²⁰. Не стоит забывать и то, что армия ИРИ

полностью была оснащена американским оружием. И, конечно, постоянно нуждалась в запасных частях, боеприпасах и новых поставках американского оружия в ИРИ, особенно во время войны с Ираком. Причем Тегеран покупал американское оружие всюду, где только мог: в Турции, Пакистане, Европе и Азии и даже в Израиле²¹. Кстати, именно через Израиль Тегеран начал тайные переговоры с администрацией Рейгана о прямых закупках американского оружия, минуя посредников. В США польстились на огромные выгоды, которые сулила эта торговля, приносившая до 1000% прибыли. Кроме того, в Вашингтоне планировали таким образом поддержать иранских прагматиков, которые не прочь, как считали в США, в случае прихода к власти, восстановить отношения с Америкой²². В мае 1986 г. по линии Совета национальной безопасности (СНБ) США в ИРИ тайным образом была направлена американская делегация должностных лиц во главе с эмиссаром президента Рейгана Макфарлейном. В составе делегации находился и подполковник Оливер Норт, сотрудник СНБ, который отвечал там за проведение секретных операций в Иране. Эти действия противоречили закону США, который запрещал продажу оружия Ирану. К тому же Вашингтон решил передать деньги, полученные от этих продаж, никарагуанским контрабандистам, что также было запрещено законом²³. Поэтому когда все это стало достоянием гласности и разоблачено, то разразился страшный международный скандал, вошедший в историю под названием «Ирангейт» или «Иран–контрас». В скандал оказался вовлеченным сам президент Рейган, которому грозил импичмент, если будет официально доказано его участие в этом деле. Однако он все свалил на Норта, которого едва не упрятали в тюрьму²⁴. В конечном итоге оправдаться сумел не только Рейган, но и Норт. Однако связи с Ираном пришлось прервать. Кстати, с иранской стороны в этом скандале оказался замешанным спикер меджлиса Хашеми–Рафсанджани, один из близких соратников Хомейни. Но дело было быстро замято, поскольку ИРИ очень нуждалась в то время в оружии, которое она сумела получить из США²⁵. Так печально закончились попытки Тегерана и Вашингтона наладить тайные военные связи, преследовавшие не только чисто финансовые, но и политические цели.

Нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что в середине 80–х годов началось неформальное сотрудничество США и Исламского Ирана по афганской проблеме. Дело в том, что Тегеран и Вашингтон почти одновременно выступили против ввода советских войск в Афганистан и развернули шумные пропагандистские кампании как против советских ставленников в Кабуле, так и против СССР. ИРИ и США стали оказывать афганским моджахедам большую помощь морального и, самое главное, материального характера. Предоставляли им оружие, деньги, обмундирование и даже военных инструкторов. Делегации Ирана и Америки принимали самое активное участие в международных конференциях, семинарах и других форумах, где американские и иранские ораторы фактически били в одну точку, осуждая Москву и Кабул и всячески поддерживая афганских моджахедов. Примечательно, что если Хомейни заявил, что «Мы полно-

стью поддерживаем отважный мусульманский народ Афганистана. Этот народ должен знать, что Бог на его стороне. Этот народ должен сплотить свои ряды и вести войну до победы с чувством веры в Бога»²⁶, то это заявление как бы перекликается с тем, что сказал об Афганистане президент Рейган, который, отметив, что «Советский Союз навязал народу Афганистана правительство по своему выбору», осудил СССР за то, что «В Афганистане безжалостными методами, граничащими с варварством, Советы пытались подавить ветер свободы», «используя для этого танки и ракеты», пытаясь жестоко подавить восстание против коммунистического правления²⁷. Одно время спецслужбы двух стран активно сотрудничали в иранском городе Мешхед, расположенном на границе с Афганистаном, куда из Ирана они засылали свою агентуру, снабжая их оружием, деньгами, и подготавливая их чуть ли не совместно в соответствующих лагерях.

США не остались равнодушными и в связи с развернутой в Иране в начале и середине 80-х годов жесткой и шумной кампании против Советского Союза, «советского империализма» и «империи зла», как его называл Рейган. В Иране в то время началась кампания гонений на Народную партию Ирана (Туде) которую обвиняли в том, что де она «является пятой колонной Советов в Иране» и ведет подрывную работу и шпионаж в пользу Москвы и Багдада. Сотни членов Туде были брошены в тюрьмы и подвергнуты нечеловеческим пыткам. Вместе с тем Исламский Иран выдворил из Тегерана большое число советских дипломатов, подчеркнув, что если у них в Москве 10 дипломатов, то и в Тегеране должно быть адекватное число советских дипломатических работников. Были закрыты смешанные советско-иранские компании: русско-иранский банк, страховое общество, транзитная компания, общество ирано-советской дружбы, корреспондентский пункт ТАСС в Тегеране и т. д. Американские власти с нескрываемым удовлетворением восприняли этот акт и вообще антисоветский курс Тегерана, что нашло отражение в американской печати. Более того, как бы в знак поощрения такой политики ИРИ администрация Рейгана дала понять, что она не будет возражать против закупки американскими нефтяными компаниями сырой нефти и некоторых других товаров в Иране. В свою очередь, американские власти фактически не стали препятствовать импорту Ираном из США продовольствия и некоторых товаров широкого спроса и даже высоких технологий в области нефти. Правда, все это осуществлялось через третьи страны и фирмы, но факт остается фактом – «враг номер один» и «большой сатана» нашел нужным и возможным поддержать Исламский Иран, особенно его правый антикоммунистический и антисоветский курс. В связи с этим Рейган заявил, что «Давнишние цели Америки в регионе (Ближнем и Среднем Востоке – В. У.) заключаются в том, чтобы помочь Ирану остаться независимым от Советского Союза»²⁹.

В то же время в США приветствовали те перемены и изменения, которые были начаты еще самим Хомейни с середины 80-х годов, особенно в экономике и международных торгово-экономических связях. Этот, как его часто именовали в Америке фанатик, мракобес, фундаменталист и

«исчадие ада» вдруг проявил неожиданную гибкость и динамизм и как бы пошел в ногу со временем. Он к ужасу своих единомышленников–мулл и богословов стал утверждать, что реальная политика имеет приоритет перед религией и верой, фактически отвергнув прежние концепции о том, что религия и вера и духовное начало – это все, а практика, материализм и прагматизм – ничто³⁰. Это откровение престарелого лидера действительно можно назвать его «духовной революцией», которая, что очень важно, открыла новые и большие возможности для выхода Ирана из международной изоляции, особенно в экономическом плане, и установления связей и контактов с Западом, включая и США. И действительно: разруха в экономике, неудачи на фронте ведения войны с Ираком, тяжелое положение иранского народа вынудили Хомейни заявить, что «Кажется, Иран идет не по тому пути. »³¹/ Иран стал приглядываться к Западу и копировать некоторые его идеи и принципы. К ним широко был привлечен Рафсанджани, которого любили на Западе и даже считали проамериканским деятелем как это, в частности, определил Банисадр³². Хомейни, который, по выражению иранской прессы, начал «перестройку» в Иране, фактически дал свое благословение на начало диалога с Западом, главным образом в торгово–экономической области, где его выдвигенец, Рафсанджани, к вящей радости Запада и США, начал серьезную критику тоухидной или самоудовлетворяющейся исламской экономики и стал доказывать превосходство рыночной экономики западного типа. Позднее, после смерти Хомейни Рафсанджани успешно, но с большими предосторожностями, начал проводить политику ограничения всевластия тоухидной экономики и практическому переходу к рыночным отношениям, а также по отмене наиболее одиозных и скомпрометировавших себя исламских канонов и принципов, которые тормозили общее развитие страны.

В конце ирано–иракской войны, когда Иран в начале 1988 г. стал терпеть одно поражение за другим на фронте от Ирака, который сумел перекрыть все основные каналы для экспорта иранской нефти на мировые рынки, а стало быть лишился и основных доходов, Иран не смог больше снабжать свою армию ни оружием, ни продовольствием, и фактически оказался на грани полного разгрома, США пришли на помощь Ирану. Дело в том, что, как отмечал бывший госсекретарь Америки Генри Киссенджер, США были заинтересованы в том, чтобы в этой войне не было ни победителя, ни побежденного по формуле: «Ирак победил Иран, а Иран – Ирак»³³. В связи с этим США оказали нажим на Багдад, который сам, кстати, тоже был сильно истощен, с тем, чтобы он принял условия США и Запада в целом и не добивал бы своего противника, хотя и имел все шансы для этого.

США по достоинству оценили и политику Ирана в отношении его стратегического союзника Израиля, которому еще Хомейни объявил джихад или священную войну, официально не признавал его как государство и выступал за его уничтожение. Этой же политики придерживается и нынешнее руководство ИРИ. Однако практически все это носит главным образом риторический и пропагандистский характер и не более того. На де-

ле же прагматичные иранцы и израильяне установили и поддерживают активные связи в области торговли и сотрудничают в сфере экономики. В частности, Израиль получает нефть из ИРИ и продает ей свои товары, включая и оружие³⁴. Не удивительно поэтому, что начальник генерального штаба Израиля Эхуд Барак заявил в феврале 1993 г., что не рассматривает Иран в качестве «противника, готового к ведению военных действий» против Израиля³⁵. Не случайно и то, что в США одно время придерживались мнения, что «Возможно, придется просить Израиль представить нас (т. е. США – В. У.) какому-нибудь новому военному правительству, которое придет к власти после Хомейни»³⁶. Это предположение вытекало из наличия, хотя и скрытых, но тесных связей Тегерана и Тель-Авива.

В конце 80-х годов президент Турции Тургут Озал попытался примирить ИРИ и США, выступив в роли посредника между ними. Для этого он использовал свой официальный визит в США, встречи и переговоры с президентом и другими официальными лицами Вашингтона. Глава США Дж. Буш, положительно отреагировав на эту инициативу, тем не менее выдвинул следующие условия для начала диалога между ИРИ и США: первое – переговоры должны быть прямыми без посредников, второе – руководство ИРИ должно назначить высокопоставленное лицо, могущее вести такого рода переговоры, третье – ИРИ должна дать гарантии того, что страна не будет прибегать к международному терроризму, и, наконец, четвертое – Иран, со своей стороны, также должен проявить инициативу в деле улучшения отношений между двумя странами и первым шагом на пути в этом направлении должна быть помощь в освобождении американских заложников в Ливане³⁷. При этом американцы дали понять, что если вопрос о заложниках будет решен положительно, то США примут меры к размораживанию иранских финансовых счетов в американских банках.

Следует отметить, что для Ирана все пункты этих условий были приемлемы кроме последнего. Дело в том, что, конечно, Тегеран оказывал большое влияние на проиранские террористические организации и группировки в Ливане, но не до такой степени, чтобы приказать им отпустить западных заложников без всякого выкупа или выполнения тех или иных политических условий. Требовалось время и определенные усилия, чтобы убедить террористов пойти на такое решение. Поэтому ИРИ не приняла эти условия и инициатива Озала осталась без последствий. Видимо, дело не только в этом. В целом к тому времени стороны еще не «созрели» и не были готовы пойти на нормализацию отношений, поскольку обе страны были убеждены в обратном, а именно в том, что они нужны друг другу прежде всего как враги, на которых Тегеран и Вашингтон могли бы всегда сослаться как на главные причины их неудач в области политики и особенно в экономике, когда там возникали какие-либо сложности политического или экономического порядка³⁸.

Во время кризиса в Персидском заливе, вызванного захватом Ираком в 1990 г. Кувейта, Иран, осудив Ирак за совершенную агрессию, занял достаточно выжидательную позицию. А ведь известно, что Вашингтон при-

гласил Иран встать на сторону объединенных вооруженных международных сил, чтобы сокрушить давнего противника – Ирак. А Багдад, в свою очередь, приглашал Иран выступить совместно против «неверных» и «врага номер один» ИРИ–США в общей войне–джихаде или священной исламской войне³⁹. Иран выбрал нейтралитет, и это было самое мудрое решение. Кстати, благодаря этому Тегеран получил возможность оказывать помощь мусульманам–шиитам Ирака, составляющим до 60% всего населения страны. Их лидеров Тегеран планировал привести к власти в Ираке после разгрома Саддама Хусейна. Но США разгадали планы Тегерана. Они не стали добивать до конца иракскую армию и сохранили Саддама в роли президента страны. Таким образом, планы ИРИ превратить Ирак в исламскую республику по иранскому образцу провалились.

Нужно сказать, что США и страны Запада и Востока с большим удовлетворением восприняли заявление Ирана о нейтралитете. Тем самым с повестки дня были фактически сняты проблемы вмешательства в эту войну исламского фактора, а рамки самого конфликта значительно сужены. С другой стороны, это создало для Тегерана условия для прорыва международной изоляции, в которую он попал благодаря своему курсу экспорта исламской революции в другие страны мира. Тегеран сумел, в частности, восстановить дипотношения с Англией, Саудовской Аравией и Иорданией, а также добиться на Западе займов и кредитов и получить дополнительные доходы от экспорта нефти вместо вышедшего из строя Ирака. В СМИ Запада по этому случаю отмечалось, что «Не сделав ни одного выстрела Иран вышел из кризиса в Заливе одним из его главных победителей, а правительство ИРИ заслужило похвалу за свою сдержанность и нейтралитет»⁴⁰. Важным итогом конца кризиса было то, что на повестку дня и ИРИ и США неотвратимо встал вопрос о восстановлении отношений между двумя странами.

В целом начало 90–х годов ознаменовалось стремлением сторон к сближению и конструктивному диалогу. Иранская «Техран таймс» указывала в связи с этим, что «Идеологические различия между Ираном и США велики. Однако это не означает, что Тегеран намерен вечно поддерживать состояние вражды»⁴¹. А американский «Ньюзуик», указывая на тяжелое экономическое положение Ирана, посчитал нужным отметить в весьма примирительном тоне, что «Он (т. е. Иран–В. У.) должен быть одной из ведущих региональных держав, вместо этого он остается спящим великаном»⁴². За частичное восстановление ирано–американских связей выступил иранский депутат меджлиса Саид Раджави–Хорасани⁴³. А крупный предприниматель К. Заими подчеркнул, что хотя в Иране на официальном уровне хулят Америку, на деле же «Ни те, кто слышит эти слова, ни те, кто произносит их, не принимают их больше всерьез»⁴⁴. В то же время иранский политолог Амирхамади отметил, что в ближайшем будущем Америке придется, чтобы «не потерять лидерства в мире и противостоять соперничеству со стороны Германии, Японии и Китая, пойти на сближение с Ираном с самым емким рынком на всем Ближнем и Среднем Востоке»⁴⁵. Правда, лидер ИРИ Хаменеи положил конец этим надеждам, но сама тенденция не погибла.

Заявление США о намерении установить новый мировой порядок и особенно создать новую систему безопасности в Персидском заливе вызвало волну критики в Иране, который считал, что, если говорить о новом мировом порядке, то его правомочно устанавливать не одним США, а, например, ООН, чтобы учитывать не только интересы Америки, а всех стран мира – великих и малых, христианских и исламских. Тегеран высказался в том духе, что это развяжет руки американскому империализму, и тот, не встречая сопротивления со стороны СССР, может продиктовать свою волю всему миру, подкрепляя это своими экспансионистскими и агрессивными действиями. Нужно помнить подчеркнул Тегеран, что «антиамериканские лозунги распространяются во всем мире, а американский флаг был сожжен не только в Иране, но и повсюду в мире»⁴⁶.

Это заявление подвигло иранских фундаменталистов к усилению их деятельности в Иране и в международном масштабе. Лидер ИРИ Хаменеи выступил за серьезную активизацию роли ислама в мире, что практически означало начало второй волны исламского возрождения, развернувшейся в глобальном масштабе. Развал СССР только усилил это возрождение, ибо в ИРИ, например, считали, что крушение Советского Союза вызвано иранской революцией и отсутствием веры в этой бывшей империи. Так, Хаменеи, указав на «победоносное шествие ислама по планете», призвал всех мусульман мира «играть доминирующую роль в мировом развитии»⁴⁷. Подчеркивая, что «главным направлением политики великих держав является борьба с исламом», иранский вождь исламской революции призвал всех мусульман «Крепить и обеспечить единство своих рядов»⁴⁸. Он также указал, что нравится это США или нет, но многие народы в мире поднимаются на борьбу против «высокомерия» США и что Иран «готов возглавить эту борьбу»⁴⁹.

Эти призывы к борьбе вылились на деле в развертывание Ираном широкой международной кампании террора и насилия, которая коснулась многих стран, в том числе и Америки. Вашингтон внес ИРИ в черные списки международных террористов. Иран наряду с этим стал выступать за силовое решение ближневосточного конфликта и стал наращивать свои вооруженные силы, оснащая их самым современным наступательным видом оружия.

Все это, однако, не помешало развитию опосредованных, но весьма эффективных торговых связей ИРИ с США. Апогеем стал 1994 год, когда Америка закупила в Иране товаров на 5 млрд. долл., в том числе только нефти на 4 млрд. Американцы закупили четверть всего нефтяного экспорта ИРИ или 25–30 млн. тонн (до революции США закупали в Иране 50 млн. тонн нефти)⁵⁰.

Но все это носило временный характер. Под давлением конгресса, где традиционно сильно влияние еврейского лобби, Б. Клинтон был вынужден пойти на запрет торговли США с Ираном, а также подписал закон, запрещающий вложение в экономику Ирана, в частности, в нефтяную промышленность инвестиции больше 40 млн. долл. Были приняты в связи с предвыборной кампанией в США и значимостью еврейского электората и другие санкции против Ирана. Наряду с этим Вашингтон пытался при-

влечь к этим санкциям своих союзников в Европе и на Востоке. Иран попал снова в изоляцию. Пошатнулось, и весьма серьезно, его финансовое и экономическое положение. Это вызвало гневную реакцию в ИРИ. Известный в Иране духовный деятель, аятолла Мусави–Ардебели призвал всех мусульман мира «развернуть партизанские действия», которые включали бы в себя нападения «на американские посольства за границей», а в самих Штатах диверсионные акты против атомных электростанций⁵¹. Это вызвало шок в США и других странах Запада. Все разговоры о примирении были забыты и о них никто не вспоминал.

США, поддержанные Западом, осудили исламский фундаментализм и Иран, как зловещий центр этого направления в исламе. В СМИ США отмечалось, что от всех стран, угрожающих миру, «Иран отличается тем, что он движим мощной верой или исламским фундаментализмом. Коммунизм больше не представляет угрозы...но ему на смену идет исламский фундаментализм»⁵². В ответ на это иранская газета «Техран таймс» писала, что, хотя капитализм победил в борьбе с марксизмом, однако это вовсе не значит, что его лидеру – США позволено все. «Сегодня на международную арену вышла новая мощная сила – ислам, который победоносно выступает во всем мире. Нынешняя мировая система рано или поздно падет, чтобы освободить место исламу»⁵³.

И тем не менее и в США, и в ИРИ снова вернулись к идее необходимости установления диалога между двумя странами. И США даже выдвинули следующие условия, на которых будет возможно разговаривать с Тегераном на эту тему: первое – ИРИ должна немедленно и решительно покончить с международным терроризмом и осудить его, второе – Иран не должен мешать мирному процессу решения ближневосточного конфликта, третье – прекратить все усилия по созданию оружия массового поражения, и прежде всего ядерного⁵⁴. В американской прессе подчеркивалось, что, как заявил Б. Клинтон, «у нас нет проблем с народом Ирана. Проблема в неприемлемом поведении иранского правительства»⁵⁵, на которое США пытаются нажать, чтобы ослабить экстремистские моменты в его политике и поддержать его переход в сторону умеренности.

Не исключено, что к этому выводу Вашингтон пришел в связи с тем, что из-за санкций обе страны несут огромные потери финансового и материального порядка. Так, США теряют в год от 15 до 19 млрд. долл. Многие американцы потеряли работу из-за этих же санкций⁵⁶. Союзники США, Англия, Франция, Германия и Япония советуют Америке прекратить санкции и снова вернуться к «критическому диалогу» с ИРИ, который более плодотворен, нежели курс США на «двойное сдерживание»⁵⁷. Об этом же говорят и видные политические деятели самих Штатов, в частности Г. Киссенджер и З. Бжезинский, которые, кстати, не только призывают Вашингтон к диалогу с Тегераном, но и советуют иранцам «не закрывать окончательно дверь для любых переговоров с США в будущем»⁵⁷.

Серьезно страдает от санкций и Иран. Ему трудно пришлось с экспортом нефти, от которой отказались США. Запад фактически отказал ИРИ в

кредитах и займах. Вырос внешний долг страны⁵⁸. Безработица составила 20% этого 70-и миллионного населения или 14 млн. человек. Инфляция поднялась до 25% в год. Доход на душу населения упал с 1200 долл. в год до 800 долл.⁵⁹ Отмена санкций помогла бы ИРИ решить многие проблемы. Об этом задумались многие политики и экономисты в Тегеране⁵⁹.

В августе 1997 г. к власти в ИРИ пришло новое правительство во главе с либерально настроенным президентом М. Хатами, который заявил, что будет проводить новую «свежую политику» и начнет диалог с США и Западом в целом. Он предложил начать диалог на «человеческом уровне»: развивать связи на уровне писателей, ученых, журналистов, артистов и туристов, подчеркнув, что «ничто не может помешать диалогу на этом уровне»⁶⁰. Правда, этому воспротивился аятолла Хаменеи, но и он хорошо понимает, что без помощи Запада и США Ирану не удастся решить все свои трудности экономического и финансового плана. Хатами был вынужден – временно отступить, что во все не значит отказа от прежних идей и задумок.

В дело вступила «пинпонговая дипломатия» по примеру того, что было у США и КНР⁶¹. В феврале 1998 г. в Тегеран приезжала американская команда борцов, которую с цветами тепло встречали в столице ИРИ. Летом с.г. во Франции встретятся футбольные команды ИРИ и США и т. д. Тегеран заявил, что он за обмен кинофильмами и деятелями кино. В Давосе посол США в ООН Б. Ричардсон за многие годы впервые обменялся крепким рукопожатием с министром иностранных дел ИРИ К.Харрази⁶². За диалог с ИРИ выступили американские нефтяные компании⁶³, а Саудовская Аравия под нажимом США выступила в роли посредника по примирению двух стран⁶⁴. Список этот можно продолжить и далее.

Но самое главное, что должно способствовать нормализации ирано–американских отношений – это практически полное выполнение Ираном тех условий, которые в свое время выдвинули США для начала диалога с ИРИ. Прежде всего новый президент Хатами осудил терроризм и обещал сотрудничать с мировым общественным сообществом в борьбе с этим «уродливым явлением»⁶⁵. В 1994 г. еще президент ИРИ Рафсанджани заявил, что хотя Тегеран и считает план Запада и США по мирному решению конфликта на Ближнем Востоке «неприемлемым», тем не менее Тегеран не будет мешать его претворению в жизнь и «исключает практическое вмешательство, регулирование или физическое предотвращение событий»⁶⁶. И, наконец, по третьему условию: Иран подписал Договор о нераспространении ядерного оружия. Он строит АЭС в Бушире, и она и другие объекты открыты для контроля и инспекции со стороны МАГАТЭ и других международных организаций⁶⁷. Иран поддержал проект запрещения химического оружия и выступает против бактериологического оружия, т. е. всех видов оружия массового поражения. Этого, конечно же, не могли не заметить ни в США, ни на Западе в целом.

Из сказанного выше можно сделать логический вывод, что дело нормализации ирано–американских связей практически началось и восстановление между ними дипломатических отношений не за горами. Правда,

в обеих странах имеются серьезные противники сближения и нормализации между Ираном и Америкой. Однако обнадеживает заявление в Иране лидера Хаменеи о том, что «По вопросу об отношениях с США у иранских официальных лиц каких-либо разногласий нет»⁶⁸. А также заявление Клинтона о том, что, хотя США предпочитают «официальный диалог», а не цивилизационный, тем не менее Вашингтон и к такому диалогу готов⁶⁹. Конечно, время покажет как эти заявления будут реализованы на практике, однако принимаемые конкретные меры по налаживанию связей двух стран внушают определенный оптимизм.

¹ Benjamin A. G. Persia & Persian. L., 1887, cc. 16–20.

² Цит. по ж. Ханданиха 5.12.1953.

³ См. Р. Хомейни. Велаят-е факих (Б.м., б.г.) cc. 14, 169 (на перс. яз.).

⁴ U. S. News & World Report 12.01.1979.

⁵ См. Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки. М., 1989 г.

⁶ Imam Khomeini on Iran–U.S. Relations. Manila, 1991, cc. 4–6; The New York Times 09.04.1980.

⁷ Р. Хомейни. Указ. Соч., cc. 20, 124–129.

⁸ Foreign Affairs, Winter 1981/82, cc. 247–264.

⁹ Кременюк В. А. Борьба Вашингтона против революции в Иране. М., 1984 г., cc. 118–120.

¹⁰ Эттелаат 08.04.1980.

¹¹ The New York Times 09.04.1980.

¹² Правда 26.04 и 01.05.1980; Эттелаат 26.04.1980.

¹³ Эттелаат 13.04.1980.

¹⁴ Abol Hassan Bani-Sadr. My Turn to Speak: Iran, Revolution & Secret Deals with the U.S. N.Y., 1991, c. 220.

¹⁵ Эттелаат 20.01.1981.

¹⁶ The Economist 10.01.1998.

¹⁷ Abol Hassan Bani-Sadr. Op. Cit., c. 38.

¹⁸ Newsday 25.01.1981.

¹⁹ Цит. по Правда 29.10.1981.

²⁰ U.S. News & World Report 01.10.1980.

²¹ Международная жизнь № 7, 1986 г., c. 111.

²² Oliver North with Willam Novac. Under Fire. An American Story, N.Y., 1991, cc. 30–35.

²³ Рональд Рейган. Жизнь по-американски. М., 1992 г., cc. 467–538.

²⁴ Oliver North with William Novac. Op. Cit. cc. 15–16.

²⁵ Ibid. cc. 401–413.

²⁶ Бамдад (Иран) 11.02.1980.

²⁷ Рональд Рейган. Указ. соч., cc. 272, 267, 300.

²⁸ См. подробно: Ушаков В.А. Исламская Республика Иран – СССР – Россия – некоторые страны СНГ. М., 1998 г., cc. 10–591 (депонированная рукопись).

²⁹ The Times 19.12.1986.

³⁰ Abol Hassan Bani-Sadr. Op. Cit. c. 204–205.

- ³¹ Ibid. с. 201.
- ³² Ibid. сс. 38, 95, 100, 211.
- ³³ Цит. по Правда 20. 11. 1986.
- ³⁴ БИКИ 19.07.1986; Литературная газета 13.01.1988; The Times 13.03.1982.
- ³⁵ Едиот Ахронот (Израиль) 18.11.1993.
- ³⁶ The Times 25.01.1987.
- ³⁷ Миллиет (Турция) 03.01.1989.
- ³⁸ См. например: Abol Hassan Bani-Sadr. Op. Cit., с. 3.
- ³⁹ The Boston Globe 12.08.1990.
- ⁴⁰ См. подробно: Последствия войны в Персидском заливе и ситуация в регионе. М., 1992 г., сс. 31–44.
- ⁴¹ Tehran Times 13.01.1993.
- ⁴² Newsweek 01.03.1993.
- ⁴³ Салам (Тегеран) 04.11.1993.
- ⁴⁴ Newsweek 01.07.1993.
- ⁴⁵ Московские новости 4–11.11.1994.
- ⁴⁶ Аббар (Тегеран) 08.11.1991.
- ⁴⁷ Известия 09.11.1992; Аббар 19.01.1992.
- ⁴⁸ Джомхурийе эслами 24.09.1991.
- ⁴⁹ Джомхурийе эслами 25.12.1995.
- ⁵⁰ Известия 08.12.1994; Салам 27.07.1995; Кейхан 02.05.1995.
- ⁵¹ Аббар 22.11.1991.
- ⁵² The Washington Times 28.08.1993.
- ⁵³ Tehran Times 18.01.1992.
- ⁵⁴ См. ж. Новое время № 41, 1997 г., с. 25.
- ⁵⁵ Цит. по Сегодня 27.12.1995.
- ⁵⁶ Цит. по Независимая газета 11.02.1998.
- ⁵⁷ Третий взгляд № 45, 15.11.1997; Эттелаат 29.11.1996.
- ⁵⁸ Джомхурийе эслами 03.03.1994.
- ⁵⁹ Сегодня 07.09.1995; Новое время № 41, 1997 г., с. 25.
- ⁶⁰ Iran News 12.01.1998.
- ⁶¹ Financial Times 19.01.1998.
- ⁶² Цит. по Независимая газета 11.02.1998.
- ⁶³ The Washington Post 26.01.1998.
- ⁶⁴ The Economist 20.12.1997. The Times 13.03.1982.
- ⁶⁵ Эттелаат 03.03.1998.
- ⁶⁶ The Christian Science Monitor 29.06.1994.
- ⁶⁷ Кейхан 07.07.1992.
- ⁶⁸ Tehran Times 15.01.1998.
- ⁶⁹ Компас № 9, 1998 г., с. 11.

ОПУСТЫНИВАНИЕ В АРАБСКОМ МИРЕ: СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ В НОВОМ КАЧЕСТВЕ

Засухи и связанное с ними негативное воздействие природных сил на производственный комплекс и хозяйственную сферу – не новое явление в жарких странах. Оно чревато серьезными осложнениями, способными резко ухудшать экономические показатели и социальные условия существования населения, проживающего на чрезмерно инсолируемых территориях. Арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки не являются исключением из этого правила и в полной мере испытывают на себе разрушающее влияние климатического фактора, в первую очередь, аридности, которая рассматривается как подвижная величина, способная существенным образом корректировать состояние и динамику воспроизводственных процессов в аграрных организмах региона. До относительно недавних пор засухи, суховеи и опустынивание даже при их большой масштабности и географической распространенности все же наносили преимущественно ограниченный ущерб материально–вещественным и живым объектам, которые оказывались под их воздействием. Локальность поражения обуславливалась очаговым характером производственной деятельности, которая еще несколько десятилетий тому назад преимущественно концентрировалась в немногочисленных ареалах, не составлявших в хозяйственном отношении единого целого и даже в пространственном плане не складывавшихся в целостные образования.

Ситуация постепенно стала изменяться в колониальный период под влиянием конъюнктуры мировых рынков и потребностей метрополий. Но особую динамику она приобрела после обретения развивающимися странами политической независимости, сопровождавшейся стремлением добиться экономической самостоятельности. Создание материально–технической базы независимости привело к активизации экономической деятельности, расширению сферы общения с живой природой в результате мощного разрастания производительных сил, проведения индустриализации, осуществления интенсификации в области сельского хозяйства, коренных социальных преобразований в аграрном секторе, в рамках которого взаимодействие с окружающей средой протекает в условиях особого сближения всех составляющих, участвующих в проектах освоения природных ресурсов.

Развитие земледельческого капитализма, включение в хозяйственный оборот новых обширных земельных угодий, массивное инфра-

структурное строительство привело к слиянию отдельных очагов антропогенной деятельности в крупные агломерации, постепенно объединяющиеся в территориальные единицы, занимающие огромные пространства прежде нетронутых земель. Быстрый рост народонаселения, растущие потребности в продовольствии и в связи с этим нарастающее сверхнормативное давление на земельные ресурсы, неприспособленные к интенсивному использованию, понизили уровень естественной защищенности природных факторов производства и открыли их вредному воздействию со стороны человека. Теперь даже случайные локальные сбои в природном комплексе способны перерасти во всеобъемлющие по своим вредоносным последствиям, не говоря уже о более продолжительных аномалиях, которые могут превратиться в катастрофу для хозяйства и населения.

Подобное становится неоспоримой реальностью особенно в тех случаях, когда негативные процессы хронически не встречают противодействия. Например, Сахара наступает на Судан на широком фронте темпами, которые достигают 5 км в год. Это явление не есть результат валового накатывания пустыни одномоментно на большом пространстве. Оно принимает форму расширения очагов опустынивания, возникающих в виде разрозненных, но одновременно генерируемых образований на участках в 100–200 кв. км, которые затем сливаются в более обширные пятна, поглощая постепенно значительные территории. Тем не менее государство не предпринимает мер противодействия, чтобы лимитировать разрастание пустыни, несмотря на то, что процесс дезертификации достиг больших величин уже к началу 80–х годов. По существу, власти не препятствуют избыточному давлению на культивируемые земли и пастбища, проводя в жизнь лозунг "сельское хозяйство и еще больше сельского хозяйства", хотя именно это обстоятельство и ведет к их деградации¹.

Такой своего рода затратный подход определяется несколькими причинами, главная из которых, как кажется, может быть связана с тем, что Судан располагает существенным резервом пригодных для обработки земель, по крайней мере, сопоставимым с потребностями в них растущего населения на обозримую перспективу. Другими факторами являются нехватка финансовых ресурсов, неспособность мобилизовать население на трудоемкие работы в условиях перманентных политических неурядиц и острого дефицита средств, беспочвенные надежды на помощь извне в борьбе с таким грозным явлением природы, как выбывание земель из регулярного хозяйственного оборота под влиянием дезертификации.

При сходстве проблем, связанных с опустыниванием, в африканском и арабском мире, все же между ними имеются серьезные различия, которые позволяют вести речь о почти противоположных подходах к решению проблемы. Применительно к африканским странам, в том числе и к некоторым арабским, расположенным на этом континенте, справедливо замечание, суть которого состоит в том, что "здесь правительства не рассматривают дезертификацию как наиболее приоритетную проблему. Ухудшение растительного покрова, ускоряющее эрозию, засоление и проблемы сбора воды не привле-

кают внимания, пока они не входят в кризисную фазу. Меры против опустынивания носят формальный характер... Представляется, что развивающиеся нации придают небольшое значение тому факту, что их основная цель – самообеспечение продовольствием – не может быть достигнута, если их земельные и растительные ресурсы не будут защищены от деградации"².

В отличие от африканского варианта большинство арабских стран придерживается иных позиций, о чем свидетельствует активная их деятельность, например, в области озеленения и создания искусственных лесов в целях противодействия движению песков.

Особенно актуальной эта тема стала для арабских стран Персидского залива, Египта, Сирии и некоторых других. Исходя из исторического опыта и конкретных ситуаций, имеющих место в настоящее время в разных концах арабского мира (в Египте, например, подобное касается драматических событий в новых индустриальных центрах Аль-Убур и Ас-Салаям, которые подвергаются опасности накатывания песков), некоторые исследователи проблемы опустынивания сходятся на том, что угроза наползания пустыни реальна, но избегаема при наличии желания и возможностей противостоять этому природному явлению³.

Вместе с тем существует и другое мнение, подкрепленное длительными наблюдениями в интересующей области и выходящее за рамки устоявшихся представлений. В частности, его сторонники полагают, исходя из данных, полученных в ходе регулярных длительных обследований динамики движения песков, что опасность их инвазии на культурные территории во многих случаях полностью исключена в связи с тем, что оси ветрового воздействия периодически меняются на прямо противоположные по направлениям, что создает своего рода устойчивый баланс в миграциях песчаных масс и способствует их стабилизации в пределах относительно небольшой территории, выход за границы которой практически невозможен. Признавая в целом реальность сделанных наблюдений и прогнозов применительно к конкретному месту и к конкретной ситуации, все же следует указать на то, что в арабском мире существуют многочисленные места с постоянной розой ветров. И именно на этих маршрутах в ветроактивные сезоны наблюдается тенденция к активной консолидации и перемещению огромных масс песка, способных двигаться на обширном фронте. Единственное обстоятельство, не ликвидирующее проблему, но облегчающее ее решение, состоит в том, что пески в значительной своей части мигрируют по известному маршруту, что может позволить избегать контакта с ними вновь планируемых поселений и строительных объектов. Другими словами, косвенные меры противодействия явлению здесь более желательны и менее обременительны, чем непосредственная борьба с ним в условиях прямого противостояния, в рамках свершившегося факта⁴.

Ветровая эрозия является одним из разрушительных факторов, способствующих деградации почвенного покрова и опустыниванию. Но даже осознание этого факта не является сдерживающим началом для предотвращения распахки крупных целинных массивов. Правда, в арабском ми-

ре начало освоения полузасушливых равнин было, как отмечалось, положено в отдаленные годы, между двумя мировыми войнами и позже, когда экологические проблемы и вопросы сбалансированного развития природных и аграрных экосистем не имели столь большого значения. При малой численности населения включение в хозяйственный оборот относительно небольших территорий для выращивания товарных урожаев на экспорт и частично для внутреннего потребления не вызывало особых опасений. Даже в более поздний период, когда капитализирующееся земледелие расширяло свои границы за счет выхода на целину, освоение арабских степей не воспринималось как преддверие природных кризисов.

А между тем, уже в то время были известны последствия, к которым может привести освоение обширных массивов залежей. В годы первой мировой войны, например, быстрый рост спроса на пшеницу подвиг американских фермеров на распахивание прерий в западной части Великих равнин. Засухи начала 30-х годов подорвали производство и превратили освоенные территории в источник пылевых бурь, которые никогда прежде не возникали здесь, сдерживаемые травянистым покровом. Подобное же имело место в бывшем Советском Союзе на территориях полузасушливых степей Казахстана, которые, начав осваиваться в 50-х годах, к середине 60-х уже перестали удерживать почвенный слой от разрушения. Только благодаря антиэрозионным мерам – зеленым заслонам, растягиванию периода нахождения земель под паром – в части степей был восстановлен травяной покров. Но и поныне до 3 млн. га подвергаются ветровой эрозии и являются местом возникновения пылевых возмущений.

Естественно предполагать, что арабские сельскохозяйственные предприятия, фермеры и владельцы крестьянских дворов в зоне неустойчивого земледелия в основном могут рассчитывать только на собственные силы в противодействии природным явлениям негативного свойства. В США, например, во время засухи 1983 г. материальные потери фермеров были минимизированы за счет того, что государство израсходовало на поддержание хозяйств около 20 млрд. долл., что по сумме превышало размер чистого национального дохода США от фермерской деятельности в тот период⁶. Едва ли подобное возможно в условиях арабских стран, особенно, если речь идет о тех из них, которые относятся к категории с низким или средним уровнем развития. Тем более, что социальная защита американских фермеров достигается за счет их растущей социальной организации и усложнения механизмов взаимодействия с государством. Между тем именно эти составляющие социальной стабильности обширного слоя сельскохозяйственных производителей либо отсутствуют вообще в арабском мире, либо находятся в зачаточном состоянии и не способны выполнять функции, которые едва по силам даже таким «сложным и чрезвычайно дорогостоящим структурам» как в США⁷.

При развитии дезертификационных процессов движущиеся пески перемещаются большими массами под воздействием ветра, особенно в сезон песчаных бурь. Арабские исследования показывают, что, как прави-

ло, зоны повышенной опасности формируются в местах расположения мощных барханов, которые могут достигать большой высоты и обладают повышенной мобильностью. Их подвижность определяется внутренней структурой дюн, слабым сцеплением песка и его свойством приходить в движение даже под небольшим напором ветровых масс. При достаточно длительном воздействии ветра, чаще всего в зимний период, пески способны перемещаться на значительные расстояния по открытым пространствам, засыпая культурные посевы, вообще погребая под собой любые результаты человеческого труда. Скорость перемещения песков почти пропорциональна скорости ветра, а поскольку на открытой местности пустынь им ничто не препятствует, то и передвижение барханов может быть достаточно быстрым, хотя, безусловно, и не равным скорости ветра.

Тем не менее ветровая эрозия является постоянной угрозой для сельских товаропроизводителей арабских равнин. Не случайно поэтому государство и самостоятельные объединения сельских хозяйств типа кооперативных хотя бы избирательно проводят консервацию почв в попытках избежать негативных последствий от своей хозяйственной деятельности. Они не в состоянии осуществлять полный набор необходимых мер, включающих водосберегающие технологии и приемы, обеспечивающие понижение испарения, затруднение просачивания, а также защиту собственно земель за счет оконтуривания участков, террасирования, оставления под паром на летний период, сохранения живья, использования засухоустойчивых урожаев, гибких севооборотов и подстраивания систем землепользования под местные условия, особенно если речь идет об экспортных урожаях. Не случайно, засухи, поражавшие с 1963 по 1974 г. и в более поздний периоды обширные территории на Ближнем Востоке и особенно в Африке, включая сахельский пояс на южной оконечности Сахары, к которому относятся Мавритания, Сомали и Судан, являющиеся членами Лиги арабских государств (ЛАГ), показали в полной мере, что они таят в себе исключительно разрушительный потенциал. Спровоцировав колоссальное ухудшение социально-экономической ситуации в этих и других странах, они создали серьезный повод для созыва в рамках ООН конференции по проблемам десертификации. Это было связано с тем, что засухи инициировали резкое наступление пустыни на зону обрабатываемых земель и породили угрозу для национальных сельских хозяйств в относящихся к сахельскому региону странах, отличающихся чрезвычайно низким уровнем развития производительных сил и слабыми возможностями противостоять негативным явлениям природы⁸.

Борьба с опустыниванием постепенно становится одним из важнейших императивов для государств, расположенных в засушливой зоне. Однако эта задача для значительного большинства стран, нуждающихся в интенсивных операциях по борьбе с опустыниванием, во многом является непосильной. Она связана с мобилизацией исключительно крупных финансовых ресурсов, требует соответствующей технической вооруженности и знания особенностей пустыни как сложной экосистемы, функционирую-

щей на базе собственных законов внутренней динамики. Все эти предпосылки успешного противостояния наползанию песков слабо обеспечены в странах—членах ЛАГ. Поэтому дезертификация едва ли может быть остановлена на широком фронте, и представляет собою хроническое явление для арабского мира, которое имеет большие возможности для того, чтобы сохраняться на перспективу и даже расширять свои границы в случае попустительства ему. По объективным или субъективным причинам оно может даже обрести характер неодолимой силы. Однако арабская практика показывает, что опасность опустынивания таким путем, через неконтролируемое передвижение барханов, которые занимают большие площади и образуют на них целые колонии, не столь высока, когда им противостоит целесообразная деятельность людей, стремящихся минимизировать или полностью исключить наступление песков из пустыни. При этом подчинение явления достигается относительно простыми и доступными мерами организационно—технического порядка. Опыт жизни в пустыне дает примеры использования простейших способов, считающихся эффективными для купирования процессов опустынивания именно в ходе напалзания больших количеств песка.

В качестве универсального и многоцелевого средства наиболее часто используются защитные древонасаждения, которые не только закрепляют пески, но и облагораживают местность, сообщая ей декоративные качества, выполняя при этом и другие функции, свойственные зеленым посадкам. Деревья могут высаживаться не только в виде защитных полос, но и размещаться в любой конфигурации на собственно барханах и дюнах, существенно повышая их ветроустойчивость.

Другой способ предотвращения движения песчаных масс заключается в их «окультуривании» за счет проведения посадок мелкорослых кустарников, устройства травяного покрова, в том числе и высаживания сельскохозяйственных кормовых и других культур наряду с застраиванием песчаных поверхностей, если их ландшафт благоприятствует этому. Однако такой способ не относится к числу употребительных, поскольку он преимущественно возможен в старых районах заселения и при наличии группы факторов, способствующих экспансии человеческой деятельности за пределы устоявшихся ареалов, — потребность в новых участках под жилье, расширение сферы сельскохозяйственной занятости и т. п., когда для этого отсутствуют другие возможности.

Еще один из известных способов борьбы с передвижением песков заключается в том, что склоны барханов облицовываются или обкладываются камнем, что делает их абсолютно ветроустойчивыми. Но такая практика является достаточно редкой, так как отличается исключительной трудоемкостью, настолько, что это обстоятельство перекрывает соображения эффективности такого метода. Тем более, что подобные меры служат защитой индивидуального порядка в основном для мелких поселений, которые могут мобилизовать для этой цели только ручной труд, по тяжести превосходящий любые сельскохозяйственные работы. Ныне же, при индустриальных

методах освоения новых территорий в арабском мире, начинают применяться другие подходы, более радикальные и действенные, в ходе которых барханы срываются и нивелируются под ровные поверхности, которые затем осваиваются и отводятся под культурные и лесные посадки.

В целом проблема напоянения песков на культурные ареалы не носит в арабском мире всеобщего характера. Хотя это явление известно с давних пор, оно вновь обретаёт черты проблемы, которой нужно противодействовать, только в тех случаях, когда в процессе нового строительства или освоения залежных земель – операций, принявших за истекшие десятилетия весьма большой размах на Ближнем Востоке, – нарушаются или забываются правила (что часто происходит при принятии в расчёт только чисто технических или экономических соображений), соблюдение которых позволяет избежать нежелательных экологических последствий, дополнительных инвестиций, психологических тревог.

Тем не менее, по мнению многих специалистов, проблема существует в той или иной форме. Об этом свидетельствует и немалое количество различных учреждений, вовлечённых с разной степенью интенсивности в изучение процессов напоянения песков. Достаточно указать, что только в одном Египте, например, проблемой занято большое число научных центров, среди которых министерство по вопросам застройки и освоения новых территорий, управление ядерных материалов, национальное управление дистанционного зондирования, министерство научных исследований, факультет естественных наук Каирского университета и ряд других исследовательских подразделений, разрабатывающих в той или иной степени тему опустынивания⁹.

Проблема представляется актуальной для целого ряда арабских стран, ведущих интенсивное производственное и инфраструктурное строительство, создающих в зоне традиционной пустыни или степей экономические зоны, технологические парки, производственные площадки, линии коммуникаций, а также новые сельскохозяйственные предприятия.

Ныне опасность конфликтов с пустыней несколько уменьшена, поскольку в расчёт стали больше приниматься реалии вмещающего ландшафта – наличие барханов, направления ветра и маршруты передвижения песка, иные необходимые показатели. Однако многие другие проекты в разных арабских странах, возводившиеся в пустыне десять–двадцать лет тому назад, пренебрегали учётом этих факторов, и сейчас по-прежнему подвергаются опасности наплыва песков.

Естественно, одно только знание механизмов пустынной инвазии не избавляет от опасности стать её объектом. Тем более, что помимо чисто физических причин опустынивания имеются и другие, роль которых чрезвычайно значима для развития деструктивных процессов в аграрной и природной экосферах.

Сельское хозяйство в засушливой части мира на всем протяжении своей истории строилось на учёте климатического фактора и существовало за счёт соблюдения баланса между агротехникой и местными экосистемами. Агрономическая практика, применяемая в арабском мире, не

была исключением из правила и помогала поддерживать такое соотношение между производительными действиями человека и возможностями окружающей природы, что позволяло не нарушать хрупкое экологическое равновесие или, по крайней мере, избегать разрушительных последствий (типа интенсивного опустынивания) от вмешательства в природный организм. Во всяком случае, «земледельческая техника, позволявшая минимизировать ущерб окружающей среде, применялась со времен существования шумерской и месопотамской цивилизаций»¹⁰. Естественно, приведенное свидетельство следует понимать так, что щадящее воздействие на окружающую среду все же скорее было следствием отсутствия в арсенале древних земледельцев средств массированного воздействия на природные ресурсы, способных привести к их разрушению или хотя бы к нарушению баланса внутри экосферы, а не результатом осознанной необходимости сбережения природы от подрыва ее устоев. Речь может, по-видимому, идти в данном случае только о некоем совпадении интересов природы и общества, при котором равновесие окружающей среды оказывалось не затронутым в процессе функционирования производительных сил, находившихся в течение определенного исторического периода в состоянии, удовлетворявшем требованиям поддержания гармонии во взаимодействии между антропогенным фактором и средой обитания.

Однако в изменившихся исторических и экономических условиях старые экологические вызовы предстали перед арабским миром в новом качестве. Поддерживавшееся веками неустойчивое равновесие оказалось нарушенным во второй половине текущего века, когда арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки получили независимость и испытали на себе воздействие демографического взрыва и резкое обострение продовольственной проблемы. Как отмечалось, испытывая давление отсталости, они встали перед необходимостью добиваться экономической самостоятельности как предпосылки независимого развития и сохранения национальной безопасности. Однако эти намерения плохо коррелировались с общемировыми тенденциями развития, которые выдвигали развивающиеся страны на периферию мирового капиталистического хозяйства и не могли способствовать приобщению арабских государств к категории соответствующих современным требованиям. В частности, это накладывало отпечаток и на весь комплекс проблем функционирования аграрной сферы, организации сельского хозяйства, систем управления воспроизводственными процессами в аграрном секторе. Масштабные реформы в сельском хозяйстве, начатые и проведенные всеми арабскими странами без исключения, должны были изменить не только социальный облик деревни, преобразовав здесь весь порядок землевладения и землепользования, но и внести вклад в изменение экономических устоев ее функционирования. Новой социальной организации деревни должны были соответствовать и новые производственные характеристики ее. Однако процесс обретения нового качества растянулся на десятилетия, а становление земледельческого капитализма осуществлялось в значительной

степени в усеченной форме по той причине, что не все государства смогли физически обеспечить преодоление докапиталистических пережитков за исторически короткий промежуток времени, а также потому, что в ряде случаев они соотносили свои экономические действия с идеологическими установками, сдерживавшими наступление полномасштабных капиталистических отношений.

В результате, аграрные преобразования параллельно с переустройством деревни привели к обострению противоречий между природной средой и производственной деятельностью на земле. Развитие земледельческого капитализма обусловило колоссальные сдвиги в техническом вооружении сельского труда, в организации производства, в применяемой агротехнике, сопровождавшиеся большими изменениями в используемом посевном материале, в наборе и сочетаниях выращиваемых культур и т. п. Все эти изменения, диктовавшиеся стремлением модернизировать аграрные сектора в арабских странах, повысить выход товарной продукции и диверсифицировать производство, стали причиной того, что вновь сложившаяся практика использования земель во многих случаях вылилась в их истощение, поскольку «элементы, обеспечивающие плодородие изымались из угодий быстрее, чем могли компенсироваться на природной основе»¹¹. Подобное явление укоренилось в качестве важного признака, характеризующую экологическую несостоятельность арабского аграрного производства на фоне его улучшившихся социально-экономических показателей.

В дополнение к традиционной иницирующей опустынивание силе – засухам и изменениям в климате, – таким образом добавились новые факторы, по негативной «эффективности» своей способные превзойти естественные процессы. Среди них – явление перенаселенности, которое повлекло за собой повышенное давление на угодья и нерациональное использование земель, что стимулирует их вывод из хозяйственного оборота. В условиях засушливого климата отход от традиционной хозяйственной практики, придерживающейся щадящих методов воздействия на аграрную экосферу, почти автоматически ведет к опустыниванию больших пространств. Угодья подвергаются усиленному истощению в тех случаях, когда бедные почвы становятся объектом сверхдопустимой обработки, когда имеет место нелимитированный выпас на пастбищах степей их полупустынь, когда возникают интенсивные процессы обезлесения и когда обширные земельные площади вмещают неудовлетворительно спланированные или неэффективно управляемые ирригационные системы¹².

Сверхнормативная обработка угодий провоцируется главным образом потребностями в повышении товарности сельского хозяйства и несоблюдением севооборотов местными товаропроизводителями капиталистического типа под давлением рыночного спроса. При этом угодья эксплуатируются на износ, поскольку период пребывания земель под паром постоянно сокращается или вовсе исключается из расчетов, и отведенные, как правило, под монокультуру поля вырабатываются до полного их истощения. Затем они отводятся под пастбища, где их поверхности нано-

сится дальнейший урон, поскольку растительный покров расходуется на корм и выбивается копытами животных, открывая путь ветровой эрозии¹³. Если эксплуатируемые таким образом угодья находятся на границе с пустыней, то их выбывание из категории плодородных практически всегда связано с их неизбежным превращением в придаток пустыни.

Утрата лесного покрова в арабском мире достигла таких масштабов в предшествующие десятилетия, что ныне не представляется возможным вести речь о самовоспроизводстве лесных ресурсов. Сведение лесов в силу разных причин стало одной из весомых причин утраты стабильности верхнего слоя почвы и нарушило экологическую сохранность обширных пространств, превратившихся в бросовые¹⁴.

Неудовлетворительно налаженное орошение, очевидно, следует признать другим весомым фактором, способствующим опустыниванию. Этот фактор более всего отражает последствия антропогенной деятельности, поскольку в ирригации в странах с засушливым климатом видят наиболее радикальное средство увеличения урожаев. Однако подобное может быть достижимо только тогда, когда весь процесс осуществляется на экономически и технологически выверенной основе. В противном случае, он сопровождается многочисленными изъятиями, в частности, явлением засоления почв, возникающим в результате испарения, «вытягивающего» соли из нижних слоев почвы и способствующего их аккумуляции на поверхности.

Засоление является общей практикой для стран, использующих ирригацию для повышения интенсивности своих аграрных секторов. Очевидно, это явление следует считать характерным для любой страны или региона, в котором орошение признается естественным средством повышения урожая, возможно, даже независимо от того, насколько управление ирригационными сетями обеспечено технически и экономически. Даже при наличии адекватного дренажа один только неправильный выбор площадей под орошение может спровоцировать отрицательный результат. Наиболее эффективное решение – размещение угодий на природных покатосях с целью обеспечения естественного дренажа – не всегда возможно по наличествующим условиям, а в иных случаях положительный результат на все время действия проекта орошения не может быть гарантирован. Не случайно, например, в арабских странах до трети ирригированных земель регулярно выводятся из оборота по причине засоления.

Эрозия – еще один природный генератор деградации, спровоцированный причинами организационно-технического порядка, накопленными в результате интенсивной антропогенной деятельности. Не случайно, составители отчета Всемирного банка по экологической стратегии и устойчивому развитию в арабском мире подчеркивают, что утрата естественного плодородия почв, размывание культурного слоя со всеми вытекающими отсюда последствиями для земледелия, лесоводства и других сфер будут иметь свое продолжение и в обозримой перспективе в этом регионе. Таким образом, проблема деградации земельных угодий, сопровождаемая утратой растительности, ухудшением характеристик почвенного покрова, сохра-

нит свою актуальность для всех без исключения стран этой части мира. Объективные условия, связанные с отсутствием налаженного регулярного учета и статистики, а в равной мере и научных наблюдений, не позволяют точно оценить общий размер, суммарные объемы и темпы эрозии почв, ухудшения естественных характеристик биосферы и урон в других сопряженных областях. Тем не менее, опыт, накопленный в других регионах со сходными природно-климатическими условиями, свидетельствует, что воздействие эрозионных процессов на урожай в периферийных зонах и на богарных угодьях может быть весьма существенным и обуславливать 30–процентные потери в год при 25–летнем периоде отслеживания явления. Стоимость продукции в странах Ближнего Востока и Северной Африки, недополученной только в результате эрозии, засоления и обезлесения, оценивается, по некоторым данным, примерно в 1–1,5 млрд. долл. в год. К этим потерям не отнесен ущерб, наносимый неблагоприятными процессами экосистемам в целом, и возникающий в результате нарушения схемы перераспределения водных ресурсов, разрушения возможностей для использования обширных районов в рекреационных целях и для туризма¹⁵.

Утрата плодородия земельными угодьями на Арабском Востоке особенно актуальна в связи с тем, что здесь крайне мало ресурсов, за счет которых можно было бы компенсировать убыль угодий по антропогенным причинам. Ведь и без того дезертификация активно протекает естественным путем и в значительной мере провоцируется и ускоряется в случаях, когда выведенные из оборота земли забрасываются, не будучи обеспечены специальными мероприятиями, но и регенерации плодородия их восстановлению. По некоторым данным, в засушливых регионах каждый год утрачивают плодородие до 500 тыс. га земель и такое же количество вводится в эксплуатацию с целью компенсации потерь. «Фальшивое развитие, при котором выбытие земель превышает их физический прирост, становится очевидным фактом для многих ирригационных проектов, создание которых ведет не только к растрачиванию дефицитных финансовых и технических ресурсов, но и порождает у местного населения склонность обозревать будущее таких проектов с большим недоверием и неуверенностью»¹⁶.

Трудно оспаривать факт, что ближневосточные страны являются тем местом, где сошлась целая «группа физических, социальных и институциональных факторов, которые определяют масштабность деградации естественных ресурсов... Ситуация становится особенно острой на территориях, сопрягающихся с пустыней, где давление со стороны населения и стадного поголовья опережает возможности усвоения благоприятствующих сельскохозяйственных технологий, где естественные возможности земли переносить нагрузку перенапряжены, а защита растительного покрова ослаблена». Кроме того, «могут быть прослежены весьма устойчивые связи между деградацией природных ресурсов и размытием экономического благосостояния и эрозией социальной ткани в сельских общинах...»¹⁷. Действительно, в этом последнем случае основное бремя ложится на малообеспеченные и обездоленные категории населения и на те их группы, которые существуют тради-

ционно в зоне повышенного экологического риска и в таких материальных условиях, которые не обеспечивают защиту от природных явлений и не гарантируют минимального запаса прочности при возникновении неблагоприятных обстоятельств. Зависящие от внешнего фактора и с трудом поддерживающие простое воспроизводство, эти категории людей не обеспокоены сохранением среды обитания в качестве первоочередной задачи, и их склонность нарушать прежние заветы в этом плане определяется исключительно потребностями существования. Потребительское отношение к природе и ресурсам здесь проявляется в наиболее обнаженной форме и диктуется жесткими материальными условиями существования: при растущем населении и ограниченности ресурсной базы истощение последней часто является лишь вопросом времени. Даже традиционные и во многом бессознательные приемы, дававшие в прошлом возможность жить в мире с природой, теряют в таких обстоятельствах свою значимость и действенность. Давление начинает превышать допустимые пределы, когда речь заходит о выживании в скудной средствами к существованию среде. Когда члены общины испытывают хронический дефицит даже в простых средствах жизнеобеспечения, в их хозяйственной и иных видах деятельности нет избирательности. Умеренность как способ взаимодействия с природной сферой выдавливается из набора поведенческих стереотипов нуждой и бедностью, исчезает под влиянием того факта, что из общины вымываются по разным причинам или растворяются среди новых обитателей носители старых ценностей, в том числе и экологических, которые быстро прибывающее население не успевает усваивать.

У местного населения существует психологическая привычка к процессам опустынивания, которое воспринимается как неизбежное зло, обусловленное спецификой окружающей среды. По существу, местное население, сосредоточенное в ограниченных ареалах, подверженных дезертификации, не способно эффективно противостоять процессу, который развивается на значительно более обширных пространствах, чем место, занимаемое общиной или деревней. Даже если общинникам удастся собственными силами отстоять свои угодья, едва ли можно рассматривать индивидуальный успех на отдельном участке в качестве слагаемого более широких достижений на всем фронте борьбы с опустыниванием.

Вообще же, как правило, общины весьма пассивны в своих действиях, что связано не только с отсутствием у них серьезных возможностей для противодействия наступлению пустыни, но и с прочно укоренившейся убежденностью, что никакие средства не могут быть эффективными против дезертификации. Население пограничных районов уверено в тщетности попыток противостоять опустыниванию, поскольку оно является следствием слепых сил природы. Так, проведенный среди кочевников Южного Судана – зоны наибольшей угрозы опустынивания – опрос показал, что 92% их убеждены, что пустыни развились исключительно в результате одной только засухи, соответственно еще 2% их были уверены, что в этом сыграло свою роль обезлесение, а 6% добавили к этому неконтролируемый выпас скота¹⁸.

Тем не менее, индустриальные методы борьбы с дезертификацией, сопровождаемые соответствующими социальными мероприятиями типа создания образцовых деревень, пилотных проектов и т. п., эффективны лишь когда они осуществляются в районах, прежде свободных от населения. Чаще контрмеры предпринимаются в ареалах традиционного обитания. И в этом случае предлагаемые «решения, которые навязываются извне, обречены на провал до тех пор, пока их разработчики не будут принимать во внимание факторы местной культуры, включая суеверия, или традиционные коллективистские типы землевладения, которые часто игнорируются»¹⁹.

Но и при соблюдении этих требований нет полной гарантии обеспечения соответствия между целями и средствами их достижения. Попытки преодолеть последствия наступления пустыни путем создания точечных проектов в виде колодцев или скважин могут приносить обратный эффект, нарушая тонкие связи в местных экологических и природных системах. Такие мелкие проекты, если они не привязаны к существующей ситуации в каждом конкретном случае, могут нанести ущерб природе и стимулировать процессы опустынивания, хотя изначально они были направлены на предотвращение этого явления. Эти ирригационные сооружения могут привлекать кочевников с их стадами, что способно вызывать повышенную нагрузку на почвенный покров и его эрозию. А это, в свою очередь, создает предпосылки для образования очагов дезертификации даже в тех местах, где иначе этот процесс мог бы развиваться только естественным путем спустя длительное время²⁰.

Подобное лишний раз указывает на то, как необходим учет взаимодействия самых разных факторов при создании экологически безупречных проектов, которые должны опираться на всесторонне выверенные решения. Самые предпочтительные, тонкие методы общения с окружающей средой призваны сохранить статичность природной ситуации в процессе ее полезного преобразования и не допустить превышения критической массы дестабилизирующих факторов. Но тонкие методы воздействия на природу пока не находят в арабском мире широкого применения. Чаще возникают ситуации, когда при неизбирательном подходе и при несоблюдении соразмерности современных орудий и методов труда и хрупких в экологическом отношении объектов их приложения воспроизводственные возможности последних угнетаются, а при постоянном, избыточном и раздражающем воздействии вообще способны переродиться и мутировать до полного истощения полезных свойств, что означает, во многих случаях, падение производительности, деградацию, опустынивание.

Совершенно очевидно, что борьба с опустыниванием представляет собой необходимый предпринятием, к тому же выгодным с экономической точки зрения, поскольку, по некоторым данным, в стоимостном выражении цена проблемы составляет 26 млрд. долл. в год только за счет потерь от недополученной сельскохозяйственной продукции. Эксперты ООН утверждают, что, если на протяжении последующих 20 лет на цели борьбы с

опустыниванием израсходовать 90 млрд. долл., то это позволит в значительной степени предотвратить расползание пустыни²¹. А ведь это интенсивный процесс, который чреват, по некоторым данным, потерей до 14% всех земельных ресурсов арабского мира в ближайшей перспективе²².

Однако при нынешних подходах, диктуемых сохраняющейся отсталостью и ростом населения, индустриальные методы и интенсификация сельского производства пока еще являются вожделенной целью арабов и составляют суть стратегий развития в арабских странах. Движение именно в рамках этого пути будет заданным, по всей видимости, до той поры, пока валовые подходы не дискредитируют себя дальнейшим резким ухудшением экологической обстановки и таким уроном природным ресурсам, который затруднит осуществление воспроизводственных процессов в аграрном секторе, заблокирует возможности наращивания урожаев и вообще поставит под угрозу самое выживание арабского общества за счет собственного потенциала.

¹ Wijkman A., Timberlake L. "Is the African drought an Act of God or of Aman?" Цит. по: "Return to the Good Earth. Damaging effects of modern agriculture and the case for ecological farming. A Third World Network Dossier". Penang. Malaysia, p. 129.

² Там же, с. 130.

³ «Аль-Халидж» 31.03.1995.

⁴ Там же.

⁵ Wijkman A., Timberlake L. "Is the African drought...", p. 132.

⁶ Там же, с. 133.

⁷ Там же.

⁸ Markham A. "Dust to Dust: the world expanding deserts". Цит. по: Return to the Good Earth, p. 120.

⁹ «Аль-Халидж», 31.03.1995.

¹⁰ Markham A. "Dust to dust...", p. 120.

¹¹ Там же, с. 120.

¹² Там же, с. 121.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Report № 13601-MNA. Middle East and North Africa Environmental Strategy towards Sustainable Development. Feb. 17.1995, ME and NA Region. Document of the World Bank, p. 7.

¹⁶ Markham A. "Dust to dust...", p. 122.

¹⁷ Report № 13601-MNA..., p. 30.

¹⁸ Markham A. "Dust to dust", p. 123.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 122.

²¹ Там же, с. 121.

²² "Нидаль аль-фалляхин" № 7, март 1998 г., с. 56.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мартин С. Индик,
помощник Государственного секретаря
по делам Ближнего Востока

ДИНАМИКА СОБЫТИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Выступление перед Комитетом Палаты представителей
по международным делам, Вашингтон, округ Колумбия, 29 июля 1998 г.

Как всегда, иметь возможность обсуждать проблемы Ближнего Востока в Комитете – это удовольствие. За прошедшие пять месяцев с тех пор как мы встречались в последний раз, много событий произошло на Ближнем Востоке и не так уж много из них хороших. Но одно не изменилось – это первостепенная важность наших интересов на Ближнем Востоке.

Прежде чем изложить суть замечаний, разрешите мне выразить глубокое соболезнование по поводу убийства трех монахинь–сестер милосердия в Ходейде (Йемен). Правительство Йемена осудило этот ужасный акт, выразило соболезнование непосредственно общине, оказало помощь в вывозе останков сестер и усилило охрану христианских святынь в Йемене. Подозреваемый находится под стражей и признан как личность с экстремистскими наклонностями. Первые сведения говорят, что он действовал в одиночку, хотя расследование продолжается.

В противовес ответственным действиям правительства Йемена в этом страшном инциденте правительство Ирана на этой неделе казнило бехаита. Мы категорически осуждаем этот акт иранских судебных властей, который идет вразрез с заверениями президента Ирана Хатами о свободе и соблюдении законности. Мы заявили, что в Иране содержатся под стражей семьи других иранцев–бехаитов и требуем, чтобы правительство Ирана воздержалось от высшей меры наказания. Мы будем придерживаться этого мнения и стремиться, чтобы правительства других стран вступили в диалог с правительством Ирана и немедленно выразили свое отношение.

Введение

К сожалению, господин Председатель, слишком много невинных людей умирает на Ближнем Востоке. Это одна из причин, почему мы продолжаем проводить политику обеспечения справедливого, всестороннего и безопасного мира на Ближнем Востоке. На прошлой неделе мы достигли нового этапа в наших усилиях добиться соглашения между Израилем и Палестинскими властями по пакету представленных обеим сторонам предложений, направленных на возобновление окончательных перегово-

ров. Израиль и палестинцы сейчас согласились обсудить израильские предложения относительно наших проектов. Мы находимся в постоянном контакте с обеими сторонами и верим, что необходимо немедленно разрешить эти проблемы. Как только они придут к этому, мы сделаем все возможное, чтобы как можно быстрее довести эти усилия до успешного конца.

Ирак, под жестким руководством Саддама Хусейна, продолжает оставаться потенциальным источником нестабильности в регионе, а недавние его откровения по поводу планов относительно оружия массового поражения укрепили наш аргумент, что Ирак очень далек от выполнения резолюций Совета Безопасности и оказал контрдавление, чтобы снять санкции. Тем не менее, расширенная программа ООН по обеспечению основных гуманитарных нужд иракского народа осуществляется, и положение иракского народа продолжает улучшаться. Используя средства, ассигнованные Конгрессом, мы также разработали программу открытой поддержки иракской оппозиции, предназначенной сделать ее политически более эффективной и помочь в ее усилиях предать гласности военные преступления Саддама.

Что касается Ирана, Госсекретарь разработала процесс таким образом, что путем осуществления целой серии параллельных мер, предпринятых обоими государствами, он может привести к установлению более нормальных отношений с этой ключевой региональной страной. Реакция Ирана на замечания Госсекретаря была предсказуема, вызвала напряженные политические дебаты в Иране, но в то же время это будет шагом вперед, если правительство Ирана будет готово отреагировать. Тем не менее, обмен мнениями лицом к лицу продолжается.

На прошлой неделе Иран провел испытания Шехаб-III, баллистической ракеты средней дальности, возвещающие новую угрозу в региональной гонке вооружений. И хотя это не является неожиданностью, испытания побуждают нас срочно приложить усилия по прекращению доступа Ирана к технологиям оружия массового поражения и ракетным программам и помочь нашим друзьям в регионе в отражении растущей угрозы уже сейчас, пока мы изыскиваем возможность удержать Иран от такого поведения.

Так как в декабре этого года приближается десятая годовщина взрыва Пан Ам 103, мы также были заняты в последние месяцы вопросом, как призвать к правосудию ливийских террористов, ответственных за это. Мы обсуждаем с Соединенным Королевством и Нидерландами возможность проведения суда над двумя подозреваемыми в Шотландском суде в Нидерландах. Я подчеркиваю, что Президент не пришел ни к какому решению и не будет вникать в это дело, пока мы не убедимся в том, что большая часть сложных правовых проблем рассказана. Я хочу выяснить одно. Резолюции СБ ООН призывают, чтобы подозреваемые были судимы американским и шотландским судом. Мы изыскиваем возможность провести шотландский суд в третьей стране. Шотландский суд означает состав шотландских присяжных, шотландские правовые процедуры и шотландские правила освидетельствования. Здесь имеется в виду мировой судебный процесс и международный состав судей. Наша основная

цель проста: мы ищем справедливость для 189 американских жертв Пан Ам 103 и их семей. Любые меры должны привести к этой цели или ясно продемонстрируют миру, что Каддафи не имеет намерения представить подозреваемых, тем самым помогая усилить санкции ООН против Ливии. Мне хотелось бы обсудить эти и другие проблемы более подробно.

Мирный процесс на Ближнем Востоке

Что касается мирного процесса, то полезно вспомнить фундаментальное положение, что в этом процессе основную роль играют участники, а не мы. Если он будет иметь успех, стороны должны снова научиться работать вместе, имея свое собственное мнение, не продиктованное Соединенными Штатами. Это особенно важно, потому что последние 18 месяцев стороны потеряли способность общаться друг с другом. Если они не могут решить свои трудности, то как они собираются разрешать сложные проблемы на окончательной стадии переговоров, которые возобновятся как только они достигнут соглашения по нашим проектам? Это одна из причин, по которой мы настаивали на том, чтобы стороны встретились на текущей стадии переговоров. По нашему мнению, единственный путь восстановить отношения доверия – это содействовать сужению расхождений в их совместных позициях.

Мы не совсем уверены, что текущая стадия, в ходе которой стороны обсуждают израильские выкладки относительно тех, что мы представили, будет иметь успех. Пробелы значительно сузились, но время временных соглашений на исходе. Оно заканчивается через 10 месяцев. Палестинцы обсуждают одностороннюю декларацию о статусе государства, а Израиль предупреждает, что такой шаг спровоцирует аннексию территорий на Западном берегу. Эти проблемы будут иметь разрушающие последствия. Поэтому необходимо, чтобы стороны пришли к соглашению сейчас, что восстановит доверие к партнерству, приведет к осуществлению их обязательств по временному соглашению и создаст благоприятную обстановку для окончательных переговоров.

Пока центром внимания является распутывание палестинского направления в мирном процессе, невозможно добиться прогресса на каком-то другом направлении. Это не умаляет важности возобновления переговоров между Израилем, Сирией и Ливаном. Это не только из-за нашего стремления к всестороннему миру, но также из-за стратегического интереса, который мы имеем, втягивая Сирию в мирный процесс. Недавние визиты в Вашингтон ливанского премьер-министра и сирийского министра иностранных дел побудили Госсекретаря подробно обсудить вопрос о том, как возобновить переговоры по этим двум направлениям. Как только мы придем к соглашению на палестинском направлении, мы приложим все усилия к возобновлению переговоров.

В этом контексте позитивное разрешение проблемы – в готовности правительства Израиля выполнить резолюцию № 425 СБ ООН, которая призывает вывести израильские войска из Ливана. Мы верим в значимость выполнения резолюций СБ и давно видим независимый Ливан сво-

бодным от всех иностранных вооруженных сил. Поэтому мы приветствуем решение Израиля. Мы признаем, что должно быть какое-то взаимопонимание в содействии вывода израильских сил и безопасности израильско-ливанской границы. Резолюция № 426 подчеркивает роль Генерального секретаря ООН в выполнении резолюции № 425. Мы обращаем внимание на то, что Кофи Аннан будет в контакте со всеми сторонами и настаиваем, чтобы он продолжил консультации.

Ирак

Обращаясь к Ираку, мы настроены помешать угрозам Саддама Хусейна в отношении своих соседей и наших интересов не менее решительно, чем в том, чтобы достичь всестороннего мира на Ближнем Востоке. И в самом деле, сдерживание угроз региональной стабильности идет рука об руку с нашими усилиями способствовать миру в этом изменчивом регионе. Мы делаем это, чтобы сохранить международную поддержку в санкциях против режима Саддама Хусейна до тех пор, пока он полностью не выполнит резолюции СБ. Откровенно говоря, мы не верим, что преступные замыслы Саддама Хусейна осуществляются. За тот период, что мы не встречались, ЮНСКОМ раскрыл дополнительные конкретные свидетельства преднамеренного утаивания Саддамом Хусейном программы оружия массового уничтожения. И пока он полностью не опровергнет эти разоблачения – как это требуют резолюции СБ – этот последний не может снять санкции.

Что касается нас, я хочу прояснить: мы не потерпим ситуацию, когда Саддам Хусейн волен потратить 15 миллиардов долларов дохода от нефти на усиление военной мощи. Это составит угрозу нашим жизненным интересам.

Исходя из этого, следуют два очевидных вывода: первый – Саддам должен уйти. Соединенные Штаты давно выражали свой интерес относительно преемственности в правительстве Багдада, в частности, оно должно быть демократичным и использовать огромные природные ресурсы на благо своего народа, а не угрожать своим соседям. Если смотреть дальше, мы выработали план использования фондов, предназначенных Конгрессом, на поддержку демократической оппозиции Саддама в ее стремлении обеспечить мир и безопасность границ в соответствии с резолюциями ООН.

Мы также предлагаем помощь в организации свидетельских показаний о военных преступлениях Саддама. Имеется огромное количество обвинительных документов, которые предстанут перед международным трибуналом.

Мы поможем оппозиции провести в жизнь резолюции ООН, такие как резолюция № 688 о соблюдении прав человека и по справедливому распределению продуктов и других гуманитарных товаров по программе «Нефть за продовольствие».

Мы также готовим проект послания оппозиции через «Радио свободы Ирака». К сожалению, все эти проекты являются краткосрочными, но они демонстрируют жизнеспособность альтернативы жесткому и разрушительному режиму Саддама Хусейна.

Второй вывод, который вытекает из наших решений, это то, что Саддам должен подчиниться резолюциям СБ ООН, что маловероятно, и что санкции, вероятно, сохранятся в будущем. Пока эти санкции направлены на режим Ирака, а не на народ, международная общественность найдет эффективные пути обеспечения нужд иракского народа. По этой причине мы поддержали расширение программы ООН «Нефть за продовольствие», включая реконструкцию нефтяной инфраструктуры Ирака, чтобы дать возможность экспортировать максимальное количество нефти, разрешаемое резолюциями СБ. Положительно то, что эта программа работает и будет улучшать участь иракского народа до тех пор, пока не падет груз правления Саддама.

Мой первый заместитель только что вернулся из северного Ирака, где он видел и слышал из первых уст, что программа работает. Многие из людей, с которыми он беседовал, говорили, что они сейчас получили больше пользы от благосостояния своей страны, чем они получали бы, если Саддам приобрел контроль над торговым доходом Ирака. Понятно, что они заинтересованы в продолжении программы «Нефть за продовольствие».

Саддам жаловался, что эта программа направлена против снятия санкций и не удивительно, что он искажал правду, что программа предназначена для подрыва его режима, в то же время заверяя народ в том, что тот должен пережить ограбление своего правителя. Санкции и «Нефть за продовольствие» – два пути к одной цели: Ирак может вернуть свое справедливое место в международном обществе как мирное государство со своими соседями, своим географическим положением, ресурсами и энергичным народом.

Иран

Сосед Ирака на Востоке – страна в переходном периоде. Выбрав в прошлом году Мухаммада Хатами президентом и продолжая восторженно поддерживать его, иранский народ, особенно молодежь, выразил свое стремление к переменам. Но не совсем ясно как быстро желание народа будет исполняться. Консервативные силы продолжают контролировать ключевые органы власти в иранском правительстве и остаются труднопреодолимым препятствием на пути реформ, которые президент Хатами хочет осуществить.

Госсекретарь США в своем недавнем обращении к Азиатскому обществу пояснила, что нам хотелось бы увидеть, что перемены, которые иранский народ требует, происходят. И пока есть области в иранской политике, имеющие значение для нас, мы можем сказать, что в рамках параллельных шагов, предпринятых на взаимной основе, возможно добиться доверия и преодолеть непонимание, и таким образом разработать схему улучшения отношений.

С нашей стороны, мы продолжаем готовиться к официальному диалогу с иранским правительством. Недавние иранские действия, такие как

испытания баллистической ракеты средней дальности и прискорбная казнь иранского гражданина бехаиста означают, что у нас есть о чем поговорить. Конечно, Иран публично высказал, что у него также есть проблемы, которых надо коснуться, а мы также готовы обсудить их. Недавние иранские действия в таких областях как контроль над наркотиками, ситуация в Афганистане и в отношениях со своими арабскими соседями по Заливу продемонстрировали, что Иран может, когда он хочет этого, оказать позитивное влияние в своем регионе. Но его разработка оружия массового уничтожения и поставка систем, также как и продолжающаяся поддержка террористических организаций напоминает нам о возможности Ирана угрожать нашим интересам в регионе.

По этим причинам санкции Соединенных Штатов на Иран остаются в силе, и мы работаем с другими странами, чтобы затормозить программу развития иранского оружия массового поражения. Недавно мы успешно провели переговоры с Россией и будем продолжать сотрудничество, чтобы не допускать Иран к технологии ракет и оружия массового поражения. В свете недавних событий эти усилия являются безотлагательными.

Ливия

Наиболее заметные изменения, которые должны произойти, касаются и Ливии. В течение долгого времени жертвами взрыва Пан Ам 103 и членам семей отказано в справедливости. Ливия под руководством Муаммара Каддафи отказалась представить перед американским или шотландским судом двух подозреваемых в деле. Десять лет спустя мы не можем представить обвиняемых правосудию. Возможность, которую мы сейчас рассматриваем, проста: переместить шотландский суд в другую страну, например в Нидерланды. Мы обсуждаем такую возможность и изыскиваем разрешение правовых сложностей. И пока мы не сделаем это, никакого решения возобновить эту идею не будет.

Наша основная линия та же: должно быть правосудие либо санкции по мандату ООН. Мы говорили представителям других стран, что если мы решим вести переговоры, то они не будут являться предметом сделки. Если Каддафи демонстрирует свое спокойствие, обманывая Арабскую лигу, что он передаст подозреваемых шотландскому суду в третьей стране, мы будем надеяться на усиление санкций.

Господин Председатель, этот моментальный снимок Ближнего Востока дает разнородную картину нашей позиции там. Саддам в силе, но пока в трудном положении. Мирный процесс идет, но исход его неопределенный. Изменения в Иране ожидаются позитивными, но борьба за власть и влияние продолжается. Что касается Ливии, то мы надеемся достичь справедливости для семей жертв Пан Ам 103 и готовы поддержать более жесткие санкции против Каддафи. Я хочу заверить вас, что при любой ситуации мы будем защищать свои интересы и интересы друзей.

Спасибо.

СОДЕРЖАНИЕ

А.И.АЛЕКСАНДРОВ ПОЛИТИКА СИРИИ: ДОЛГОВРЕМЕННАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ИЛИ ЗАТЯНУВШАЯСЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ?	3
В.Н.АХМЕДОВ РЕЖИМ И РЕЛИГИОЗНАЯ ОППОЗИЦИЯ В САР: НОВЫЙ ТУР ОТНОШЕНИЙ	12
В.И.ГУСАРОВ АРАБСКИЙ МИР НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ЛИДЕРЫ И АУТСАЙДЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	17
В.И.ГУСАРОВ ТУНИССКИЙ ВАРИАНТ ПЕРЕХОДА К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПЛЮРАЛИЗМУ	27
Л.Н.ЕРМАКОВА РОЛЬ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИИ АРАБСКОЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ	32
В.А.ИСАЕВ ПРОБЛЕМА ИНОСТРАННЫХ И ЧАСТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В СИРИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ	38
Т.А.КАРАСОВА НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ИЗРАИЛЯ	52
Н.Г.КИРЕЕВ СВЕТСКОСТЬ ИЛИ ШАРИАТ: РАСКОЛ В ТУРЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА	63
В.В.КУНАКОВ ТУРЕЦКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОЗМОЖНОСТЬ ВСТУПЛЕНИЯ ТУРЦИИ В ЕВРОСОЮЗ	133
В.И.САЖИН ИРАН ПРОТИВ ТАЛИБОВ. НОВАЯ ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ?	143

М.А.Сапронова	
ГЕНЕРАЛ ЛАМИН ЗЕРУАЛЬ: В НАЧАЛЕ ТРУДНОГО ПУТИ	157
Е.Я.Сатановский	
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ИРАКА, ИРАНА И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА	177
А.В.Смирнов	
ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ КРИЗИСА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ	182
Н.Ю.Ульченко	
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТУРЦИИ И ИЗРАИЛЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	204
Н.Ю.Ульченко	
РОССИЯ И ТУРЦИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ «ЧЕЛНОЧНОЙ» ТОРГОВЛИ	217
В.А.Ушаков	
ИРАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАКАНУНЕ XXI-ГО ВЕКА	226
В.А.Ушаков	
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИРАНОМ И США	246
А.О.Филоник	
ОПУСТЫНИВАНИЕ В АРАБСКОМ МИРЕ: СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ	259
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Мартин С. Индик	
ДИНАМИКА СОБЫТИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ	273

CONTENTS

A.ALEKSANDROV SYRIAN POLICY: LONG-TERM STABILITY OR PROTRACTED UNCERTAINTY?	3
V.AHMEDOV THE REGIME AND RELIGIOUS OPPOSITION IN SYRIA: NEW ROUND OF RELATIONS	12
V.GUSAROV THE ARAB WORLD ON THE EDGE OF TWO CENTURIES: LEADERS AND OUTSIDERS IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT	17
V.GUSAROV TUNISIAN VERSION OF TRANSFER TO THE POLITICAL PLURALISM	27
L.ERMAKOVA ROLE OF PRIVATE CAPITAL IN THE DEVELOPMENT OF THE ARAB ELECTRIC POWER POTENTIAL	32
V.ISAEV FOREIGN AND PRIVATE INVESTMENTS IN SYRIAN ECONOMY	38
T.KARASOVA SOME SPECIFIC FEATURES OF THE POLITICAL DEVELOPMENTS IN CONTEMPORARY ISRAEL	52
N.KIREEV SECULARITY OR SHARIA: THE SPLIT IN THE TURKISH SOCIETY AT THE THRESHOLD OF THE XXI-st CENTURY	63
V.KUNAKOV TURKISH-GERMAN RELATIONS AND HOW THEY CAN IMPACT THE TURKEY'S STRIVE TO JOIN EC	133
V.SAZHIN IRAN AGAINST TALIBANS: NEW WAR IN AFGHANISTAN?	143
M.SAPRONOVA GENERAL LAMIN ZERUAL: AT THE BEGINNING OF THE HARD WAY	157

E.SATANOVSKY	
RUSSIAN POLICY TOWARDS IRAQ, IRAN AND THE MIDDLE EAST	177
A.SMIRNOV	
EVOLUTION IN THE UN SECURITY COUNCIL ACTIVITY UNDER THE IMPACT OF THE PERSIAN GULF CRISIS	182
N.ULTCHENCO	
TRADE AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN TURKEY AND ISRAEL: CURRENT DEVELOPMENTS AND PERSPECTIVES	204
N.ULTCHENCO	
RUSSIA AND TURKEY: THE RISE, DEVELOPMENT AND PERSPECTIVES FOR THE "SHUTTLE" TRADE	217
V.USHA KOV	
FOREIGN POLICY OF IRAN AT THE THRESHOLD OF THE XXI-st CENTURY	226
V.USHA KOV	
ON THE POSSIBILITY OF RESTORING RELATIONS BETWEEN IRAN AND THE UNITED STATES	246
A.FILONIK	
DESERTIFICATION IN THE ARAB WORLD: OLD CHALLENGES IN CHANGING CONDITIONS	259
SUPPLEMENT	
MARTIN S. INDYK	
DEVELOPMENTS IN THE MIDDLE EAST	273

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

1. **Абу–Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
2. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
3. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
4. **Д.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского залива".
5. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
6. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
7. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго–Западная и Юго–Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
8. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
9. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.2.

1997 г.

1. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
2. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
3. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
4. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
5. "Сирийская Арабская Республика".
6. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
7. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.4.

1998 г.

1. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
2. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
3. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель) ".
4. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
5. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно–экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
6. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.5.
7. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".
8. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
9. "Современная Саудовская Аравия".
10. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо–израильский конфликт".
11. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

1999 г.

1. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF
ISRAELI AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
(In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

1. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
2. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
3. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
4. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**
5. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
6. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev** and **A.Fedorchenko**
7. "Water resources in the South West and South East Asia " by **A.Filonik** and **N.Rogozhina**
8. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
9. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

1. "United Arab Emirates" by **A.Egorin** and **V.Isaev**
2. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
3. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
4. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
5. "The Syrian Arab Republic"

6. "The Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
7. "The contemporary Middle East " № 4, (collection of essays)

1998

1. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
2. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
3. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A. Fedorchenko**
4. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
5. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov** and **A.Chavushian**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
6. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
7. "Actual Problems of the Middle East"
8. "Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
9. "The contemporary Saudi Arabia"
10. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K. Khamzin**
11. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria** and **A.Jakovlev**

1999

1. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences